

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2009 Issue 28

Editorial Council

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Igor V. NARSKIJ
South-Ural State University,
Cheljabinsk

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of Universal History RAS

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Jefim I. PIVOVAR
The Russian State University
for the Humanities

Vera P. BUDANOVA
Institute of Universal History RAS

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Tamara A. BULYGINA
Stavropol State University

Marina F. RUMJANTSEVA
The Russian State University
for the Humanities

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Irina M. SAVELIEVA
State University — Higher School
of Economics

Igor N. DANILEVSKY
Institute of Universal History RAS

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University

Galina I. ZVEREVA
The Russian State University
for the Humanities

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Viktoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Boris G. MOGILNITSKIJ
Tomsk State University

Nina A. KHACHATURIAN
Moscow State University

German P. MYAGKOV
Kazan State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2009 Выпуск 28

Редакционный совет

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико	И. В. НАРСКИЙ
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск
М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН	В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН
Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории	Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет
В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН	Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ
Т. А. БУЛЫГИНА
Ставропольский
государственный университет	М. Ф. РУМЯНЦЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет
П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН	И. М. САВЕЛЬЕВА
Государственный Университет —
Высшая школа экономики
И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ
Институт всеобщей истории РАН	А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет	Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция
В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет	В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России
Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Томский государственный университет	Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет
Г. П. МЯГКОВ
Казанский государственный университет	Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

Главный редактор
Л. П. РЕПИНА
Заместитель главного редактора
М. С. ПЕТРОВА

Члены редакционной коллегии

М. С. БОБКОВА, И. В. ВЕДЮШКИНА, Е. А. ВИШЛЕНКОВА,
В. В. ЗВЕРЕВА, И. Н. ИОНОВ, С. Я. КАРП, М. С. КИСЕЛЕВА,
С. И. МАЛОВИЧКО, А. Ю. СЕРЕГИНА (отв. секретарь), С. А. ЭКШТУТ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 28.
М.:, КРАСАНД, 2009. — 400 с.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 28.
Moscow: KRASAND, 2009. — 400 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Адрес редакции:
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91

Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialtime@gmail.com

Бригадир выпуска — О. В. Воробьева, М. М. Горелов

Издательство «КРАСАНД».
121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.
Формат 60×90/16. Тираж 600 экз. Печ. л. 25. Зак. №

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISSN 2073-7564

© Общество интеллектуальной истории, 2009
© Институт всеобщей истории РАН, 2009
© Журнал «Диалог со временем», 2009
© КРАСАНД, 2009

7578 ID 105758

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Б. Г. Могильницкий

«АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В СВЕТЕ АНТИТЕЗЫ МАКРО- И МИКРОИСТОРИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

При всем многообразии способов истолкования первопричин движения истории в философско-исторических исследованиях отчетливо выделяются два главных подхода: макро- и микроисторический. Первый из них являл собою магистральную линию историописания вплоть до последней трети прошедшего столетия. Выступая в разных обликах, он выражал доминирующие представления об определяющих факторах и движущих силах исторического развития. В различные эпохи и в разных социально-идеологических координатах они понимались по-разному — от божественного предопределения до диалектики производительных сил и производственных отношений. Но всегда образ истории рисовался крупными мазками, запечатлявшими ее целеположенное движение к финалу, будь то второе пришествие Христа, Царство Разума, коммунистическое общество или любое другое априорно провозглашаемое состояние.

В свете современного научного знания к такому подходу можно и должно предъявлять серьезные претензии. Несомненно, однако, что ему присущ значительный эвристический потенциал, что демонстрирует, начиная с Геродота, вся история нашей дисциплины. Его наиболее весомые результаты были достигнуты в «историческом» XIX веке — столетии великих социально-философских теорий и замечательных, ставших классическими, исторических трудов. Философские системы Гегеля и Маркса, Сен-Симона и Конта заложили фундамент научного осмысления всемирной, но прежде всего европейской истории. В их рамках слагались основания двух наиболее известных моделей объяснения истории — цивилизационной и фор-

мационной, нашедших блистательную конкретизацию в трудах кофеев исторической науки XIX века.

Достаточно вспомнить только некоторые из них, чтобы в самих их заголовках разглядеть генеральное направление интенции исторической мысли этого столетия. Это «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции» Ф. Гизо, «О демократии в Америке» и «Старый порядок и революция» А. де Токвиля, «История XVIII столетия» и «Всемирная история» Ф. К. Шлоссера, «Всемирная история» К. фон Роттека и «История романских и германских народов» Л. фон Ранке, «История цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля и «Краткая история английского народа» Дж. Р. Грина, «Происхождение современной Франции» И. Тэна, «Римская история» Т. Моммзена и «История эллинизма» Г. Дройзена, «Villainage in England» П. Г. Виноградова и «Очерки из истории средневекового общества и государства» Д. М. Петрушевского, «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» М. М. Ковалевского и «История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений)» Н. И. Кареева, «История государства Российского» Н. М. Карамзина и обобщающие капитальные труды С. М. Соловьева и в. О. Ключевского... Перечень этот легко продолжить.

Макроисторические исследования создавались и в XX веке. Назову из наиболее известных «Закат Европы» О. Шпенглера, «Постижение истории» А. Дж. Тойнби, «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» Ф. Броделя, а в отечественной историографии — «Исследования по аграрной истории Англии XII в.» Е. А. Косминского и «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.» А. И. Неусыхина, «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII в.» Б. Д. Грекова. Однако, при всей научной значимости таких произведений, они не сделали погоды в историографическом процессе минувшего столетия. Некоторые из них, изведавшие шумный успех при своем появлении, сравнительно быстро оказывались вне фарватера движения исторической мысли. Особенно драматична научная судьба Ф. Броделя. Его восторженно встреченная «Материальная цивилизация...», нареченная «эпопеей короля Броделя» еще при жизни автора стала объектом сокрушительной критики.

С другой стороны, в некоторых произведениях такого рода явно обнаружилась тенденция к парадигмальному разрыву с доминировавшим в XIX в. пониманием единства человеческой истории. В отечественной историографии она нашла выражение в попытках исключения России из действия закономерностей, управляющих движением мировой истории. В книгах А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» и В. П. Булдакова «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» с разных идейных позиций обосновывается положение о чужеродности западной модернизации российской истории с ее социопатологическим характером, выражающимся в разрушительных циклах, которые обрекают страну на бесконечное движение по замкнутому кругу, сопровождающееся яростными всплесками дикого насилия и кровавыми смутами, и закрепляют ее отставание от Запада. Более того, по убеждению Ахиезера, «Россия — кризисная точка мировой истории», застрявшая между двумя суперцивилизациями, традиционной и либеральной, и в силу этого своего расколотого состояния и чудовищного внутреннего напряжения может представлять для человечества смертельную угрозу», ибо «расколотая страна, попавшая в положение «застрявшей», может стать похожей на атомную бомбу, где от соединения две части заряда предохраняет некоторая прокладка. Ее нарушение создает необходимую для взрыва критическую массу»¹.

Вместе с тем, в каждой из названных книг имеется немало глубоких наблюдений о своеобразии российского историографического процесса, окрашенном активным присутствием архаического сознания и даже усилением его значимости в течение всего XX в., включая постсоветский период. «Возвращение в мировую цивилизацию», — констатирует В. П. Булдаков, — в очередной раз обернулось реанимацией социокультурной архаики вплоть до оргиастичности»². Октябрьская революция и деятельность ее вождей рассматривается как органическое звено этого процесса, его важнейший узел. С неподражаемым сарказмом В. П. Булдаков бичует «тараканьи» попытки вчерашних «верных ленинцев» исключить открывающийся

¹ См.: Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 767-768.

² Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 365.

ею советский период из российской истории, их «шизоидные усилия по законодательной отмене «нелигитимного» советского периода истории России, сравнимые, разве что с пещерными страхами перед всемогуществом мондиалистских «жидомасонских» сил»³.

Представляет самостоятельный интерес рассматриваемая в этом ракурсе проблема взаимоотношения народа и власти, получившая наиболее обстоятельное освещение в цитированной книге А. С. Ахиезера. В противовес тезису «народы не отвечают за своих вождей» он настаивает: «народ всегда ответственен за власть, даже тогда, когда он этого и не знает, но когда он каждый день в своей деятельности воспроизводит ее в своем поведении, выполняет ее распоряжения, снабжает ресурсами». Автор справедливо указывает на социальную опасность отрицания такой ответственности. «Культивировать идею безответственности народа за деятельность власти, — подчеркивает он, — значит культивировать старый обанкротившийся опыт истории... сохранить историческую инерцию, вести дело к новым поискам «виноватых», новым погромам, массовым избиениям «врагов», новым катастрофам»⁴. Новый поворот этой проблеме придал В. П. Булдаков, показав скрывающиеся в ее изучении прогностические возможности. В обстановке ельцинской вседозволенности он смог предсказать нарастание принудительно-репрессивных начал в политике государственной власти: «Сегодня исторически неизбежно усиление репрессивности, связанной с невероятно высокой степенью свободы самой власти в выборе ее форм»⁵.

И все же предлагаемое нашими авторами концептуальное объяснение своеобразия российской истории в целом нельзя признать удачным. В первую очередь, вследствие ее противопоставления истории Запада. Между тем ко времени выхода их книг и в отечественной, и в зарубежной историографии широко артикулировались представления о единстве мировой истории.

Обобщая эти представления, Н. В. Щербань справедливо замечала: «Нельзя понять истории советской и постсоветской России без учета мировых реалий и тенденций многовекового развития челове-

³ Там же. С. 307-308.

⁴ Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 795.

⁵ Булдаков В. П. Указ. соч. С. 373.

ческого общества, а заодно и достижений мировой науки»⁶. В подтверждение этому она ссылается на мнения ряда авторитетных зарубежных ученых. Приведу некоторые из них, имеющие непосредственное отношение к нашей теме. «Многие черты современного социализма, — пишет американский историк Д. Хофман, — были частью общих европейских тенденций к рационализации, государственному вмешательству и массовой мобилизации... В идеале советская история должна быть помещена в международный контекст», чтобы высветить «как особые, так и более универсальные аспекты советской системы». Американский социолог Б. Андерсон расценивает советский период как поиск «прообраза модели будущего» на принципиально новых основаниях⁷.

Принципиально важный аспект рассматриваемой проблемы поднимает английский исследователь П. Дьюкс, указывающий на значение для ее изучения междисциплинарного подхода. Для того, чтобы понять Русскую революцию, подчеркивает он, «мы должны встать на позиции, более подходящие глобальным реалиям конца 90-х гг. с их императивным постулатом о взаимосвязанности человечества»⁸. Эта взаимосвязанность требует комплементарного привлечения различных исследовательских стратегий для интерпретации узловых событий мировой истории.

Под таким углом зрения П. Дьюкс обращается к возможностям психоаналитического изучения революции. «Можно ли соединить психоанализ с диалектическим материализмом, — задается он вопросом, — исследование личности с изучением общества?» Одною лишь Фрейда, предостерегает он, недостаточно для понимания роли личности в истории, тем более что его учение нередко понимается весьма поверхностно. Вслед за другим британским автором, П. Чеем он пишет, что Фрейд «никогда не опускался в сточные воды человеческой природы для самозабвенного барахтанья в их содержимом». С другой стороны, эти «воды», настаивает П. Дьюкс, «вовсе не со-

⁶ Щербань Н. В. Раздумья о недавнем прошлом: поиски новых подходов // Отечественная история. 2002. № 5. С. 101.

⁷ См.: Там же. С. 102-103.

⁸ Дьюкс П. Октябрь в людских умах: от Фрейда к междисциплинарному взгляду на русскую революцию // Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 64.

ставляли тот единственный поток, который определял общее течение Гражданской войны», и полагает желательным призвать на помощь иные психоаналитические подходы, в частности, концепцию «бессознательного» К. Юнга. В плане расширения возможностей междисциплинарного изучения революции заслуживает внимания постулат П. Дьюкса о необходимости обращения для осмысления хаоса российской революционности к теории Эйнштейна. Замечая, что ранние оценки революции осуществлялись в рамках вульгарных космологических парадигм, до-ньютоновских и ньютоновских, он указывает, что для ее адекватного понимания следовало бы учитывать «феномен изменения человеческих представлений о времени»⁹.

Такого системного подхода к изучению революции явно недостает отечественной историографии, нередко даже в тех случаях, когда исследователь обогащает свой познавательный инструментарий за счет понятийного аппарата других наук. Пример тому — В. П. Булдаков, застрявший в «сточных водах человеческой природы» и самозабвенно барахтающийся там, выстраивая свою концепцию российской истории. Вследствие этого он не только не смог воспользоваться возможностями психоанализа в историческом исследовании, но по существу дискредитировал его как научную методологию, возведя в абсолют заведомо устаревшие фрейдистские установки. Но таким образом дискредитируется и сам макроисторический подход, утрачивающий свою сокровенную суть — системность. Макроисторическая цель просто иллюстрируется большим или меньшим количеством соответствующим образом подобранных примеров, не несущих с собою нового знания.

Между тем доминировавшие в XIX в. макроисторические приоритеты как раз ориентировались на системное изучение прошлого, базируясь на твердой уверенности в возможности его рационального познания, в его концептуальных основах, даже при отсутствии в распоряжении исследователя всей совокупности конкретных исторических фактов. «В истории человечества, — утверждал в одном из своих писем Ф. Гизо, — есть для меня пробелы, огромные пробелы, но тайн для меня нет. Я многого не знаю, миллионы событий мне не

⁹ См.: Там же. С. 61-63.

известны, но ни одно меня не удивляет»¹⁰. Примерно то же самое, очевидно, могли бы сказать многие другие выдающиеся историки XIX века. Системный макроисторический подход преобразовал историописание. С ним были связаны его профессионализация и институализация, превращение истории в университетскую дисциплину, ведающую самостоятельной отраслью научного знания. В качестве господствующего способа исторического познания утверждается принцип историзма, соединяющего изучение прошлого с пониманием настоящего и предвидением будущего.

Но здесь-то раньше и ярче всего обнаружилась обратная сторона гипертрофии макроисторического подхода, исключавшая обращение к микроанализу как самостоятельной ветви исторического познания, способной давать новое знание о прошлом. Ибо событиям принадлежала сугубо вспомогательная роль заполнения многочисленных пробелов в реконструируемой исследователем картине мира. Причем, пробелы эти умножались, поскольку отсутствовало понимание необходимости осмысления прошлого на разных уровнях, не только макроисторическом, но и эмпирическом. Поэтому упрощалось общее видение исторического процесса, а присущий социально-философской и исторической мысли XIX в. эпистемологический оптимизм приобретал некий исторически не подкрепленный поверхностный налет, будучи чисто логической конструкцией: историческая перспектива выступала прямолинейной проекцией прошлого и настоящего на будущее. Однако даже ближайшее будущее зачастую оказывалось далеко не таким радужным, каким оно рисовалось в координатах макроподхода. Поучительный пример тому — творческий кризис французской историографии периода Реставрации. Революция 1848 года перечеркнула ее макроисторически обосновываемую уверенность в близком торжестве единого третьего сословия как выразителя общенациональных интересов. На исторической арене появилось спутавшее все карты «четвертое сословие», громко заявившее о своих социальных претензиях.

Несколько позднее та же участь постигла классический марксизм. У истоков его кризиса в конце XIX – начале XX вв. лежал все тот же макроисторический подход, порождавший исторически не

¹⁰ Цит. по: *Далин В. М.* Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 19-20.

обоснованную чрезмерно оптимистическую интерпретацию исторического процесса, воплощенную в известной марксовой «пятичленке». Ее венчал предпринятый в «Капитале» анализ исторических судеб капитализма, завершившийся знаменитым прогнозом: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹¹. Увы, этот прогноз оказался плохо совместимым с действительной историей капитализма.

Отмечу еще одну характерную черту распространенного в XIX в. макроисторического видения. Его приверженцы сочетали веру в предопределенность истории с убеждением в способности человека к историческому творчеству. Кажущаяся парадоксальность такого сочетания, однако, легко объяснима. Ибо творческой способностью обладают только те личности, чья деятельность подчинена не зависящим от них законам общественного развития и является, по словам Гегеля, «тяжелой недобровольной работой, направленной против самого себя». Они «доверенные лица всемирного духа», понимающие то, что своевременно, и осуществляющие это в своей деятельности¹². Если у Гегеля речь идет о всемирно-исторических личностях, «героях», то исторические произведения Маркса и Энгельса обильно заселены обычными персонажами: участниками и деятелями Крестьянской войны в Германии и революции 1848 года во Франции, Парижской Коммуны и других значительных событий, происходивших в разное время в Западной Европе и США. Но все они выполняют определенные функции, вытекающие из их сословного или классового положения, и, как и гегелевские «герои», действуют в силовом поле, индуцированном абстрактно-надличностными сущностями. Поэтому люди могут ускорять или замедлять историческое движение, но его направление задается не ими.

В дальнейшем этот парадигмальный принцип претерпевает существенные изменения. Оставаясь в своей основе линейно-прогрессивистским, макроподход утрачивает ранее присущие ему черты предопределенности и финализма. Значительную роль в его эволюции сыграли теоретико-методологические поиски и исследовательская практика историков школы «Анналов». Убежденные приверженцы теории исторического прогресса, «анналисты» сопрягали

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 773.

¹² Гегель Г. В. Философия истории // Соч. Т. VIII. М.-Л., 1935. С. 29-30.

с нею уверенность в том, что подлинными творцами истории являются люди, определяющие ее движение в многообразных формах своей деятельности. Знаменитое блоковское уподобление историка сказочному людоеду, ожидающему добычу там, где пахнет человечесиной, стало своего рода девизом школы «Анналов». Называя историю наукой о времени¹³, «анналисты» полагали, что ее подлинным и единственным предметом являются люди — творцы всех социальных, политических, религиозных и иных учреждений, правовых норм и экономических отношений.

Отсюда провозглашалась необходимость системного изучения человека во всех его ипостасях как существа многомерного, иначе, разъятый на части, он погибнет. «Человек в нашем понимании, — характеризовал Л. Февр существо исторической концепции «Анналов», — является средоточием всех присущих ему видов деятельности, историку позволительно с особым интересом относиться к одному из этих видов, скажем к деятельности экономической. Но при единственном условии: нельзя забывать, что любой из этих видов всегда затрагивает целиком этого человека — в рамках обществ, созданных им самим». Этому многомерному существу Л. Февр находит точный эпитет: «социальный», который, пишет он, «лишний раз напоминает нам, что предмет наших исследований — не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является»¹⁴.

Такое понимание предмета истории оставляло определенный простор для изучения исторических событий и необходимого для этой цели микроанализа. Ведь такими событиями и явлениями и маркируется человеческая деятельность на ее повседневном уровне. В методологическом плане необходимость изучения исторических событий и явлений особо подчеркивал Ф. Бродель. Певец *la longue durée*, времени длительной протяженности, которое он образно называл «большими и пологими холмами времени», он, однако, писал: «История — это и мелкая пыль событий, индивидуальных жизней, тесно между собой переплетенных, иногда освобождающихся на

¹³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., дополн. М., 1986. С. 18.

¹⁴ Февр Л. Бой за историю. М., 1991. С. 26-27.

мгновение, как будто рвутся великие цепи». Таким образом, «история — это изображение картины жизни во всех ее проявлениях. Это не «избранное»¹⁵. В таком определении событий присутствует некоторое пренебрежительное отношение к ним, да и сам Бродель признавал, что в своем творческом процессе, переходя к событиям, он начинал от них уставать. Тем не менее, они находили свое место в его историографической практике, а в книге «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» им была посвящена ее заключительная, 3-я часть «События. Политика. Люди».

Благодаря этому возникала потребность обращения к микроанализу, который включался в общую палитру исследовательских методов, используемых в макроисторическом синтезе. Собственно, вся историко-социологическая концепция глобальной/тотальной истории основана на тщательном микроанализе множества отдельных сюжетов, составляющих в совокупности эту историю. Разъясняя свою позицию, Бродель писал: «...Круги большого радиуса обычно соответствуют “большой истории”, торговле на далекие расстояния, сети национальных или городских экономик. Когда же сужаете наблюдаемое время до мелких промежутков, то получается либо какое-то событие, либо какой-то факт. Событие должно быть уникально и полагать себя единственным; какой-либо факт повторяется и, повторяясь, обретает всеобщий характер, еще лучше, становится структурой. Он распространяется на всех уровнях общества, характеризует его образ существования и образ действий, бесконечно их увековечивая. Иной раз бывает достаточно нескольких забавных историй для того, чтобы разом высветить и показать образ жизни»¹⁶.

Приведенный ход рассуждений помещен в первом томе «Материальной цивилизации...». Но он имеет общеметодологическое значение, характеризуя стиль работы автора. Микроанализ вплетается в ткань широкого макроисторического полотна, делаясь неотъемлемым средством реконструкции глобальной перспективы истории человечества, придающим авторской концепции особую убедительность. Творец донныне непревзойденной по своей масштабности

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 186.

¹⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 39.

«глобальной истории» одновременно предстает перед ее читателями тонким мастером микроанализа, органически включающим единичное в общую модель, объясняющую движение человеческой истории. Посмотрим, с каким мастерством это осуществляется.

Начнем с имеющих нередко казусный характер «забавных историй». Вот одна из них. Характеризуя отсутствие чистоплотности даже в высшем европейском обществе в начале XVIII в., Ф. Бродель приводит слова некоей знатной и очень красивой дамы, которая в ответ на замечание своего собеседника относительно сомнительной чистоты ее рук возмущенно воскликнула: «Чтобы он сказал, если бы увидел мои ноги»¹⁷. Книга Броделя переполнена такими «забавными историями». Но они попадают в поле зрения автора не вследствие своей курьезности, а потому, что позволяют увидеть за единичным общее, закономерное. В нашем случае это реконструкция наряду с другими данными одной из структур повседневной жизни докапиталистического общества. Иначе говоря, исследовательский интерес привлекают такие единичные факты, которые возможно генерализировать, включив в макроисторическую перспективу.

Мастер исторической детали, Ф. Бродель обладал редким даром проникновения в описываемый им мир с такой глубиной и доскональностью, что он на глазах читателей оживал, переливаясь всеми красками, благодаря чему они ощущали этот мир в его многообразных неповторимых явлениях, а иногда даже могли и услышать его. Эта черта исследовательской манеры ученого наиболее явственно прослеживается в его реконструкции «игр обмена», когда шум рынков непосредственно достигает наших ушей: «Право же, без всякой похвальбы я могу увидеть купцов-негоциантов и перекупщиков на площади Риальто в Венеции около 1530 г. из того же окна дома Аретино, который с удовольствием ежедневно созерцал это зрелище. Могу выйти на амстердамскую биржу 1688 г. и даже более раннюю и не затеряться там — я едва не сказал: играть на ней, и не слишком бы при этом ошибся»¹⁸. Эта яркость впечатлений от увиденного и услышанного, не оставаясь достоянием автора, передается его читателям, повышает в их глазах убедительность всей его концепции.

¹⁷ Там же. С. 353.

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 11.

Броделевский опыт является вершиной достигнутого «Анналами» сочетания в историческом исследовании макро- и микроподходов. Приходится, однако, констатировать определенную ограниченность получаемых при этом результатов, вытекающую из фундаментальных посылок, на коих базируется вся «новая историческая наука». Речь, в частности, идет о прогрессистских постулатах, акцентирующих значение в историческом процессе сущностей. Единичное, как мы видели на примере «глобальной истории» Броделя, попадало в поле научных интересов «анналистов» лишь постольку, поскольку, помогало ярче и убедительнее изобразить несокрушимую поступь истории, идущую, несмотря на отдельные отклонения того или иного рода, к определенной цели. Цель же эта может быть осмыслена только в макроисторической перспективе. При всем значении детали, единичного, уникального, их изучение подчинялось высшей интенции — выявлению и обоснованию общих закономерностей («правильностей») исторического процесса.

Самостоятельное значение индивидуального и уникального как подлинного предмета исторической науки было обосновано в неокантианской философии истории, перенесшей центр тяжести исторического исследования с сущностей на явления. В ее рамках наиболее взвешенную оценку соотношения индивидуального и общего в истории представил М. Вебер в своем учении об идеальном типе. Основательно фундированное на конкретном историческом материале, оно продемонстрировало значительные эвристические возможности в обсуждении таких остро дискуссионных проблем, как, например, типология средневекового города или генезис современного европейского капитализма. Принципиально иную трактовку получала проблема макро- и микроподходов в изучении истории, став равно далекою как от их противопоставления, так и от абсолютизации получаемого каждым из них научного знания.

Здесь мы подходим к ключевому вопросу, определяющему природу исторического процесса: что лежит в его основании — свободная воля людей или не зависящие от нее силы? Веберовский идеальный тип во многом снимал эту антиномию, обосновывая положение о том, что исторические персонажи в своем сознании и поведении способны так или иначе изменить то силовое поле, в коем они находятся. Ибо закономерность исторического процесса не разумеет

его предопределенность. По своей природе она является объективно-субъективной, будучи сложным продуктом взаимопереплетения объективных обстоятельств, в которых происходит деятельность людей, и самой этой деятельности, нарушающей «нормальный ход истории». И соответственно, требует такого же, нацеленного на достижение объективно-субъективной истины, изучения.

Под таким углом зрения М. Вебер рассматривает возникновение современного европейского капитализма. В его трактовке, это результат стечения разнопорядковых процессов в различных сферах жизни европейского общества, приведших в конечном итоге к возникновению, по его терминологии, буржуазного промышленного капитализма. В их числе Вебер уделяет специальное внимание Реформации, но не потому, что усматривает в религии главную причину капитализации Европы. Религия для него лишь один из факторов, действовавших в таком направлении. Он решительно отвергает «нелепый доктринерский тезис, будто “капиталистический дух”... мог возникнуть *только* в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм как *хозяйственная система* является продуктом Реформации»¹⁹. Эта многофакторность отражается в сконструированном им идеально-типическом образе Реформации, раскрывающем роль личностного начала в трансформации европейского мышления, которая повлекла за собою утверждение «капиталистического духа» как маркера новоевропейского капитализма. Внимание Вебера фокусируется на социально-религиозных воззрениях родоначальников европейского протестантизма, особенно Ж. Кальвина. В его изображении эти воззрения органически связаны с социально-экономическими реалиями, но никак ими нацело не определяются. Природа веберовского идеального типа, акцентирующего двуединую суть как исторического процесса, так и способов его познания, в равной мере учитывает и его объективно-сущностную, и субъективно-личностную составляющие, следствием чего является субъективизация исторической истины. Это, конечно, относится не только к интерпретации генезиса капитализма.

Историческая истина всегда конкретна и относительна. Создавая идеально-типическую модель того или иного фрагмента прошлого,

¹⁹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 106.

исследователь релятивирует свое видение его в соответствии с доминирующими в его время общими социально-философскими и историко-эпистемологическими представлениями, а также не в меньшей мере, в силу своих личностных предпочтений и пристрастий. Поэтому реконструкция прошлого всегда включает в себя элемент его конструирования. На микроуровне это выражается в подборе исторических фактов и их интерпретации. Эти две взаимосвязанные операции осуществляются каждым историком соответственно его приоритетам и поэтому несут на себе неустрашимую печать субъективизма.

Проблему субъективности исторического познания следует включать также в более широкий, макроисторический контекст. История и власть. История и общество. Историк в системе социально-политических отношений своего времени... Трудно отыскать другие вопросы, которые бы столь четко фокусировали социальные функции нашей дисциплины. Со времени своего возникновения историописание тесно связано с жизнью, с удовлетворением специфическими средствами ее многообразных потребностей. Рассматриваемая под этим углом зрения история исторической науки дает впечатляющую картину взаимовлияния истории и жизни. Эта известная истина получила в XX в. новое измерение, акцентирующее социальную ответственность историка, что, в свою очередь, нуждается в методологической рефлексии. Представляется, в частности, уместным расширение методологического инструментария нашей науки за счет категории «социальная ответственность историка»²⁰. Многообразен круг охватываемых ею проблем. Социальная ответственность не может сводиться к выполнению «социального заказа». В определенном смысле историк должен идти впереди общества, включая в общеисторическую перспективу общественные ожидания и обосновывая таким образом выявление оптимальной тенденции дальнейшего развития. Ибо эффективность выбора во многом зависит от разностороннего осмысления исторического опыта, учитывающего социально-культурное своеобразие данного социума, сформировавшееся в процессе его длительной исторической эволюции.

²⁰ См.: Могильницкий Б. Г. Социальная ответственность историка как методологическая категория (К постановке вопроса) // *Clio Moderna*. Альманах зарубежной истории и историографии. Вып. 7. Казань, 2009.

Поистине безгранична, говоря словами Э. Ле Руа Ладюри, «территория историка». Необъятен круг социально востребованных профессиональных занятий исследователей — вплоть до деятельного участия в формировании общественного сознания и определения в среднесрочной перспективе основных векторов государственной политики. Эффективное выполнение этих обязательств предполагает не только профессионализм историка, сопряженный с неукоснительным соблюдением присущих профессии морально-этических норм, но и пристальное внимание к теоретико-методологическим проблемам продуцирования исторического знания. Рассматриваемая в этом регистре, категория социальной ответственности историка раскрывает свой богатый методологический потенциал, способствуя лучшему пониманию субъективного начала в историческом познании и, одновременно, поиску его действенных ограничителей для того, чтобы это познание оставалось научным.

В числе этих последних французский философ П. Рикёр прежде всего указывает на внутренний контроль историка, высшим выражением чего является его «интенция — стремление к правдивости», закрепленная в негласном договоре с читателем, ждущем от него не вымысла, а «правдивого рассказа»²¹. Иначе говоря, субъективность, подавляется субъективностью же, имеющей выраженное гражданственное звучание. Получаемые таким способом результаты должны находиться в поле научного знания и верифицироваться научными же средствами. Здесь проходит демаркационная линия, разделяющая научное историческое познание и постмодернистское «уничтожение истории»²². Она же отделяет социальную эффективность исторического знания от псевдонаучных спекуляций на любую злободневную тему, характерную для постмодернистской методологии, низводящей прошлую реальность до «референциальной иллюзии».

Своего рода «моментом истины», прояснившим, какие социально деструктивные последствия может породить эта методология, стал известный «спор историков» в ФРГ²³, вызвавший широкий

²¹ См.: Рикёр П. *Историописание и репрезентация прошлого*. Памяти Франсуа Фюре // *Анналы на рубеже веков: Антология*. М., 2002. С. 41, 23.

²² См. *Windschuttle K. The Killing of History*. New York, 1997.

²³ О нем см.: Черкасов Н. С. ФРГ: «спор историков» продолжается // *Новая и новейшая история*. 1990. № 1.

международный резонанс, в особенности в той его части, какая была посвящена так называемому окончательному решению «еврейского вопроса». Одним из его результатов стала, надо надеяться, окончательная дискредитация постмодернизма в общественном мнении. Объясняя, почему это произошло, П. Рикёр пишет: «От бесконечного и беспредметного спора с постмодернизмом историки перешли к вопросу опасному, но совершенно конкретному: как писать о Холокосте, о Шоа (эквивалент термину Холокост на иврите. — *Б. М.*), этом главном событии середины XX в.»²⁴.

Здесь-то и обнаружила свою несостоятельность постмодернистская методология, берущая под подозрение любой исторический нарратив и тем самым опасно сближающаяся с позицией тех, кто называет Холокост «официальной ложью». Имея в виду рассуждения постмодернистов о нарративной культуре, П. Рикёр подчеркивает, что «они оставляют без ответа главный вопрос, касающийся адекватности форм выражения такому предмету, как Шоа»²⁵.

Поставленный с такой остротой вопрос о социальной ответственности истории проливает новый свет на рассматриваемую проблему. П. Рикёр сопоставляет макро- и микроходы в интерпретации определенного события, Холокоста. Здесь в силу своей конкретности, взамен беспредметного спора с постмодернистами предпочтительней является микроанализ. Только благодаря ему интерпретация всякого исторического явления становится убедительной, при том, однако, условии, что оно рассматривается в макроисторической перспективе. Это, разумеется, относится не только к Холокосту.

Но вернемся к М. Веберу. Его теория и практика идеальнотипического моделирования означала прорыв в историческом мышлении, наметив осевые линии, связывающие изучение микро- и макромира. В реконструируемой немецким ученым картине движения истории базовым было понятие рациональности. Мир Вебера на всех его уровнях был рациональным. Поэтому строго рациональны были и пути его познания. Примечательна в этом отношении его концепция генезиса современного капитализма, обосновавшая рациональность новоевропейского капиталистического промышленного производства как его отличительную особенность. По Веберу, капита-

²⁴ Рикёр П. Указ. соч. С. 37.

²⁵ Там же. С. 38.

лизм как стремление к получению прибыли в рамках непрерывно действующего рационально организованного капиталистического предприятия, существовал уже в Древнем мире. Но только в Европе XVI века вследствие определенного стечения обстоятельств возникает современный промышленный капитализм, который противопоставляется автором другим его формам (авантюристической, торговой и т.д.) и характеризуется высокой степенью рациональности всей его организации: «Нас интересует возникновение буржуазного промышленного капитализма с его рациональной организацией *свободного труда*, а в культурно-историческом аспекте — возникновение западной буржуазии во всем ее своеобразии»²⁶.

Такая социально-производственная рациональность вписывается в обширное макроисторическое полотно, обнимающее все сферы жизни общества вплоть до изобретения двойной бухгалтерии и современного нотного письма. В числе этих сфер М. Вебер уделяет особое внимание протестантской религии. Он предпринимает макроориентированное сопоставление мировых религий и приходит к выводу, что наиболее адекватной формой для капиталистического производства является протестантизм, сумевший синтезировать присущие европейскому развитию рациональные начала. Вследствие этого исходной посылкой его исследования провозглашается обусловленность протестантской этикой «хозяйственного мышления», «этоса» капиталистической формы хозяйства.

С протестантской этикой Вебер связывает утверждение в Европе «духа капитализма», «того строя мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в *рамках своей профессии*»²⁷. Свидетельство тому он усматривает в кальвинистском учении о спасении, которое определяет как «мирскую аскезу», освящавшую буржуазное накопление капитала и включавшую в себя наряду со стремлением к накоплению богатств бережливость, осуждение иррациональной жадности к роскоши и наслаждениям и т.п. Только богатство, являющееся результатом рациональной профессиональной деятельности, есть Божье благословение, но «еще важнее, было другое: религиозная оценка неутомимого, постоянного, систематического мирского профессионального

²⁶ Вебер М. Избранные произведения. С. 53.

²⁷ Там же. С. 85.

труда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы здесь определили как «дух» капитализма»²⁸.

Столь же категоричен Вебер и в объяснении формирования класса наемных рабочих. Он пишет, что протестантская аскеза воспитывала трезвого, добросовестного, трудолюбивого рабочего, не только мирившегося с социально-экономическим неравенством, но и рассматривавшего свою деятельность как угодную Богу цель жизни, уподобляясь апостолам. «Совершенно очевидно, — заключает автор, — в какой сильной степени устремленность *исключительно* к тому, чтобы обрести спасение в загробной жизни посредством выполнения своих профессиональных обязанностей в качестве своего призвания, и строгая аскеза, которой церковь подчиняла в первую очередь, конечно, неимущие классы, способствовали увеличению «производительности» труда в капиталистическом значении этого понятия. Отношение к труду как к призванию стало для современного рабочего столь же характерным, как и аналогичное отношение предпринимателя к наживе»²⁹.

Так обозначаются контуры веберовской концепции генезиса новоевропейского промышленного капитализма, жестко скрепленной обручами рациональности. Это был оптимальный для того времени опыт сочетания в историческом исследовании макро- и микроподходов на сугубо рациональных основаниях. За прошедшее столетие, однако, благодаря «антропологическому повороту», произошло существенное обогащение понимания этого сочетания. Заметим, что в своем очерке генезиса европейского капитализма Вебер указывал на значительные успехи антропологии, но признавал, что, несмотря на это, «в настоящее время он не видит пути для того, чтобы точно определить или даже положительно выяснить вклад антропологии в намеченном здесь (т. е. в авторской концепции — *Б. М.*) направлении — ни степень ее возможного влияния, ни характер и форму ее воздействия»³⁰. Эта возможность появилась позднее.

²⁸ Там же. С. 16.

²⁹ См.: Там же. С. 204.

³⁰ Там же. С. 59.

Тогда как Вебер оперировал исключительно категориями рационального мышления, современная наука обнаружила глубокий пласт иррационального, мотивирующего чувства и поведение как отдельных индивидов, так и, в особенности, масс, а с этим вместе способствующего утверждению в историческом познании микроподхода. Одной из характеристик современной историографии является микроанализ уникального, единичного. На этой основе сложилось влиятельное направление, разносторонне изучающее высокую, но преимущественно низовую культуру и ее носителей. Это историко-антропологическое исследование малых групп и отдельных индивидов, существенно расширяющее «территорию историка». На передний план выступают экзистенциальные переживания личности, отношения между полами и поколениями, традиции образования и иные сюжеты, требующие для своей постановки микроисторический анализ. В лучших образцах этого жанра микроанализ включается в макроисторическую перспективу. Достаточно назвать труды Н. З. Дэвис, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гоффа, демонстрирующие эффективность такого подхода.

С этим подходом связано бурное вторжение в новейшую историографию иррационального начала, мотивирующего чувства и поведение людей. Обращение к нему, однако, не ведет к культу иррационального в историческом познании. Напротив, с помощью принятых в современной гуманитарии исследовательских стратегий и методов оно рационализируется, получая строго научное объяснение, подлежащее верификации и получающее ее на уровне исторической эмпирии. В этом ракурсе привлекает внимание изучение бессознательного в истории, сопряженное с усилиями, направленными на решение сверхзадачи нашей науки, которую А. Я. Гуревич определял как достижение исторического синтеза³¹.

Одним из наиболее перспективных направлений в ее решении является наметившийся прорыв в изучении взаимоотношений истории со смежными дисциплинами, выразившийся в обращении в исследовательской практике от междисциплинарного анализа к полидисциплинарной комплементарной технологии. Ее суть проясняет разработанная И. Ю. Николаевой и эффективно применяемая ею и ее

³¹ См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

учениками в изучении конкретных проблем российской и западно-европейской истории теория методологического синтеза и верификации в истории. Речь идет о создании и апробации полидисциплинарной технологии исторического анализа на базе методов, фокусируемых в сфере бессознательного³². Ее новаторский характер рельефно выступает на фоне бытующей исследовательской практики, когда от случая к случаю произвольный набор методов используется для подтверждения какого-либо заданного результата. Следствием этого является неразборчивая «всеядность» в выборе исследовательских технологий, эклектизм и механистичность заимствования методов других дисциплин.

В противовес этому предложенная И. Ю. Николаевой теория методологического синтеза строится в соответствии со строгими критериями отбора комплекствующих ее концептов и методов смежных дисциплин, что позволяет достичь внутреннюю когерентность используемого инструментария этих дисциплин и его совместимость с отобранными для анализа конкретной исторической проблемы историческими теориями и методами. Под этим углом зрения И. Ю. Николаева обращается к современным теориям бессознательного, принадлежащим Э. Фромму, Э. Эриксону, П. Бурдые, Д. Узнадзе и некоторым другим ученым-гуманитариям, подчеркивая, что их авторы, исходя из разных методологических посылок, создали исследовательские стратегии, имеющие некий общий фокус. «Этот фокус, — пишет она, — бессознательное, понимаемое, интерпретируемое и анализируемое как неосознаваемая, но четко упорядоченная историческим стилем жизни общества социально-психологическая матрица установок в поведении людей, формирующаяся в контексте исторического опыта поколений, социальных слоев и отдельных личностей»³³.

Благодаря теории методологического синтеза качественно иной, ментальной, уровень приобрела проблема соотношения макро- и микроподходов в историческом исследовании. На этом уровне всякое историческое событие принадлежит одновременно также макромиру. Изучая ментальность участвующих в этом событии лю-

³² См. ее обоснование в кн.: *Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификация в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

³³ Там же. С. 19.

дей, мы, таким образом, помещаем ее в широкую макроисторическую перспективу, что позволяет нащупать болевые точки исторически длительного развития социума. Какие при этом открываются возможности, подчас неожиданные, для научного познания, свидетельствует предпринятый И. Ю. Николаевой доскональный анализ казуса, случившегося в 1860-е гг. в одном из сел Воронежской губернии. Многочисленные попытки крестьян водрузить на церковную колокольню новый колокол неизменно оканчивались неудачей, пока местный дьяк, решив, что колокол не поднимался из-за большого числа грешников среди прихожан, потребовал, чтобы из толпы вышли снохачи. Неожиданно в сторону отошла почти половина собравшихся, после чего колокол был водружен на колокольню.

Свою интерпретацию этого события И. Ю. Николаева представила в вызвавшем оживленную дискуссию докладе на Всероссийской конференции «Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории» (Томск, 2003), а затем обстоятельно обосновала в опубликованных вскоре материалах конференции. Оставляя в стороне все детали ее изящной интерпретации, подчеркну, что она носит системный характер, позволяющий объяснить казус со снохачами в широком макроисторическом контексте (особенности российской модернизации). Под пером автора этот казус становится отправной точкой исследования ментальности русского крестьянства, обнаруживающего ее отличительные особенности в эпоху российской модернизации и выводящего полуанекдотический случай в сферу большой политики. Выступающая в этом казусе система крестьянских гендерных ментальных установок свидетельствует об их изоморфной природе с политическими установками. Ибо речь идет об авторитарной структуре сознания с присущими ему императивностью идеала и одновременно страха перед ним. Прозрачно высвечивающаяся в случае со снохачами логика этого сознания, пишет И. Ю. Николаева, «позволяет обнаружить некую параллель комплексу ментальных установок крестьян в отношении к власти и авторитету в политическом смысле»³⁴.

³⁴ Николаева И. Ю. Ментальность гендерного казуса в свете теории модернизации // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004. С. 111.

Принципиальным, методологическим по своей значимости, является указание И. Ю. Николаевой на механизм, посредством которого осуществляется включение единичного явления в макроисторическую связь: «Лишь с помощью постоянных, “челночных” движений от макроисторической гипотезы к анализируемому макроисторическому явлению или казусу, и опять к большому плану, уточненному и проблематизированному этим материалом, и так до бесконечности — можно приблизиться к пониманию сути сходства и различия модернизационных моделей»³⁵. Иначе говоря, постулируется необходимость взаимообусловленных конкретно-исторического и теоретического подходов и, соответственно, одновременное обращение к разным скоростям социально-исторического времени.

Эффективность такой исследовательской стратегии демонстрирует реконструкция малозначительного события, некогда случившегося в Воронежской губернии, как явления системного ряда, характеризовавшего совершающиеся в России модернизационные процессы вплоть до революционных потрясений начала следующего столетия и советского периода. Базовый для архаического сознания комплекс, определяющий мутации присущих ему мифологем типа «царь-батюшка», И. Ю. Николаева прослеживает в феномене «страха-любви» к Сталину, мифологемы «отца народа» и т.п.³⁶. Тем самым рассматриваемая методология позволяет углубить понимание продолжающейся и поныне оставаться актуальной³⁷ проблемы предпосылок, причин и природы Русской революции. Далекая от политической и идеологической ангажированности, ярко проявляющейся в современных суждениях о революции и советском периоде, она помогает разглядеть ее важные особенности, коренящиеся в глубинных пластах архаического сознания: с одной стороны, относительная легкость победы революции, а с другой, — ее кровавый характер, сопровождавшийся вытеснением одних мифологем другими, но также вытекавших из авторитарной структуры массового сознания.

Черты глубокой архаики в массовом сознании явственно прослеживаются и в новейшей российской истории, проявляясь в устойчивой регенерируемости психосоциального авторитарного комплек-

³⁵ Там же. С. 116.

³⁶ См.: Там же. С. 113.

³⁷ См.: Октябрь 1917: Вызовы для XXI века. М., 2008.

са в отношении к власти. «Чем традиционнее общество, чем меньшим рациональным ресурсом оно обладает, — подчеркивает в другой своей работе И. Ю. Николаева, — тем сильнее выражен данный комплекс в структуре его ментальности». Рассматривая на конкретном материале его симптомы, автор связывает его с особенностями российской модернизации: «И здесь вырисовывается исторический комплекс повторяющихся ментальных и поведенческих стереотипов, обусловленных самой исторической логикой развития России, где процессы модернизации развивались “вдогонку” европейским»³⁸.

Нить, протягивающаяся от малоприметного гендерного казуса до эпохальных явлений российской истории, указывает на адекватный способ изучения социальной ментальности. Оно должно быть системным, исключаяющим распространенную практику произвольного манипулирования вырванными из общего контекста ментальными явлениями. Опасность такой практики усугубляется дискредитацией самой истории ментальностей, множасьими высказываниями об исчерпанности ее научного потенциала.

Подведем некоторые итоги. По необходимости они будут носить предварительный характер, так как темпы историографического процесса неуклонно убыстряются, сообщая ему элемент непредсказуемости. Сошлюсь на известные исследования Л. П. Репиной, рассматривающие развитие «новой исторической науки» сквозь призму «вызовов» и «поворотов»³⁹. «Вызов марксизма и «постмодернистский вызов», поворот от социальной к социокультурной истории, «антропологический поворот»... Что дальше? Как часто и в каком направлении будут совершенствоваться, по точному выражению Л. П. Репиной, «метаморфозы социальной истории»? Какие тенденции возобладают в XXI веке? В каких формах будет преодолеваться

³⁸ Николаева И. Ю. Специфика российских процессов модернизации и менталитета в формате большого времени // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск. 2007. Вып. 28. С. 57.

³⁹ См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998 (2-е изд., испр. и доп. — М., 2009); Она же. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998; Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.

антитеза макро- и микроподходов в изучении истории? Любые ответы на эти вопросы будут, по определению, носить предположительный характер, что, однако, не освобождает нас от необходимости представить образ истории в рассматриваемом в данной статье ракурсе хотя бы пунктирно.

Достигнутый современной наукой уровень органического сочетания на новых эпистемологических основаниях макро- и микроподходов в историческом исследовании повышает научную строгость исторического дискурса, его убедительность и верифицируемость. История приближается к осуществлению своей давней цели, некогда очерченной Г. Т. Боклем⁴⁰, — стать такой же точной дисциплиной, как и естествознание. Так она занимает достойное место в ансамбле наук, изучающих взаимосвязи, охватывающие все стороны жизни реального мира. Целостность мира требует адекватного его изучения на всех уровнях, природном и социальном, в том числе и властном. Но коль скоро мир системен, системным должно быть и его познание, достигаемое совокупными усилиями всех наук, в том числе, не в последнюю очередь, истории.

⁴⁰ Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии: В 2 т. СПб., 1896. Т. I. С. 4.

ЦИВИЛИЗАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В. М. ХАЧАТУРЯН

ЦИВИЛИЗАЦИИ В МИРОВОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕ

Формирование нового мирового пространства, которое определяется двумя связанными друг с другом тенденциями — становлением информационного (постиндустриального) общества и глобализацией, придает особую остроту вопросу о роли и статусе цивилизаций. Сохранятся ли они в глобальном информационном обществе или будут поглощены процессами гомогенизации? А если сохранятся, то в каком качестве? Каким трансформациям подвергнутся и каковы будут их функции в составе нового Социума? По этому поводу высказываются весьма противоречивые точки зрения.

Наиболее распространены обоснованные опасения по поводу того, что неуклонно возрастающая глобализация и сопровождающий ее «культурный империализм» приведет к нивелированию культурно-исторических различий между цивилизациями, разрушению неповторимого своеобразия их «цивилизационного кода» и, соответственно, цивилизационной идентичности. В результате возникнет относительно однородный и по преимуществу вестернизированный мир, в котором культурная и цивилизационная специфика сохранится лишь в некоторых второстепенных сферах (местные обычаи, кухня и т.д.), утратив свою функциональную значимость¹.

Диаметрально противоположного мнения придерживается известный американский политолог С. Хантингтон, концепция которого явно пережила пик популярности, однако продолжает в том или ином виде использоваться и отечественными, и западными исследо-

¹ Бек У. К социологии глобализации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 40.

вателями. Согласно ей, именно цивилизации, а не государства или политические блоки, которые во время «холодной войны» объединяли государства на идеологической основе, становятся ныне основными субъектами исторического процесса, главными «игроками» на сцене мировых международных отношений. Причем, число «игроков» увеличивается, а соотношение сил между ними меняется: в постколониальный период международная система стала полицивилизационной, не-западные общества быстро превратились из объектов создаваемой Западом истории в субъектов – создателей мировой истории; при этом Запад вступил в полосу упадка, хотя этот процесс идет медленно и неравномерно, в то время как на Востоке появились соперничающие «центры силы» (исламский блок, азиатские «тигры» и «драконы»)². Рассматривая цивилизации как культурные целостности, в основе которых лежат те или иные религии, Хантингтон указал на возможность столкновения и войн между цивилизациями в качестве главного конфликтогенного фактора в конце XX–XXI вв.³

Третий подход к проблеме в известной мере преодолевает крайности и мондиалистского сценария, и сценария столкновения цивилизаций, рисуя картину полицивилизационного и полицентричного мира, организованного на основе сетевых отношений, предоставляющих достаточно широкие возможности для сохранения цивилизационного и культурного разнообразия. Такую точку зрения отстаивают, в частности, В. Рудометов и Р. Робертсон, которые выдвинули концепцию «глокализации» — адаптации «чужих» (в первую очередь западных) элементов культуры к различным местным условиям и их преобразования под влиянием местных традиций. Стандартизация мирового социокультурного пространства, по их мнению, принципиально неосуществима: этому препятствуют принципы селективного отбора, селективного восприятия и селективного освоения инородных культурных феноменов, осуществляемых цивилизациями. Таким образом, новая формирующаяся глобальная культура будет сочетать противоположные начала — культурной и цивилизационной гомогенности и равным образом гетерогенности⁴.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 69-70.

³ Там же. С. 53.

⁴ Roudometof V., Robertson R. Globalization, World System Theory and the Comparative Study of Civilizations // *Civilizations and World Systems: Studying*

Наконец, упомянем еще одну, алармистскую точку зрения, согласно которой не только отдельные цивилизации, но и цивилизация как таковая (т.е. определенный уровень социальности, достигнутый человечеством в процессе его развития) подвергается угрозе разрушения в результате усиления в мировых масштабах социальной анархии, что может завершиться прорывом «мирового андеграунда» и глобальной «варваризацией». Тема возможного разрушения устоев цивилизации разрабатывается и западными (С. Хантингтоном, Д. Мойниханом, З. Бжезинским и др.), и отечественными исследователями⁵, среди которых — философы, культурологи, политологи, экономисты, представители «глубинной экологии» и т.д. Выдвигая столь пессимистические прогнозы, авторы, как правило, обосновывают их глубинными противоречиями глобализации, ее «селективным» характером, ярко выраженным усилением диспропорций в развитии постиндустриальных стран (т.н. «Севера»), новых индустриальных стран Востока и «глубокого Юга», ростом числа «обанкротившихся» стран, обострением этнических и конфессиональных конфликтов, ослаблением государственной власти, усилением влияния международных криминальных структур, ростом терроризма и т.д.⁶ «Угроза социального хаоса вследствие прорыва «мирового андеграунда» предвещает поворот исторического времени вспять — к «пещерной архаике и дикости протоистории; ибо в истории сопричастен всегда запретный код саморазрушения»⁷.

Обилие разнообразных противоречащих друг другу концепций нельзя считать случайным: оно обусловлено сложностью, неоднозначностью и разнонаправленностью тех тенденций, которые харак-

World-historical Change / Ed. by S. K. Sanderson. Walnut Creek, 1997. P. 285. Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization the Central Conception // Theory of Cultures and Societies. 1990. Vol. 7. № 2-3.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. Brzezinski Z. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the Twenty-first Century. N.Y., 1993. Moynihan D. P. Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Oxford, 1993. Неклесса А. И. Конец цивилизации или зигзаг истории // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. С. 125. Чешков М. А. К интегральному видению глобализации // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2000. С. 121.

⁶ См., напр.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 37-38.

⁷ Неклесса А. И. Указ. соч. С. 130.

теризуют современную эпоху — эпоху постмодерна. В первую очередь это касается фундаментального противоречия между интеграционными и дезинтеграционными процессами, которое прослеживается на всех уровнях, во всех сферах деятельности — от экономики до культуры. С одной стороны, глобальные интеграционные процессы, вступающие в противоречие с самим принципом локализма (касается ли это цивилизаций, национальных государств или культур), впервые в истории приобрели по-настоящему общепланетарный размах — не только с точки зрения географических границ, но в первую очередь благодаря их глубине и интенсивности, системному характеру, что создает ситуацию реальной взаимозависимости всех субъектов мирового сообщества. Глобализация уже начинает оказывать заметное влияние на механизмы воспроизводства и «инфраструктуру» национальных государств и цивилизаций, поскольку новое глобально-информационное общество превращается в особую систему, на сегодняшний день представляющую собой своего рода «надстройку» над старой, — некий трансграничный «виртуальный континент» (А.И. Неклесса). Этот «континент» имеет:

- свою экономику, существенно отличающуюся от мировой капиталистической экономики, развивавшейся начиная с XV–XVI вв.: стержнем ее являются глобальные финансовые рынки, при этом глобальные потоки капитала все меньше зависят от функционирования национальных экономик, однако оказывают на них сильное воздействие и не подчиняются всецело рыночным законам, лишь частично реагируя на колебания спроса и предложения. Глобальная экономика имеет достаточно развитую и разветвленную инфраструктуру (система международной торговли и производства, глобальные рынки труда, товаров и услуг и т.д.) и новых субъектов (ТНК и МНК), функционирующих как система децентрализованных сетей с полуавтономными подразделениями, вступающими друг с другом в стратегически выгодные альянсы⁸;
- особую, правда, еще несовершенную систему надправительственных, надгосударственных органов управления (Большая семерка, Римский и Лондонский клубы, МБ, МВФ), которые приобретают все большую политическую силу и оказывают заметное влияние на политику национальных государств и всю систему международных отношений;
- свою социальную опору — трансграничный глобалистский слой, весьма разнородный по составу, имеющий многочисленные прослойки

⁸ *Кастельс М.* Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 64-65.

(от глобалистской элиты до рядовых сотрудников ТНК и МНК), формирующий новые типы социальных связей и новые типы социальных групп (например, различные интернет-сообщества);
— свою культуру, в роли которой выступает массовая культура, претендующая на универсализм, и в рамках ее — так называемая виртуальная киберкультура, обладающая собственной эстетикой, значительно отличающейся от эстетики эпохи модерна;
— особую флуктуирующую, «космополитичную» идентичность, не связанную с той или иной культурно-религиозной, цивилизационной или этнической традициями.

Благодаря формированию нового «виртуального континента» происходит стандартизация социокультурного пространства. В известной мере стандартизируются (точнее, вестернизируются) некоторые правовые нормы, социально-политические институты, модели потребления, стиля и образа жизни, а также мода, музыкальные и гастрономические предпочтения, развлечения и т.д. Однако область стандартизации на сегодняшний день все-таки весьма ограничена, и сама тенденция к выравниванию мирового социокультурного пространства явно не является доминирующей и единственной, поскольку ей противостоят или развиваются параллельно другие тенденции.

Специфика современной ситуации, вместе с тем, заключается в том, что наряду с новой глобально-информационной системой, даже в рамках ее евроатлантического «ядра», продолжает существовать «старая» система — с ее основными субъектами (национальными государствами), национальными правительствами и экономиками, институтами и социальными отношениями, характерными для «классической» модернити. «Ответы» «старой» системы на «вызовы» глобализации весьма разнообразны, но в любом случае существенно, что одной из их составляющих является взрыв дезинтеграционных процессов, противостоящих тенденции к унификации, которые проявляются в форме «этнокультурного ренессанса», бурного роста национального и цивилизационного сознания, отторжения от западной культуры и модели модернизации, попыток проведения политики изоляционизма, создания национальных вариантов массовой культуры и т.д. — вплоть до развития воинствующего фундаментализма. Центробежные тенденции сопровождаются впечатляющим расцветом множества локальных культур, переживающих, в терминологии К. Н. Леонтьева, период «цветущей сложности». Не случайно известный западный

культуролог М. Физерстоун утверждает, что современная культурная ситуация создает ощущение не возрастающей гомогенизации, а, напротив, усиливающейся фрагментарности: происходит не столько инкорпорация национальных культур в глобальную, сколько «сжатие» культур, ранее изолированных, а теперь как бы громоздящихся друг на друге без всяких организующих принципов на мировом пространстве, ставшем вдруг весьма ограниченным, тесным, и образующих некие скопления, неупорядоченные множества (heaps — груды). Фрагментарность, синкретизм, гибридизация, акцентирование отличительности — таковы наиболее характерные черты культуры эпохи постмодерна⁹. Как справедливо отмечает М. А. Чешков, гетерогенность мирового социокультурного пространства порождает феномены смешения, гибридности, симбиозов и «кентавров» и, лишь в исключительных случаях, синтезов, т.е. утверждает много- и разнообразия. Отсюда — ощущение «избыточного полиморфизма», чрезмерного разнообразия, теряющего свою функциональную значимость. Согласно закону У. Эшби и Е. Седова, рост разнообразия в системах на новых уровнях должен приводить к его ослаблению в более «старых»¹⁰. Однако вместо этого мы наблюдаем взрыв «полиморфизма» на самых разных уровнях, в том числе подсистем, основанных на «природном» начале (этнос, территория, кровно-родственные связи)¹¹.

Сосуществование, взаимодействие и соперничество двух социокультурных реальностей и альтернативных тенденций привносит в современный мир элемент хаотизации, но такая ситуация закономерна для переходных периодов. Переход в исторически новое состояние, указывающий на тот или иной уровень исчерпанности сложившейся социокультурной системы, предполагает разрушение многих, хотя и не всех, «старых» структур, их качественную трансформацию, а также появление новых, которые становятся доминирующими и перестраивают социокультурную систему в целом. Независимо от того, идет ли речь о «большом» переходе от одной общественной системы к другой (например, от системы раннеземле-

⁹ Featherstone M. *Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity*. L., New Delhi, 1995. P. 6, 44. 123-124.

¹⁰ Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // ОНС. 1993. № 5. С. 92-100.

¹¹ Чешков М. А. Указ. соч. С. 125-126.

дельческих обществ к системе обществ цивилизации) или о переходе «малом», внутрисистемном (например, от древности к средневековью), это в любом случае означает, что общество утрачивает режим устойчивого функционирования. На этом этапе социокультурное пространство можно определить как «хаотически-структурируемое» (Э. В. Сайко), поскольку переход предполагает появление «иноструктур», обладающих новыми функциями, новых тенденций и закономерностей, которые, с одной стороны, разрушают устойчивость старой системы, условия ее воспроизводства и развития¹², а с другой, формируют новые системы и подсистемы, обеспечивают «сборку» еще хаотичных, неупорядоченных новых форм и элементов в направленные, хотя и весьма разнообразные «потoki социального движения», т.е. создают основы новой системности, в которую старые структуры будут «встраиваться», подчиняться ей как доминирующей, трансформироваться, утрачивая прежние качества и функции и приобретая новые. Причем, эти новые потоки социального движения далеко не просто идентифицировать на фоне многообразных, противоречивых, переплетающихся друг с другом тенденций, сопровождающих переход, поскольку, по крайней мере, на определенном этапе, они представляют собой некую «синкретическую», слабоструктурированную массу. Кроме того, нужно учитывать, что далеко не все диссистемные, кажущиеся инновационными процессы в действительности способствуют рождению новой системы, поскольку они могут быть «отсеяны» ею на определенном этапе.

Современный социум явно переживает транзитивный период, но характер «макросдвига» (Э. Ласло) еще не определен полностью, поэтому о «новом социальном пространстве» говорить пока преждевременно. Переход в некое новое историческое состояние, контуры которого едва очерчены, совершается, однако нынешняя социальная реальность определяется прежде всего своей переходностью, еще не став «новой» в точном смысле этого слова. Многие подсистемы и институты «старой» социальной реальности действительно получают новое, глобальное измерение, трансформируются или деформируются под влиянием глобализационных процессов, так

¹² Сайко Э. В. Современное глобальное сообщество в исторической эволюции // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. М., 2002. С. 64.

или иначе адаптируются к ним, однако полного их переподчинения еще не произошло, и, не вступая в область футурологии, трудно сказать, в какой степени именно глобализация в ее нынешних формах будет определять новое социокультурное пространство, какое место в нем займет и каковы будут границы ее функционирования.

Во всяком случае, в наши дни глобализация протекает весьма неравномерно, с разной степенью интенсивности «втягивая» в себя различные регионы и подсистемы обществ. Даже глобализация экономики, которая развивается наиболее активно, «не охватывает все экономические процессы на планете, не включает все территории и всех людей в свою работу, хотя затрагивает прямо или косвенно существование всего человечества»¹³. В других сферах (социальной, политической, культурной), отличающихся большей инерционностью, более тесной связью с устойчивыми цивилизационными традициями и меньшей «предрасположенностью» к унификации, процессы глобализации наталкиваются на серьезное сопротивление.

Не следует забывать и об амбивалентности переходных эпох, которые потенциально содержат в себе разные возможности: и перехода общества в новое историческое состояние, на новый виток исторического развития, и его консервации в прежнем состоянии, и, наконец, регресса. В истории можно найти немало примеров, когда в силу ряда обстоятельств общества не совершали переход, хотя для этого были предпосылки, или отступали от достигнутых ранее позиций. В этом плане весьма существенно, что глобализационные (точнее, протоглобализационные) процессы в их исторической динамике, начиная с эпохи древнего мира, развивались в колебательном режиме, в целом нарастая — по мере «уплотнения» цивилизационного пространства, усиления информационных и торговых связей, развития транспортных средств и т.д. — и вместе с тем переживая периоды упадков или ослабления. Причем, одной из сил, противодействующих глобализации, всегда выступали и выступают цивилизации, обладающие огромной жизнестойкостью (как отмечал Ф. Бродель), достаточно высоким уровнем «консерватизма» в сохранении своих традиций и способностью к селективному отбору и преобразованию инородного материала. Это означает, что на определенном этапе процессы глобализации могут утратить свою силу и занять весьма

¹³ Кастельс М. Указ. соч. С. 73.

скромное место среди процессов, формирующих новый Социум, или примут иное направление. Не случайно уже сейчас исследователи фиксируют намечающийся переход от неолиберального (линейного) типа глобализации к более высокому — «синергетическому» (нелинейному) типу, предполагающий эволюцию от однополярного мира к многополярному, с сохранением цивилизационной специфики¹⁴.

Поэтому на сегодняшний день явно преждевременно говорить о том, что цивилизационная специфика становится «избыточной категорией» или понятие «цивилизация» утрачивает свою генерализирующую силу при описании современного мира (как утверждает М. А. Чешков), или о том, что система обществ цивилизации, возникшая около 5 тысяч лет назад, находится в состоянии системного кризиса и перехода к новой социальной мета-системе (Э. В. Сайко). Тем не менее, вполне очевидно, что эта система переживает ныне значительные трансформации, которые ведут к ее перестройке. Но чтобы адекватно оценить происходящие изменения, необходимо обратиться к двум наименее разработанным в теории цивилизаций проблемам: во-первых, определить, какая именно социокультурная общность может претендовать на статус цивилизации, и, во-вторых, выяснить, как шел процесс самоорганизации и саморазвития системы обществ цивилизации на протяжении истории ее существования, и, соответственно, оценить ее нынешнее состояние.

Ни один из имеющихся многочисленных перечней цивилизаций (древних и современных) не является общепринятым, и все они (от перечня культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и до списков локальных цивилизаций А. Тойнби, Ф. Бэгби, Р. Уэскотта и др.)¹⁵ подвергаются обоснованной критике. Такая ситуация — закономерный результат неразработанности критериев выделения цивилизаций. Цивилизация, например, нередко понимается как качест-

¹⁴ Евстигнеева О. П., Евстигнеев Р. Н. Глобализация и регионализм: уроки для России // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1.

¹⁵ Среди наиболее современных списков цивилизаций можно, помимо перечня А. Тойнби, указать следующие: *Koneczny F. On the Plurality of Civilizations*. L., 1962. *Bagby Ph. Culture and History*. L., 1958. *Coulborn R. The Origin of Civilized Societies*. N.Y., 1959. *Quigley C. The Evolution of Civilizations*. N.Y., 1961. *Sedgwick J. The Structure and Evolution of the Major Cultures*. Greensboro, N.C., 1962. *Wescott R. The Enumeration of Civilizations // History and Theory*. 1970. V. IX. № 1. P. 59-75.

венная специфика любого крупномасштабного общества, т.е. присущее только ему своеобразие социальной и духовной жизни, базовых ценностей, которые определяют особенности темпа, ритма и направленности его исторической динамики.

Однако можно ли объективно определить, какая именно социокультурная общность является достаточно крупномасштабной и обладает достаточным своеобразием, чтобы назвать ее цивилизацией? Здесь неизбежно будет превалировать субъективный, ценностный подход, а список цивилизаций может разрастаться до бесконечности, включая в себя любые государственно-территориальные образования, этнические общности и т.д. Более распространена в последнее время точка зрения, согласно которой цивилизация — это социокультурная общность, которая формируется на основе универсальных ценностей, созданных в рамках мировых религий. В этом случае выделяются региональные цивилизации или цивилизационные блоки (Л. С. Васильев), включающие в себя различные локальные образования: исламский блок, западнохристианский и восточнохристианский, буддийский, конфуцианский¹⁶. Однако и такой подход отнюдь не совершенен, поскольку распространяется только на так называемые осевые цивилизации, исключая и древние, доосевые, и современные макрообщности, которые позиционируют себя как отдельные цивилизации, независимо от принадлежности к той или иной религии спасения (Юго-Восточная Азия, Африка). В результате такой размытости понятийного аппарата в научной литературе «неолитическая цивилизация», «цивилизация Флоренции» и «христианская цивилизация» мирно соседствуют с «древнеегипетской цивилизацией», а также античной, индустриальной, традиционной, постиндустриальной и множеством других «цивилизаций», выделенных на основе совершенно разных подходов и критериев.

Многие противоречия такого рода можно устранить, рассматривая систему обществ цивилизации в ее исторической динамике, которая сопровождалась процессами переструктурирования, значимыми трансформациями ее субъектов и отношений между ними. В современной теории цивилизаций эта проблема еще только начинает разрабатываться, в т.ч. благодаря работам Ш. Эйзенштадта и Б. С. Ерасова,

¹⁶ Подробнее о принципах классификации цивилизаций см.: *Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность*. М., 2002. С. 32-33.

которые выделяли два типа цивилизаций: доосевые, локальные, и постосевые, региональные, универсалистские. Основываясь отчасти на этих положениях, мы предлагаем следующую модель развития и самоорганизации системы обществ цивилизации в истории.

«Первичные», очаговые цивилизации, выросшие непосредственно из первобытности, были достаточно прочно привязаны к тому или иному государственно-территориальному образованию, за границами которого находилась, как правило, первобытная, варварская периферия. И это вполне закономерно, поскольку между цивилизацией и государственностью (наряду с появлением городов, письменности, права и т.д.) существует прямая связь: зарождение государственности, собственно, и знаменовало собой рождение цивилизации. Индскую цивилизацию (Хараппа), Шумер, царство Шан и Западное Чжоу в Китае, Египет эпохи Раннего и Древнего царства можно по праву назвать локальными цивилизациями. Локальный, «страновой» характер древнейших цивилизаций отмечал Ш. Эйзенштадт, который подчеркивал, что в такого рода первичных образованиях именно государство в форме патримониального режима выступало как главная объединяющая, организующая и направляющая сила, определяющая социально-политические и экономические структуры, а также духовно-символические ориентации¹⁷.

Такого рода локальные образования продолжают существовать до сих пор в качестве этно-национальных государств, акцентирующих свою самобытность и нередко провозглашающих себя цивилизациями. Однако уже в Древнем мире лидирующие позиции заняли цивилизации другого — регионального типа, а локальные цивилизации в большинстве своем «встроились» в эти макрообщности. Это произошло благодаря тому, что развитие большинства локальных, очаговых цивилизаций шло, с одной стороны, по пути укрупнения за счет территориальной экспансии и выхода за пределы этнических границ, а с другой — по пути наращивания мощи государственности. Переход от ранних ее форм к зрелым, т.е. к централизованной государственности, сопровождался появлением имперских образований (Египет эпохи Среднего и отчасти Нового царства, Хеттская держава, империи Цинь и Хань, империя Маурьев).

¹⁷ Eisenstadt S. N. Political Systems of Empires. N.Y., 1963.

В I тыс. до н. э. на Ближнем Востоке стали возникать еще более крупные цивилизационные региональные общности — мировые империи: Ассирийская, Нововавилонская, Ахеменидская, империя Александра Македонского, Римская империя.

Имперская модель цивилизационной интеграции имела свои особенности. Она предполагала насильственное присоединение и инкорпорацию в единое политическое целое самых разнообразных общностей — от завоеванных локальных (очаговых) цивилизаций до варварской периферии. Это чрезвычайно усиливало внутреннюю гетерогенность цивилизаций-реципиентов — этническую, экономическую, культурную, создавая ситуацию риска. Ибо гетерогенность, будучи основой для динамичного развития цивилизации, повышая ее адаптационный потенциал за счет многообразия и специализации подсистем, многовариантности моделей социально-экономического, политического и культурного развития (хотя и не всегда востребованных и желательных), не должна превышать определенного уровня — в противном случае цивилизация может утратить свою целостность, центробежные тенденции возобладают над центростремительными, что, в сущности, равнозначно ее гибели.

В этом плане вполне закономерным можно считать достаточно непродолжительное существование цивилизаций имперского типа на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, циклический тип развития китайской цивилизации, с периодически повторявшимися эпохами интеграции и дезинтеграции, сопровождавшимися сменой династий. На этапах наибольшей стабильности внутренняя гетерогенность существовала при сохранении государственной целостности и ведущей роли политического центра, а также более или менее выраженной тенденции к относительному «выравниванию» социокультурного пространства или, по крайней мере, выстраиванию доминирующих над ним «общих» структур и культурных символов. «Локальные» цивилизации могли сохранять и, как правило, в той или иной степени сохраняли свое культурное и даже социально-экономическое своеобразие, но неизбежно занимали периферийное положение, утрачивали свою политическую автономность и превращались в своего рода подсистемы цивилизации/империи.

Однако такая стабильность была обычно не очень продолжительной и зависела преимущественно от мощи государства и сохранения ведущей роли политического центра, единство и целостность

имели не столько собственно цивилизационное, сколько политическое «измерение». Одним из ярких примеров является Российская цивилизация, которая на протяжении своей истории (по крайней мере, вплоть до 1991 г.) в ходе масштабной территориальной экспансии превратилась в высшей степени гетерогенную, поликонфессиональную и полиэтническую цивилизацию, в рамках которой оказались целые регионы, имеющие собственные устойчивые цивилизационные традиции (например, Средняя Азия, Закавказье), и наряду с этим — регионы, в которых переход на стадию цивилизации произошел достаточно поздно и имел экзогенный характер, однако тоже обладающие ярко выраженной культурно-религиозной самобытностью (Сибирь, Казахстан). Весьма характерно, что в современных исследованиях, посвященных особенностям Российской цивилизации, подчеркивается, что именно государство, а не религия выступало в качестве системообразующей силы, «заместителя» цивилизации, носителя наиболее универсального принципа, объединяющего конгломерат социальных и культурных структур. «Империя была более универсальной, чем ее официальная религия и культура»¹⁸.

Вместе с тем, уже в эпоху древнего мира зародилась вторая модель интегрированной региональной цивилизационной общности, которую можно назвать конгломеративно-синкретической. Одним из ранних ее вариантов была эллинистическая цивилизация. Возникшая первоначально как империя — в соответствии с традиционной моделью интеграции, она быстро превратилась в конгломерат политически независимых друг от друга (и часто враждующих) царств. Тем не менее, взятые вместе, они представляли собой особый — в рамках тогдашней цивилизационной ойкумены — цивилизационный регион, главной отличительной чертой которого был синкретизм восточного и западного (античного) начал, пронизывающий фактически все сферы — от политического устройства (феномен эллинистической монархии) до религии (синкретические мистериальные соте-риологические религии, претендующие на универсализм).

Рождение осевых религий было принципиально важным для дальнейшего развития такого типа региональной цивилизационной общности, поскольку благодаря Осевому времени была, по словам

¹⁸ *Ерасов Б. С.* Выбор России в евразийском пространстве // *Цивилизации и культуры*. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 48.

Б. С. Ерасова, разорвана пуповина, связывающая духовную сферу с государством: этатизм стал подчиняться религиозно-нравственной сфере. Цивилизационные общности, возникшие на основе осевых религий универсалистской ориентации, как правило, оказывались более устойчивыми, чем структуры власти, и выходили далеко за пределы территориально-государственных границ, трансформируя цивилизационную картографию мира. Крупные региональные конгломеративные общности, или блоки (исламский мир после распада Арабского халифата, индо-буддийский, восточно- и западнохристианский, конфуцианский), главным объединяющим началом в которых было относительное единство религиозно-нравственных норм и соответствующих им социально-политических институтов, в постосоевое время определяли новую конфигурацию цивилизационного пространства. Эти «миры», строго говоря, вряд ли можно назвать системами, поскольку они представляли собой в высшей степени «свободные» (чтобы не сказать аморфные) образования со слабыми, нестабильными внутренними связями, разнородным составом — от больших империй (Россия, Китай, Византия) до множества разнообразных «локальных» цивилизаций, непостоянным числом «участников», часто сохранявших политическую автономию. Например, развитие Японии как особой локальной цивилизации, входящей в состав китайско-конфуцианской региональной конгломеративной цивилизации, имело значительные отличия от китайской модели.

Культурно-религиозное единство конгломеративно-синкретических региональных цивилизаций, основанное на общих ценностях, влияющих на политико-правовую, социально-экономическую и культурную сферы, в принципе являлось главным скрепляющим началом, но в действительности тоже было весьма относительным и отнюдь не исключало широкого разнообразия локальных верований.

Воздействие религиозно-культурного фактора реализовалось более отчетливо в регионах, охваченных преимущественно догматическими, авраамическими религиями: здесь религиозно-культурная идентичность как одна из ранних форм цивилизационной идентичности ощущалась достаточно остро через противопоставление иноверцам как вовне, так и в рамках того или иного цивилизационного региона. Иначе обстояло дело с недогматическими религиями (буддизм, конфуцианство, даосизм, индуизм), которые отличались высокой степенью инклюзивности, допуская в широких масштабах поликонфес-

сионизм и не маргинализуя иноверческие субкультуры. Например, буддизм и в Индии, и за ее пределами отнюдь не отменял других религиозных верований и трансформировался под их влиянием в каждой из «локальных» цивилизаций. Саму Индию правильнее было бы называть не индуистской, а индуистско-буддийско-мусульманской цивилизацией, Китай, будучи центром конфуцианской цивилизации, формировал свою цивилизационную специфику на синкретической основе, за счет влияния конфуцианства, буддизма и даосизма и т.д. При этом и в Индии, и в Китае вплоть до сегодняшнего дня в народной среде сохранялись архаические верования.

Итак, после Осевого времени генетически более ранние формы цивилизаций (и локальные, и региональные имперские) сохранялись, однако в основном стали входить в состав более крупных общностей. Разрыв между геополитическими и цивилизационными границами становился более очевидным. Так, на определенном этапе исламский и буддийский цивилизационные регионы частично вошли в состав Российской империи, принадлежащей преимущественно восточнохристианской цивилизации. Средневековая Индия стала частью исламского мира. Несмотря на размытость цивилизационных границ и крайне рыхлую внутреннюю структуру после Осевой революции на протяжении долгого времени (особенно это проявилось в средние века и новое время) доминирующей моделью цивилизационной интеграции стал конгломеративно-синкретический тип — наиболее гибкий, обладающий высоким адаптационным потенциалом и способностью к изменчивости по сравнению с имперской моделью. В цивилизациях такого типа (к ним относятся прежде всего индо-буддийская и конфуцианская) отношения между разными религиозно-культурными традициями складывались на весьма различных основаниях: наряду с анклавным («параллельным») сосуществованием складывались симбиотические связи и возникали синкретические образования (чань-буддизм, сикхизм, бхакти). Это, разумеется, не исключало острых конфликтов, однако тенденция к непротиворечивому совмещению преобладала, что во многом определялось инклюзивностью недогматических автохтонных религий.

В современном мире тенденция к формированию и даже укреплению конгломеративно-синкретических региональных цивилизаций не только не ослабела, но, напротив, усилилась. И это вполне

закономерно, поскольку система обществ цивилизации сравнительно недавно достигла наивысшей ступени своей зрелости.

Процесс экспансии системы обществ цивилизации и преобразования или уничтожения «первобытной периферии» завершился полностью только к XX в., когда последняя, в сущности, исчезла, перестала существовать как автономная самодостаточная система, способная противостоять и взаимодействовать с системой обществ цивилизации. Таким образом, на сегодняшний день система обществ цивилизации достигла общепланетарных масштабов, т.е. стала впервые за все время своего развития единственной, не имеющей «конкурентов» социальной мета-системой. Учитывая, что развитие любой системы сопровождается ростом ее сложности, числа подсистем и их дифференциацией по функциональной нагрузке, ситуация в современном мире свидетельствует не столько об исчерпании этой мета-системы, сколько о переходе ее на новый уровень развития, сопровождающийся существенными трансформациями.

Регионализация как одна из наиболее характерных тенденций в развитии мировой экономики и политики конца XX – начала XXI в., представляет собой процесс «стягивания» и переструктуризации мирового пространства, формирования новых, крупных социокультурно-территориальных систем. Регионализацию можно определить и как процесс, смежный с глобализацией¹⁹, и как одну из ее разновидностей, и — рассматривая регионализацию в цивилизационном измерении²⁰ — как процесс трансформации мирового цивилизационного пространства и его субъектов.

Число региональных цивилизаций-макрообщностей, которые выступают в качестве основных, наиболее крупных подсистем, субъектов этой системы, возрастает. Наряду с макрообщностями,

¹⁹ Косолапов Н. А. Глобализация, миропорядок начала XXI в. и Россия // Постиндустриальный мир и Россия. С. 233-234.

²⁰ Само понятие «регионализация» остается весьма неопределенным, а критерии выделения регионов — разнообразными, однако в последнее время все больше внимания уделяется культурно-цивилизационным регионам, которые характеризуются общностью исторического развития, религиозно-культурных традиций, географического положения, природных и трудовых ресурсов, отчасти хозяйственной специализации. См.: Воскресенский А. Д. Региональные подсистемы международных отношений (к постановке проблемы) // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 131-144.

которые имеют давнюю историю (исламская, конфуцианская, западнохристианская, восточнохристианская и т. д.) формируются новые: в качестве особых цивилизаций позиционируют себя Латинская Америка, субсахарская Африка, возможно — Юго-Восточная Азия. При этом, однако, следует учитывать, что состав крупнейших подсистем системы обществ цивилизации еще не определился полностью, и это вполне естественно для транзитивного периода.

Например, евроатлантическая западнохристианская цивилизация, выступающая в роли центра глобально-информационного общества, имеет достаточно четкие демаркационные линии, отделяющие ее от остального мира. Однако в ее рамках уже оформились две большие подсистемы: западноевропейская и североамериканская, имеющие значительные различия и могущие претендовать на статус самостоятельных региональных цивилизаций (в этом плане симптоматичным выглядит создание Евросоюза). Еще не определился цивилизационный статус России — крупнейшей региональной цивилизации имперского типа, о чем свидетельствуют, в частности, не угадающие дискуссии по поводу ее цивилизационной идентичности, появление конкурирующих проектов «большой» и «малой» Евразии. Юго-Восточная Азия, будучи на протяжении всей своей истории «перекрестком цивилизаций» в последнее время обнаруживает тенденции к выделению в отдельную региональную цивилизацию, тяготея, с одной стороны, к китайско-конфуцианской цивилизации, а с другой — к индуистско-буддийско-мусульманской. Япония, совершившая прорыв в глобально-информационное, постиндустриальное общество, принадлежит по-прежнему китайско-конфуцианской, а не евроатлантической, западнохристианской, цивилизации.

Список таких «проблемных» — с точки зрения их самоопределения в мировом цивилизационном пространстве — зон можно продолжить, но наряду с ними существуют и вполне оформленные региональные конгломеративные цивилизации. Эти макрообщности сохраняют преемственность по отношению к «осевым» региональным цивилизациям, но вместе с тем значительно отличаются от них, фактически уже сейчас представляя собой образования нового типа или, во всяком случае, трансформируясь в этом направлении.

Об этом свидетельствует тот факт, пока еще не отрефлексируемый должным образом в теории цивилизаций, что в отличие от региональных цивилизаций, рожденных в Осевое время, современ-

ные региональные цивилизации не всегда базируются на той или иной религии спасения или же религия спасения утрачивает в них свою роль как главного и фактически единственного интегрирующего фактора. Исключениями являются только исламский мир и в определенной степени Россия, где вопреки ее поликонфессиональной природе нарастают тенденции к цивилизационной идентификации на основе православия. В противовес этому субсахарская Африка, например, избирает в качестве цивилизационной религиозной традиции преимущественно доосевые, а вернее, архаические, доцивилизационные верования²¹. Сходные процессы происходят и в Латинской Америке, выстраивающей цивилизационную идентификацию не только на основе своей принадлежности к католическому миру, но и ассимиляции древнейших автохтонных религиозных представлений²². Снижению роли религий спасения как основного формативного элемента цивилизации способствуют и процессы секуляризации, а также постепенного, хотя и неравномерного нарастания культурно-религиозного синкретизма и на Западе, и на Востоке.

Религиозно-культурные традиции не утрачивают свою функциональную, «цивилизационную» значимость, а, напротив, продолжают, но уже по преимуществу в «снятом» виде, определять цивилизационную специфику и на региональном, и на локальном уровнях, маркировать границы, разделяющие цивилизационные макрообщности. Однако в наши дни начинает разрушаться непосредственная связь цивилизаций и осевых религий, как в свое время была утрачена столь же тесная связь цивилизаций с государством. «Религиозно-культурная память» продолжает служить важным, хотя и не единственным, скрепляющим началом в региональных макрообщностях.

Соответственно, второй важной характеристикой современных региональных цивилизаций является наличие весьма разнопорядковых факторов, тоже выполняющих интегрирующую роль, хотя они могут и не иметь изначально собственно цивилизационного значения. Наряду с «религиозно-культурной памятью» и осознанием общности исторического прошлого, не меньшее значение имеют, например, геополитические и геоэкономические интересы в глоба-

²¹ Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. Т.1-2. М., 2005.

²² Шемякин Я. Г. Специфика латиноамериканской цивилизации. Обзор // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 459-461.

лизирующемся мире. Наконец, в-третьих, следует учитывать и возрастающую способность к самопрограммированию цивилизационной идентичности, ее созданию или воссозданию, укреплению или деструкции, трансформации, разработке цивилизационных утопий и проектов (например, проект «гемайншафт-капитализма, который пользуется большой популярностью в конфуцианской цивилизации), что стало возможно прежде всего благодаря бурному развитию в XIX–XX вв. теории локальных цивилизаций, сделавшей цивилизационную самобытность и идентичность объектами рефлексии.

Все перечисленные выше факторы способствуют укреплению региональных цивилизационных макрообщностей, создают базу для их организационного оформления и его легитимизации (симптоматично в этом плане появление АСЕАН, НАФТА и других межрегиональных организаций) и, в конечном счете, усилению системных качеств этих макрообразований, которые были крайне слабо выражены в «осевых» региональных цивилизациях.

Вместе с тем, эти же консолидирующие факторы могут, в определенной ситуации, способствовать изменению «цивилизационной ориентации», открывая перед современными самореферентными обществами широкие возможности для осознанного цивилизационного выбора или цивилизационных комбинаций, стратегически выгодных цивилизационных альянсов и т.д. Репрезентативен в этом отношении пример Австралии, традиционно ориентированной на Великобританию и, соответственно, на западнохристианскую цивилизацию. Однако в последнее время в результате притока иммигрантов из Юго-Восточной Азии (30 % населения) намечается тенденция к переориентации на Восток, формируется идея о том, что Австралия не является частью англосаксонского мира, а представляет собой особую самобытную общность и часть Австралазии — макрообщности, включающей также Юго-Восточную Азию, Китай и Японию²³. Таким образом, формирование цивилизационных макрообщностей нового типа — процесс не полностью спонтанный и базирующийся не только на чисто цивилизационных основаниях.

Формирование новых цивилизационных макрообщностей и трансформаций или распад старых — важнейшая тенденция в новом мировом социальном пространстве, которая уравнивает и от-

²³ См.: Население и глобализация. М., 2004. С. 210.

части совмещает две альтернативные тенденции к фрагментации и унификации, представляя собой своего рода «срединный путь». Макрообщности нового типа — в силу самой своей конгломеративной природы, допускающей высокую степень внутренней гетерогенности, — обладают огромными возможностями для инкорпорации практически любого инородного культурного материала, в т.ч. и создаваемого в рамках глобально-информационного «виртуального континента». Следует отметить, что генетически наиболее ранний тип цивилизационной общности — локальные цивилизации, тесно связанные с этно-национальным государством, в этом отношении отличаются большей ригидностью, а потому весьма чувствительны к любым влияниям извне, изменениям этнического состава и т.д. С другой стороны, допуская в широких пределах фрагментарность и вариативность, современные региональные цивилизации способны компенсировать и ограничить это «избыточное» разнообразие благодаря наличию в них объединяющих начал, в т.ч. общих для того или иного большого региона устойчивых культурно-религиозных традиций. В этом плане знаменательно, что сама конгломеративность имеет сегодня свою ярко выраженную, исторически сложившуюся специфику в каждой региональной макрообщности, хотя здесь возможны определенные трансформации, связанные, в частности, с чрезвычайно интенсивными миграционными процессами.

Современные конгломеративные региональные цивилизации представляют собой специфический тип «свободных» систем (или, по крайней мере, развиваются в этом направлении), в которых весьма разнородные (с точки зрения локальных особенностей и стадийных характеристик) подсистемы и структуры не просто сосуществуют, но и со-развиваются, выполняя различную функциональную нагрузку²⁴. Именно такие макрообщности представляются наиболее адекватными, соразмерными субъектами глобализирующегося мира.

²⁴ О системах такого типа см.: *Богатуров А. Д., Виноградов А. В.* Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории // *Восток – Запад – Россия*. М., 2002. С. 109-130.

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ, ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

CIVITAS VS SUMPTUS: КОНТИНУИТЕТ, КРИЗИСЫ, ЗАКОНЫ ПРОТИВ РОСКОШИ В ТРАДИЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ ИТАЛИИ¹

Одно из центральных понятий в изучении цивилизации латинского Запада, отличительная особенность европейской истории — *civitas*, городская община, члены которой являются не только горожанами, но и гражданами. Очевидно, что столь сложный организм как (гражданская) община во всем многообразии ее форм невозможно представить, не выяснив, каковы были потребности общины, какие траты она производила для поддержания того образа жизни, который был ей присущ (точнее, приписывается ей как некоему идеальному типу и сохраняется в мифологии исторической памяти).

В данной статье дается систематизированный анализ подходов к изучению истории регламентирования роскоши в общинах итальянских земель от Античности до Возрождения и в этой перспективе рассмотрены проблемы континуитета, кризиса и их отражений в традиции и риторике законодательства. Разнообразные меры, направленные на обуздание роскоши в древнем Риме, получили название *leges sumptuariae*, и этот термин (или его калька на итальянском) использовался для обозначения аналогичных мер, предпринимавшихся в период средневековья с XIII в. (*leggi suntuarie*).

Эволюция сумптуарного законодательства, его отражение в исторической памяти, проблемы ре-актуализации и мифологизации данной идеи заслуживают внимания не столько историков права,

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

сколько тех, кто изучает интеллектуальную историю, а также социальное устройство и общественные институты.

Поскольку «поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами, которые составили себе люди и которые управляют их действиями» (Ж. Дюби)², то в первую очередь следует изучать именно эти представления и образы и относящиеся к ним общепринятые правовые нормы, связанные со стереотипным или нормативным восприятием привилегий и обязанностей, роскоши, достоинства и знатности, и другие исторически изменчивые представления, принятые в социуме.

Естественно, что и вопрос о социокультурных трансформациях, кризисах в развитии общины и самой идеи *civitas* (цивитас) связаны с изменениями представлений о должной и недолжной роскоши, что проблема отношения к роскоши служит показателем и спутником кризисных и переломных моментов в истории общины (наиболее документированным это наследие сохранялось на итальянской земле).

Легко предположить, что вопросы отношения к роскоши обостряются в общине именно в переломные периоды истории. Но не менее логичным выглядит и утверждение, что на самом пике кризиса некоторые противоречия и социальная напряженность снимаются и отступают в область дальней памяти, чтобы активизироваться или ре-актуализироваться в совершенно ином контексте. Речь, разумеется, идет не только о кризисах как моментах упадка, но именно о структурных перестройках общества (в т.ч. на пике процветания и обогащения социума). Возможности судить об этих переломных моментах раскрываются при анализе сдвигов в общественном сознании в соответствующие периоды трансформации представлений о роскоши, разумных и неразумных тратах, статусных показателях и атрибутах.

Притом, что тема исследования законов против роскоши является традиционной как для западной медиевистики, так и для антиковедения (в России ситуация иная — совершенно игнорируется вопрос о законах против роскоши в итальянистике относительно средневекового периода и единичны работы по этой теме для истории Древнего Рима), такой постановки вопроса о восприятии традиции борьбы против роскоши и ее ре-актуализации с точки зрения

² *Duby G. Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (Ed.) Faire de l'histoire. T. 1: Nouveaux problèmes. P., 1974. P. 148.*

исследования менталитета, исторической памяти и мифологии — в историографии нет. Поэтому автор берет на себя задачу исследования новых подходов к данной теме и традиционным для ее изучения источникам (в основном правового характера). Мы будем рассматривать тему законов против роскоши в истории *civitas* на итальянской земле как некий «бродячий сюжет» и рассмотрим разные способы его раскрытия в различных исторических контекстах.

Для исследования данных проблем необходимо конкретизировать некоторые базовые понятия и вопросы. Что такое роскошь? По некоторым представлениям — это явление, имеющее совершенно четкое социальное и экономическое определение, связанное с резким и неожиданным ростом доходов определенных, весьма узких слоев населения, не имевших до того высокого достатка.

Вопрос о том, какие проблемы таит в себе понятие роскоши (*sumptus*) не так прост, особенно, если рассматривать эволюцию его восприятия в периоде большой длительности от Античности до Ренессанса. К тратам, которые связывались с понятием *sumptus*, относили издержки на погребение, строительство богато отделанных зданий, судебные расходы, пиры и отдельные виды лакомств, одежды и отдельные элементы платья, украшения и благовония и др. Но возможна и иная точка зрения — представления о роскоши настолько переменчивы и неуловимы, что нужно рассматривать каждый из случаев злоупотребления, излишних трат и демонстрации роскоши отдельно в том или ином своеобразном историческом контексте.

Вслед за Тацитом, законотворцам, пытавшимся обуздать роскошь, как и ученым нашего времени, изучающим историю роскоши и борьбы с ней, оставалось лишь вопрошать: «Что запретить или ограничить, возвращаясь к прежним обычаям? Огромные размеры загородных поместий? Число рабов и их принадлежность к множеству различных племен? Вес золотой и серебряной утвари? Чудеса, созданные в бронзе и картинах? Одинаковые одеяния мужчин и женщин или пристрастия одних только женщин?» (Тас. *Ann.* III. 53).

Приведенный пассаж сочинения популярного античного автора наводит на несколько соображений. Во-первых, хотя бы риторически, запреты роскоши и попытки ее ограничивать мотивировались моралистами как возможность возврата к золотому прошлому общины, к праведной жизни без излишеств. Этот мотив, как призыв к

изначальной простоте и гармонии может использоваться в различных исторических переходных ситуациях, переживаемых цивилизацией. Кроме того, здесь встает вопрос о связи идей моралистов и законодателей эпохи, будь то христианская или до-христианская мораль, при традиционной особой озабоченности ревнителей нравственности всех эпох поведением и пристрастиями женщин.

Другой важный момент, к которому мы подходим — это разнообразие объектов регламентации, связанных с узким или расширительным толкованием роскоши. Список примеров роскошного образа жизни можно продолжить, используя материалы нарративов и визуальные источники, что и делает ряд современных исследователей, например, канадский историк Эндрю Долби в работе, посвященной роскоши и привилегиям в Римской империи, или — относительно итальянского средневековья — Мария Джузеппина Муццарелли³.

Каждый из этих объектов, призванных к демонстрации роскоши, может быть интересен для историков костюма и искусствоведов, занимающихся изображениями, либо для специалистов-археологов, изыскивающих артефакты, связанные с погребениями или пирами и т.д. Особую сюжетную линию будут составлять собственно попытки изучения мер, законов, принимаемых общиной в целях борьбы против роскоши. Такую пеструю картину и представляет собой историография темы роскоши и борьбы с излишествами среди членов общины, как рядовых, так и принадлежащих к элите. Особый блок вопросов связан с исследованиями мотивов регламентации в гендерной перспективе, которые успешно развиваются.

Вот почему кажется методологически важным указать на то, что роскошь характеризуют или представляют собой траты, которые используются на какую-либо вещь или предприятие, а не объекты как таковые⁴. Это позволит не расплывать исследование роскоши по предметам и маргинальным деталям. Что касается исторических источников, по которым мы можем представить себе воззрения относительно роскоши, бытовавшие в то или иное время, то важное место среди таких свидетельств принадлежит именно законам, т.е. не

³ Dalby A. *Empire of Pleasures. Luxury and Indulgence in the Roman World*. L.; N.Y., 2000; Muzzarelli M. G. *Gli inganni delle apparenze*. Torino, 1996.

⁴ Kübler B. *Sumptus* // RE. Bd 7. Stuttgart, 1960. S. 901.

просто моральным, но правовым нормам, которые создавались в процессе развития *цивитас* на итальянских землях.

Не у всех народов роскошь воспринималась как нечто предосудительное. В некоторых обществах против роскоши выступали религиозные авторитеты или отдельные морализаторы. И лишь в особых случаях мы можем увидеть серьезные усилия, направленные против роскоши, подрывающей основы стабильности общины, причем облеченные в форму закона, проводимого светскими властями.

Именно правовые установления кажутся удачным фокусом исследования проблемы переходных моментов в развитии итальянской *цивитас* от Древнего Рима до Возрождения. Законы против роскоши, проще говоря, являются техническим индикатором общин, основанных на принципе *res publica*, и в то же время отражением многих сторон жизни той общины, которая принимает правовые ограничения и самоограничения для дальнейшего своего развития.

Однако чисто правоведческий взгляд не может объяснить важных исторических вопросов — например, почему в традиции существования *цивитас* от Древнего Рима к Средневековью возникла многовековая цезура правового преследования роскоши. Почему Западная и Восточная Империи, равно причастные к правовым традициям Рима (при даже более успешном сохранении и рецепции римского права в Византии), демонстрируют отнюдь не схожие картины правового реагирования на роскошь. Рассматривая вопрос с точки зрения истории права, исследователь не в состоянии объяснить возрождение законов против роскоши в итальянских средневековых общинах (при знакомстве с упоминаниями о них только в нарративах) и отсутствие законов против роскоши в Византии зрелого периода, несмотря на то, что Кодекс Феодосия содержал сумптуарные нормы и теоретически они могли быть использованы правовой мыслью новой эпохи.

Если же принимать во внимание более сложную систему взаимодействия социальных полей, то развитие законов против роскоши, включенное в развитие *цивитас*, служит особым маркером динамики социальных процессов. Важные особенности организации общины и ее институтов, формирования элиты этой общины, понимания права в тот или иной период, в различных социумах становятся понятными при рассмотрении темы «роскошь и отношение к ней».

История форм гражданской жизни и история права — это основные направления историографии, которые проявились в век первых попыток научного изучения средневековой коммуны и остаются основными по сей день. При этом характеристики как той, так и другой ветви гуманитарных исследований диаметрально изменились. В XIX в. понятие *civil history* подразумевало скорее изучение общих и внешних форм социального развития, некие генерализации закономерностей этого развития. Направление *legal history* предлагало другую альтернативу — детализированного историко-правового интерпретирования объектов. Затем соотношение анализа и синтеза в исторических исследованиях и правовой мысли кардинально изменилось. Гораздо медленнее менялось отношение к роли античной общины и всей античной цивилизации и вклада средневекового общества в развитие цивилизационных традиций.

Не упуская случая рассматривать некоторые любопытные переключки реплик мыслителей разных времен по поводу *civitas* и законов по обузданию роскоши, я предполагаю сосредоточить усилия на изучении развития *civitas* — точнее, кризисов и переходных моментов этого развития — в связи с борьбой против роскоши.

Итак, начнем с постулата о том, что именно общины древнего Рима и средневековые общины Италии представляют собой особый материал для исторического сравнения: демонстрируют глубинные взаимосвязи и общие черты, но также и различия. Эта особенность обусловлена т.н. проблемой континуитета социальной жизни латинизированного мира Европы как наследницы античного Рима.

Кратко суммируя наиболее известные, но и наиболее важные для дальнейшего изложения тезисы, можно указать на то, что термин *civitas* в Средневековье обозначал и сам город (обычно центр епископии), и общину полноправных горожан⁵. Термин *comune* (коммуна — от вульгаризированной формы *comunio*, *comunia* — общий) чисто средневековый, появляющийся в источниках только после рубежа тысячелетий. При этом термин *civitas* не вытесняется им совершенно, но употребляется все реже. Начинает складываться

⁵ Представление о *civitas* как о совокупности сограждан, а не просто как о граде, четко прослеживается у такого первостепенного для средневекового латинского мира автора, как Августин.

историография изучения терминологических проблем, в частности, словоупотребления *civitas* в средневековой документации.

При анализе вопроса о появлении коммуны используют в основном правовую документацию. Но в нотариальной практике сохранялась традиция употребления термина *civitas*, и использование неологизма *comune* было более редким. В любом случае, употребление нового термина можно считать лишь показателем изменения «моды» письменной культуры с тяготением к вольгаре (литературной версии народного итальянского наречия), но не доказано, что с трансформацией вокабуляра писцов и нотариусов корреспондировались социальные изменения общины. Использование чисто терминологического индикатора, однако, послужило укреплению мифологизированной картины качественных сдвигов в развитии городской общины итальянского средневековья⁶. Но историки не остановились на этой компромиссной формулировке. Р. Бордоне, Х. Келлер, Дж. Табакко подчеркивали плавный характер процесса становления общины как общины гражданского и политического характера, т.е. коммуны. Принципиально важно, что мода на латинизированные или вольгаризированные формы приобретала в глазах исследователей роль индикатора некоторых глубинных трансформаций⁷.

Однако представляется, что такой путь исследования позволяет продемонстрировать эрудицию в большей степени, чем сфокусироваться на заявленной проблеме. Исследование же моды на роскошь и активизации борьбы против роскоши выявляет некий суммарный показатель, гораздо теснее связанный с трансформациями общественного сознания, чем показатель использования терминов в письменном протоколе, на который ориентировалось ничтожное меньшинство представителей коммуны, в основном нотариусы.

Недостаточную достоверность взаимосвязей терминологических и социальных трансформаций можно компенсировать использованием других индикаторов, связанных со сферой менталитета. Среди взаимных проекций социального мира и мира идей правовые

⁶ Имеется в виду историография вопроса о переходе от *civitas* к коммуне.

⁷ Приоритет разработки соотношения этих двух терминов в правовых документах городского происхождения, скорее всего, принадлежит итальянскому исследователю О. Банти. *Banti O. Civitas e commune nelle fonti italiane dei secoli XI e XII // Forme di potere e strutture sociali. P. 217-231.*

сюжеты занимают особое место. Надо отметить, что нормы и идеалы той или иной эпохи, отраженные в обычае и письменном праве, не только составляют важный объект исторического исследования, но и предопределяют специфику ре-конструирования правотворчества и правосознания как исторического объекта: социальный историк трактует этот материал и ставит вопросы иначе, чем историк права.

При этом явлению рецепции римского права (или, скорее, историографии рецепции права) следует приписать особую роль в создании представлений, или точнее говоря, исторических мифов о континуитете античности. Как справедливо отметила С. Рейнольдс, роль традиции римского права чересчур преувеличивается, во всех случаях, когда с ее помощью пытаются объяснить рационализм принципов построения городской жизни средневековья⁸. Этот момент необходимо учитывать при анализе мифологии исторической памяти в исторических исследованиях. По мнению же автора данной статьи, возможно лишь рассматривать законы против роскоши как некий рациональный компонент социальной организации, присущий и общинам Древнего Рима и общинам итальянского средневековья.

Тем не менее, несомненно, что письменное право совершенно особого вида играло огромную роль в жизни самоуправляющихся (или частично самоуправляющихся) общин, как античного, так и средневекового мира. Но в то же время нельзя игнорировать и то, что попытки законодательной борьбы с роскошью появляются в Италии в период наиболее интенсивного интереса к ее социальному прошлому со стороны образованных элит, прилежного чтения классических авторов, сохранивших описания данных законов Древнего Рима в кругу тех, кто принадлежал к такой социально-статусной группе, как круг судей, нотариусов, законодателей и административных лиц итальянских общин на пороге эпохи Ренессанса.

Возникает вопрос: что дали развитию гражданской традиции эти опыты, и шире, что дало античное наследие борьбы с роскошью развитию *цивитас* Средневековья и Возрождения? Насколько взаимосвязаны феномены законодательного ограничения роскоши, проявившиеся в античности и средневековье и в период Возрождения? Насколько риторическими были отсылки к античному наследию?

⁸ Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe. 2000. P. 216.

Проследим несколько моментов в истории зарождения законов против роскоши, которым, как правило, не уделяют никакого внимания медиевисты, ограничиваясь абстрактным упоминанием «античного наследия».

Законы, которые имели целью регулировать чрезмерные траты и демонстрацию роскоши в древнем Риме, издавались с конца III в. до н.э. — с драматического момента истории римского государства, вступившего в новый этап развития, ознаменованный войной с Карфагеном. Первоначальные меры были в основном связаны с украшениями и одеждой, затем стали превалировать вопросы организации пиров и приобретения дорогостоящих кушаний, и, наконец, законодатели вновь сфокусировали внимание на неразумных тратах, шедших на платье и ювелирные изделия.

С 215 г. до н.э. римским женщинам запрещалось иметь украшения весом больше, чем пол-унции золота, а также носить одежды, окрашенные в пурпур и другие цвета (Liv. 34.1-2). Закон был принят в разгар Второй Пунической войны, вскоре после катастрофы в битве при Каннах, когда римские власти стремились ограничить нерациональные траты⁹. *Lex Oppia*, пожалуй, единственный конкретный пример сумптуариев Рима, на который ссылаются исследователи истории средневекового костюма, истории женщин, специалисты, изучающие средневековые законы против роскоши. Забегая вперед, можно объяснить это предпочтение и внимание медиевистов тем, что в средневековье на итальянской земле особым образом регламентировалось излишество в украшениях и платье, и тем сходным обстоятельством, что средневековые законодатели концентрировали внимание на обуздании демонстрации роскоши со стороны женщин.

Возвращаясь к первому известному нам закону против роскоши в Риме, надо отметить, что двадцать лет спустя, в 195 г. до н.э., закон Оппия был упразднен по настоятельным просьбам римских матрон. Однако в дальнейшем законодательные ограничения в области борьбы с роскошью были подкреплены установлением высоких налогов на ношение драгоценностей и богатого платья, введенных цензором Марком Порцием Катонем в 184 г. до н.э.¹⁰

⁹ Квашин В. А. Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2006. С. 85.

¹⁰ Kübler B. *Sumptus* // RE. Bd 7. Stuttgart, 1960. S. 904.

Основная часть законов о роскоши республиканского времени после Второй Пунической войны была направлена на ограничение расходов на пиры. Так, в 161 г. до н.э., по инициативе консула Гая Фанния Страбона, был принят Фанниев закон (*lex Fannia sumptuaria*), ограничивавший расходы на пиры 100 ассами в праздники и 10 ассами в обычные дни, а также предписавший ограничить число гостей (не более 3-5 человек. (Macrob. Sat. III.17; Gell. II, 24)¹¹.

Как реакция на нарушение закона Фанния в 143 г. до н.э. был принят закон Тита Дидия (*lex Didia sumptuaria*), он распространял действие закона Фанния на территорию всей Италии и привлекал к ответственности не только устроителей пира, но и гостей (Macrob. Sat. III.17)¹². В 131 г. до н.э. был принят закон, предложенный консулом Публием Лицинием Крассом Дивесом Муцианом — *lex Licinia sumptuaria* (Gell. II, 24). Этот закон разрешал в дни календ, нон и нундин тратить на еду 30 ассов, а в остальные дни потреблять не более 3 фунтов (около 980 гр.) сухого и копченого и 1 фунта (327,4 гр.) соленого мяса. Количество плодов земли при этом не регламентировалось¹³. *Lex Aemilia sumptuaria*, дата которого, согласно привязке к двум различным консульствам, определяется 115 г. или 78 г. до н.э., был, как и предшествующие законы, направлен на ограничение расходов на дорогие продукты (Gell. II, 24; Plin. NH. 8. 82).

Специалисты по истории Средних веков и Ренессанса не обращаются к этому материалу, так как не видят в нем прямых аналогий со средневековыми ограничениями роскоши в итальянских общинах по объекту регламентации. Но для общей оценки сумптуариев как способа реагирования на социальные трансформации этот блок мер показателен. Несомненно, при более широкой постановке вопроса, здесь есть общее поле исследований для медиевиста и антиковеда, особенно для тех, кто изучает эволюцию и трансформацию элит.

Можно придать законам против роскоши II в. до н.э. (*leges sumptuariae*) такой смысл, как отражение социальных изменений, перемены «климата» общины, происходившего, в первую очередь в среде знатных семейств, отказа от традиционного патриархального

¹¹ Квашиин В. А. Законы о роскоши в Древнем Риме... С. 110.

¹² Там же. С. 112.

¹³ Там же. С. 112 сл.

образа жизни¹⁴. Однако наиболее дальновидная часть римского правящего круга, элиты не могла не понимать опасности расшатывания тех моральных устоев, на которых была основана римская *civitas*. Поэтому законы о роскоши принимались по инициативе или при поддержке представителей знати и одновременно затрагивали интересы родовитой и зажиточной части римской общины.

Установленные в Древнеримском государстве ограничения затрагивали дорогостоящие продукты и вина, импортировавшиеся в Рим, а также возникшую в среде знати привычку к частым пирам с большим количеством приглашенных гостей, что вело к подмене истинно общественных интересов групповыми¹⁵.

Помимо законов, направленных на борьбу с дорогостоящими пирами, существовали законы, ограничивающие расходы на погребения, неразумные издержки для увековечивания и прославления рода, например закон *lex Cornelia*, принятый диктатором Суллой в 81 г. до н.э. (Amm.Marc. 16.5; Gell. II, 24)¹⁶.

Показателен *lex Antia sumptuaria*, который был принят народным трибуном Гаем Анцием Рестием приблизительно в 70-68 гг. до н.э., осуждавший должностных лиц республики, предававшихся излишествам. Согласно этому закону, всем, кроме магистратов и стремившихся к этой должности, запрещалось тратить больше установленной суммы на званые обеды (Macrob. Sat. III.17; Gell. II, 24).

Закон Цезаря от 46 г. до н.э. (*lex Iulia sumptuaria*) запрещал ношение шелковых и пурпурных одежд, а также жемчуга, за некоторыми исключениями (для определенных лиц в специально оговоренные дни). (Cic. Att. 13.7; Cass. Dio. 43.25; Div.Iul.43).

Попытки проведения законов против роскоши предпринимались и в период Принципата. Так, Август издал в 18 г. до н.э. закон, согласно которому расходы на пиры, не должны были превышать в будние дни 200, а в праздничные дни — 300 сестерциев, на свадьбы и на продление празднования на следующий день — не более 1000 сестерциев (Gell. II, 24; Suet. Aug. 34.1. Tac. Ann. III. 53-54).

¹⁴ Kübler B. *Sumptus*. S. 906.

¹⁵ Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. № 4. С. 62. Штаерман Е. М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 63.

¹⁶ Kübler B. *Sumptus*. S. 907.

Преемник Августа, император Тиберий в 16 г. н.э. ввел запрет на использование золотой посуды во время трапезы, а Адриан повторил попытки ввести ограничение трат на пиры (Vit. Hadr. 22.5). Тиберий ввел также запрет на ношение шелковых одежд для мужчин (Cass.Dio. 57.15.1). Запрет ношения пурпурных и шелковых одежд вводились также единичными эдиктами Нерона (Suet. Ner. 32), Веспасиана (Tac. Ann. III. 55).

Законодательство, разумеется, не передает картину того, как складывалась ситуация «на самом деле». Законотворчество показывает нам господствовавшие топоры сознания, или, иначе говоря, законодательство выражало и отражало, прежде всего, настроения, господствовавшие в широких слоях общины, которые могли использоваться в популистских целях. Это как бы полисная, республиканская идеология борьбы с роскошью. Так называемые законы против роскоши становились даже орудием против демографического кризиса — для стимуляции брака разрешением на украшения. Аналогом налога на бездетность — можно считать и запрет на украшения из жемчуга для бездетных и безбрачных. Есть в античном наследии и другая струя, направленная на борьбу с роскошью как с излишними тратами для избранных семейств и отдельных общин, в том числе обладавших высшим статусом, но подвергавших опасности собственное благосостояние, с точки зрения центральной власти. И наконец, со времен античности существовала и особая трактовка роскоши как статусного отличия, например, идея особых одежд для каждого сословия появилась в период империи в правление Северов¹⁷, что также подчеркивается медиевистами, поскольку коррелируется с традиционным средневековым иерархическим видением.

При углубленном рассмотрении истории сумптуариев, становится, однако, очевидным, что весьма опасно выделять некоторые моменты истории сумптуариев с целью подыскать аналогии между античностью и средневековьем. Причем совершенно невозможно говорить о каком бы то ни было целостном образе действия античных законодателей против роскоши, о готовом рецепте античности, который средневековье могло бы получить в качестве предписания. Напротив, мы имеем дело с разновекторными усилиями и несхожи-

¹⁷ Muzzarelli M. G. Op. cit. P. 99.

ми историческими контекстами, равным образом представляющими так называемую «античность»: *civitas* различным образом трактует и преследует роскошь в эпоху Республики III–I вв. до н.э. и в т.н. период Поздней республики; сурптуарии и гонение на роскошь в период Принципата несколько отличны от мер контроля и надзора над роскошью в эпоху зрелости Империи, при этом речь идет о частных и публичных лицах, индивидуальном и коллективном статусе, об издержках общин в целом.

Показательно, что не только каждая эпоха, но и выделяемый историками период, и даже сколько-нибудь значительное правление оставили в истории собственное сурптуарное законодательство. Никаких прямых заимствований из античных законов против роскоши средневековые законодатели при всем желании не могли почерпнуть ввиду отсутствия основного массива оригинальных текстов и смены конкретных объектов, выражавших злоупотребление богатством и демонстрацией роскошного образа жизни. Но это не значит, что медиевист не должен уделять внимание перечисленным сюжетам.

Что касается действенности законодательства, то сам перечень попыток обуздать роскошь свидетельствует об их неэффективности в свое время. Что же касается воздействия этих законов на умы средневековых потомков, то достаточно обратить внимание на то, что упоминания и пересказы сурптуариев содержат все популярные сочинения античных классиков, наследие которых актуализируется именно в прото-Ренессансную эпоху, т.е. в период активного социального и институционального строительства, предпринятого городами-общинами, свободными и зависимыми республиками XIII–XV вв.

Роскошь как объект ограничения выступает в период трансформации городской общины XIII – начала XIV вв. (за исключением единственного примера середины XII века, все первые образцы сурптуарного права средневековья датируются второй половиной XIII века и Треченто — но еще до времени эпидемий):

Первое ограничение роскоши в процветающих морских республиках (Генуя, середина XII века). Приток роскоши и правовые нормы 1157 г.

Пиза 1258–1261 гг. *Breve Pisani comunis* 1286 г. *Breve Consulum Mercatorum* 1305 г.

Также в Тоскане осуществлялась борьба с роскошью в рамках антимагнатского законодательства, примерами служат постановления, которые приняли Флоренция (1292 г.) и Сиена (1250–1260 гг.).

С конца XIII по конец XIV вв. законодательные меры направленные против проявлений роскошного образа жизни, прежде всего в виде регламентации дорогостоящих деталей костюма и украшений, в той или иной форме принимают практически все городские общины (коммуны) Севера и Центра. Интересно, что величина и значение городской общины никак прямо не увязывались со скоростью приобщения к традиции сумптуариев. Так, крупная и древняя коммуна Милана принимает законы против роскоши относительно поздно, только в конце эпохи Треченто.

Отношение к роскоши после «черной смерти» и кризис Треченто зафиксированы особым образом и в кодификации сумптуарных законов (*sumptuariae*), и в их интеграции в общегородское законодательство. Именно в этот период городские статуты начинают включать статьи против роскоши в одежде и украшениях. Городские хроники также не умалчивают о попытках введения регламентации излишеств, прежде всего в женском платье и драгоценностях.

Так, Джованни Виллани поневоле и вдвойне оказался ценным свидетелем борьбы против роскоши. Сам по себе род Виллани был ориентирован на допустимость демонстрации богатства как статусной привилегии, и в хрониках должны были содержаться отражения этой идеологии и проявляться внимание к теме сумптуариев. Кроме того, вторая жена Джованни Виллани в 1327 г. нарушила закон против роскоши. Этим происшествием объясняется, вероятно, и общий тон хрониста, и особые замечания — то место в кн. X, где говорится, что «неумеренные желания женщин берут верх над мужским здравомыслием». Также в книге XI, описывая события 1330 года, хронист не только подробнейшим образом описывает модные детали костюма и манеры украшать себя, овладевшие сердцами женщин Флоренции (одежды из шелка, жемчужные украшения, серебряные пуговицы, гирлянды и короны, драгоценные камни с различными знаками и буквами), но приводит точное время прихода этой особой моды¹⁸.

¹⁸ *Villani Giovanni*. Nuova Cronica / Ed. Critica a cura di Porta G. 3 voll. Parma, 1990. Lib. XI. Cap. CLI. P. 709-711.

Аспект отражения роскоши как «женского» неблагочестия в мифологизированной исторической памяти был весьма силен. Богатый исторический материал позволяет строить самые неоднозначные предположения о характере законов против излишеств (в том, что касается трат на женские одеяния).

В некоторых случаях исторический контекст подсказывает исследователю рассматривать сумптуарии как предтечу законодательства против старой знати, либо в других примерах — видеть в них отражение новой статусной идеологии переходной эпохи.

Второе предположение кажется более обоснованным для более поздних примеров сумптуарного закона, когда категория *milites*, прежде ущемленная пополанским законодательством, со временем освобождалась от действия законов против роскоши (например, уже упомянутая городская община-коммуна Сиены в период Треченто).

Связь статуса и затрат на роскошь (*sumptus*) в эпоху Ренессанса обладает рядом особенностей. Самое простое наблюдение, которое можно сделать: линия развития сумптуариев характеризуется чисто количественным приращением — увеличением попыток борьбы с излишествами при тех же объектах регламентации. Что касается рассматриваемых законами субъектов, носителей определенных привилегий и свобод, то здесь необходимо сделать несколько замечаний. Особенности сумптуариев в отношении категории *milites* при этом сохраняется, как и особое положение женщин. Именно одежды и украшения женщин мы видим в качестве постоянного объекта регламентации со стороны законодателей, но при этом не стоит забывать, что даже в вольнолюбивую эпоху Ренессанса, женщины являются своеобразным ретранслятором статусных достижений рода, скорее, чем демонстрируют личные амбиции.

Эпоха Черной смерти, вопреки ожиданиям, в какой-то мере теряет интерес к законодательной борьбе против излишеств, в то время, как морализаторские и даже эсхатологические настроения растут в обществе, прежде всего в образованных кругах общины. Однако это отсутствие законодательных инициатив вполне объяснимо спадом социальной напряженности после демографического истощения городов. В дальнейшем же, как эхо — на памяти второго-третьего поколения выживших после эпидемии, — законы против роскоши, которые ранее принимались *ad hoc* (по определенному поводу), ста-

новятся настолько массовым явлением, что теряют индивидуализированные черты принадлежности той или иной общине.

Итак, в XV в. законы против роскоши становятся привычной нормой, а не нововведением, каким это казалось прежде. Поэтому нас преимущественно интересует период до XV в. — как отражение или часть реакции на новые явления в стратификации социума, а последующий массовый этап — как индикатор «эха» кризисного переломного этапа в развитии *civitas*. На разных этапах существования *civitas* средневековья реактуализируются различные (хотя и далеко не все) аспекты развития *civitas* Античности. Думается, что поскольку в отношении континуитета коммуны нет и, видимо, не может быть в настоящее время выработано четких и общепризнанных заключений, то и континуитет сумптуарного законодательства может быть признан не более чем в качестве схоластической конструкции.

Резонно ограничиться констатацией того факта, что почти все заметные поселения и общины итальянских земель, получившие статус *civitas* в средневековье, т.е. ставшие итальянскими коммунами, вели отсчет своей истории от античных городов (хотя неоспоримо и то, что некоторые средневековые европейские коммуны отнюдь не имели античных предшественников). И точно так же сумптуарии возникали и актуализировались вновь именно в тех центрах, которые развивались на месте античных городов.

Что касается особенностей борьбы против роскоши *civitas* средневековья, то основным отличием от положения дел в Древнем Риме как будто должно быть отсутствие постоянного вмешательства (как и поддержки) центральной власти в дела и траты общины.

Естественно, меняются некие объекты просто в связи с изменением костюма и моды. Иногда эти на первый взгляд мелкие объекты (пуговицы, застежки) знаменуют собой переворот в отношении к телу и поведению в обществе (крой одежды с выточками, закрепление ткани пуговицами так, что возникает силуэт и контур тела). Возможно, раздражение по поводу этого нового стиля поведения переносилось на вспомогательное средство — пуговицы, а ощущение нового образа жизни выражалось в акцентировании этих деталей, превращении функционального атрибута одежды в украшение.

Также меняются виды ограничительных норм, и в связи с особенностями социальной стратификации в средневековье послабления получают другие группы, например медики или судьи в средне-

вековье пользуется особым статусом, как всадники или сенаторы в Риме. Иное сочетание светского и сакрального в средневековье диктует некоторые особенности сумптуарного законодательства (в землях Церкви). В таком университетском центре (прежде всего, центре изучения права) как Болонья исключения делались не только для жён рыцарей, но и для докторов наук: по статутам Болоньи, составленным нотариумами, принадлежавшими к тому самому слою, который получал привилегии (1389 г.)¹⁹.

* * *

Предложенные размышления представляют собой попытку анализа подходов к изучению темы роскошь и традиция *civitas*. Таким образом, все это — рефлексивный пролог к проекту исследования, и в силу этого окончательные выводы на данном этапе не предполагаются. Однако необходимо суммировать некоторые положения в кратких заключительных ремарках.

Что является выражением роскоши, что означает приобретение предметов роскоши в том или ином обществе, каким образом демонстрация роскоши указывает на статусные различия членов одной общины, как и отчего меняется отношение к излишествам и роскоши, каким образом право регулирует и отражает бытующее отношение к роскоши? Все эти вопросы интересны специалистам различных дисциплин — культурной антропологии, социальной истории, истории идей и правоведения, исторической психологии и культурологии. Интересны эти вопросы и досужим обывателям, особенно в те моменты, когда в обществе зреют настроения социального конфликта, попыток укрепления существующей системы или, наоборот, изменения иерархии общества, перераспределения доходов и преодоления неравенства и других статусных характеристик.

Можно предположить, что роскошь как статус — представление стабильной эпохи. Не роскошь, а нарушение статуса — преступление в глазах современников и членов общины в такие моменты истории. Роскошь как подрыв общественных устоев — такое представление складывается в кризисные и переломные эпохи.

В античности происходит складывание двойственной идеологии борьбы против роскоши для стимулирования общественных ин-

¹⁹ *Muzzarelli M. G. Gli inganni delle apparenze. Torino, 1996 (Глава “Tre secoli della normative suntuaria bolognese”)*.

тересов против частных, например, регламентация частных пиров и собраний в пользу публичной жизни на Форуме. Но частично законы против роскоши становились даже орудием против демографического кризиса (стимуляция брака разрешением на украшения, запрет на украшения из жемчуга для бездетных и безбрачных). Это как бы полисная, республиканская идеология борьбы с роскошью.

Есть в античном наследии и другая струя, направленная на борьбу с роскошью — как с излишними тратами общины, с точки зрения центральной власти. Этот концепт роскоши как излишних общественных трат вступает в свои права в поздний, имперский период существования римской государственности.

Для средневековья в целом актуальны оба мотива. В централизованных королевствах, естественно, должен был актуализироваться мотив регулирования издержек локальных общин центральной властью. В Италии же, в ее городах-государствах большей популярностью должен был пользоваться первый мотив — полисной идеологии. И только с подчинением городом других общин округи мог вступить в силу иной смысл запретов на роскошь. Но и при развитии борьбы с роскошью в духе традиционной раннереспубликанской морали вопросы статусного различия оставались весьма влиятельными.

В итальянском средневековье мы можем отметить собственно ограничение блеска и роскоши только в отдельных демократических коммунах в рамках анти-магнатского законодательства. И это не магистральная линия. Даже в рамках этих законов послабления для старинной родовой знати в Тоскане отмечались. В основном практиковался запрет на демонстрацию завышенного статуса и подчеркивание статусных различий. Только частично эти запреты отражали попытки ограничения непроизводительных трат коммуны.

Вопрос о ре-актуализации борьбы с роскошью в рамках закона является отличительным признаком развития именно цивитас Италии, несмотря на то, что Запад и Восток христианского мира в этот момент обладали равным наследием и возможностями в области осмысления опыта античности и рецепции римского права. Показательно, что и внешние обстоятельства — влияние памяти о «Черной смерти» во втором-третьем поколении, которое, на мой взгляд, играло значительную роль в массовом воспроизводстве законов против роскоши, наличествовавшие в истории Византии, имели своим след-

ствием лишь усиление морализаторских усилий, а не правовые меры, направленные на обуздание роскоши.

Итак, мы проследили сложную систему взаимодействия социальных полей, рассматривая развитие законов против роскоши как особый маркер динамики социальных процессов, связанных с развитием *цивитас*. Важные особенности организации общины и ее институтов, формирования элиты этой общины, понимания права в тот или иной период в различных социумах становятся более рельефно выраженными (а иногда и более понятными) при рассмотрении темы “роскошь и отношение к избыточным тратам и роскошному образу жизни и демонстрации богатств”. Особый способ осмысления *сумптуарного права* — это попытки проследить влияние, преемственность идеи или даже простые отсылки и упоминания законов против роскоши — от древних римских писателей и законодателей к философам Нового времени, таким как Монтень²⁰ или Монтескье²¹. Следует отметить, что от древнеримского времени тексты самих законов против роскоши в оригинальном виде не сохранились. Содержание *leges sumptuariae* известно, в подавляющем большинстве случаев, благодаря нарративным источникам, а не правовым.

Хотя тексты самих *leges sumptuariae* не сохранились, тем менее, именно на законы против роскоши Древнего Рима ссылались мыслители Нового времени. Естественно, несмотря на утрату оригиналов сохранились источники, которые отражали борьбу с роскошью, с расходами на удовольствия (*impensae voluptariae*), например, эпиграфические источники. Но дело в том, что с такими источниками не были знакомы не только Монтень или Монтескье, отдавшие дань внимания традиции законов против роскоши, но и средневековые юристы и представители средневековых *цивитас-коммун*, которые пользовались и идеей, и термином *leges sumptuariae*.

²⁰ Монтень. *Опыты*. Глава XLIII. О законах против роскоши.

²¹ Монтескье *Ш. Л.* О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д., к чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных. Книга VII. Влияние различных принципов трех видов правления на роскошь, законы против роскоши и на подавление женщин.

Что касается периода средневековья, XIII столетия, когда мы можем зарегистрировать первую волну законов против роскоши (единственное исключение — законы середины XII в.) и века Ренессанса, когда *leges sumptuariae* становятся действительно массовыми, то они прекрасно сохранились во всем своем внушительном объеме по сей день, но, как будто, не оказали такого существенного влияния на европейскую мысль, как античные меры борьбы с роскошью.

Таким образом, мы без сомнения имеем дело с обычной для эпохи Просвещения мифологизацией античной традиции и преувеличением роли римской *цивитас* по сравнению с успехами развития *цивитас* средневековья, с созданием мифа о вольнолюбивой античной общине, преследующей роскошь как антитезу гражданским добродетелям. Итак, следует соотносить влияние средневековых законов против роскоши с силой влияния образа *цивитас* средневековья в исторической мифологии и даже научной историографии.

Поскольку итальянская городская община воспринималась через призму мифа о Великой Античности как бледное подобие римской *цивитас*, та же картина долгое время господствовала в сфере отражения роли средневековых *сумптуариев*, которые составили богатое правовое наследие и пышный круг исторических источников, но в мифологии исторической памяти остались лишь шлейфом утраченных римских *сумптуариев*. Также возможно заключить, что в восприятии Нового времени тень церковно-морализаторских установок средневековья падала и на светское законодательство и затуманивало его. На мой взгляд, эти способы восприятия роскоши и борьбы с демонстрацией роскошного образа жизни и излишними тратами не являются единым идеологическим целым, подобно тому, как светская гуманистическая благотворительность эпохи Ренессанса является отдельной струей развития социального милосердия по отношению к благотворительности церковной, и должны быть различаемы исследователями как принципиально различные подходы к попечению о слабых членах социума.

Таким образом, постановка вопроса о светской традиции законов против роскоши и ее континуитете является методологически важной как для изучения отражений кризисов переломных эпох в социальных институтах, так и для преодоления некоторых интенций мифологизации исторической памяти.

С. В. ЗАНИН

«УТОПИЯ» ИЛИ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ»?

«Общественный идеал», «утопия», «путешествие в несуществующую страну», «принцип надежды», «государственный идеал», «политический идеал»... В настоящее время бытует множество терминов для обозначения представлений того или иного мыслителя, социальной группы, о наилучшем, желательном устройстве общества. Существует ли содержательное различие между ними, или в них вкладывается приблизительно один и тот же смысл?

Специалисты по истории общественной мысли нередко обращаются к определениям, данным такими признанными авторитетами как К. Мангейм, Э. Блох, М. Бубер. Можно сослаться и на работы отечественных философов, историков политических и правовых учений, государствоведов¹. Употребление названных терминов имеет долгую традицию, представить которую целиком вряд ли возможно². Поэтому остановимся подробнее на истории употребления разных терминов и на том значении, которое за ними закрепилось, не касаясь прямо споров о содержании различных понятий, обозначающих представления о наилучшем устройстве общества.

Как известно, термин «утопия» был введен Т. Мором. В толковых словарях французского, немецкого и английского языков XVII и XVIII вв. он приобрел весьма негативный оттенок. «Утопист» — это тот, кто питает свое воображение «химерами»³. В некоторых словарях указывается, что автор утопии как литературного произведения вправе давать волю своему воображению. Никому не возбраняется

¹ См. подробный анализ учения об общественном идеале в русской общественной мысли: *Исаев И. А.* Консервативная политико-правовая утопия в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991; *Величко А. М.* Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999.

² См. библиографические указатели: *Haschar P. G.* Utopian/Distopian littérature : A bibliographie of Litterary criticism. Oxford, 1994, Dictionary of Litterary Utopias. P., 2000.

³ *Trousseau R.* Voyage dans un pays de nulle part. P., 1999. Ch. I.

создавать литературные произведения, в которых речь идет о воображаемых странах, и содержатся более или менее прозрачные намеки на политическую, социальную и культурную действительность. Эти произведения до некоторой степени уже в XVIII в. расценивались как политические памфлеты. Приведем в пример хотя бы «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта или «Крушение плавающих островов» Морелли. Но этот литературный жанр вобрал в себя не только политическую проблематику. Он являлся, одновременно, и жанром познавательным. Путешествия в «воображаемые страны», как правило, имели документальную основу, а их авторы были прекрасно знакомы с описаниями, сделанными путешественниками.

Именно из этих полных мифов и фантазий описаний странствий в загадочные страны выросла сравнительная антропология века Просвещения⁴. Художественная и естественнонаучная литература XVII–XVIII вв., судя по специальному каталогу Национальной библиотеки Франции, насчитывает более 200 художественных произведений утопического жанра и свыше полутора тысяч произведений, содержащих «описания» разных, в т.ч. «выдуманных» стран. Порой сложно установить различие между литературным произведением и описанием реально существовавшего уголка света: путешественники часто приукрашивали свои рассказы, чтобы привлечь внимание читателей. Не только «описания» путешествий, но и «серьезная» юридическая литература испытала влияние рассказов о жизни народов, которые вели примитивное хозяйство. Юристы «школы естественного права и прав лиц», идейным вдохновителем которой стал великий Гуго Гроций, «сами были наполовину убеждены в том, что гипотетическое естественное состояние, в котором люди находились до возникновения государства и права, реально существовало»⁵. Без преувеличения можно сказать, что «утопия» в эпоху раннего Нового времени стала феноменом культурного сознания человека и являлась попыткой *философского* осмысления многих вопросов «естественного права», сущности человеческой культуры, религии и культа, антропологии. В этом отношении монументальное исследование Э. Блоха «Принцип надежды», в котором дается весьма насыщенная

⁴ Duchet M. Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. P., 1995 [1972].

⁵ Vaughan Ch. Introduction // The political writings of J.-J. Rousseau / Ed. Ch.-E. Vaughan. Cambridge, 1915. T. I. P. 72.

картина развития утопических представлений в Европе XVI–XIX вв. в полной мере учитывает сложный характер феномена «утопии» в сознании новоевропейского человека.

Несмотря на критическое отношение к утопии в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, известный прагматизм, употребление термина исключительно в негативном ключе как синонима слова «химера», читатель не без удивления замечает, что ее авторы с симпатией относятся к «аграрному социализму», о котором речь идет в статье известного экономиста Файгэ де Вильнеф «Моравы», обнаруживает хвалебный отзыв шеваляе Луи де Жокура, одного из самых плодовитых авторов «Энциклопедии», об организации коллективного хозяйства орденом Иезуитов в Парагвае⁶. Энциклопедисты мечтали «о лучезарном мире, устройство которого зависело бы не от божественных предначертаний, а этот мир был бы скроен по мерке человеческого разума»⁷. Таким образом, в «Энциклопедии» закрепляется значение термина «утопия»: это область фантастики, вымысла, «химер». Вместе с тем, авторы «Энциклопедии» признавали, что, наряду с «утопией», вполне возможно представление о «желательном» устройстве общества, которое отнюдь не является утопическим, если принять во внимание исторический опыт, волю и разум тех, кто стремится к созданию оптимальных социальных отношений.

Рационализм энциклопедистов и их враждебное отношение к утопии оказали влияние на политических мыслителей XIX в. Все те, кто заявлял о возможности целенаправленного построения нового общества на разумных началах, считали, что «утопия» во всех отношениях неприемлема. Этот термин становится неотъемлемой частью критики «ненаучных» проектов преобразования общества. Наряду с ним, появляются новые термины, которые противопоставляются утопии. Достаточно вспомнить «социократию» Огюста Конта, «коммунизм» Карла Маркса, который его последователи окрестили «научным». Критика Контом «метафизического» периода в развитии философии, то есть периода господства идей «естественного права» и «народного суверенитета» в XVIII в., вполне солидарна с критикой

⁶ Encyclopédie, ou le Dictionnaire raisonné des sciences des arts et des métiers. Par la société des Gens des lettres. Neuchatel, 1765. Т. X. P. 704-705, Т. XI. P. 901.

⁷ Proust J. Marges d'une utopie : pour une lecture critique des planches de «l'Encyclopédie». Cognac, 1985. P. 9.

Марксом «гражданского общества» в трудах «юристов школы естественного права» и их немецких последователей в лице «предмартовских либералов» (*Vormärzliche*), вроде Карла Роттека или «младогегельянцев» из «Святого семейства» (в «Немецкой идеологии» и в статье «К еврейскому вопросу»). Утопию «гражданского общества» должна сменить научно обоснованная концепция построения общества будущего. Это убеждение, в сочетании с верой во всемогущество технического прогресса, роднило социальную доктрину Маркса и Конта до такой степени, что известный русский философ Б. В. Яковенко в курсе «Истории русской философии» назвал марксизм «материалистическим позитивизмом»⁸.

В рамках статьи вряд ли можно подробно охарактеризовать этапы, которые прошли позитивизм и марксизм в XIX в., но для нас принципиально важна та дистанция, которую оба этих учения соблюдают по отношению к «утопии», и которая прослеживается уже в классическом рационализме эпохи Просвещения. В конце XIX – начале XX вв. развитие позитивизма и критическое отношение к классическому марксизму, прежде всего в среде «ревизионистов», было отмечено поиском альтернативы понятиям «социократия» и «коммунизм». В «ревизионизме» все более частым становится употребление термина «социализм» как промежуточной, эволюционной фазы в развитии общества, которая необходимо предшествует «коммунизму»⁹. В корне меняется и сам характер представлений о «желательном» устройстве общества. Если в XVI–XVIII вв. «утопия» описывала в основном страну, уголок света, находившийся вне культурного пространства цивилизации Европы, то в XIX в. прослеживается представление об утопии как о реальности, которая может возникнуть во времени («будущее») или уже существовала в прошлом. Неслучайно многие современные исследователи подчеркивают, что для характеристики утопий XIX в., коммунизма или анархизма, больше подходит термин «ухрония», означающий «вне времени»¹⁰. Со своей

⁸ Яковенко Б. В. История Русской философии. М., 2006.

⁹ Ойзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М., 2004.

¹⁰ См.: Ricoeur P. Du texte à l'action. Essais de l'herméneutique II. Paris, 1986. P. 427. Его точку зрения разделяют участники коллоквиума, проходившего в Эрлангене в 1986 г. (De l'utopie à l'uchronie. Formes, significations, fonctions.

стороны либералы-наследники позитивизма Конта во второй половине XIX в. отказались от обоснования возможности «социократии» в пользу социологического изучения права, общества, государства. Взамен «социократии» возникает и новый термин для обозначения оптимального устройства общества¹¹. Все большее хождение получает понятие «общественный идеал», рассматриваемое многими авторами исключительно как «научно обоснованный» проект устройства общества в ближайшей перспективе. По их мнению, три фактора определяют развитие «общественного идеала»: общественное воспитание, социальная солидарность, эволюционные преобразования институтов государства и права¹².

В начале XIX в. на анализе представлений об оптимальном устройстве общества сказывается влияние неокантианства, в особенности в его баденской редакции¹³. В конце XIX в. выходит известное сочинение П. Наторпа, посвященное социальной педагогике, где основное внимание уделяется возможности воплощения «трансцендентальных ценностей» культуры («красота», «добро», «истина») с помощью общественного и семейного воспитания, образования, религии и «самосовершенствования». Наторп настаивал на том, что формы социальной жизни индивида выражают императивы его культурного сознания¹⁴. Проблема «общественного идеала» стави-

Tubingen, 1988). Правда, есть и исключения из этого общего правила, к примеру, роман Л.-С. Мерсье «Год 2440: сон, если только он когда-то был» (1776).

¹¹ Из работ, посвященных проблемам эволюции позитивизма в России см.: Зорькин В. Д. Юридический позитивизм в России. М., 1989.

¹² См., напр.: Fournière E. L'idéalisme social. P., 1898, Rocques J. L'idéal social, solution scientifique de la question sociale. P., 1895, Guizard Ch. L'idéal social. P., 1896 (3-ème éd. 1929), а также периодическое издание: Idéal social. P. 1910–1912. № 1–4. Оно публиковалось французскими синдикалистами, которые поддерживали идеи «социальной солидарности», главным выразителем которых во Франции был крупный специалист по конституционному праву Леон Дюги. См.: Blais M.-C. La solidarité. Histoire d'une idée. P. 2007.

¹³ По сути, неокантианство представляло собой последовательную критику позитивизма. В этом легко убедиться, если вспомнить «О границах образования естественнонаучных понятий» Г. Риккерта и его важное в методологическом плане сочинение «Zur Lehre von der Definition» (Freiburg, 1888).

¹⁴ Natorp P. Sozialpädagogik. Theorie der Willenerziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft. Freiburg, 1899. См. также сборник речей Наторпа «Культура и народ» (М., 1909).

лась им и в поздней работе, посвященной «новым направлениям общественного воспитания». По его мнению, если признать правоту Платона, который считал человека носителем «идеи» или «гением», то, в конечном счете, можно сказать, что «все силы индивидуумов в своем единстве, являются божественной силой, и поэтому идеал не есть беспочвенная и смутная надежда или мечта... это единство проявляется в виде бесконечной и божественной силы». Поэтому и народ не должен мыслиться как безликая масса людей. Идеал «народа» представляет собой «братство, в котором один дух признает другой»¹⁵. Таким образом, «общественный идеал» есть воплощение трансцендентной, религиозной идеи братства.

Взгляд на идеал как на воплощение «ценностей» в еще большей степени присутствовал в трудах выдающегося немецкого социолога и философа Г. Зиммеля. В отличие от классического неокантианства и в рамках социологического анализа Зиммель сделал основной акцент не на изучение общей проблемы существования трансцендентных ценностей в обществе, а на их формирование в сознании индивида. «Желания», «стремления» индивида формируют «субъективное восприятие ценностей» по отношению к ценностям «объективным», зависящим от материальных свойств вещи («редкость» материала, из которых она изготовлена, физические качества и т.п.). Формирование ценностных ориентиров индивида возможно, с его точки зрения, в рамках идеала, в котором происходит преодоление оппозиции «субъект-объект». «В отношении своего содержания идеал находится внутри нас и в его содержание не входят объекты оценки с точки зрения их собственных физических качеств. Это содержание проявляется, скорее всего, в том значении, которое объекты имеют для нас, субъектов...»¹⁶. Понимание идеала Зиммелем отличается от кантовского учения о «трансцендентальном идеале», которому посвящен раздел под этим названием в «Критике чистого разума», поскольку для Канта идеал — это чистое воплощение идеи, вне опыта или примера, который, по его словам, «низводит идеал до уровня выдумки (Illusion)» или «утопии». Напротив, в работе Зиммеля прослеживается общая для неокантианства точка зрения, со-

¹⁵ *Idem.* Sozialidealismus. Neue richtlinien sozialer Erziehung. Berlin, 1920. S. 3, 197-198.

¹⁶ *Simmel G.* La philosophie de l'argent. Paris, 1987. P. 34.

гласно которой «идеал» является зримым воплощением трансцендентальных ценностей: он приобретает конкретное содержание в сфере социальной и культурной деятельности индивида.

Этот взгляд неокантианцев на «общественный идеал» в равной мере оказался приемлемым как для социологического позитивизма Э. Дюркгейма, так и для религиозной философии в России.

Представители последней весьма широко пользовались термином «общественный идеал»¹⁷. Эту проблему считали центральной, П. Н. Новгородцев, С. Н. Булгаков, Н. Н. Алексеев, С. Л. Франк. Идея трансцендентального характера ценностей, в особенности нравственных, привлекла внимание С. Н. Булгакова, который попытался, если можно так выразиться, «христианизировать» идею общественного идеала в немалой степени под влиянием неокантианства, поскольку она представляет собой выражение идей «свободы» и «равенства», а в христианстве этим понятиям соответствуют идеи «нравственного долженствования» и «уважения к чужому достоинству». «Свобода» становится выражением свободы выбора в пользу долга перед ближним, а «равенство» превращается в «равное уважение к чужому достоинству». На этой основе С. Н. Булгаков попытался обосновать идеал «христианского социализма».

Следует отметить, что этот подход не нашел в достаточной мере поддержки в среде русских философов. В последнем парижском издании своей знаменитой книги «Об общественном идеале» П. И. Новгородцев настаивал, что с содержательной точки зрения общественный идеал есть, прежде всего, выражение «абсолютной нравственной нормы» или императива нравственного поведения. Однако его воплощение в действительности не обязательно выражается в религиозном чувстве. Общественный идеал представляет собой, прежде всего, философски обоснованную норму (идеи «равенства» и «свободы»), которую следует использовать для оценки существующих представлений об идеальном устройстве общества,

¹⁷ Об общественном идеале в русской общественной мысли см.: *Исаев И. А.* Указ. соч.; *Величко А. М.* Указ. соч.; См. также: *Занин С. В.* К вопросу об определении понятия «Общественный идеал» // Историко-археологические исследования. Вып. VI. Самара, 2002; *Zanin S.* Essai sur l'idéal de droit et l'idéal politique dans la pensée russe au XIXe et pendant la première moitié du XXe s. // *Revue de justice constitutionnelle est-européenne.* № 1. 2004. P. 117-138.

признавая их относительными. В многочисленных добавлениях, внесенных в это издание, автор делал вывод о том, что в эволюции идейных течений марксизма и «французского синдикализма» прослеживалось стремление пересмотреть представления об абсолютном характере их собственных идеалов общественной жизни¹⁸.

Нормативный характер философских представлений об общественном идеале, свойственный неокантианству, в известной мере был пересмотрен русскими мыслителями, которые придерживались феноменологического учения Э. Гуссерля. Н. Н. Алексеев полагал, что понятие «общественный идеал» должно быть сведено к своей понятийной «первооснове», в которой можно выделить три аспекта. Во-первых, представление об общественном идеале связано с изучением «механической стихии общественной жизни», которую изучает социология. Во-вторых, оно вытекает из анализа природы человека, которую изучает антропология. В-третьих, его корни лежат в сфере «духовно-нравственной» жизни человека, которая и есть его «подлинная стихия»¹⁹. Однако, общественный идеал, сведенный к своей «духовной» сущности, то есть, в глазах Н. Н. Алексеева, к «православной вере», трудно обосновать как нечто автономное по отношению к идеалу религиозного общения. Проблема заключается в том, что признание христианства в форме православия единственно истинной религией (вспомним, что в 1920-х гг. Н. Н. Алексеев тесно сотрудничает с евразийцами и пишет главу об идеале государства и права в известном сборнике, который стал их манифестом), несовместимо с философскими предпосылками неокантианства и феноменологии²⁰. Для неокантианства формы религии представляют собой «бесконечное разнообразие исторически обусловленных форм разрешения проблемы нормы и реальности»²¹, а «православное го-

¹⁸ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. Париж, 1923. С. 523-524. Это редчайшее издание, к сожалению, не было воспроизведено в 1991 г., когда был выпущен том, содержащий работы П. И. Новгородцева, в серии «Из истории русской философской мысли».

¹⁹ *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб., 1999. (1-е изд. 1920). С. 204-205.

²⁰ *Евразийство.* Опыт систематического изложения. Берлин, 1926. С. 41 сл.

²¹ *Виндельбанд В.* Святыня // Избранные произведения. Дух и история. М., 1995. С. 264.

сударство» одну из конечных форм решения вопроса о возможности воплощения нормы в действительности.

Следует отметить, что попытки обосновать общественный идеал в рамках религиозной философии с позиций неокантианства и феноменологии встретили резкую отповедь русского богослова Г. В. Флоровского, который полагал, что «общественный идеал» является «иллюзией», основанной на «натурализации нравственных ценностей». Подлинное бытие этих ценностей возможно только в идеале религиозного общения, а не в социальной жизни, сколь бы «идеальной» она нам не представлялась²². Понятно, что с этой чисто богословской точки зрения философское изучение «общественного идеала» не имело никакого смысла. Неслучайно Флоровский предпочитал пользоваться термином «утопия», вкладывая в него весьма негативный смысл. Этот своеобразный «тупик», в котором оказалась русская религиозная философия, представители которой попытались сочетать нравственный идеал православного общения с философским обоснованием общественного идеала, был преодолен с одной стороны, на путях критики «православного национализма» евразийцев со ссылкой на традиции европейской демократической культуры, а с другой — на путях поиска модели «органической демократии», которая сочетала бы преимущества институтов развитой демократии с идеалом «царствия божьего на земле»²³. Во всяком случае, термин «общественный идеал», насколько можно судить по публикациям, появившимся в эмиграции в 1920–30-х гг., окончательно исчезает из обихода, а спор о нем становится бесплодным²⁴.

Однако этому термину была суждена достаточно долгая жизнь в научной литературе и после того, как неокантианство утратило свои ведущие позиции в философской мысли на Западе. Прежде всего, он получил достаточно широкое распространение в сочинениях Эмиля Дюркгейма. В работе «Примитивные формы религиозного опыта» он доказывал, что общество в целом представляет собой

²² Флоровский Г. В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 88.

²³ Обе эти тенденции ярко представлены П. М. Бицилли, Н. О. Лосским и М. В. Вишняком в «антиевразийском» номере «Современных записок». Париж, 1925. № 25.

²⁴ Гессен С. И. Искания общественного идеала. Париж, 1925.

«поле, на котором создается общественный идеал»²⁵. Его последователи, в частности Камилла Бугле, в опубликованном курсе лекций, посвященном вопросу о возникновении социальных ценностей, в целом разделяла точку зрения Г. Зиммеля, согласно которой ценности возникают не как следствие «сиюминутных впечатлений», а как результат их «объективации». Но если Зиммель считал, что эта «объективация» возможна благодаря «идеалу», особой познавательной способности человека, то К. Бугле в духе социологического позитивизма, заявляла, что «коллективное сознание представляет собой набор общих идей», которые и заключают в себе ценности в той мере, в какой каждый видит в них возможность удовлетворения своих «желаний» и «интересов»²⁶. С этой точки зрения, общественный идеал, основанный на ценностях, есть ничто иное, как выражение «признанных в обществе императивов поведения коллектива». Подобная трактовка этого феномена встретила возражения со стороны известного французского философа-неокантианца и социолога Доминика Пароди, который считал неоправданным стремление позитивистов «объективировать» ценности и идеалы, которые, по его мнению, являются, прежде всего, достоянием сознания мыслящего субъекта. Он высказал мнение, что идеалы человека — это нормативные суждения, своего рода «формальные суждения в духе Канта и, в сущности, являются требованием порядка, гармонии, разумности отношений в обществе... человеком, способным мыслить». Субъект, наделенный разумом, является «моральным агентом и не может мыслить себя вне общества себе подобных, поэтому он понимает порядок как то, что должно царить среди мыслящих существ». В социуме этот порядок будет представлять собой «идеал солидарности и справедливости», или, другими словами, общественный идеал, основанный на идее блага («порядка»). Этот идеал перерастает в сознании индивида в «волю к всеобщему порядку и гармонии», созерцание которых индивидом ведет к формированию представлений о «прекрасном»²⁷.

²⁵ *Durkheim E.* *Formes primitives de l'expérience religieuse.* Paris, 1997.

²⁶ *Bouglé C.* *Leçons de sociologie sur l'évolution des valeurs.* Paris, 1922. P. 25, 29.

²⁷ *Parodi D.* *Conduite humaine et valeurs idéales.* Paris, 1941. P. 93. В этой поздней работе Пароди во многом опирался на собственную интерпретацию

Эта двойственность и известная неопределенность в трактовке понятия «общественный идеал» (как факта общественной жизни в социологическом позитивизме и как феномена сознания человека в неокантианстве) в известной мере сделала его достаточно «неудобным» в научном обиходе термином. Однако падению его популярности в значительной мере способствовало появление в 1920–30-х гг. классических работ, претендовавших на то, чтобы дать, если можно так выразиться, «монистическую» трактовку размышлений об «идеально устроенном обществе» в европейском политическом сознании. Помимо вполне очевидного научного интереса к постановке и решению этого вопроса, нельзя не отметить и то, что он стал злободневным в эпоху возникновения тоталитарных режимов в Германии и СССР. Остановимся подробнее на характеристике основных работ, появившихся в названный период.

Первая по времени и наиболее сложная трактовка утопии была дана выдающимся немецким философом XX века Эрнстом Блохом²⁸. В целом, согласно Э. Блоху, это феномен сознания индивида, который проявляется, прежде всего, в творческом процессе. Блох описывает различные формы эстетических (например, музыкальных) и этических переживаний, в которых выражаются представления индивида об «ином мире», мире идеальном, создаваемом его творческим воображением. Но в полной мере концепция «утопии» была сформулирована Блохом в монументальном труде «Принцип надежды», который был написан им в эмиграции в США в 1930–40-х гг. и к настоящему времени переведен на все европейские языки. Согласно его концепции, утопия является феноменом сознания индивида, который в своем воображении «восполняет то, что отсутствует в настоящем». Это особая способность человеческого мышления, тесно связанная с таким феноменом, как «грезы наяву», это способность видеть «то, что находится позади объекта», и воспринимаемое «как возможная реальность, к которой обращена на-

творчества Руссо: «Руссо склонен был верить в новое равновесие между потребностями людей и возможностями их удовлетворения... в его учении идея права соответствовала порядку и гармонии, которые утверждает творческая и благая мысль человека». *Parodi D.* La religion civile de Rousseau // *Revue de métaphysique et de morale*. Mai 1912. P. 317.

²⁸ *Bloch E.* Geist der Utopie. Marburg, 1922.

дежда человека». Благодаря тому, что «надежда всегда выражает стремление достичь некоей цели, которую человек постоянно себе намечает, она становится целью утопической»²⁹. Таким образом, «утопия» — это факт сознания человека, вытекающий из глубинной структуры мышления и воображения, который возникает в культурной и социальной среде его жизни. Значение сочинения Э. Блоха не ограничивается философским анализом сознания человека. Его автор привлекал колоссальный исторический материал. Второй и третий тома его сочинения, по сути, излагают историю развития утопических идей в Европе XVI–XIX вв. По мнению Блоха, «утопия» в классическом виде сложилась в XVI–XVII вв. в трудах Мора, Локка, Гоббса, Гроция, Руссо и других мыслителей. Их сочинения, в которых нашла свое завершение концепция «естественного права», были не проектами преобразований, не мечтами о светлом будущем, а спекулятивными теориями, целью которых было создание идеала общества, где уважается «достоинство человека». Эти концепции в полной мере обладали чертами «утопии», ибо их авторы стремились «выйти за пределы существующего», надеялись на возможность создания безупречной модели общества, «благодаря вмешательству благодетельной воли». В эпоху «индустриального общества» в XIX в. возникают утопии нового рода. Это утопии — социальные проекты, которые выражали надежду их творцов (в частности, Сен-Симона, Фурье, Маркса) на возможность создания счастливого общества и «уничтожения нищеты»³⁰. Именно в сочинении Блоха понятие «утопия» получило достаточно четкое определение. С точки зрения терминологической, интересующей нас, бросается в глаза отказ от использования термина «общественный идеал». Причина, думается, заключается в том, что Э. Блох учитывает исторические реалии возникновения и развития этого феномена. Поэтому в его глазах «Утопия» Т. Мора является знаковым явлением.

На аналогичном историческом материале, но с позиций «социологии познания» подошел к изучению «утопии» К. Мангейм в известной работе «Идеология и утопия» (1929). Он полагал, что «утопия» возникает в противовес «идеологии» как выражение ради-

²⁹ Bloch E. Le principe espérance. Paris, 1987. Т. 1. P. 36, 116, 347.

³⁰ Idem. Droit naturel et dignité humaine. Paris, 2002. P. 248-249; Idem. Le principe espérance. Т. 2. P. 120.

кального несогласия с существующим порядком. Первая по времени утопия — «хилиазм» Т. Мюнцера, которую сменяют утопии консервативные, либеральные и коммунистические. Основное отличие утопии от идеологии заключается в том, что первая представляет собой радикальный «разрыв с существующим порядком». То, что предлагает «утопия является абсолютно несовместимым с существующим порядком», но утопические черты могут характеризовать и идеологию. Последняя перестает быть утопией тогда, когда «соответствующие социальные слои» способны осуществить идеи, прежде считавшиеся нереализуемыми³¹. Хотелось бы отметить, что концепции утопии в сочинениях Э. Блоха и К. Мангейма существенно образом отличаются друг от друга. Для Блоха утопия неразрывным образом связана со спецификой мышления того, кто ее создает, это факт сознания индивида, связанный с творческим процессом. В работе Мангейма утопия, напротив, факт коллективного сознания определенных социальных групп, несогласных с господствующими представлениями. С его точки зрения, индивид, разделяющий утопические представления, создает ее под влиянием «импульса коллектива, который в конечном итоге образует его творчество»³².

Известный дуализм в трактовке «утопии» (как социологического факта и как феномена сознания индивида) по-прежнему остается. Немецкий философ Бурхард Шмидт в работе, посвященной проблеме интерпретации «утопии» в этот период, справедливо отмечал односторонний характер многих подходов, в которых делался акцент на той или иной специфической черте этого феномена. З. Фрейд и Г. Маркузе указывали, что утопия является попыткой индивида найти возможность «возврата к утраченному наслаждению». Д. Лукач, Т. Адорно и М. Хоркмайер отмечали, что «утопия» выражала критическое отношение к действительности. Э. Блох и М. Бубер видели в утопии стремление индивида выразить «свои желания» и предлагали изучать ее в контексте «истории толкования мечтаний»

³¹ *Mannheim K.* Idéologie et utopie (Une introduction à la sociologie de la connaissance). Paris, 1956. С. 73, 84.

³² *Ibid.* P. 85.

(*Traumdeutungsgeschichte*), которые возникают в «сознании класса, в известной мере предваряющем реальность»³³.

В ряде исследований 1990-х гг. работы М. Бубера и Э. Блоха рассматриваются как «марксистские», поскольку в них предпринимается попытка истолковать утопию как феномен сознания индивида, тесно связанный с его принадлежностью к определенной социальной группе в период, когда формируется ее самосознание³⁴. Нам представляется, что дело не в «симпатиях» названных авторов к марксизму: в их произведениях можно встретить недвусмысленные оценки теоретических основ и практических выводов из этого учения. Проблема заключается в том, что объективно утопия не может быть истолкована только в рамках философского сознания индивида. Утопия является, как показал К. Мангейм, фактом интеллектуальной жизни общества, своеобразным противовесом идеологии. Неудивительно, что сосредоточив внимание на изучении сознания индивида-творца утопии, Бубер и Блох вынуждены были касаться вопроса об особенностях его социального бытия.

В 1950–70-е гг. под влиянием философской традиции изучения феномена «утопии» термин «общественный идеал» окончательно исчезает из научной литературы. Он остается в сфере публицистики, в редких случаях используется как синоним слова «утопия», главным образом для того, чтобы избежать использования последнего в его негативном значении³⁵. Конец 1970-х – 1990-е годы характеризуются заметным оживлением интереса к изучению феномена «утопии», и это кажется на первый взгляд парадоксальным, если принять во внимание огромное число публикаций, появившихся в предшествующие годы. Но хотелось бы заметить, что поиск нового определения термина «утопия» в значительной мере был связан с тем обстоя-

³³ Schmidt B. Kritik der reinen Utopie. Eine sozialphilosophischen Untersuchung. Stuttgart, 1988. Kap. 2.

³⁴ Levitas R. The Concept of Utopia. L., 1990. P. 178.

³⁵ В публицистике встречаются и другие термины, например, «политический идеал». Например, по мнению лидера анархистского движения во Франции Ж. Ливрага, «бытийствующее сознание» (*l'être-conscience*), осуществляет движение в двух направлениях: освобождает душу от мира и его забот и «гармонизирует все действующие на него факторы в соответствии с динамикой, обусловленной его движением. Это и есть политический идеал в индивидуальном аспекте». (*Livrage G. L'Idéal politique. Paris, 1977. P. 4.*)

тельством, что в 1970–80-е гг. происходит качественное обновление исследований истории новоевропейской политической мысли. Достаточно привести в пример работы Квентина Скиннера, посвященные Н. Макиавелли, Т. Мору и Т. Гоббсу, новые работы о творчестве Руссо, Морелли, Дешана, издание полных собраний сочинений и писем многих мыслителей, чьи идеи в той или иной мере характеризовались как утопические³⁶. В истории изучения феномена «утопии» возникла своеобразная ситуация. Научно-критические издания текстов мыслителей, которых принято считать «утопистами», а также основанные на их анализе научные работы появились после того, как сложились наиболее авторитетные концепции «утопии». Нет ничего удивительного в том, что крупный специалист в области изучения утопической мысли эпохи европейского Просвещения Бронислав Бачко вынужден был признать: «изучение утопий сегодня ведет к попыткам дать новое определение собственно понятию "утопия"»³⁷. Другими словами, определения этого понятия, данные классиками философской мысли, сегодня нуждаются в пересмотре.

Остановимся на некоторых попытках дать это «новое определение». В работах ряда исследователей «утопия» характеризуется как определенный литературный жанр, в котором используются различные приемы: описания «замкнутого» характера «утопического» общества, определенные математические выкладки, позволяющие сделать точный «научный» расчет количества жителей, продуктов питания и т.п., необходимых для того, чтобы это общество могло существовать. Существенной чертой литературной формы утопии является локализация географической и темпоральной (в далеком прошлом или, в не менее далеком, будущем) удаленности идеального общества³⁸. Важное значение имеет логическая форма представления утопии. Она всегда начинается с социальной критики, затем ее

³⁶ См. библиографию в нашей работе «Общественный идеал Ж.-Ж. Руссо и французское Просвещение XVIII в.» (СПб., 2007).

³⁷ *Baczko B.* Les imaginaires sociaux. Mémoires et espoirs collectifs. Paris, 1984. P. 87.

³⁸ *Ruyer R.* Utopie et les utopies. P., 1988; *Trousseau R.* Voyage dans un pays de nulle part. P., 1999.

автор переходит к описанию модели идеального общества, и, наконец, стремится дать ее оправдание³⁹.

Однако формальный анализ «утопии», по признанию многих специалистов, не является достаточным. В последние годы исследователи предприняли немало попыток выяснить его содержание. Среди тех, кто попытался переосмыслить наследие К. Мангейма, следует назвать одного из крупнейших специалистов в области философии истории Поля Рикера. По его мнению «утопия», безусловно, отрицает существующий порядок, который стремится утвердить «идеология». Однако это отрицание не носит абсолютного характера. «Утопия» всегда отрицает определенные идеологические послышки, именно поэтому ее содержание варьируется в зависимости от объекта отрицания. Утопия исторична в том смысле, что она отрицает ту реальность, в которой она возникла. Более того, «утопия» всегда предполагает наличие определенного позитивного содержания. Ее авторы стремятся «заменить коммуникативные функции идеологии, этические ценности, метафизические и религиозные представления» на новые⁴⁰. Эта замена предлагается во имя человека, во имя «просветления его сущности»⁴¹. Любая утопия, даже тоталитарная, всегда ищет себе оправдание, приводя аргумент высшего порядка: во имя человека, его счастливого будущего создается модель идеального устройства общества. Более того, это представление о нем предстает во всякой утопии в виде гармонического, последовательно выраженного целого. В этом отношении «утопия» столь же логична и последовательна, как и идеология⁴². Отрицание действительности в утопии, несмотря на кажущийся абсолютный характер, не является нигилистическим. Утопия призвана, по меткому замечанию Ж. Делеза, «воссоздать заново» действительность⁴³. С этим утвер-

³⁹ *Lacroix J.-Y.* Utopie et philosophie. P., 2004, *Moreau P.-F.* Récit utopique. Droit naturel et roman de l'Etat. P., 1982.

⁴⁰ *Ricoeur P.* Du texte à l'action. P. 258, 428-429.

⁴¹ *Levinas E.* Sens et existence. Paris, 1975. P. 28.

⁴² *Ricoeur P.* Du texte à l'action. P. 426-428. «Не существовало утопии, которая не была бы одновременно представлением, в котором присутствовало бы тотальное утверждение нового, и, одновременно, решительным разрывом со старым». (*Baczko B.* Lumières de l'utopie. Paris, 1984. P. 30).

⁴³ *Deleuze G.* Causes et raisons des îles désertes // Textes et entretiens. 1953–1974. Paris, 2002. P. 16.

ждением трудно не согласиться. Создание коммуны на острове Линкольна в известном романе Ж. Верна, безусловно, утопия, но это утопия в которой воссоздавалась экономическая и техническая модель, сложившаяся в Соединенных Штатах в середине XIX в., за исключением тех элементов действительности, которую эта утопия отрицала, то есть рабства и частной собственности.

Б. Бачко, вслед за К. Мангеймом, считал спецификой утопии «решительный разрыв» мышления индивида с реальностью⁴⁴. Оценивая перспективы исследования «утопии» в литературе 1970–80-х гг., Бачко справедливо полагал, что ее изучение с позиций некоего универсального определения не представляется возможным. К примеру, в век Просвещения утопия очень часто представляла собой сложное и многоплановое явление, которое тесным образом было связано с «политическими мифами» и с художественным творчеством. С этой точки зрения, необходим чисто исторический анализ форм «социальных представлений», который позволил бы выявить характерные черты «утопии» в их ряду⁴⁵.

Предложение Б. Бачко представляет собой осознанный разрыв с ранее существовавшей традицией философского, то есть концептуального, осмысления феномена «утопии». Для этого есть веские основания. Дело в том, что и Э. Блох, и К. Мангейм, и М. Бубер не рассматривали этот феномен во многообразии его исторических форм. Сказанное относится и к исследованиям общего характера, авторы которых стремятся представить утопию как общий феномен политического сознания Европы от Платона до наших дней с точки зрения ее определения, претендующего на универсальность. К примеру, Ф. Мэньюзел, автор монографии об утопическом мышлении в европейской культуре, полагал, что «утопия возникает в религиозном, научном и художественном творчестве, и в ней проявляется страдание, психологический кризис: человек теряется в противоречии между существующей реальностью и новыми

⁴⁴ *Baczko B. Les lumières de l'utopie. Paris, 1980. P. 10-12.* Сходные мысли высказывал и К. Мангейм, полагая, что, в отличие от идеологии, «гармонично и органично интегрированной в мысль, характерную для того или иного периода», утопия призывает к решительному разрыву с существующими институтами. (*Manheim K. Op. cit. P. 73-77.*)

⁴⁵ *Baczko B. Imaginaires sociaux... P. 111.*

мыслями, зеркалом которых он является»⁴⁶. Но разве человек не является, в первую очередь, не зеркалом, а творцом этих «новых мыслей»? Не следует ли считать, что этот разрыв между «новым и старым» в сознании человека происходит тогда, когда реальность, отражающаяся в его сознании, подвергается критике с позиций «новых мыслей»? Можно ли считать «утопию» своеобразной «тоской по несбыточному», отрицая ее позитивное содержание и тот критический заряд в отношении действительности, который она в себе несет? В конечном итоге, разве не тогда, когда конфликт осознан и сделан выбор в пользу «новых мыслей», наступает «решительный разрыв»? Ведь именно благодаря этому выбору «новая мысль» перестает быть констатацией, а осознается как убеждение человека, как руководство к действию, она проявляется во всей своей силе⁴⁷. И в этом отношении следует признать правоту бельгийского исследователя Р. Труссона, который полагал, что характерной чертой «утопии» является идея «долженствования» (*devoir-être*)⁴⁸. Правда, названный автор склонен был отождествлять ее с идеей нравственного долженствования, следуя в этом отношении неокантианской традиции, и потому в его работе понятие «утопия» ничем не отличается от понятия «общественный идеал». Нетрудно заметить, что попытка дать некое общее понимание «утопии», пригодное для характеристики различных периодов в развитии мировой общественной мысли, сталкивается с определенной труд-

⁴⁶ Manuel F. E., Manuel F. P. Utopian thought in the Western World. Cambridge, 1979. P. 27.

⁴⁷ В этом отношении нельзя не признать правоту американского исследователя Айрона Вейда, который считал, что те «сильные стремления» творцов «утопии», которые она выражает, являются всегда призывом к действию, стремлением подчинить своему влиянию умы тех, кому она адресована. (Wade A. O. The Structure and Form of the French Enlightenment. Vol. II. Esprit révolutionnaire. Princeton, 1977. P. 177).

⁴⁸ Trousson R. Voyage dans un pays de nulle part. P. 12-14. Будучи специалистом в области изучения творчества Руссо, Р. Труссон следующим образом иллюстрировал это положение своей работы. Он отмечал, что «утопия Руссо» — это «идеал долженствования (*devoir-être*), предшествующий реалистическому анализу общества... он воздействует на воображение людей с тем, чтобы они заменили существующие отношения в обществе на легитимные». (Trousson R. De l'utopiste à Législateur: Rousseau devant la Corse et la Pologne // Swiss-French Studies, Etudes Romands 1981, novembre № 2 (2). P. 38).

ностью. Как показал Э. Блох, «утопия» есть феномен европейского политического сознания эпохи Нового времени, и ее содержание обобщается в результате анализа этой конкретной исторической основы. Всякая претензия на «универсальное» определение этого феномена неизбежно ведет к упрощенному пониманию этого явления и к тому, что, как справедливо отмечалось в литературе, конкретное явление «подгоняется» под общую схему⁴⁹.

Известные сомнения высказываются и рядом современных философов относительно возможности концептуального осмысления этого феномена. Жиль Делез отмечал, что «утопия» представляет собой попытку осмыслить действительность в рамках философии, представить ее с точки зрения «абсолютного». Таким образом, философия вторгается в сферу, которая является для нее чуждой по природе, то есть в политику. Таким образом, философы вынуждены мыслить конкретное, преходящее, хотя и с точки зрения абсолютно-го⁵⁰. Философское осмысление утопии сталкивается с тем важным препятствием, что утопия сама по себе исторична, поскольку содержит конкретный материал, своеобразную отсылку к реальности, без которой она не обходится ни в рамках критики действительности, ни в рамках попытки создать «альтернативу» существующему порядку. Поэтому «концептуализировать утопию» проблематично⁵¹. Некоторые критики философских подходов к изучению утопии отмечают, что в них акцент на «конфронтации сознания с реальностью» является чрезмерным. Утопия всегда содержит определенное «позитивное содержание», поскольку является «критической мотивацией экономического поведения индивидов», которая «осуществляется ими в историческом процессе». Поэтому следует «минимизировать» значение критики в «утопии», перенести акцент в ее изучении с «отрицания действительности» на изучение «мотиваций, формирую-

⁴⁹ Например, в области изучения творчества Руссо: *Hatzenberger A. J.-J. Rousseau et utopie. De l'état insulaire aux cosmotopies. Thèse du 3 cycle.* Paris, 2006. P. 14, 60, 614.

⁵⁰ *Deleuze G. et Guattari F. Quest-ce que c'est que la philosophie?* Paris, 1992. P. 95-96.

⁵¹ *Lacroix J.-Y. Utopie et philosophie.* Paris, 2004. P. 14-19.

щихся в общественной жизни в противовес оптимистическим теориям развития общества и идеологии планирования»⁵².

Очевидно, что подобные предложения — это попытки изучения феномена утопии в рамках социальной психологии. Однако и в этой области ощущается необходимость осмыслить ее как целостное явление. Английская исследовательница Рут Левайта, высказав ряд критических замечаний в адрес концепций Э. Блоха (утопия не является «порывом» сознания индивида, «надеющегося на светлое будущее») и К. Мангейма (утопия не есть продукт коллективного сознания), отмечала, что утопия часто характеризуется односторонне: с точки зрения либо ее содержания («мечтания»), либо формы (гуманистическая, тоталитарная), либо функции, т.е. роли в общественной жизни (противовес идеологии). По мнению исследовательницы, понятие «утопия» может быть охарактеризовано в целом как «желание человека найти возможность лучшего существования на земле». Она может включать в себя объективный момент (например, анализ существующих институтов права и государства), а может быть и целиком основана на «субъективном опыте индивида». В последнем случае она не может быть охарактеризована как «реалистическая»⁵³. Таким образом, утопия — факт психо-эмоциональный, но она необходимым образом оставляет следы в истории. Поэтому оправданным является анализ «психологических фантазмов утопии», которые, хотя и отражают «экзистенциальное время, тем не менее, несут на себе отпечаток исторического времени»⁵⁴.

Даже по необходимости сжатый анализ работ, посвященных проблеме «утопии», позволяет констатировать, что в рассмотренный период исследователями был сделан шаг от чисто философской рефлексии относительно содержания этого понятия к анализу историческому, в рамках которого утопия рассматривается как феномен политического сознания человека эпохи Нового времени. Учитывая данное обстоятельство, было правомерно поставить вопрос о необходимости изучения ее «историографии» в XX в., даже если большинство работ, посвященных этой теме — философские. Утопия

⁵² Schmidt B. Op. cit. P. 240, 299-300.

⁵³ Levitas R.. Op. cit. P. 7-8, 179-181, 200.

⁵⁴ Jameson F. Archéologies du futur. Le temps nommé utopie. Paris, 2007. T. 1. P. 17, 33.

многогранна, ее форма тесным образом связана с развитием литературных жанров и жанров научного исследования (к примеру, в рамках трактатов о «естественном праве»). Утопия выражает определенную структуру мышления индивида, поскольку в ней присутствуют как компоненты и социальная критика, и определенная логика построения «альтернативы» существующему порядку. Эта особенность ментальности творца утопии не исключает возможности философского анализа подобного типа мышления.

Утопическое сознание символично, описания «несуществующих стран» не лишены эстетического колорита, своеобразной гармонии, воздействующей на воображение тех, кому она адресована. На данное обстоятельство в свое время пристальное внимание обращал Эрнст Блох в «Духе утопии». Добавим к сказанному, что «Утопия» Томаса Мора, как и многие утопии после него, всегда предполагали, если можно так выразиться воображаемого слушателя, готового воспринять вполне «достоверные» свидетельства о «несуществующих странах» и мирах. Поэтому по-прежнему остается актуальной проблема изучения утопии как литературного жанра.

Все эти особенности утопического мышления, бесспорно, должны привлекать внимание исследователей, поскольку, повторимся, утопический рассказ, образ, картина, есть, в первую очередь, свидетельство о времени. Утопия в глазах историка — феномен сознания человека, жившего в конкретном обществе, в котором бытуют свои мифы, традиции, формируются «надежды» и «мотивации», побуждающие его рисовать в воображении лучший мир, отличный от существующего. Изучение этого феномена в рамках исторической психологии является одним из ведущих направлений в развитии историографии вопроса.

Классическая трактовка термина «утопия», сформулированная в работах классиков философской мысли 1950–70-х гг., подвергается глубокой и всесторонней критике. В последние годы отечественные философы предлагают различать понятия «утопия» и «общественный идеал» в содержательном плане, не принимая во внимание то значение, которое он имел в различные эпохи: «Общественный идеал становится утопией, когда он превращается в

практическую цель»⁵⁵. На первый взгляд, В. А. Лекторский предлагает возвратиться к использованию термина, который имел достаточно широкое хождение в неокантианской и позитивистской историографии. Однако для нас существенен не спор о терминах, а сам факт того, что предлагается определенным образом отграничить понятие «утопия» и ввести термин более широкий по содержанию.

Речь идет о том, чтобы рассматривать «утопию» как термин, выражающий видовое отличие «общественного идеала», что не лишено оснований. Дело в том, что детальное изучение специфики утопии как литературного жанра, как способа представления реальности, как специфической формы социальной критики, размывает содержание этого понятия. Приведем показательный пример. В недавно защищенной в университете Париж4-Сорбонна диссертации, посвященной утопии Руссо, Антуан Атценберже доказывал, что «утопия» этого мыслителя представляла собой и «сельскую идиллию», и «райский сад», и «политический трактат», и «утопию места», и «утопию островного государства». Одним словом, вся сфера идеальных представлений Руссо была объявлена «утопией»⁵⁶. Очевидно, что таким образом термин приобретает произвольное толкование. Поэтому есть смысл задуматься над тем, не является ли утопия со всеми ее характерными чертами выражением более общего типа осмысления реальности. Каковы, с этой точки зрения, перспективы исследования «утопии», если мы допускаем возможность анализа этого понятия с точки зрения понятия более общего? Отчасти — в том, что касается творчества Жан-Жака Руссо — мы сделали попытку ответить на этот вопрос, и предлагаем вернуться к его обсуждению на страницах «Диалога со временем».

⁵⁵ Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1994. С. 6. Близкое понимание различия между идеалом и утопией было характерно и для русской философской мысли. См., напр.: *Новгородцев П. И.* Общественные идеалы древнего и нового мира. М., 1919. С. 4. См. также статью Е. Л. Чертковой в сборнике «Идеал, утопия и критическая рефлексия» (С. 159-167).

⁵⁶ *Hatzenberger A.* Op. cit. P. 618.

С. В. СЕЛИВЕРСТОВ

**ИСТОКИ ЕВРАЗИЙСТВА
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ
ЭМИГРАЦИИ 1920-Х ГОДОВ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ
СИТУАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ?**

Изучение становления российского евразийства в Европе в 1920–1930-е годы позволяет вновь осмыслить классический для интеллектуальной истории вопрос: что порождает новые идеи — историческая ситуация, социально-культурный и политический контекст, или определенная интеллектуальная преемственность?

Проблематика интеллектуальной истории в последнее десятилетие получила широкое распространение в научном сообществе России и стран СНГ. В активизации интереса к этой проблематике существенную роль играет журнал «Диалог со временем», в котором раскрываются новые подходы в области интеллектуальной истории.

Важное значение для историков общественной мысли имеет вопрос «о соотношении между “внутренним” и “внешним” аспектами интеллектуальной истории, между “текстом” и “контекстом”»¹. Особую роль играет понятие *контекста*. И если текст как предмет интеллектуальной истории достаточно конкретен, то поле контекста весьма широко: «...контексты интеллектуальной истории разнообразны и очень подвижны (как, впрочем, и само это понятие, и его неоднозначные интерпретации)»². Это следует учитывать применительно к каждому аспекту интеллектуальной истории.

Вопрос о происхождении евразийства как направления мысли решается исследователями неоднозначно. Одни обращают особое внимание на историческую обусловленность евразийских идей, «по-

¹ Ретина Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 21. См. также: Ретина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. 1999. № 1. С. 5-12; Она же. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем. 2000. Вып. 2. С. 5-13.

² Ретина Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI вв. С. 18.

революционный» характер, «катастрофичность» их мироощущения³, другие — на духовно-интеллектуальное преемство (но по-разному) с предшествующими мыслителями⁴. Некоторые же авторы вообще стремятся отказать евразийцам в интеллектуальном преемстве⁵.

Один из первых исследователей евразийства Н. В. Рязановский в конце 1960-х гг. заметил, что, «если попытаться ответить на вопрос о том, откуда взялось евразийство», то наряду с такими факторами как «ход мировой истории» и «социальные и психологические обстоятельства», следует рассмотреть влияние интеллектуального фактора, т.е. «развитие мысли как в России, так и вообще в Европе»⁶.

В вопросе о происхождении евразийства первыми обратили внимание на интеллектуальный фактор (наряду с социально-историческим контекстом) российские эмигранты, современники евразийцев — Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветтер, В. В. Зеньковский и др. В своих статьях, подчас весьма критичных, они не могли обойти эту проблему, ставя ее, правда, различно. С одной стороны, указывалось на своеобразие, новизну идей евразийцев и связь их построений с катастрофическими обстоятельствами конца

³ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Введение // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 11; Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь» (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. С. 6-7.

⁴ Ключников С. Ю. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. М., 1997. С. 14, 31; Хачатурян В. М. Истоки и рождение евразийской идеи // Цивилизации. 2004. Вып. 6. С. 187-201; Алеврас Н. Н. Истоки «евразийства» в ракурсе историко-философских традиций российской науки XIX – начала XX веков // Евразийство: проблемы осмысления. Уфа, 2002. С. 61-65; Голлербах Е. А. Путейство и евразийство (К вопросу о связях и соответствиях двух религиозно-политических идеологий) // XXX научная конференция молодых специалистов (13-14 дек. 1994 г.). СПб., 1996. С. 86-90; Пащенко В. Я. Социальная философия евразийства. М., 2003. С. 32-33, 110-210; Казнина О. А. Евразийский комплекс идей в литературе // Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 220-237.

⁵ Сендеров В. А. Евразийство: этатизм и идеология // Евразийство: за и против, вчера и сегодня: Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 13-15, 28, 32.

⁶ Рязановский Н. В. Возникновение евразийства // Звезда. 1995. № 2. С. 36-37; См.: Riasanovsky N. V. The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 39-72.

1910-х – начала 1920-х гг., а с другой, отмечалась определенная преемственность с воззрениями некоторых дореволюционных мыслителей. Так, Бердяев в журнале «Путь» определяет евразийство как «единственное пореволюционное идейное направление, возникшее в эмигрантской среде»⁷, признает евразийцев поколением, «свободным от старых доктринерских идеологий»⁸. Но он же считает идеи евразийцев «мало оригинальными» (за исключением «туранской» концепции Н. С. Трубецкого), так как они являются «воспроизведением мыслей старых славянофилов, Н. Данилевского». По его мнению, евразийцы «восстанавливают» историческую теорию Данилевского и «делают шаг назад по сравнению с Хомяковым и Достоевским». Евразийцы — государственники, и «Данилевский им ближе, чем Достоевский»⁹. Существенно и то, что он отрицает возможность евразийцев воспользоваться именем К. Н. Леонтьева «для установления своей традиции»¹⁰. Тогда же, в 1926 г. Н. А. Бердяев публикует содержательную книгу о К. Н. Леонтьеве, но нигде в ней, даже в очевидных местах, не проводит параллелей с евразийством¹¹.

Отношение Бердяева к евразийству было первоначально сформулировано в переписке. В письме П. П. Сувчинскому в апреле 1924 года (а к тому времени его оценки евразийства, как он пишет, «давно уже... оформились»), исходя из «вселенских» идей, он стремится убедить корреспондента, что «евразийство есть движение назад, по сравнению с Достоевским, Вл. Соловьевым и духовными движениями XX века, возврат к Киреевскому или Данилевскому»¹². То есть движение назад и относительно взглядов самого Бердяева.

Позиция лидера «веховства» П. Б. Струве в 1921 г. была обусловлена желанием видеть в евразийцах своих преемников и подстроить евразийство, как новое течение, под собственные либерально-националистические идеи. При этом он неожиданно в переписке

⁷ Бердяев Н. А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134-135.

⁸ Он же. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 144.

⁹ Он же. Евразийцы. С. 134-136, 143-144.

¹⁰ Там же. С. 136.

¹¹ Бердяев Н. А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, 1926.

¹² Н. А. Бердяев — П. П. Сувчинскому. Берлин, 21 апреля [1924] // Колеров М. А. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 156.

обвинил молодых евразийцев в старых «народнических» тенденциях (с которыми он сам «всю свою жизнь» боролся), в том, что евразийство «сбивает на народничество»¹³. Не достигнув цели, П. Б. Струве, полагают исследователи, «выбрал тактику не критики, а высмеивания евразийского учения»¹⁴. Хотя отметим, что еще в 1922 г. он в своем журнале «Русская мысль» называет евразийство «сложным явлением», отдельные стороны которого «следует приветствовать»¹⁵. Таким образом, Струве считал возможным провести парадоксальную параллель между новым евразийством и канувшим в прошлое «народничеством» (не находя иных позитивных связей с российскими интеллектуальными течениями дореволюционной эпохи).

В 1925 г. в «Последних новостях» П. Н. Милуков, интеллектуальный оппонент П. Б. Струве, старый полемист с «веховской» тенденцией, утверждает, что евразийство — это «молодой отпрыск» религиозно-философского течения, «начавшегося с “Вех”»¹⁶. Но не только. В идее «Евразии» он видит «дурной отголосок устарелого учения» о культурных типах Данилевского. Для Милукова идея Евразии как «третьего континента» есть «печальное проявление того метафизического “реализма” (в противоположность научному “номинализму”) которым одержимы наши религиозные философы»¹⁷.

Прервав здесь изложение представлений Милукова о предпосылках евразийства (он любую близость с религиозно-философским подходом воспринимает, естественно, со знаком минус), отметим, что имеется мнение С. Н. Булгакова (из другого, «веховского» круга) об интеллектуальной преемственности между евразийцами и религиозно-философской тенденцией конца 1900-х – 1910-х гг. Отрицая «культурно-исторические схемы» и даже само географическое название «евразийства», он, тем не менее, в 1924 г. отмечает, что в определенном смысле московское религиозно-философское общество и группа мыслителей, объединившаяся в первой половине 1910-х гг.

¹³ Колеров М. А. Указ. соч. С. 145-146.

¹⁴ Прохоренко А. В. Философское россиеведение в идейной полемике по революционной эмиграции (первая половина XX века). СПб., 2005. С. 76-77.

¹⁵ Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. 1-2. С. 228, 229.

¹⁶ Милуков П. Н. «Третий максимализм» // Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 326.

¹⁷ Там же. С. 327.

вокруг издательства «Путь» (т.е. и сам Булгаков), «без всякого преувеличения исторически являются духовными отцами евразийства», а евразийцы по отношению к ним «духовные дети, вернее даже внуки»¹⁸. Не касаясь здесь вопроса об истинности этих предположений, мы только констатируем саму точку зрения, из которой видно, что не только «реалист» П. Б. Струве, но и «идеалист» С. Н. Булгаков на начальном этапе развития евразийства желает, чтобы евразийцы-«дети» продолжали именно его интеллектуальный путь. Как видно, взгляд Булгакова отличается от подхода Бердяева (в том же 1924 г.), для которого, как сказано выше, евразийство есть «движение назад» от философских исканий 1900-х – 1910-х гг. и, следовательно, он не стремится видеть в евразийцах своих интеллектуальных «детей».

Вернемся к П. Н. Милюкову. С одной стороны, он, в отличие от Н. А. Бердяева, причисляет евразийцев к предреволюционной религиозно-философской тенденции, а с другой — поднимает вопрос об отношении евразийства к славянофилам (к их уже возможным «прадедам») и утверждает, что в вопросах культуры евразийцы «рабски следуют своим предшественникам, славянофилам»¹⁹. В передовой статье в «Последних новостях» он уточняет: то, что евразийцы близки к славянофильству — «совершенно правильно», можно сказать, что «все кажущиеся оригинальными мысли евразийцев заимствованы отсюда». Но, делает Милюков оговорку, «они заимствованы не столько у старых славянофилов, сколько у их эпигонов», которые внесли в отвлеченные славянофильские формулы «“конкретность” и “науку”» (т.е. у Данилевского и Леонтьева), а эти учения «давно потеряли право гражданства в науке»: «Таков тот вариант славянофильства, который стараются реставрировать в наши дни евразийцы»²⁰. Как отмечает Т. Н. Очирова, леволиберальные круги во главе с Милюковым усмотрели в евразийских идеях «возрождение славянофильских воззрений и обрушились на них именно как на неосла-

¹⁸ С. Н. Булгаков — А. В. Ставровскому. 1 октября 1924 года // Колеров М. А. Указ. соч. С. 160-161.

¹⁹ Милюков П. Н. «Третий максимализм» // Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 328; См.: Последние новости. 1925. 2 мая.

²⁰ Милюков П. Н. Русский «расизм» // Вандалковская М. Г. Указ. соч. С. 332; См.: Последние новости. 1926. 16 декабря.

вянофильство»²¹. В статье 1930 года (первоначально — это доклад, с которым Милюков выступал с 1927 г.²²) он вновь пишет, что евразийское учение «не оригинально», и опять называет славянофилов и Н. Я. Данилевского — «их эпигона-реакционера»²³, хотя нигде специально не анализирует взгляды Данилевского или Леонтьева (либо мыслителей начала XX века) относительно евразийства. Кроме того, как это ни парадоксально, но, выступая последовательным критиком евразийцев, П. Н. Милюков полагал даже (на что обращает внимание Н. Ю. Степанов), что в вопросе о своеобразии русской культуры он сам оказал влияние на «евразийство»²⁴.

Другой историк российской эмиграции А. А. Кизеветтер в статьях и выступлениях середины и второй половины 1920-х гг. отрицает (в отличие от П. Н. Милюкова) всякую связь между евразийством и славянофильством, категорически утверждает, что надо «отбросить эту призрачную связь евразийства с славянофильством», стремится доказать, что между ними «глубокая бездна»²⁵. Однако в 1925 г. он отмечает вторичность такой «теоретической предпосылки» евразийства как отрицание линейного прогресса: «Ведь не евразийцами же была подорвана и рассеяна... гегельянская формула мирового исторического развития. Это было сделано еще в то время, когда никто не помышлял о евразийском учении». По поводу представления об истории человечества как о ряде «параллельных культурных развитий» Кизеветтер пишет: «эта точка зрения давно уже

²¹ *Очирова Т. Н.* Евразийство и пути русского исторического самопознания // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 4. С. 39.

²² *Степанов Н. Ю.* Научная и преподавательская деятельность евразийцев в Европе в 1920–1930-е гг. // Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е годы XX века). М., 1996. С. 204.

²³ *Милюков П. Н.* Евразизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах. История, Традиции, Культура. М., 1995. С. 59; См.: *Miliukov P.* Eurasianism and Europeanism in Russian History // *Festschrift Th. G. Masaryk zum 80. Bonn*, 1930. P. 225-236.

²⁴ *Степанов Н. Ю.* Критика евразийства П. Н. Милюковым // Евразийская перспектива / Второй международный конгресс «Культура и будущее России». М., 1994. С. 72.

²⁵ *Кизеветтер А. А.* Евразийство // *Вандалковская М. Г.* Указ. соч. С. 336; См.: Руль. 1925. 10 января; *Кизеветтер А. А.* Славянофильство и евразийство // *Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов.* М., 1992. С. 21.

лежит в основе многих исторических исследований»²⁶.

Таким образом, то, что Милюкову представлялось учением, «давно потерявшим право гражданства в науке», для Кизеветтера остается актуальным научным подходом. Казалось бы, историк в целом позитивно отзываясь об этих, так сказать, пред-евразийских концептуальных новациях (нелинейное восприятие исторического развития), но при этом не называет ни одного имени, и остается только предполагать, кого из европейских и российских исследователей он имеет в виду. Через три года, в 1928 г. Кизеветтер вновь отмечает, что «доктрина» евразийцев (историко-цивилизационные взгляды) «не нова», и (здесь у него уже появляется конкретика) она есть не что иное как теория культурно-исторических типов, которая «выдумана в прошлом веке Данилевским»²⁷. Приходится, однако, констатировать, что, как и Милюков, Кизеветтер конкретно не исследует взгляды Данилевского в сравнении с идеями евразийцев.

Милюков и Кизеветтер не принадлежат к тому поколению, которое непосредственно участвовало в спорах 1870-х – 1880-х гг. вокруг теории Данилевского. В этом отношении любопытно мнение о евразийстве Н. И. Кареева, который еще в 1889 г. выступил против идей Данилевского. В 1927 г., в возрасте 77 лет известный историк в письме П. Н. Савицкому указывает, что в исторической доктрине евразийства он видит «продолжение теории Н. Я. Данилевского», и именно поэтому она для него «не приемлема»²⁸. Как видно, и европоцентрист XIX века и его интеллектуальные родственники в XX в. не могут принять иные подходы к мировой истории. Здесь можно вспомнить наблюдение Н. В. Рязановского, что «старшее поколение русских эмигрантов больше других было сбито с толку евразийством, казавшимся совершенно чуждым их образованию и мировоззрению»²⁹. С другой стороны (и об этом свидетельствуют разночтения в понимании истоков евразийства у Милюкова и Кизеветтера),

²⁶ Кизеветтер А. А. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 270.

²⁷ Он же. Славянофильство и евразийство // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 22.

²⁸ В поисках неевропоцентричного взгляда на прошлое: отклики эмигрантских историков на евразийскую историю России Г. В. Вернадского // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 397.

²⁹ Рязановский Н. В. Возникновение евразийства // Звезда. 1995. № 2. С. 36.

как подчеркивает тот же Рязановский, «примечательно, что критики евразийства постоянно противоречили друг другу и в целом испытывали значительные трудности, когда пытались определить место евразийцев в традиционном политическом и идеологическом пространстве»³⁰. И более того: как полагает Рязановский, «многие образованные русские, особенно старых поколений, не могли даже понять, а не то чтобы принять» оригинальные идеи евразийцев³¹.

При рассмотрении взглядов современников евразийства нельзя обойти позицию В. В. Зеньковского, который в 1926 г. напечатал книгу «Русские мыслители и Европа». Ее второе, дополненное (в т.ч. относительно идей евразийцев) издание вышло уже в 1955 г.³² Существенно, что хорошо зная реальное пореволюционное развитие евразийства в 1920-е гг., автор, тем не менее, не отделяет евразийство от широкого контекста российской мысли, и указывает, что в евразийстве «отразились настроения и идеи, достаточно глубоко связанные с различными движениями и идеологическими сдвигами в русском сознании»³³. В частности, рассматривая проблему отношения России к Западу в общественной мысли после Крымской войны и до эмигрантского периода включительно, Зеньковский считает возможным выделить интеллектуальную «группу», в идеях которой определенно присутствует «политический мотив»: И. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, к этому ряду он относит и «так называемых “евразийцев”»³⁴. Таким образом, евразийство ставится им в определенный интеллектуальный контекст.

Какие же «достаточно глубокие» связи видит Зеньковский? Он пишет: «В евразийстве прежде всего оживают и развиваются леонтьевские построения... — не Данилевский с его верностью “племенному” (славянскому) типу, а именно Леонтьев с его скептическим отношением к славянству ближе всего к евразийству». У Леонтьева, указывает Зеньковский, мы также находим «аналогичный» евразий-

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Рязановский Н. В. Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 409.

³² Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955.

³³ Он же. Русские мыслители и Европа / Сост. П. В. Алексеева. М., 2005. С. 81.

³⁴ Там же. С. 64.

ству «призыв обратиться к восточным народам»³⁵. Казалось бы, отсюда вытекает, что Данилевский категорично выводится им из числа предшественников евразийства, однако это не так. Рассматривая взгляды Н. С. Трубецкого, Зеньковский полагает, что «духовно он наиболее близок к Данилевскому и Леонтьеву, мотивы которых воскресли в его книге [«Европа и человечество»] с новой силой», даже «острее» и имея «более общий характер»³⁶. Как видно, в отличие от Н. А. Бердяева, Зеньковский считает возможным соотносить идеи евразийцев и с идеями Леонтьева.

Отметим, что в начале 1960-х гг. Ф. А. Степун, участник (как и В. В. Зеньковский) прежних евразийских дискуссий, повторил в основном оценки 1920-х годов. По его представлению, идеология евразийцев «выросла где-то на перекрестке сниженного “до бытового исповедничества” славянофильского православия и националистической теории “культурных типов” Данилевского»³⁷.

При всем интересе мнений представителей российской эмиграции о евразийстве, нельзя не обратить внимания на то, что все они односторонни и сводятся в основном к упоминанию Данилевского (и отчасти Леонтьева). Однако если обратиться к работам самих евразийцев, то можно обнаружить и другие имена. Так, П. Н. Савицкий в обобщающей статье «Евразийство», опубликованной в 1925 г., указывает, что выделение в Старом Свете трех материковых массивов «не есть какое-либо “открытие” евразийцев; оно вытекает из взглядов, ранее высказывавшихся географами», и указывает на труды В. И. Ламанского. А относительно осознания своеобразия российской культуры как евразийской он среди «пролагателей путей» вполне уверенно называет имя К. Н. Леонтьева³⁸.

Пожалуй, вся острота (но, как видно, не полнота!) проблемы интеллектуальных предшественников евразийцев (в понимании российской эмиграции) проявилась в словах П. М. Бицилли, сказанных в 1927 г.: «Евразийцев считают учениками славянофилов, и сами они гордятся этой родословной. По праву ли?... Портретная галерея евра-

³⁵ Там же. С. 82.

³⁶ Там же. С. 83-84.

³⁷ *Степун Ф. А.* Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 311.

³⁸ *Савицкий П. Н.* Евразийство // Континент Евразия. М., 1997. С. 82, 84.

зийских предков пестра и Аксаковыми, Киреевскими и Хомяковыми далеко не исчерпывается. Из-за их благодушных и величавых ликов выглядывают в ней физиономии Магницкого и Архимандрита Фотия, и зловещая маска Ленина»³⁹. Того самого Ленина, чьи «монгольские черты», по словам Бердяева, необходимо «стереть с лица русского народа»⁴⁰. Как видим, возможны разные подходы, — все это свидетельствует, что проблема здесь действительно есть, и что вопрос о «евразийских предках», о евразийской «родословной» требует самого внимательного анализа.

В вопросе о евразийских предшественниках имеется еще один сюжет, не коснуться которого невозможно. Он связан с соотношением евразийской и европейской (определенного рода) мысли. Уже в 1922 г., в одном из самых первых откликов на сборник «Исход к Востоку» П. Б. Струве (учитывая его отношения с П. Н. Савицким, здесь еще нет полного отрицания евразийства) замечает, что «евразийство внешним образом продолжает традицию славянофильства», но «поскольку евразийство подчеркивает... родственность русской культуры с азиатским Востоком, постольку оно объективно странным образом воспроизводит доктрину одного славянского ненавистника России, некоего поляка Духинского, который более чем 50 лет тому назад проповедовал, что “московиты” суть восточная, туранская раса, лишь поверхностно соприкоснувшаяся с западной, славянской культурой, усвоившая себе скандинавское название “русских” и славянский язык»⁴¹. Речь идет не о субъективном преемстве, а только об «объективном» сходстве, но, так или иначе, сравнение это возникает уже на первой странице евразийского дискурса.

Впоследствии, уже в «пост-евразийскую» эпоху, в 1962 г. Ф. А. Степун посчитал возможным сделать вывод, что русские эмигрантские ученые, назвавшие себя евразийцами, «в смягченном виде» повторили несостоятельный тезис тех французских мыслителей XIX – начала XX вв. (А. Мартен, А. Масси), которые полагали, что «Россия по своему духовно-культурному облику должна быть

³⁹ Бицилли П. М. Два лика евразийства // Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 48.

⁴⁰ Бердяев Н. А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 137.

⁴¹ Струве П. Б. Россия // *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 411; См.: Русская мысль. Прага, 1922. Кн. 3.

отнесена не к Европе, а к Азии»⁴². По мнению Степуна, «сравнивая взгляды враждебных России французских ученых со взглядами русских патриотов-евразийцев, нельзя не удивляться их близости»⁴³. Следует признать, что здесь есть предмет для сравнительного изучения, однако работы европейских авторов об азиатизме и туранизме России все же не были источником для евразийцев, чьи взгляды, вырастали на почве российской мысли, российского самосознания и их собственных размышлений. Вспомним, что даже Бердяев признал «туранско-татарскую концепцию» Трубецкого, в отличие от других аспектов евразийства, не вторичным, а оригинальным явлением⁴⁴.

Как ни неожиданно, но параллель между противороссийскими «туранскими» идеями, рожденными в Европе (во франко-польских кругах) в конце 1850-х – 1860-е гг., и евразийством XX века вновь возникла в последние десятилетия, причем не только среди украинских исследователей⁴⁵. Например, В. Г. Макаров считает возможным полагать, что «появление» евразийства 1920-х гг. «следует считать своеобразной реакцией на опубликованные на Западе во второй половине XIX в. работы, в которых заявлялось, что Россия не имеет ничего общего с Европой» (т.е. «реакцией» на идеи того же Духинского)⁴⁶. Маловероятно, чтобы здесь могут быть обнаружены открытия, существенные для понимания генезиса собственно российского евразийства. С другой стороны, эта западноевропейская мыслительная тенденция (о России как *не Европе*), взятая сама по себе, имеет все основания, чтобы стать отдельным сюжетом для исследования из интеллектуальной истории Европы.

Таким образом, уже современники евразийства, несмотря на стремление объяснить его появление обстоятельствами эпохи (революция, гражданская война, эмиграция) были вынуждены поднимать вопрос об отношении евразийства к предшествующим интеллектуальным течениям. Примечательно, однако, что единства в понима-

⁴² Степун Ф. А. Указ. соч. С. 310.

⁴³ Там же. С. 312.

⁴⁴ Бердяев Н. А. Евразийцы. С. 134.

⁴⁵ Скуратівський В. Євразійський синдром // Політична думка. 1995. № 2-3 (6). С. 81-88.

⁴⁶ Макаров В. Г. “Рахтоссика”. История евразийского движения и судьбы евразийцев // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 102-103.

нии у критиков не было: ни в аспекте отношения евразийцев к авторитетам российской мысли 1900–1910-х гг., ни к мыслителям второй половины XIX в. (Данилевский, Леонтьев, Достоевский), ни к славянофилам 1840–50-х гг. Это говорит о том, что вопрос о евразийской интеллектуальной «родословной» не прост и нуждается в объективном исследовании, которое, конечно, в условиях острой внутриэмигрантской полемики 1920-х гг. не могло быть осуществлено.

Однако, как может быть интерпретирован вопрос об истоках евразийства применительно к общей проблеме контекста? Если исходить из того, что контекст понятие множественное и что «в настоящее время принципиальным становится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи возникают, распространяются и трансформируются»⁴⁷, то, следовательно, само представление о контекстах евразийства не может ограничиваться концом 1910-х – началом 1920-х гг., обстоятельствами социально-политической катастрофы, на фоне и вслед за которыми возникло евразийство. Контекст евразийства — это и предшествующее, дореволюционное время.

С данной точки зрения, предполагаем, что среди культурных «разновидностей» контекстов, с которыми связывается становление евразийства, располагается наследие и тех мыслителей второй половины XIX в., кого можно считать в той или иной степени его предшественниками. И чьи идеи (относительно евразийства) могут трактоваться как истоки. Представляется, что идейные истоки, это тоже своего рода контекст — исторически предшествующий «интеллектуальный контекст». Возможно, именно в проблеме истоков, в проблеме преемственности «контекст» (предшествующий интеллектуальный контекст) переходит в «текст» (можно сказать: «внешнее» переходит, несмотря на временную отдаленность, во «внутреннее»). И становится тем компонентом, без которого понимание собственно евразийского «текста» затруднительно.

⁴⁷ Ретина Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков. С. 16.

С. В. АРТАМОШИН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВЫ ВЕЙМАРСКОЙ СИСТЕМЫ ГЕРМАНИИ

Возникшая в результате революции ноября 1918 г. Веймарская республика заявила о создании нового демократического порядка в Германии. Кайзеровская монархия пала, император покинул страну. В отличие от России, Германии удалось избежать ожесточенной гражданской войны. Однако говорить об относительно легком утверждении демократической республики не приходится. Веймарская система с первых месяцев столкнулась с противодействием со стороны как монархических, так и коммунистических сил, но оппозиционную позицию по отношению революционной власти заняли и консервативно-националистические силы.

В 1919 г. произошло оформление интеллектуального течения «консервативной революции», которое существовало на протяжении всего периода Веймарской республики. В противоположность прусской консервативной мысли «консервативная революция» уже не обосновывала монархическую легитимность и верноподданнические ценности, а стремилась к анализу современности, в которой перспектива реставрации монархии с каждым месяцем становилась все прозрачней. Интеллектуальное течение «консервативной революции» стремилось к поиску альтернативы Веймарской системе, политической критике ее порядков. Оно создавало образ не демократического, а националистического государства, где немецкости, прусскости будет придано большее значение, нежели в созданном по всем канонам западноевропейской демократической системы Веймарском государстве. В отличие от стремления демократической системы приглушить национальные чувства, «консервативная революция» делала ставку именно на национализм. Падение рейха и утверждение республики представлялось сторонникам «консервативной революции» катастрофой. Не восприняв демократические ценности,

течение «консервативной революции» было направлено на формирование иного мироощущения, которое должно привести к созданию нового немецкого государства. Можно согласиться с точкой зрения итальянского консервативного мыслителя Юлиуса Эволы, когда он замечает, что в идее «консервативной революции» «подчеркивается динамическая составляющая, то есть “революция”. ...Это слово... подразумевает действие, направленное на устранение хаоса, пришедшего на смену некогда бывшему порядку, и восстановление нормальных условий»¹. Поэтому конструирование нового государства предполагало активную борьбу с Веймарской системой путем критики и создания образа немецкого государства будущего.

В основе политического анализа представителей «консервативной революции» была рефлексия войны и послевоенного устройства Германии. Первая мировая война оказала мощное влияние на умонастроения и чувства немцев. В революционно-консервативной мысли она персонифицировалась в лицах военного поколения, составивших образ солдата мировой войны. Яркое отражение это нашло в книгах и публицистических статьях Эрнста и Фридриха Георга Юнгеров². Большинство представителей «консервативной революции» уделяли значительное внимание военному поколению, отмечая его обновленный, очищенный характер по сравнению с буржуазным миром. Именно с этим поколением связывалось будущее Германии.

Послевоенное германское государственное устройство упиралось в неизбежную преграду Версальского мирного договора. Проблему заключения мирного договора, который бы поставил точку в истории Первой мировой войны, революционное правительство обойти не могло. Через это нужно было переступить, прекрасно понимая, что реакция на этот шаг будет крайне сложной и далеко не положительной для революционного правительства. Правительственные партии в мае 1919 г. обсудили вопрос о заключении мирного

¹ Эвола Ю. Люди и руины // *Он же*. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа / Пер. с итал. М., 2007. С. 7.

² Об образе Солдата в творчестве Э. Юнгера подробнее см.: *Артамошин С. В.* Великая война в книге Эрнста Юнгера «В стальных грозах» // *Всеобщая история: современные исследования*. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. С. Ф. Блуменау. Брянск, 2006. Вып. 15. С. 142-151.

договора с Антантой на основе тех требований, которые она предъявила Германии. В ходе обсуждения Немецкая демократическая партия высказалась против заключения договора на таких условиях. Этот демарш имел исключительно политический характер, так как было понятно, что это «нет» не способно остановить движение к мирному договору, но с другой стороны, оно слегка дистанцировало партию от СДПГ и Центра и позволяло ей набрать определенный политический капитал. Позицию СДПГ и Центра в Национальном собрании 12 мая 1919 г. прояснили, соответственно, Мюллер от СДПГ, и Эрцбергер и Гизберт от Центра. Свои усилия партии объединили 16 июня 1919 г. созданием политического фронта, направленного на активизацию усилий правительства в деле заключения мирного договора. По справедливому замечанию германского историка Генриха Августа Винклера, согласие на заключение Версальского мирного договора таило в себе «большой внутренний риск»³, который выразился, прежде всего, в позиции военных.

В Пруссии оппозицию согласию заключить мир составили военный министр генерал Рейнхардт, генералы фон Лоссберг и фон Белов, первый генерал-квартирмейстер Грёнер. Рейхскомиссар Восточной и Западной Пруссии Август Винниг, впоследствии контактировавший с представителями «консервативной революции», высказал идею строительства Восточного государства — Пруссии, откуда пойдет освобождение Германии от оков Версаля. Это предложение нашло поддержку генералов фон Лоссберга и фон Белова. Грёнер считал эту идею авантюрой, но в момент правительственного кризиса вокруг заключения мира, высказался в ее поддержку. Однако эта идея так и осталась политическим проектом. Созданное 21 июня 1919 г. правительство Густава Бауэра было нацелено на заключение мирного соглашения, решение о котором было принято в ходе голосования 237 голосами против 138 при 6 воздержавшихся. От имени Германского государства он был подписан министром иностранных дел Германом Мюллером (СДПГ) 28 июня 1919 г.⁴ Символичным был выбор места подписания договора — Зеркальный зал Версаль-

³ *Winkler H. A. Weimar 1918–1933: die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1993. S.93.*

⁴ *Ibid. S. 94f.*

ского дворца, именно то место, где в 1871 г. была провозглашена «вторая империя» Германии. Это должно было усилить позор поражения и радикализировать унижение.

Консервативной реакцией на заключение Версальского мирного договора явилось создание в 1919 г. «Июньского клуба», названного так «в честь» Версальского мира, что должно было указывать на приоритетное направление политической деятельности организации. Состав «Июньского клуба» был политически разношерстным⁵. Именно проблема преодоления Версальского мирного договора была полюсом притяжения политически различных, а подчас и враждебных сил на протяжении всей истории Веймарской республики.

Одним из первых изданий «Июньского клуба» был вышедший в свет в 1919 г. под редакцией Макса Хильдеберта Бёма «Малый политический словарь», тираж которого достиг 125 тыс. экз. Ежедневной газетой клуба была “*Des Gewissen*”. Для популяризации идей и распространения издания было создано «Общество друзей “*Des Gewissen*”». Официальным редактором газеты стал Эдуард Штадтлер, в тот момент один из видных специалистов по большевизму и антибольшевистской борьбе, председатель «Антибольшевистской лиги». Однако активные выступления с публичными лекциями не позволяли ему в полной мере руководить изданием, и обязанности редактора фактически исполнял Артур Мёллер ван ден Брук, один из видных идеологов «консервативной революции»⁶. Символом издания было «кольцо» — знак объединения всех национально мыслящих сил против версальского политического режима Германии. Впоследствии, символ «кольца» дал название журналу “*Der Ring*”, который издавал один из учредителей «Июньского клуба» Генрих фон Гляйхен после распада клуба в середине 1920-х гг. “*Des Gewissen*” выходил с 1928 г. в маленьком формате в качестве приложения⁷.

⁵ Установить полный состав «Июньского клуба» весьма сложно, вместе с тем Ханс-Йоахим Швиерскотт приводит списочный состав как по самому клубу, так и по его структурным организациям, см.: *Schwierskott H.-J. Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962. S. 60, 63-64, 67-68.*

⁶ *Ibid.* S. 58.

⁷ *Ibid.* S. 57, 73.

В подавляющем большинстве представители «консервативной революции» были выходцами из маленьких городов Германии. Так, О. Шпенглер происходил из Бланкенбурга в Гарце, В. Штапель из Зальцведеля, К. Шмитт из Плеттенберга в Саарской области, Э. Никиш из Нёрдлингена, Э. Ю. Юнг из Людвигсхагена, Э. Юнгер из Ганновера, А. Мёллер ван ден Брук из Золингена, Г. Фрайер из Лейпцига. Никого не было из крупнейших центров — Мюнхена и Гамбурга, исключение составляет лишь Г. Церер, происходивший из Берлина. Несмотря на удаленность от германских центров, многие из них позднее перебрались в них, избрав как место жительства, либо учебы, либо работы. Однако страх перед большим городом сохранился. В наибольшей степени антиурбанистический эффект присутствует в работах О. Шпенглера, В. Штапеля и Э. Никиша, несколько слабее в статьях Г. Церера. Напротив, для Э. Юнгера такого страха не существовало, что очень ярко отражено в его «Рабочем».

К. Шмитт, М. Шпан, Э. Штадтлер происходили из католических семей, Г. Фрайер, А. Мёллер ван ден Брук, В. Штапель — из евангелических. Многие проявляли интерес к философии, истории, литературе. Только Г. Церер изучал теологию непосредственно. Наиболее ярко религиозная составляющая проявилась в творчестве католиков К. Шмитта, М. Шпана, Э. Штадтлера, о религиозном возрождении как необходимой предпосылке для будущего Германии писал Э. Ю. Юнг в «Господстве неполноценных». В. Штапель был членом Евангелически-социального конгресса и писал свои статьи в духе культурпротестантизма. Э. Никиш и Э. Штадтлер обучались соответственно в протестантской и католической школах, отцы М. Шпана и К. Шмитта были членами партии Центр. Многие из представителей «консервативной революции» окончили или проходили обучение в университетах. Так, О. Шпенглер изучал математику и естествознание, В. Штапель — историю искусств и философию, К. Шмитт, Э. Ю. Юнг, Ф. Г. Юнгер, Г. фон Гляйхен — юриспруденцию, Э. Штадтлер, М. Шпан — историю, Г. Фрайер, М. Х. Бём, Г. Циглер — философию. Э. Юнгер в течение одного семестра изучал зоологию и философию, Г. Церер метался между медициной, философией и теологией, так и не закончив образования. Ф. Фрид

изучал национальную экономику у В. Зомбарта, Э. В. Эшманн — социологию у А. Вебера⁸. Полученное представителями «консервативной революции» образование и воспитание наложило значительный отпечаток на проблематику затрагиваемых в их сочинениях вопросов и на уровень их текстов, отличавшихся от примитивных фелькишеских листков стилем, глубиной анализа проблем и интеллектуальной направленностью. Вполне можно согласиться с определением «консервативных революционеров» как «“академиков” старого среднего класса Германии», предложенным Хайдой Герстенбергер⁹.

Касаясь политических идей «консервативной революции», необходимо отметить, что они вращались вокруг политических проблем Веймарской Германии и европейского общества первой половины XX века. К сожалению, рамки статьи не позволяют охватить всю проблематику «консервативной революции», поэтому мы остановимся на ее отдельных элементах, в частности концепции «прусского социализма» и «третьей империи».

Концепция «прусского социализма» была сформулирована в 1919 г. в работе О. Шпенглера «Пруссачество и социализм», давшей толчок консервативной и националистической мысли Веймарской Германии и воспринятой многими представителями «консервативной революции». Правда, следует отметить, что пессимизм и фатализм О. Шпенглера в отношении развития европейской культуры критиковался «революционными консерваторами», в частности А. Мёллером ван ден Бруком¹⁰. О. Шпенглер был прав, когда писал в октябре 1932 г. в предисловии к своему сборнику «Политические сочинения», что «с этой книги берет свое начало национальное дви-

⁸ Breuer St. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993. S. 27-30.

⁹ Gerstenberger H. Der revolutionäre Konservatismus. Ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. В., 1969. S. 140.

¹⁰ Реакцию на «Закат Европы», с критикой пессимизма и фатализма Шпенглера и с верой в германское будущее, см.: Moeller van den Bruck. Der Untergang des Abendlandes. Für und wider Spengler // Deutsche Rundschau. Juli-August-September, 46 (1920). 41-70. Вместе с тем, идеи «Пруссачества и социализма» нашли у Мёллера ван ден Брука понимание и заимствование, см.: Moeller van den Bruck. Preußentum und Sozialismus // Moeller van den Bruck. Sozialismus und Außenpolitik, hrsg. V. H. Schwarz. Breslau, 1933. S. 11-19.

жение»¹¹. Вместе с тем, необходимо отметить, что его политическая концепция гармонично сочеталась с его культур-историческими взглядами. Как мы отмечали выше, Шпенглер испытывал страх перед современным мегаполисом, поэтому урбанистические тенденции виделись им исключительно в негативном свете: урбанизация приводила к концентрации населения в городах, притягивала потерявшее связь с землей население, ослабляла духовную перед возрастанием внешних потребностей. Утилитаризм, космополитизм, научная антирелигиозность характеризовали человека эпохи цивилизации, для которого основным вопросом жизни становился вопрос денег. Мировой город позволял совершить ассимиляцию различных этнических и религиозных групп, способствовал стиранию социально-сословных отличий, размывал национальность. Оторванность человека от корней делала его бесплодным, превращая в «интеллектуального кочевника»¹². Данная тенденция оформляла предпосылки катастрофы германского общества в конце Первой мировой войны.

Толчком к определению прусского социализма как альтернативы демократической республике послужила германская революция 1918 года. Произшедшая одновременно с военным поражением на фронте, она с первых дней связывалась с неудачей в войне. Шпенглер видел в ноябрьской революции 1918 г. всего лишь «революцию глупости», которую совершил «негодный сброд во главе с отбросами интеллигенции... Истинный социализм, проявившийся в августе 1914 года, здесь был предан в то время, когда он сражался в последней схватке на фронте или лежал в братских могилах, в которых была погребена половина поколения Европы»¹³. Утверждение революционной власти привело к разрушению прусского порядка организованного государства, на смену которому пришел беспорядок политических партий и Советов: «Низвержение государства, подмена его олигархией второстепенных партийных главарей, которые по-прежнему считали оппозицию своим призванием, а управление го-

¹¹ *Spengler O. Vorwort // Spengler O. Politische Schriften. München, 1932. S. V-XIII, здесь: S. VII.*

¹² *Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 92.*

¹³ *Он же. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 17.*

сударством — наглостью, систематическое разрушение и подтачивание основ внутреннего порядка перед лицом смеющегося врага и перед приходящими в отчаяние зрителями, проба только что обретенной власти на спинах важнейших чиновников... — таков был новый дух, пока в роковой час последнего сопротивления это государство не исчезло»¹⁴. Поэтому «за исключением нескольких дураков и выскочек, революция произвела на всех впечатление сумасшедшего дома, быть может, сильнее всего на самих социалистических вождях. Это беспримерно: они внезапно обрели власть, к которой стремились в течение сорока лет, и приняли её как несчастье»¹⁵.

Позднее, в 1933 г., Шпенглер писал: «...уже с первых дней я ненавидел грязную революцию 1918 года как измену неполноценной части нашего народа по отношению к другой его части — сильной, нерастраченной, воскресшей в 1914 году, которая могла и хотела иметь будущее»¹⁶. Шпенглер усматривал в германской революции 1918 года и утвердившейся в результате её Веймарской республики разрыв с германской историей и германским государством. Революция выбивалась из последовательности национальных подъемов Германии: в войне с Наполеоном в 1813 г., в объединении «железом и кровью» в 1870 г., в национальном воодушевлении в связи с началом Великой войны в 1914 г. Поэтому надежда, которую Шпенглер связывал с будущим германского государства, была направлена на преодоление Веймарской республики и разрыва германской истории. Монархизм О. Шпенглера в годы республики испытал воздействие националистического антилиберального движения. Это привело к трансформации гогенцоллерновского монархизма в националистически-монархический цезаризм.

Современное государство послевоенной Европы приобрело парламентскую форму. Включение населения в избирательный процесс посредством предоставления ему всеобщего избирательного права, привело, по мнению Шпенглера, к разрушению сословной системы и переходу к массовому обществу. Шпенглер подчеркивал, что чем «беспомощнее делается масса избирателей, тем безусловнее

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 19-20.

¹⁶ Шпенглер О. Годы решений. М., 2006. С. 9.

оказывается она отдана на откуп новым силам, партийным верхушкам, которые... навязывают толпе собственную волю и ...ведут меж собой борьбу за господство, пользуясь общественным мнением исключительно как выкованным своими же руками, обращенным ими друг против друга»¹⁷. Установление парламентаризма приводило к установлению «эпохи великих одиночек», которые используют парламентаризм только как средство получения власти, не испытывая «подлинного благоговения» перед ней. «Современная избирательная кампания — это проводимая посредством избирательного бюллетеня и разнообразных подстрекающих средств, речей и писаний гражданская война, и всякий крупный партийный вождь — своего рода гражданский Наполеон»¹⁸. Либерализм и парламентаризм представляют собой не всеобщее, а исключительно национальное, английское явление, выступая в других странах как жалкая копия. Отсюда Шпенглер делал вывод о том, что «парламентаризм не может быть введен в жизнь другого народа, как невозможно подражать его методам, хоть сколько-нибудь рассчитывая на успех. Парламентаризм в Германии — или бессмыслица, или измена»¹⁹.

Будучи культурфилософом, Шпенглер подчеркивал существенные отличия английского и немецкого как проявление «духа викингов» и «духа монашеских орденов». В этом виделась причина противостояния, достигшего апогея в Великой войне. Викинг и монах-рыцарь — это два этнокультурных символа, в которых персонифицировались отличия их мировоззрения. Индивидуализм английского духа находит свое проявление в торговых сделках и получении выгоды. Англичанин как потомок викингов стремился к обогащению. Противопоставленный англичанину-викингу немец-монах-рыцарь придерживался совершенно иного стиля жизни. Символ, использованный Шпенглером, указывал на защитно-духовную функцию, выполняемую монахом-рыцарем. Это выражалось, прежде всего, в том, что он следовал не просто интуитивному пути, некоей удаче, свет которой переменчив, а выполнял священную службу, сочетающую не только воинскую рыцарскую функцию, но и монашескую, духовно-

¹⁷ *Он же*. Закат Европы. Т. 2. С. 486.

¹⁸ Там же. С. 441-442.

¹⁹ *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм... С. 102.

очистительную. Монах следует путем Господа, монах-воин выступает защитником этого пути. Поэтому какой-либо утилитаризм невозможен там, где творится Божье Слово и, следуя ему, воин выполняет свой долг как воин Христа. Именно в этом находит проявление немецкий дух: «Немецкий, точнее прусский инстинкт, говорил: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Целое суверенно. Король только первый слуга своего государства (Фридрих Великий). Каждому отводится предназначенное ему место. Приказывают и повинуются»²⁰. Шпенглер предельно ясно охарактеризовал составные элементы духа монаха-рыцаря: «Душа слуги, ум подданного, кастовый дух — все это слова, обозначающие нечто, что становится понятным, когда оно уже вырождается, и тогда его презирают. Истинного прусского духа никто не презирает, его боятся»²¹.

Пруссачество представляет собой совокупность душевных, духовных и физических свойств, выражающих «ощущение жизни, инстинкт, невозможность поступать иначе», «воли, задач, возможностей, определяющих судьбу нации, «...прусский элемент как определенная совокупность чувства реальности, дисциплины, корпоративного духа и энергии»²². Английский и прусский дух породил два нравственных принципа, выразившихся в индивидуализме и социализме. Первый есть «ответственность за свои действия, самоопределение, решительность, инициатива»; второй — это «верность, дисциплина, самоотверженность, самоотречение, самовоспитание»²³.

С. Бройер верно отметил, что социализм Шпенглера выступал не как принцип экономики, а прежде всего как принцип этики. Он был формой выражения воли к власти²⁴. Шпенглер указывал на взаимосвязь прусского духа и социалистического образа мышления. Не воспринимая социализм как производное экономических противоречий, философ подчеркивал невозможность и абсурдность понимания социализма в духе Маркса, и необходимость четкого их размежевания. Марксистский интернационализм явился фантомом, раз-

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 62.

²² Там же. С. 48-49.

²³ Там же. С. 51-52.

²⁴ *Broyer St. Op. cit. S. 60.*

рушенным в августе 1914 года. Именно в это время, по мнению Шпенглера, возник истинный социализм — немецкий по духу и национальный по характеру. Особенностью прусского социализма являлись антилиберализм и антимарксизм, направленность против индивидуализма и интернационализма. Основанный на приоритете коллективных интересов, он во многом отражал особенности функционирования экономики Германии в годы войны. Таким образом, он выступал как социализм государства, а не класса. Этика прусского социализма опиралась на идею долга, которая выражалась в служении каждого человека не только государству, но и всему обществу. «Прусская социалистическая этика учит, что в жизни дело не в счастье, а в исполнении своего долга, в труде»²⁵.

Победить демократическую систему массового общества может личность, великий политический деятель, воплотивший дух своего времени. Противопоставление массового общества вождю, индустриализма — традиционности выступало в качестве основы будущего возрождения Германии. Шпенглер видел в вождизме некое «упоение, связанное с тоном чести и рыцарственности. Внутреннего аристократизма, самоотверженности и долга»²⁶. В своей теории культуры Шпенглер определял этот вождизм как цезаризм, появление которого окончательно сокрушит диктатуру денег и ее политическую форму — демократию. Шпенглер связывал цезаризм с консервативной революцией, в которой произойдет соединение социализма рабочего класса с его консервативным началом.

Представители «консервативной революции» связывали судьбу Германии с надеждой на «третью империю». Новая империя должна была объединить расколотых политическими партиями немцев в единую нацию, преодолевшую узкопартийные противоречия. Одним из активных сторонников данной позиции был Артур Мёллер ван ден Брук, опубликовавший в 1923 г. книгу «Третья империя». Легко можно увидеть точки соприкосновения политических позиций О. Шпенглера и А. Мёллера ван ден Брука, вместе с тем антилиберальная составляющая работы последнего была значительно сильнее, чем у Шпенглера. Критика либерализма у Мёллера ван ден Бру-

²⁵ Шпенглер О. Пруссачество и социализм... С. 67.

²⁶ Он же. Закат Европы. Т. . С. 495.

ка носила многосторонний характер, он рассматривал его не только как идейно-политическое течение европейской мысли, но и как стиль жизни. Он видел несоответствие либерального индивидуализма прусскому стилю, всегда общностному и государственному. Либерализм же — «символ общества, в котором нет ничего общего»²⁷. Либерализм разрушает национальное государство, прививая человеку так называемые «общечеловеческие ценности», лишая его чувства национальности. Поэтому либерализм является основным врагом германского государства: «Либерализм, — писал Мёллер ван ден Брук, — убивает культуру. Он уничтожает религию..., разрушает Отечество. Он означает конец человечества»²⁸. Исходя из этого, современный консерватизм должен поставив нацию в центр политических размышлений и политических действий. Именно с этим были связаны надежды на новую империю.

Консерватизм в представлении Мёллера ван ден Брука может выступить в качестве интегральной силы, способной подняться как над партийными интересами, так и над классовыми. Марксизм зажал рабочего в узкоклассовые рамки, ограничив его восприятие. Мёллер ван ден Брук полагал, что марксизм способен только к внешней фиксации проблематики общественной жизни, да и то с позиций классовой схемы, абстрактной, бесчеловечной. С помощью голых понятий нельзя проникнуть в души рабочего и народа в целом. «Во всех его (К. Маркса. — С. А.) произведениях не сыщешь ни единого слова любви к человеку, только темная страсть, ненависть, месть, возмездие»²⁹. Марксизм, по мнению Мёллера ван ден Брука, расколол германское общество, внеся в него огонь классовой гражданской войны. Поэтому консерватизм должен освободить пролетариат Германии от его марксистских заблуждений, вернуть ему потерянную прусскость. Именно это может служить предпосылкой «третьей империи» и «консервативной революции». Мёллер ван ден Брук соединял мечту о «третьей империей» с «прусским социализмом». Он полагал, что социализм всегда носил национальный характер, он все-

²⁷ *Moeller van den Bruck*. Das dritte Reich. 3. Aufl. / H. Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. S. 97.

²⁸ *Ibid.* S. 100.

²⁹ *Ibid.* S. 33-34.

гда выше классовой розни. Таким образом, он оспорил присвоение социализма Марксом и рефлексию о социализме только по Марксу. «Прусский социализм» становился национально ориентированным. «Каждый народ имеет свой собственный социализм»³⁰.

Пролетарий — это человек труда, он не является узкой социальной группой, связанной с определенной профессией, а трактуется широко. Немец, носитель героической души, обладает пролетарским духом, поэтому «действительным пролетарием является тот, кто считает себя пролетарием»³¹. Такое толкование пролетариата создавало предпосылки для преодоления классовой борьбы и создания основы для национального пробуждения немцев. Не классовая, а национальная Германия должна стать «третий империей». Германия достигнет этого через осуществление «консервативной революции», которая будет по своему характеру национальной. «Мы выиграем в революции то, что упустили в войне»³². Говоря о «третьем рейхе» Мёллер ван ден Брук представлял его как «мировоззренческую идею»: «...Это старая немецкая мечта, она родилась сразу после гибели нашего первого рейха. Изначально эта мечта слилась с ожиданием его тысячелетнего царства. Политическая идея этого рейха исполнит, наконец, мечты об осуществлении высокого земного предназначения немецкого народа»³³.

Интеллектуальное течение «консервативной революции» в своем дискурсе о Веймарской системе стремилось найти точку опоры, позволившую восстановить национальную Германию, преодолеть Версаль и прийти к немецко-прусскому государству. Это нельзя было сделать в духе Веймара, с опорой на Веймарскую систему, потому что для «консервативных революционеров» дух Веймара был духом Версаля, в нем не чувствовалось прусской твердости, способной сопротивляться врагам, а просматривалась только уступчивость, компромизм, в то время как в «консервативной революции» звучал некомпромизм, атака, движение, активность.

³⁰ Ibid. S. 72, 78.

³¹ Ibid. S. 155.

³² Ibid. S. 2.

³³ Ibid. S. 242, IX.

ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ

О. В. ВОРОБЬЕВА

«МНЕ ВСЕГДА ХОТЕЛОСЬ УВИДЕТЬ ДРУГУЮ СТОРОНУ ЛУНЫ»: А. ДЖ. ТОЙНБИ В 1950-1970-Е ГОДЫ

*Иногда ставка делается на настоящее,
иногда — на будущее.
Из писем Гете Эккерману*

*Мысль есть ответ: от низшей степени
простого рефлекса до высшей степени
ответственности.
М. Цветаева*

Всех творческих людей можно разделить на людей с историей и без истории. У вторых нет цели — они никогда не знают, что принесет им творческий порыв. Основная черта первых — стремление к цели. Их путь есть путь опыта. Они открывают себя через все явления, которые встречаются на пути, в каждом новом шаге и в каждой новой встрече. Им тесно в собственном «я», они его постоянно расширяют, и очень часто их человеческое «я» становится «я» страны, народа, континента, столетия. Люди с историей — люди темы. Для них нет посторонних тем, они сознательные участники мира. Тема такого ученого — повод для «нового себя».

В литературе можно встретить точку зрения, согласно которой Тойнби после завершения работы над «Постижением истории» полностью исчерпал свой творческий потенциал, и все его последующие работы — всего лишь повторы идей, высказанных в этом фундаментальном труде. Осмелюсь возразить таким исследователям, пишущим к тому же о человеке, разменявшем восьмой-девятый десяток лет.

Во-первых, творящий человек тем и отличается от Творца, что у него после шестого дня сразу наступает первый, опять первый. Или восьмой. Восьмой день творения — это не когда создаешь, а когда совершенствуешь созданное. Во-вторых, всегда ли повторы — свидетельство оскудения мысли? Почему человек еще и еще раз возвраща-

ется к созданному? Вероятно, потому, что ощущает незавершенность его. По сути, это схватка с тем, что не дается, а на самом деле с самим собой: возврат к незавершенному в себе. Есть, правда, еще одна возможность: ничто никуда не уходило, и никто ни к чему не возвращался. Это нечто текло непрерывно, как подземная река, здесь являясь, там пропадая, но являясь и пропадая только на поверхности действия. Повторность тем — при неповторности подходов. Творческой может быть интонация и смысловое соседство, в которое ставится слово. Думается, что с самого начала Тойнби был приговорен долбить один камень. Писать о разном, по-разному, но книгу одну-единственную. И вот с этого помоста последнее его двадцатилетие выглядит несколько иначе, чем представляют себе незадачливые критики...

Сразу после завершения «Постижения истории» Тойнби предпринял кругосветное путешествие (февраль 1956 – август 1957 гг.), имевшее три цели: во-первых, познакомиться с последними данными для пересмотра отдельных моментов работы и второго издания книги; во-вторых, посмотреть на современный мир и особенно на те страны, которые он описывал в «Постижении» и «Обзорах»; в-третьих, спрятаться от нарастающей академической критики. Последнее обстоятельство отзывалось в его сознании особенной болью.

Начало падения авторитета Тойнби в академической среде следует, вероятно, отнести к 1948 г., когда Питер Гейл подверг сомнению ценность его концепции «вызова-и-ответа», а также обвинил Тойнби в многочисленных фактических ошибках¹. За ошибки Тойнби извинился, а вот задачу познания смысла истории назвал наиважнейшей. Он объяснил, что существует множество путей изучения истории, но каждый из них ограничен, как часть целого: «нельзя ничего понять об организме, изучая отдельно скелет или мускулы, или нервы, или циркуляцию крови»². Это заявление подняло волну других критических замечаний, большинство из которых касались все той же фактуры. Каждый старался «ущипнуть» Тойнби за то место, которое знал лучше его³.

¹ Претензии П. Гейла, высказанные им А. Тойнби в радиодebатах BBC, впоследствии были сформулированы в статье сборника, посвященного осмыслению тойнбианского взгляда на историю. — *Toynbee and History: Critical Essays and Reviews* / Ed. by Ashley Montague. Boston, 1956.

² *McNeill W. H. Arnold J. Toynbee: A Life*. N.Y.; Oxford, 1989. P. 224.

³ См.: *Toynbee and History: Critical Essays and Reviews*...

Ситуация несколько улучшилась после выхода в 1954 г. последних томов «Постижения», поражавших эрудицией и несколько отсрочивших наступление бури⁴. Пик критических оценок десятитомника приходится на вторую половину 1950-х – 1960-е гг. и в значительной мере обуславливается возрастанием популярности автора «Постижения истории» после появления сокращенного варианта книги, вышедшего из-под пера д-ра Д. Сомервелла и сделавшего «Постижение истории» доступным для массового читателя. Как писал один из обозревателей, «хорошо, если бы другим плодовитым авторам — и, прежде всего, Марксу — кто-нибудь сослужил такую же добрую службу, какую м-р Сомервелл сослужил м-ру Тойнби»⁵. Мысль интересная... но не бесспорная. С одной стороны, двухтомник Сомервелла действительно обеспечил идеям Тойнби необычайно широкую популярность. С другой стороны, эта популярность была достигнута ценой явного обеднения тойнбианской мысли. Из «Постижения истории» были удалены многочисленные детали, составляющие оригинальную фактологическую базу исследования, а также большинство авторских иллюстраций и отступлений, причем иногда довольно объемных.

Показательно, что Тойнби с самого начала отнесся к сомервелловской идее довольно настороженно. Он полагал, что издание сокращенного варианта может иметь смысл только после появления всей книги и с учетом изменений первоначального авторского замысла. И хотя Тойнби поблагодарил Сомервелла за то, что он «отнесся к книге столь серьезно, потратив на нее много времени и усилий», и даже сам рекомендовал труд Сомервелла к печати, он до конца испытывал сомнения в продуктивности данного проекта, осознавая неизбежное «редуцирование своей истории к простой схеме подъема и падения цивилизаций»⁶. В начале 1970-х годов Тойнби даже решился на создание собственного сокращенного варианта книги. Но и ему не удалось сконденсировать широкий текст «Постижения», равно как и обновить его новыми данными. Это лишний раз доказывало, что ци-

⁴ «Перед нами одна из величайших книг нашего столетия» — так характеризовал «Постижение истории» один из ее обозревателей — *Schuman F. L.* *The Paradoxes of Dr. Toynbee* // *The Nation*. 6 November, 1954. P. 405.

⁵ Цит. по: *Работнов Н.* Есть ли будущее у «двадцать второй цивилизации»? // *Знамя*. 1991. № 12. С. 177.

⁶ Цит. по: *McNeill W. H.* *Op. cit.* P. 211, 212.

визационная схема (а именно она поддавалась и пересказу, и легкой критике по причине того, что любая схема — это уже в определенной мере догма, рамки) — как раз самое неинтересное и второстепенное в тойнбианской философии истории. Подлинного внимания заслуживает предшествующий ее созданию мыслительный процесс в совокупности с драматическим характером мировоззренческих злоключений А. Тойнби, которые и делали его столь оригинальным мыслителем.

Самая язвительная из критических статей принадлежала перу оксфордского профессора Х. Тревор-Ропера, назвавшего свою статью в “*Encounter*” «Миллениум Арнольда Тойнби». В ней он «окрестил» Тойнби новым пророком, а время его популярности «Веком Тойнбианы» (*Anno Toynbeeana*) — религиозной эрой Арнольда Тойнби⁷. Вместе с молодым антропологом Филиппом Бегби, опубликовавшим обзор последних четырех томов в “*Times Literary Supplement*”, Тревор-Ропер начал поворачивать академическое мнение, по крайней мере, в англоязычном мире, против глобального и пророческого тойнбианского видения истории. Сарказм и ирония были сильнее критики, так как отрицали интеллектуальную значимость созданного им труда.

В 1958 г. у исследователей творчества Тойнби даже возникла идея обсудить основные идеи его книги, собрав в Нормандии ученых и журналистов. Для устранения всякого недопонимания, которое могло возникнуть в ходе конференции, Тойнби также был в числе приглашенных. Этот симпозиум стал для него чем-то вроде предельной точки в отношении его репутации в профессиональной среде. С некоторыми замечаниями он согласился, другие счел идеологически направленными (это касалось ученых из Франции и Польши, выступавших с марксистских позиций). Только немецкие ученые обращались к различным аспектам тойнбианской мысли, однако суть его подхода к истории была непонятна и им. О. Ф. Андерле измучил его совершенно догматическими утверждениями по поводу того, каким должно быть сравнительное изучение цивилизаций, при этом идеи, которые он приписывал Тойнби, плохо узнавались последним как свои собственные⁸. Андерле направил усилия на организацию «Международно-

⁷ *Trevor-Roper H. Arnold Toynbee's Millennium // Encounter. June, 1957. P. 14-28.*

⁸ Печатная версия состоявшихся дебатов была опубликована: *L'histoire et ses interpretations: Entretiens autour de Arnold Toynbee. Paris, 1961.*

го общества сравнительного изучения цивилизаций», пригласив Тойнби стать его президентом. Тойнби отказался. Приглашение принял профессор социологии Гарвардского университета Питирим Сорокин, в то время как сам Андерле стал его генеральным секретарем⁹.

Пытаясь добиться понимания, Тойнби в 1961 г. предложил организовать новую встречу в Зальцбурге, но предложение было отклонено — все, кто видел в трудах Тойнби только фактические ошибки, громоздкую систематику и логические противоречия, ничего нового добавить не могли. Критика с подобных позиций свидетельствовала о важном качестве интеллектуального сознания тех лет: позитивизм никуда не ушел, что, видимо, мешало гуманитариям прошлого века воспринимать созданную Тойнби концепцию истории в ее прямом назначении. Они никак не хотели понять, что любая интеллектуальная конструкция (будь то модели О. Шпенглера, Н. Элиаса, П. Сорокина или того же А. Тойнби) есть лишь один из познавательных ходов, при помощи которого можно осмыслить полноту жизни, и имеет риторическую и метафорическую природу. Это не реальность (ибо все слова деонтологизированы, лишены сущностного содержания), а лишь один из способов ее концептуализации. И вообще множественность интерпретаций есть естественное бытие, а не субъективное желание, не произвол интерпретаций.

Еще одно обстоятельство способствовало негативному восприятию «Постижения»: философия истории все больше уступала место узкоспециальным исследованиям. Тойнби не раз сетовал на то, что гуманитарии заняты преимущественно «раскладыванием по полочкам все возрастающего числа резко ограниченных друг от друга дисциплин. Это безнадежная попытка управиться с огромным количеством всего того, что должно быть познано... Вот почему нам нужно... снова найти путь изучения человеческой жизни в том единстве, которое она, по существу, и являет собой»¹⁰. В эпоху, когда взаимодействие между разными частями человечества становилось все более важным фактором, упорное нежелание академических кругов рассматривать историю как глобальную казалось Тойнби абсурдным. Разве не надо

⁹ Организация существует до сих пор, издает журнал, публикует ежегодные отчеты, однако ее деятельность ограничена преимущественно рамками США.

¹⁰ *Toynbee A. (rec.) Kroeber A. L., Klukhon C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions. N.Y., 1963 // History and Theory. 1964. Vol. 4. № 1. P. 129.* См. также: *Тойнби А. Дж. Пережитое. М., 2003. С. 104.*

будущим цивилизациям знать, как взаимодействовали люди в прошлом, двигаясь вместе в общее будущее?

Уязвленный поверхностной критикой, Тойнби даже задумал второе издание книги: перечитать ее, дополнить, устранить неточности. Но вскоре он понял неосуществимость замысла: во-первых, годы были уже не те (в 1957 г. Тойнби перенес сложную операцию, после которой так и не смог войти в прежний тонус), во-вторых, прогресс в области гуманитарных исследований привел к появлению такого количества неизвестных ранее фактов и новых ракурсов рассмотрения прошлого, что одними исправлениями было не обойтись — впору было садиться за написание новой книги¹¹. Уяснив, сколь капитальным должен быть этот труд, Тойнби решает вместо него написать книгу, в которой излагались бы ответы на критические замечания и объяснялись причины изменения первоначального замысла «Постижения». На работу ушло два года, а в 1961 г. была опубликована книга под названием «Переосмысления»¹².

На одну треть книга была посвящена обсуждению теоретических проблем, затем шло рассмотрение частных вопросов, наконец, на последних 55 страницах, озаглавленных *Ad Hominem*, Тойнби пытался осмыслить свою работу как продукт времени, пространства и личного опыта. В одних случаях Тойнби соглашался с критиками, например, с недооценкой им ранее роли диффузии среди человеческих сообществ. В других спорил с ними, как это было с обвинениями его концепции в фатализме. Но он категорически отказывался признать ненужность корректировки первоначального замысла книги. Более того, он считал для себя необходимым еще раз «пересмотреть этот вопрос в целом в свете нового знания и новых идей, которые появились по этой проблеме за последние тридцать лет»¹³. В частности, Тойнби писал об ошибочности проведения им ранее резкой грани между элитой и нетворческим меньшинством, между цивилизацией и первобытным обществом, отказывался от концепции застывшей цивилизации, фиксировал недооценку им насилия в жизни общества¹⁴.

¹¹ McNeill W. H. Op. cit. P. 254.

¹² Toynbee A. J. A Study of History. Vol. 12. Reconsiderations. L., 1961.

¹³ Ibid. P. 344-345.

¹⁴ Ibid. P. 305-306, 604-605.

По сути, книга стала еще одним доказательством того, что истории предстаний Тойнби о глубинных и неповторимых сторонах истории следует искать вовсе не в цивилизационных схемах, но в основах и эволюции его религиозных и философско-антропологических воззрений: «Интеллектуальной задачей является увидеть Универсум, как он есть, в свете Бога, вместо рассмотрения его в искаженном свете как одно из божественных творений. Моральная цель человеческой природы привести свою волю в соответствие с божественной волей вместо того, чтобы утверждать о намерениях как своих собственных»¹⁵. Кажется, Тойнби вернулся к некоторым утверждениям своей юности, но была существенная разница: прогресс отныне не мыслился как материальный прогресс, а англиканское христианство как единственно верное. Но тогда было ли верным само «Постижение истории»? Интеллектуальный путь прошлого, который Тойнби так усердно пытался создать, распался в его руках как карточный домик, и он не мог собрать воедино эти противоположные друг другу способы осмысления истории. Это позволило Питеру Гейлу еще раз «пройтись» по Тойнби: «Тойнби все делает, чтобы выглядеть историком, но, прежде всего и больше всего, он остается пророком»¹⁶.

Замечание Гейла глубоко ранило Тойнби. Он задумывает написать книгу, при помощи которой смог бы, наконец, доказать ученому сообществу, что он профессиональный историк, а не пророк. Для этого он выбрал проблему, интересовавшую его со времен первой мировой войны — войны Ганнибала. Тойнби садится за написание книги сразу после завершения работы над «Переосмыслениями», и к 1963 г. она была готова¹⁷. Этот фундаментальный труд посвящен практически всей республиканской истории Рима. При его написании Тойнби учел все последние данные по этой проблеме и прочитал все вышедшие за это время труды. Профессиональное сообщество было впечатлено, в очередной раз повернувшись к Тойнби лицом¹⁸. Однако книга была интересна только специалистам, а Тойнби рассчитывал на более

¹⁵ Ibid. P. 279, 563.

¹⁶ Geyl P. Toynbee's Answer // Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen / Afd. Letterkunde. Nieuwe Reeks. 1961. Deel 24. № 5. P. 26.

¹⁷ Toynbee A. J. Hannibal's Legacy. The Hannibal's War's Effect of Roman Life. Vol. 1-2. L.; N.Y.; Toronto, 1965.

¹⁸ См. отзывы на книгу в *Times Literary Supplement* (2 December, 1965), *Classical Philosophy* (April, 1967), *The New Statesman and Nation* (24 December, 1965) etc.

широкую аудиторию. Дело в том, что он рассматривал «Политику Ганнибала» не столько как академический труд, сколько как притчу, иносказание, имеющее значение для всех времен и народов. В ней было показано, как чудовищная победа над средиземноморскими территориями, закончившаяся созданием римской державы, привела к социальным катастрофам, гражданским войнам и диктатуре и, в конце концов, к падению этой империи, как стремление покорять и владеть сделало римлян зависимыми от того, кого они покорили и чем завладели. По мнению Тойнби, римский опыт имел существенное значение для второй половины XX века, когда война между СССР и США грозила обернуться всеобщим концом. Но простые люди никак не хотели читать академический труд более чем в тысячу страниц.

Другой попыткой оправдаться перед научным сообществом стала книга «Некоторые проблемы греческой истории» (1969 г.)¹⁹. В ней Тойнби вернулся к вопросам, волновавшим его с юности, когда он пытался размышлять о том, что случилось бы, если бы Филипп Македонский не был убит, а его сын Александр дожил до глубокой старости. Он полагал, что эти вопросы «на самом деле имеют отношение к более крупной и серьезной проблеме», к природе человеческих событий, к проблеме детерминизма/индетерминизма: «Я был ошибочно обвинен в детерминизме... [Эта работа] является доказательством моей непредикативности и, следовательно, оправдывает меня»²⁰.

Наконец, в 1973 г. вышла книга «Константин Багрянородный и его Мир»²¹, самой примечательной чертой которой стал явный интерес Тойнби к конкретно-историческим проблемам византийской истории в ущерб цивилизационным ракурсам рассмотрения и, как следствие этого, в ущерб религиозной проблематике. Труд посвящен преимущественно спорным вопросам византийской истории периода правления императора Константина: областям расположения восточного римского корпуса, славянским поселениям, отношениям империи с зарубежными странами и т.п. Многое из написанного Тойнби вызвало настоящий восторг экспертов. Единодушно отмечалась колоссальная фактологическая база исследования, строгость и доказательность его исторических суждений.

¹⁹ *Toynbee A. J. Some Problems of Greek History. L., 1969.*

²⁰ Цит. по: *McNeill W. H. Op. cit. P. 265.*

²¹ *Toynbee A. J. Constantine Porphyrogenitus and His World. L., 1973.*

Работы конца 1960-х – начала 1970-х гг. в значительной мере реабилитировали Тойнби в глазах ученого сообщества, но мысль о приведении в гармонию различных дискурсивных практик «Постижения истории» не оставляла его. Последней попыткой Тойнби переосмыслить предмет «Постижения» можно считать нарративную историю мира, изложенную им в книге «Человечество и Матерь Земля»²² (опубликована уже после его смерти). Он был тяжело болен, и многие вещи приводил по памяти. Его задачей было собрать вместе все человеческое прошлое в некоем интеллигибельном целом как чрезвычайной характеристике человечества. Но Тойнби опять потерпел неудачу, не сумев придать широкому знанию жизнеспособный синтез. И дело было не столько в религиозных воззрениях британского историка (задачи философствования вовсе не исключают принадлежности мыслителя к какой-либо церковной институции, поскольку философское мышление никогда не останавливается перед теми границами, которое выдвигает религиозное сознание). Философская и теологическая проблематика постоянно вступала в конфликт с научностью и историчностью (не философичностью) самих методов ее разработки²³.

С другой стороны, возможно, что именно озабоченность философско-исторической проблематикой обеспечила историческому мышлению Тойнби такую открытость, такое стремление избежать замкнутой системы, если угодно, такой универсализм его мировосприятия. Универсальность и разносторонность — не одно и то же. Можно быть человеком универсальным, но не разносторонним и наоборот. Универсальность — это своего рода сродство миру, когда создаются точные образы какой-либо черты мира и в то же время создается образ всего мира. Подлинно универсален тот, кто как бы воплотил в себе всю полноту духовного и нравственного уровня эпохи, в чем-то возвышаясь над этой полнотой и разнообразием. Другими словами, универсальная личность — это микрокосм, отражающий макрокосм. Удивительно универсальным человеком был Тойнби! Ему было мало одной академической истории — он хотел *видеть* и *дей-*

²² *Idem.* Mankind and Mother Earth. A Narrative History of the World. N.Y., 1976.

²³ Впервые внимание на это обстоятельство обратил Ортега-и-Гассет: *Ortega y Gasset J.* Una interpretación de la historia universal, en torno a Toynbee. Madrid, 1960. См. также: *Раишковский Е. Б.* Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М., 1976. С. 15.

ствовать. С этой «волей видеть и действовать» порой рождаются, но ее и совершенствуют. Это приводило Тойнби к постоянным метаниям и даже противоречиям в его видении истории, но одновременно обеспечивало удивительную открытость этого видения, обусловленного принципиальной открытостью самой истории. Это объясняет, почему драматические мировоззренческие коллизии, связанные с отношением мирового сообщества к «Постижению истории», равно как и собственные неудачные попытки придать этому труду непротиворечивый вид, не мешали Тойнби постоянно увлекаться новыми идеями.

Приведу лишь один пример. В 1959 г. Тойнби присутствовал на совещании «Население и продовольствие», проходившем в рамках ООН в Риме. С тех пор проблема баланса населения и продовольствия становится постоянной проблемой его сознания, расширяясь до вопроса цены урбанизации для человеческого сообщества. Размышления на эту тему приводят его к сотрудничеству с Институтом Экистики, созданным греческим архитектором Константином Доксиадисом (*K. Doxiadis*). Последний прославился тем, что построил ряд новых городов в Азии в совершенно новом стиле, созданном для решения социальных проблем этого региона. Эти города строились по принципу совокупности небольших деревенских сообществ, расположенных внутри большого мегаполиса и позволявших людям тесно общаться друг с другом. Когда в 1960 г. Тойнби посетил Карачи, то был весьма удивлен и заинтересован новым типом городов. Знакомство с архитектором привело его на симпозиум в Делос, в заседаниях которого Тойнби отныне станет постоянным и активным участником. Доксиадис мечтал о будущем Космополисе, где каждый человек будет чувствовать себя частью целого. Тойнби был приглашен стать экспертом института по проблеме природного окружения для людей²⁴.

Увлечение экистикой вылилось в написание трех книг, главной задачей которых было найти интеллигибельный порядок между историей и географией²⁵. В свойственной ему манере он обращается к рассмотрению этой проблемы у древних греков, только теперь он взглянул на них с точки зрения социальной, политической и психологической аспектов способа их организации. Увлечение экистикой — луч-

²⁴ *McNeill W. H.* Op. cit. P. 252-253.

²⁵ *Toynbee A. J.* *Cities of Destiny*. L., 1967; *Idem.* *Cities of the Move*. L., 1970; *Idem.* *An Ekistical Study of the Hellenic City State*. L., 1971.

ший пример открытости его сознания, и пример далеко не единственный. В последние годы он интересовался такими новыми для него вопросами, как ценность пикторального искусства как исторического источника или идеями Тейяра де Шардена. Он уже давно понял, что главное в жизни — не успех, а успеть. Успех иногда даже мешает успеть сделать что-то, написать или создать. И, пожалуй, самой яркой иллюстрацией этой черты сознания Тойнби можно считать его концепцию современности, являющуюся одновременно прояснением и, в какой-то мере, логическим завершением его исторической концепции.

* * *

Видение Тойнби современного этапа было обусловлено наблюдением и переживанием событий XX века, а также появлением новых ракурсов рассмотрения мировой истории, ставших возможными благодаря научному прогрессу. Как историк и человек либеральных воззрений, он не мог остаться в стороне от тех настроений, которая переживала европейская интеллигенция послевоенных лет. Главным, пожалуй, было чувство вины за то, что не удалось сдержать натиск иррациональных сил и релятивистских настроений, закончившихся появлением авторитарных и тоталитарных режимов. Причем впервые речь шла не об абстрактной коллективной вине, а о вине каждого, кто остался в живых и не уберег погибших. Эта самокритика привела европейскую интеллигенцию к существенной коррекции познавательного опыта первой половины XX века и формированию комплекса теорий, призванных переустроить мир на новых основаниях. Осмысление трудов К. Ясперса, А. Швейцера, Г. Баттерфилда невозможно без проекции на эти переживания невозможно.

В том же ряду — и послевоенные работы Тойнби, в которых представление о рубежности и особой значимости современного этапа истории достигает невиданной остроты и эсхатологической направленности. Современный этап истории мыслится им как изначально заданный период, на протяжении которого должно решиться будущее человечества: победа соединяющих (Добро, Бог) или разъединяющих (Зло, Сатана) сил, ведущих сражение на каждом клочке земли и в каждом человеческом сердце²⁶. К разъединяющим тенденциям относятся этнонациональная, религиозная и межгосударственная

²⁶ Полковник Лоуренс // *Тойнби А. Д. Мои встречи*. М., 2003. С. 448.

вражда, к соединяющим — совершенствование орудий труда, миграционные процессы, развитие мировых религий и т.д. Победа Добра сулит вхождение в новый, постцивилизационный пласт человеческой истории, победа Зла грозит обернуться ее концом²⁷. Такой философско-исторический подход к рассмотрению феномена современности позволил Тойнби несколько иначе, чем в довоенное время сформулировать и цель истории, а именно: через моральное и духовное самосовершенствование вывести облагороженного и одухотворенного человека за свои пределы — в пространство метаистории.

Здесь важно отметить акцент Тойнби на причастность человека к противоборству материальных и духовных сфер²⁸. Вопрос об осмыслении места и призвания человеческой личности — характерный вопрос для западной интеллигенции послевоенного периода. Но, как справедливо заметил Е. Б. Рашковский, трудно назвать мыслителя, который поставил бы вопрос о связях духовных судеб человека со структурной сложностью истории с такой остротой²⁹. За этой попыткой угадывалось стремление защитить представление о человеческой личности (в смысле ее причастности к абсолюту) от релятивистских и сугубо прагматических трактовок человека, господствовавших в общественном сознании в 1920–30-е гг. Убеждение в высоком предназначении человека подсказало Тойнби и поистине стоический взгляд на свободу человека в истории: «Каждое поколение, подобно карме, влачит на себе все то, что было содеяно предшественниками. Ни одно из поколений не начинает жизнь в условиях полной свободы, но начинает как узник прошлого. Но, к счастью, узник этот не беспомощен, он располагает силами сломить рутину унаследованных привычек, но это дается лишь могучим усилием, и привычек этих не переломить до конца. Свобода эта не иллюзорна, но и никогда не полна»³⁰. И далее: «Быть человеком — значит, быть способным переступить собственные пределы», ибо «по сравнению с нашими физическими силами наши духовные и интеллектуальные возможности колоссальны»³¹.

²⁷ *Toynbee A. J. A Study of History. Vol. 12. Reconsiderations. P. 54-87.*

²⁸ *Idem. Change and Habits. The Challenge of Our Time. L., 1966. P. 11.*

²⁹ *Рашковский Е. Б. Преодоление европоцентризма в трудах А. Тойнби // Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С. 171.*

³⁰ *Тойнби А. Дж. Пережитое. С. 84.*

³¹ Там же. С. 102, 115.

Итак, два мира — два плана. Мирской план ознаменован внутренним борением и внешними антагонизмами, а сакральный является сферой постоянной реализации сущности человека, сферой духовного соприкосновения разных людей, народов и культур, сферой межкультурной коммуникации. Всякое преодоление человеком своей индивидуальной, племенной, цивилизационной ограниченности связано с поисками в себе и в мире того, что возвышает человека над призрачностью его замкнутого эмпирического существования. Тойнби отныне интересуется нечто более широкое и надвременное, чем культурно-исторические барьеры конкретных цивилизаций. Не удивительно, что в послевоенные годы в центре его внимания оказываются именно междивизиационные контакты, которые ранее трактовались им скорее как признак упадка того или иного цивилизационного сообщества, чем эффективный способ реализации человечеством своего предназначения. К тому же осмысливались они несколько иначе, чем в межвоенный период. Так, например, ранее проблема междивизиационного общения представлялась ему как процесс передачи духовно-нравственного опыта одной культурно-исторической конфигурации другой. Согласно же сочинениям Тойнби 1940–1970-х гг., взаимодействие культур рассматривается не только в уникальной системе духовно-исторических координат, но и в условиях технологического и социально-экономического взаимодействия.

Размышления над этой проблематикой, вылились в целый ряд статей, появившихся в научной периодике в 1947 г. и опубликованных год спустя под названием «Цивилизация перед судом истории»³². Логическим продолжением сборника стал курс лекций, прочитанный Тойнби в 1952 г. по Би-Би-Си и воплощенный в книге «Мир и Запад»³³. Лейтмотивом обеих книг является идущее повсеместно столкновение незападных стран с процессом вестернизации. В довоенные годы Тойнби немало потрудился над культурно-исторической компаративистикой Запада и Востока, в послевоенные его больше занимал другой вопрос, а именно типологизация, или, если угодно, вариативность путей развития современных афро-азиатских сообществ. Не случайно в книге «Мир и Запад» Тойнби акцентировал свое внимание

³² *Toynbee A. J. Civilization on Trial. N.Y., 1948.* На русском языке книга опубликована в 1995 г.

³³ *Idem. The World and the West. N.Y., 1953.* Русский перевод можно найти в книге: *Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.*

на различиях переживания злополучного «западного вопроса» в обществах Дальнего Востока, Индии, мусульманского и православного миров. Без этого невозможно понять, почему в одних случаях западные инновации более или менее органично входили в ткань национальных сообществ, а в других нет. Одним из таких отмеченных Тойнби парадоксов являлась, например, Япония. В отличие от других азиатских стран она не знала ни западного колониального ига, ни даже торговли, и, тем не менее, степень облучения этой страны европейскими культурными лучами оказалась особенно сильной.

В то же время Тойнби не считал, что устаревшая, на первый взгляд, антитеза «Запад–Восток» полностью потеряла эвристичность. В своих поздних работах он не раз подчеркивал, что одним из ключевых моментов межкультурного взаимодействия является интенсивный процесс внедрения западной научно-технической мысли в различные сферы жизни восточных обществ³⁴. Естественно, в разных этно- и социокультурных средах протекание этого процесса имеет свои особенности. Но все это многообразие не снимает вопроса о различиях и путях синтеза двух интеллектуальных традиций, иными словами, о внимании к новому измерению антитезы «Восток–Запад».

Сказанное позволяло сделать вывод, что современные процессы межкультурного взаимодействия требуют отказа от некоторых упрощенных схем, в рамках которых рассматривается проблема диалога, и перехода к гибкому, пластическому собиранию образа мира. При таком подходе предпосылки идущего процесса вестернизации вряд ли стоило искать только в демонстрации Западом своей технологической мощи. В сфере культуры особое значение приобретал тот факт, что именно развитие западной интеллектуальной традиции позволило этой цивилизации поставить и успешно решать задачи построения гражданского общества, правового государства, реализации человеческого достоинства как важнейшего компонента духовной традиции Запада, не говоря уже о научной и технологической рациональности. Парадокс заключался в том, что, с одной стороны, европейские навыки мышления действительно подрывали традиционные формы культуры восточных обществ, с другой стороны, помогали их рационализации, что способствовало приобщению этих обществ как к собственному прошлому, так и к современному миру.

³⁴ См.: Диалог Тойнби – Икеда. Человек должен выбрать сам. М., 1998. С. 6.

Тойнби не раз задумывался об этом парадоксе. По сути, речь шла о нахождении «золотой середины» в соотношении своего и чужого — трудный и нешаблонный вопрос. Можно ли заимствовать чужое, без ущерба собственному культурному наследию и стоит ли оставаться на позициях традиционализма, рискуя тем самым оказаться в изоляции? По мнению А. Тойнби, истина состоит в том, что «каждое исторически сложившееся культурное пространство есть органичное целое, где все составные части взаимозависимы, так что при отделении одной из частей и сама эта часть, и оставшееся нарушенное целое ведут себя иначе, нежели в исконном состоянии»³⁵. Стало быть, «ни овладение чужой новейшей технологией, ни ревностное сохранение традиционного образа жизни не может быть полным и окончательным Ответом на Вызов чуждой цивилизации»³⁶. Тогда каким должен быть окончательный ответ? По-видимому, усвоение инокультурных элементов не может быть процессом чисто механического приращения. Смысл диалога — в нахождении особого модуса соотношения собственного и чужого, в результате которого и в самом обществе в целом, и в сознании отдельных его представителей в частности, возникает установка на творческий синтез традиционализма и современности, прошлого и настоящего — синтез, в котором будет преодолено искушение как полного отказа от своего прошлого, так и пребывания на позициях традиционализма³⁷. Следовательно, успешное протекание диалога культур предполагает перестройку не только социальной и институциональной сфер, но и личности.

В этих условиях на первый план выдвигается собственно человеческий аспект межкультурного диалога, проблема взаимосвязи личного и коллективного. Тойнби не раз подчеркивал, что культура не есть нечто абстрактное, она складывается из жизни и творчества конкретных людей. И если консервативное начало чаще всего коренится именно в коллективном опыте культуры, то инновационное — в индивидуальной творческой деятельности человека, ибо личность, согласно Тойнби, только частично укоренена в окружающей ее культуре и может выходить за пределы господствующих в обществе социо-

³⁵ Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. С. 184-185.

³⁶ Там же. С. 188.

³⁷ См. об этом: Тойнби А. Д. Постигание истории. М., 1991. С. 599.

культурных норм³⁸. Получается, что без развитых форм мысли и творчества нет и не может быть подлинного межкультурного диалога.

Безусловно, А. Тойнби не был первым, кто предпринял попытку связать европейскую и неевропейскую историю в единое целое. Достаточно вспомнить Г. Уэллса или О. Шпенглера, причем если первый все еще рассматривал эту связь в европоцентристском духе³⁹, то второй явно придерживался тезиса о равноправии, а в некоторых случаях и превосходстве незападных цивилизаций⁴⁰. И все же никто до Тойнби не поставил с такой силой вопрос о том, что в условиях многообразия культур, форм человеческого опыта взаимопонимание людей без утраты их идентичности и даже, напротив, через ее углубление и содержательное обогащение становится одним из важнейших императивов современности. Никто до него с такой ясностью не осознал, что беспрецедентный по своей интенсивности процесс культурного взаимодействия народов является одним из тех фундаментальных вызовов или, словами Е. Рашковского, «шифрограмм бытия», на которые человечество вынуждено откликаться в каждом поколении, познавая в частных временных коллизиях свои вечные измерения.

Мечта о будущем, в котором в социальной практике и духовной жизни были бы воплощены все гуманные тенденции человеческой культуры, сказала на очередной трансформации религиозных представлений ученого. Когда после войны личные и общественные катаклизмы ушли в прошлое, и флирт Тойнби с католической церковью пошел на спад, он признался, что не может продолжать называть себя христианином, поскольку не прошел бы элементарной проверки на христианскую ортодоксальность⁴¹. При этом дальнейшая дехристианизация его религиозного сознания сопровождалась секуляризацией всего его мировоззрения. В «Переосмыслениях» он уже называл себя *экс-верующим*, *религиозным агностиком* или даже *трансрационалистом*⁴². Это не означало полного отказа от религиозных представлений. Тойнби не раз подчеркивал, что, несмотря на свой агностицизм, убежден, что религия имеет отношение к реальности и

³⁸ См., напр.: Переписка Н. И. Конрада и А. Дж. Тойнби // Н. И. Конрад. Неоконченные работы. Письма. М., 1996. С. 398.

³⁹ См.: Wells G. H. Outline of History. L., 1920.

⁴⁰ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1992.

⁴¹ Тойнби А. Дж. Пережитое. С. 128.

⁴² Toynbee A. J. A Study of History. Vol. 12. Reconsiderations. P. 73, 313-314.

что эта реальность имеет первостепенное значение⁴³. Ключом к его религиозным представлениям можно считать установку на взаимосвязь конечной духовной реальности с духовным началом в человеческой природе: «Религия — это поиск конечного духовного принципа во Вселенной, и цель этого поиска не просто интеллектуальная игра, это духовная задача постижения истины, с тем, чтобы гармонично влиться в нее самому... Моя цель — иметь максимум религии при минимуме догм»⁴⁴. В этом контексте стремление послевоенного Тойнби к сочетанию религиозного и научного взглядов на мир перестает выглядеть неким парадоксом. Суть этой позиции, по его словам, заключается в попытке установления определенного компромисса между строго рационалистическим и теологическим взглядами на мир. Верующий уступает рационалисту, переставая вмешивать трансцендентное в вопросы познания, а рационалист верующему, признавая принципиальную неполноту любой системы рациональных законов применительно к человеческому бытию⁴⁵.

Неортодоксальный характер христианства Тойнби был подмечен исследователями его творчества. «В Тойнби мы находим парадокс историка, который настаивал на том, что придерживается религиозного взгляда на историю, на самом деле склоняясь к историческому взгляду на религию»⁴⁶, — писал епископ Дж. В. Л. Кассерли. «Не смотря на то, что в этих последних томах религии отводится значительно большая роль... характер его христианства определенно эллинский, и временами оно больше философия, нежели религия в строгом смысле слова»⁴⁷, — вторил ему Р. П. М. МакГир. Сказанное позволяет согласиться с Ю. А. Бондаренко, который наиболее подробно исследовал тойнбианскую трактовку сущности религии и считал, что Бог А. Тойнби — это то же самое, что Бог Тейяра де Шардена, Альберта Швейцера или Пауля Тиллиха, — ориентир, помогающий не сбиться с пути, идеал, проникающий в сердце⁴⁸. И тут же до-

⁴³ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 121.

⁴⁴ Там же. С. 137, 134.

⁴⁵ См.: *Toynbee A. J. Op. cit.* P. 71-75, 313-314.

⁴⁶ *Casserly J. V. L. Toward a Theology of History.* L., 1965. P. 115.

⁴⁷ *McGuire R. P. M. Toynbee's A Study of History: fruitful Failure on the grand scale* // *The Estolic Historical Review.* 1956. Vol. 47. № 3. P. 326-327.

⁴⁸ *Бондаренко Ю. А. Критический анализ учения А. Д. Тойнби о роли религии в жизни общества.* Дис... канд. филос. наук. М., 1980. С. 70-71.

бавляет, что при таком расширительном толковании религии даже атеиста можно зачислить в число верующих⁴⁹.

Потрясением этого периода было открытие, что азиатские духовные лидеры имеют более вселенский взгляд на мир, чем христианские или иудейские. По мере того, как гравитация Тойнби по отношению к католицизму убывала, оценка других, более толерантных, с его точки зрения, религий становилась все более позитивной. «Христианство представляет собой контраст религиям и философиям индийского происхождения: оно в целом интеллектуально замкнуто и эмоционально нетерпимо... Нетерпимость объединяет христианство, ислам, иудаизм и зороастризм с современными западными идеологиями, которые расцвели в постхристианской среде: я имею в виду фашизм, нацизм, коммунизм...»⁵⁰. Действительно, Тойнби был склонен рассматривать христианство как главного виновника всех драматических метаморфоз Западного мира, в том числе экологического кризиса, основной причиной которого считал утвердившееся в европейской религиозной традиции восприятие человека как господина природы.

Тойнби задавался вопросом: как могло случиться, что среда подвергается опасности, и почему материальному фактору в истории отводится больше места, чем духовному? «Успехи человека в области достижения господства над природой были куплены ценой подчинения себя искусственной, созданной самим человеком среде. Эта новая среда более (!) неблагоприятна, тиранична, психологически беспокойна, чем старая, и эта замена — одна из причин современной неустроенности, конфликта, насилия, всеобщей фрустрации»⁵¹. Ибо, освободившись от тисков природного детерминизма, человек попал в более жесткие рамки детерминизма социально-технологического. «Для наших потомков было бы лучше, если бы человек... достигнув неолитического уровня технологии, более в этой области не прогрессировал»⁵². Показательно, что до начала 1960-х гг. отношение Тойнби к техническому прогрессу в западном мире не было однозначно отрицательным. Техника мыслилась им как сила нейтральная, а технологическая унификация даже трактовалась как предпосылка объедине-

⁴⁹ Там же. С. 75.

⁵⁰ *Toynbee A. J. One World and India. New Delhi, 1960. P. 57.*

⁵¹ *Idem. Surviving the Future. N.Y., 1971. P. 30.*

⁵² *Idem. Mankind and Mother Earth. P. 44.*

ния мира⁵³. Скепсис по отношению к техническому прогрессу впервые появился в томе «Пережитое», вышедшем в 1969 г.⁵⁴, и превратился в мощное крещендо в последней книге ученого — «Человечество и Матерь Земля»⁵⁵. Нападая на материальный прогресс, в своих поздних работах Тойнби иногда даже подходил к отрицанию такого вида прогресса вообще: «Переориентация человеческого поклонения от природы к собственной коллективной мощи представляется мне величайшим духовным регрессом»⁵⁶.

Признавая религии индийского происхождения более ориентированными на гармонизацию человека и природы, чем христианство, Тойнби, тем не менее, не нашел возможным согласовать свои религиозные представления с догматами какой-либо из них: «Я не верю в некоторые основополагающие понятия высших религий... Пункт, по которому я расхожусь со всеми высшими религиями, — это пункт, касающийся их попыток дать точные и определенные ответы на загадку, заданную Человеку тем положением, в котором он находится»⁵⁷. Поэтому во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. религиозные воззрения Тойнби приобретают еще одно новое качество: он начинает выступать за создание единой синкретической религии. Речь идет о религиозном синтезе, выработке общего подхода к высшим религиям, который бы обнажил их общую сущность⁵⁸. «Наша цель, — писал он в 1954 г., — несомненно, должна состоять в объединении индийского католицизма с палестинским монотеизмом»⁵⁹. Тойнби полагал, что все высшие религии релевантны определенным аспектам единой истины, которая может быть выражена только в мифе, а уж тот выбирает одежды и расцветки в соответствии с местом и временем. Будущая мировая религия должна быть толерантной (как иудаизм), недогматической (как греческая вера) и несуетной (как индуизм)⁶⁰.

Задумываясь о характере высшей духовной реальности, он склонялся к мысли о ее человекоподобии, но не в плане бытия личностью,

⁵³ См., напр.: *Idem*. A Study of History. Vol. 9. N.Y.–L., 1954. P. 467.

⁵⁴ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 239-253.

⁵⁵ *Toynbee A. J. Mankind and Mother Earth*. P. 42-43.

⁵⁶ *Idem*. *Surviving the Future*. P. 64.

⁵⁷ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 130, 131.

⁵⁸ *Toynbee A. J. An Historian's Approach to Religion*. N.Y. etc., 1956. С. 141-142.

⁵⁹ *McNeill W. H.* Op. cit. P. 219.

⁶⁰ *Ibid*. P. 220.

а в смысле ограниченности возможностей творить мир по своему усмотрению: «Моя концепция непостижимой духовной реальности, бесспорно, является более индийской (т.е. менее представленной в терминах персонифицированного Бога), чем иудейской... Я верю, что каждое живущее создание есть временная щепка конечной реальности, и она воссоединится с ней после смерти. “Воссоединение” означает веру в некоторые внешне различные феномены: а именно личное бессмертие, личную аннигиляцию и нирвану»⁶¹. В 1966 г. издатели попросили его выразить свое отношение к смерти и идеи по поводу нее, что, безусловно, помогло ему кристаллизовать свои представления. Сначала он даже хотел написать книгу об этом, но потом согласился ограничиться небольшим эссе “Man’s Concern about Death” (1968). Брошюра появилась уже после его кончины под названием «Жизнь после смерти»⁶². В ней Тойнби предполагает наличие своего рода бессмертия в форме воссоединения каждого отдельно взятого человеческого духа с трансцендентальной реальностью, находящейся внутри или по ту сторону материального универсума.

Можно предположить, что в свои преклонные годы Тойнби вернулся к антитезису между Жизнью и Механизмом, который он унаследовал от философии Бергсона в юности. Многие из его ремарок в этих книгах соответствуют этой бергсоновской установке, но, судя по всему, Тойнби не подозревал об этом отголоске и вместо этого предпочитал использовать буддистские термины — карма, нирвана, аннигиляция желания. Его борющаяся духовная реальность в поздних работах очень напоминает бергсоновскую Жизнь, борющуюся против мертвого Механизма и способную восстановить восходящую дугу творческой эволюции. И все же назвать эти взгляды Тойнби полностью бергсоновскими нельзя — в них весь тойнбианский опыт исканий по поводу духовного предназначения человека.

Взгляды Тойнби, как мы видим, находились в процессе изменения. Чем дальше, тем больше его вера и его представления о современности, принимали вселенский характер. В письме к французскому мыслителю Раймону Арону, вторя Марксу, он декларировал: «Я не

⁶¹ An Historian’s Conscience: The Correspondence between Arnold J. Toynbee and Columba Carey-Elwes, Monk of Ampleforth / Ed. by C. B. Pepper. Boston, 1986. P. 537.

⁶² Toynbee A. J. Life after Death. L., 1976.

“тойнбианский” в смысле ожидания установления некоторой обреченной и высушенной ортодоксии»⁶³.

К острому мировоззренческому кризису привело Тойнби явное нежелание большинства европейцев воспринять и разделить высказанные им идеи. Многих раздражал отказ ученого от идеализации Западной цивилизации⁶⁴. Считая фашизм закономерным порождением этой цивилизации, а сакрализацию имперского принципа его главным истоком, Тойнби выступил с резкой критикой колониализма⁶⁵. Аналогичными были его рассуждения и о вызове, бросаемом Западу коммунизмом и исходившим, по мнению ученого, не столько из природы самого коммунизма, сколько из сущности исторического развития Запада⁶⁶. Однако в условиях пика «холодной войны» никто не верил в быструю гибель колониальных империй и тем более не рассматривал поведение России как ответ на Западную экспансию. Тойнби впервые обвинили в нелюбви к Западу — только в более резких выражениях⁶⁷. Особенно усердствовали американцы, «обиженные» на разочарование Тойнби в возможностях американской демократии.

Эволюция воззрений Тойнби на место и роль США в послевоенном мире в 1960–70-х гг. заслуживает детального рассмотрения. Иллюзии по поводу США как возможного лидера послевоенного Запада впервые появились у Тойнби в самом начале второй мировой войны, когда он получил назначение на пост главы квази-правительственного агентства *The Foreign Research and Press Service*, одной из задач которого было обсуждение проблемы послевоенного устройства мира. С этой целью Тойнби даже создал Отдел Мира в своем агентстве. Эти усилия вскоре объединились с теми, что предпринимал по этому поводу Всемирный Совет Церквей в лице их представителей в Женеве. В Бейллиол-колледж стали приезжать делегации от американского представительства этой организации, в том числе побывал там и бу-

⁶³ McNeill W. H. Op. cit. P. 221.

⁶⁴ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 156.

⁶⁵ Toynbee A. J. A Study of History. Vol. 9. P. 433.

⁶⁶ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 160-161.

⁶⁷ См.: Hudson G. Toynbee's versus Gibbon // *The Twenties Century*. November, 1954; De Beus. J. G. *The Future of the West*. New York, 1953; Jerrold D. *The Lie about the West. A Response to Professor Toynbee's Challenge*. New York, 1954 (очень резкий памфлет в стиле маккартизма) etc.

дущий госсекретарь США Джон Даллес. Роль Тойнби на этих встречах была одновременно официальной и неофициальной, потому что, с одной стороны, он обсуждал с американцами правительственные проекты, с другой, высказывал собственное видение проблемы⁶⁸.

В 1942 г. Фонд Рокфеллера пригласил его посетить США для консультаций по проблеме послевоенного устройства. В программу входили поездки по городам США, выступления в крупнейших университетах страны и неофициальная (конфиденциальная) встреча с лордом Галифаксом. Высказываемые тогда Тойнби идеи справедливого и прочного мира импонировали простым американцам, чего нельзя сказать о представителях американского истеблишмента. Подтверждением этому может служить впечатление от встречи с Тойнби, высказанное одним из деятелей Совета церквей: «Тойнби, к удивлению Даллеса и моему собственному, придерживается взгляда, что не может быть адекватных решений на проблему мирового порядка без мирового правительства. Его особое предложение состоит в реконструкции Мирового Содружества Наций, в которое войдут по желанию все представители Объединенных Наций и осевые державы так скоро, как только это станет возможным. И четыре ведущие державы будут назначены ответственными за проводимую политику». Многие из присутствовавших на встрече американцев были солидарны с Тойнби, — многие, но не Даллес, который весьма «неохотно был вынужден признать приемлемость подобного решения (курсив мой. — О. В.)»⁶⁹.

Сохранившиеся в архивах бумаги помогают дополнить тогдашнюю позицию Тойнби по этому вопросу: «...новое правительство должно впредь быть независимым от любой нации или группы наций, и в число тех, кто время от времени будут определять политику и личный состав, должны быть включены те, кто сегодня нейтрален или является врагом. Как христиане мы должны признать моральные последствия фактической взаимозависимости, к которой пришел мир. Мир становится сообществом, и его члены не имеют больше морального права настаивать на “суверенности” и “независимости”, которая сегодня не более чем легальное право действовать без учета вреда,

⁶⁸ McNeill W. H. Op. cit. P. 179-182.

⁶⁹ Ibid. P. 184.

который их действия наносят другим. Пришло время, когда нации должны отказаться от права делать что-то аморальное»⁷⁰.

Когда Тойнби вернулся из поездки, его отчет Министерству иностранных дел включал, в частности, Индию, как камень преткновения для хороших отношений между Британией и США. Тойнби предлагал «ликвидировать империализм», заменив колониальное управление международным. Кстати, эти предложения он высказывал еще в 1936 г., так что его взгляды по данному вопросу существенно не изменились: он продолжал думать, что противостояние войне является одним из вызовов Западной цивилизации, и что выбор лежит между всемирно управляемой империей (по римской модели) и своего рода добровольным объединением государств, историческими предшественниками которого можно считать Лигу Наций или Ахейский Союз и Этолийскую Лигу древней Греции.

Активная международная деятельность Тойнби привела к новому назначению: в июне 1943 года он возглавил Исследовательский отдел МИД и переехал в Лондон. Отдел должен был заниматься только вопросами послевоенного устройства мира. Будущее противостояние супердержав к тому времени стало очевидным, и Англии надо было выработать собственную позицию. Для Тойнби она заключалась в решении следующей дилеммы: «Мир будет объединен политически и война преодоленной — на несколько столетий — в ближайшие двадцать пять лет. Вопрос только, как? Совместно, подобно Лиге Наций? Если да, то нам удастся сохранить для будущего достаточную степень свободы и вариативности нашего мира, и тогда цивилизации смогут достигнуть почти невероятного успеха»⁷¹. После войны его представления не изменились. Он выступил против превращения Европы в федерацию, опасаясь, что в этом случае она может быть подмята Германией или станет российским или англо-американским сателлитом. Только объединенные нации, полагал Тойнби, смогут сохранить мир.

Не удивительно, что послевоенное десятилетие стало для Тойнби временем его славы, особенно в США, учитывая, что его воззрения на послевоенное устройство мира великолепно работали на новую роль США, перехваченную ими у Британии. Борьба США с коммунизмом в

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ McNeill W. H. Op. cit. P. 199.

первые послевоенные годы вдохновляла Тойнби. Именно так он воспринял план Маршалла, создание НАТО, корейскую войну: «Я верю, писал он, что Западный мир собирается сгруппироваться вокруг США в нечто, подобное единому сообществу, которое позволит нам начать новую и многообещающую главу в нашей истории»⁷².

Были, конечно, и моменты несогласия. Американцам, например, не очень нравилось, когда Тойнби говорил об Америке как части Европейской цивилизации, или о том, что главным врагом Западной цивилизации является вовсе не Россия, а западный империализм. Кроме того, Тойнби полагал, что политика с позиции силы, в конечном счете, подчинена религии, так как только определенные религиозные обязательства могут помочь Западу надеяться на победу над азиатско-африканским большинством. «Я думаю, в нашей власти осуществить решительное преобладание части Мира, объединенного вокруг США. Но я не верю, что это можно сделать без религиозного базиса: я полагаю, что ничто не может победить Коммунизм, за исключением Христианства + Ислама + Индуизма + Буддизма. Общая платформа этих религий заключается в их вере, во-первых, в то, что Человек — не Бог, во-вторых, что дух — а не материя — первичен...»⁷³. Тем не менее, раскручивание тойнбианских идей в то время приносило все же гораздо больше дивидендов, нежели потерь, и американцы тщательно подбирали все, что играло на руку Америке.

Не без содействия американской прессы Тойнби начал превращаться в фигуру мирового масштаба. В 1948-52 гг. он посетил Грецию, Турцию, Голландию, Германию, Данию, Францию, Ирландию, Испанию, Швейцарию и Канаду. В 1952 г. в составе «большой шестерки» Тойнби был приглашен в Рим для участия в круглом столе Совета Европы. Его спутниками были Р. Шуман и А. де Гаспери. Тогда же состоялась его историческая встреча с римским папой. В 1956–57 гг. на грант Фонда Рокфеллера Тойнби предпринял кругосветное путешествие, попутно читая лекции, самыми значительными из которых были лекции в Австралии и Бейруте. Это путешествие принесло ему еще больше славы, поскольку, благодаря стараниям США, о

⁷² Ibid. P. 218.

⁷³ An Historian's Conscience... P. 265.

Тойнби уже знали. Он выступал по радио и телевидению, встречался с президентами и премьерами латиноамериканских стран⁷⁴.

Популярность Тойнби проникла даже за «железный занавес». Академик Е. А. Косминский, посетивший в 1952 г. Англию в составе советской делегации, стал невольным свидетелем массового ажиотажа вокруг Тойнби. Впечатление от этого зрелища было настолько сильным, что в своих заметках о поездке, написанных сразу по возвращении в Москву, Косминский две из трех частей посвятил Тойнби. Заметки были опубликованы в нескольких номерах журнала «News»⁷⁵, издававшегося в Москве на английском языке и ориентированного на британскую общественность. А в феврале 1954 г. упоминание о Тойнби появилось в более массовом издании — «Литературной газете». Автор заметки, академик Г. Александров, назвал Тойнби «раболепствующим подхалимом Соединенных Штатов», «ратующим за разрушение национального суверенитета всех стран и народов»⁷⁶.

Однако по мере осмысления истинного характера поведения американцев проамериканские иллюзии Тойнби начали рассеиваться. Истоки процесса переосмысления следует искать в событиях начала 1960-х гг. и их последствиях для мирового сообщества (Кубинская революция, вторжение в заливе Свиней, а затем и начало вьетнамской войны). «Я должен признаться, что, приехав в Америку в этот раз, я был потрясен моим вступлением в то, что является американским веком, — писал Тойнби в 1961 г. — и я нахожу, что шанс Коммунизма победить в этой миссионерской войне, которая является вполне реальной войной, больше чем я думал... Я был потрясен 1) легкомыслием американской реакции на спутник; 2) железной хваткой богатых американцев», предпочитающих тратить деньги на оружие, а не благосостояние простых граждан⁷⁷. Его поразило и стало раздражать, с каким упоением послевоенная Америка наслаждалась легким богатством и

⁷⁴ Впечатления об этом кругосветном путешествии Тойнби изложил в своей книге «*East to West: A Journey Round the World*», изданной в Нью-Йорке в 1958 г.

⁷⁵ Kosminsky E. A. English Impressions. Part I–III // *News*. 1953. № 4. P. 6–8; № 7. P. 6–9; № 9. P. 9, 10. Части II–III посвящены историософии А. Тойнби (Professor Toynbee's Ideological Exertions).

⁷⁶ *Литературная газета*. 10 февраля, 1954.

⁷⁷ McNeill W. H. Op. cit. P. 244. См. также: Жуков Ю. Куда ведут Америку? Свидетельство английского историка Арнольда Тойнби // *Правда*. 31 декабря, 1968.

считала себя привилегированной нацией, с какой уверенностью она отстаивала свое право распространять американскую демократию на другие территории без согласия на то другой стороны⁷⁸.

Одним из поводов для выражения недовольства стали апологетические настроения в отношении Израиля, культивировавшиеся в американском общественном мнении в связи с событиями на Ближнем Востоке. Тойнби тут же сравнил политику Израиля по отношению к арабам с тем, что делалось нацистской Германией по отношению к «неполноценным» народам: «Еврейская угроза арабам сравнима с нацистским убийством шести миллионов евреев»⁷⁹. Тойнби был уверен, что если отныне евреи выступают за те же самые этнические резервации, что и антисемиты, то разница между ними исчезает. Победа Израиля над арабами рассматривалась им как еще одно доказательство губительности националистических идеалов. Его длительная оппозиция политике Израиля вызвала настоящую контратаку, вылившуюся в грандиозный скандал и обвинения Тойнби в антисемитизме. Были ли эти обвинения справедливыми? Разоблачая отрицательные стороны культурного наследия народов Европы, Тойнби не раз поднимал вопрос о тех их истоках, которые содержатся в ветхозаветной культуре. Но антисемитом он никогда не был, и быть не мог, о чем свидетельствует весь комплекс его мировоззренческих установок. Тойнби предупреждал о тех губительных последствиях для американских евреев, к которым может привести политика США: «Если американское общественное мнение неожиданно поймет, что сионизм и американская поддержка его нанесли большой удар американским внешнеполитическим интересам путем переориентации Среднего Востока на Россию или Китай или на них обоих... американцы могут неожиданно повернуться не только против еврейских сионистов в Америке, но и против всех американцев иудейского вероисповедания»⁸⁰.

Но настоящим апогеем его критики США можно считать книгу «Америка и мировая революция»⁸¹, в которой Тойнби констатирует

⁷⁸ См., например: *Toynbee A. J. The Present Day Experiment in Western Civilization*. L., 1962; *Idem. Economy of the Western Hemisphere*. L., 1962.

⁷⁹ *McGill Daily*. 26 January, 1961. Впервые эта мысль была высказана в VIII томе «Постижения истории» (С. 290).

⁸⁰ Цит. по: *McNeill W. H. Op. cit.* P. 248-249.

⁸¹ *Toynbee A. J. America and the World Revolution*. N.Y.-L., 1962.

постепенное вырождение США в реакционную и консервативную силу и признает утрату ею лидерства в соревновании с Россией.

Чем больше возрастало неверие Тойнби в способность США играть роль мирового лидера в деле объединения человечества, тем терпимее становились его высказывания по отношению к социализму. Это объясняет значительное полевение общественно-политических воззрений британского историка в последние годы жизни. Сохраняя антипатию к коммунизму, Тойнби со временем был вынужден констатировать наличие в нем гуманистического содержания и выступить за диалог и даже постепенную конвергенцию социальных систем: «Я не являюсь теоретиком социализма, но после всего того, что можно наблюдать в промышленных странах, я более чем когда-либо убежден в том, что западная форма общества сможет выжить только в том случае, если будет существенно ограничена частная собственность на средства производства... Моя надежда относительно XXI века состоит в том, что он увидит установление в глобальном масштабе общества, которое будет социалистическим на экономическом уровне и свободомыслящим на духовном»⁸². Показательно, что когда в 1965 г. Тойнби был утвержден в качестве преемника Черчилля как зарубежного представителя Французской академии моральных и политических наук, он обратился к своему предшественнику с призывом к объединению всей Европы — и западной, и восточной — как единственному способу справиться с новым окружением в послевоенную эру: «Давление, которое оказывает каждый из них на Европу, огромно, и хотя отношение Советского Союза может быть расценено для Европы 1968 года менее угрожающим, чем это было при Сталине, отношение Соединенных Штатов становится более угрожающим... Европа не может позволить себе риск стать вторым Вьетнамом»⁸³.

В свои поздние годы Тойнби искренне полагал, что разворачивающаяся на поверхности борьба между буржуазной и коммунистической идеологиями скрывает более глубокое и значимое для людских судеб противостояние между идеологией и моралью, идолопоклонством и духовной свободой человека. Являясь на протяжении многих лет сторонником концепции духовного сопротивления злу как

⁸² *Toynbee A. J. Fürs Gaswerk sterben // Spiegel. 1972. № 50. S. 156.*

⁸³ *Installation de M. Arnold Toynbee comme Associé Étranger. P., 1968. P. 35.*

важнейшего структурирующего элемента истории, в 1970-е годы он даже признал революцию и временную диктатуру как вполне возможные средства изменения действительности: «Сегодняшний мир нуждается в таких коренных политических и социальных изменениях и нуждается в них столь настоятельно, что я сомневаюсь в том, что их можно добиться конституционным путем... Диктатура — меньшее зло во имя предупреждения зла социальной и политической анархии»⁸⁴. Тойнби признает, что ненасильственное действие в пределах морали не соответствует законам, которые управляют этим миром, и потому бесполезно. И, напротив, вынужденное аморальное действие может быть вполне эффективным.

Постоянная и с каждым годом усиливающаяся критика Западной цивилизации, идущая параллельно с ревизией христианских представлений, способствовали впадению Тойнби в другую крайность, а именно в не критичное востокофильство. Благодаря этому в 1960 г. состоялась его беседа с лидерами Индии (Неру) и Пакистана (Ханом)⁸⁵. В 1961 г. его встречали в Египте⁸⁶, в 1962 г. — в Марокко, в 1964–65 гг. — в Нигерии, Судане, Эфиопии, Египте, Ливии⁸⁷. Его впечатления от посещения афро-азиатских стран не были оптимистичными. Во-первых, он все больше убеждался в том, что британские и американские стили правления не работают в землях с недостаточной социальной поддержкой, в то время как военно-диктаторские методы позволяют решать проблемы местного населения гораздо более эффективно, чем политические системы с выборными механизмами. Во-вторых, он все время сталкивался с ролью религиозного фактора в жизни этого региона, понимая, что все старания установить на этой земле какое-нибудь содружество неизбежно вступят в конфликт с религиозными основаниями жизни местных сообществ⁸⁸.

Особое место в списке стран-почитателей Тойнби занимала Япония. Переведенные в 1968–72 гг. на японский язык тома «Постижения история» стали настоящим бестселлером и вступили в соревнование с

⁸⁴ Диалог Тойнби-Икеда... С. 278; *Toynbee A. J. Surviving the Future*. P. 112.

⁸⁵ В результате путешествия по этим землям в 1961 г. появилась книга «Between Oxus and Jumna: A Journey in India, Pakistan and Afganistan (N.Y-L., 1961).

⁸⁶ См.: *Toynbee A. J. The Importance of the Arab World*. L., 1962.

⁸⁷ См.: *Idem. Between Niger and Nile*. L., 1965.

⁸⁸ *Idem. Between Oxus and Jumna*. P. 182-183.

лидером продаж того времени — «Капиталом» Маркса⁸⁹. Японцев, конечно, привлекала критика Тойнби шовинизма и западоцентризма⁹⁰. Однако, думается, что самой важной причиной популярности Тойнби среди японцев стало то, что, не являясь ни националистом, ни марксистом, Тойнби сумел предложить альтернативное видение истории. В результате, Тойнби сыграл в Японии негативную роль антидота Марксу, но позитивную как религиозный и духовный учитель.

После его визита в страну в 1967 г. произошла своеобразная бифуркация. Те, кто был заинтересован его историческими и антимарксистскими идеями, создали своего рода тойнбианское общество. Сначала общество существовало на личные деньги одного из сторонников, а потом приняло статус государственного. Оно расцвело после смерти Тойнби, проводя конференции, семинары, выпуская книги «Современный век и Тойнби», «Постижение Тойнби», «Тойнби и Я». Тойнби, пока был жив, неизменно посылал им напутствия⁹¹.

Но если тойнбианское общество все же осталось элитной организацией, то религиозные и нравственные идеи британского историка сделали его популярным в японском обществе. В 1970 г. на протяжении 97 дней он публиковал ответы на вопросы о своем видении жизни на страницах одной из японских газет, впоследствии объединенные в книгу «Во имя будущего». Вопросы были преимущественно морального характера, и при ответе на них Тойнби неизменно связывал мораль и религию: «Религиозные верования являются ответами на те вопросы, на которые невозможно ответить в научных терминах... Однако я верю, что все высшие исторические религии сопровождают перманентные истины, и все дают совет и наставления для действия, которые являются перманентно обоснованными. Они советуют нам, как преодолеть эгоцентризм и окружить нас любовью, и они намеча-

⁸⁹ Замысел перевести «Постижение» на японский язык впервые появился еще в 1954 г. именно вследствие осуждения Тойнби западного шовинизма. Однако тома книги вышли только в 1968–72 гг.

⁹⁰ «Когда западный эллинист пытается сделать эллинам сомнительный комплимент, включая их вместе с собой в круг детей света по контрасту с находящимися во тьме «азиатами», я восстаю против этой попытки превратить эллинов в партнеров Запада по дарованной ему самому уникальности. Я тогда идентифицирую себя с Дарием против ионян и с Ксерксом против Эллинского союза». — *Toynbee A. J. A Study of History. Vol. 12. Reconsiderations. P. 635.*

⁹¹ *McNeill W. H. Op. cit. P. 269.*

ют практически пути следования этому совету...»⁹². Иногда появлялись вопросы о политике, а также о значении истории, человеческой природе, будущем и о жизни в целом, но ответы на них лишь повторяли то, что было уже известно западным читателям историка.

Религиозные воззрения Тойнби привлекли внимание японской организации *Soka Gakkai*, тесно связанной с одной из буддистских сект. Длительное время секта находилась в подполье и была легализована только в XX в. Однако настоящую популярность организация обрела после второй мировой войны, когда ее лидером стал Дайсаку Икеда: успех был столь впечатляющим, что в 1964 г. она превратилась в третью по величине политическую партию страны. Партия проявляла усилия, чтобы привлечь состоятельных и образованных граждан, для чего даже основала в 1971 г. университет. Другим способом привлечения внимания общественности были встречи ее лидеров с фигурами мирового уровня — Джоу Энлаем, Генри Киссинджером и Арнольдом Тойнби, диалог с которым состоялся в мае 1972 года и впоследствии вышел на многих языках мира в виде книги⁹³.

Тойнби полагал, что *Soka* как раз воплощает в себе один из феноменов его философии истории — своего рода новую церковь, поднимающуюся на окраине «постхристианского мира», апеллирующую преимущественно к внутреннему пролетариату и унаследовавшую часть своей легитимности от древних и гонимых вер. Ему даже пришлось на ум сравнение с ранним христианством. Конвергенция Востока и Запада была главной темой развернувшегося на страницах книги диалога. Поясняя свою позицию Икеде, Тойнби писал, что «буддистский анализ динамики жизни, как Вы его объясняете, более детален и полон, чем некоторые известные мне западные анализы». И еще: «я верю, что японский путь приведет человека к счастью. Мы должны стремиться не к росту национального продукта, а к росту национального благосостояния»⁹⁴. Тойнби писал и отвечал на письма вплоть до 1974 года, когда с ним случился удар.

Анализируя тойнбианское наследие последнего десятилетия его жизни и творчества нельзя не почувствовать явное нарастание пессимистических оценок настоящего и перспектив человечества. Да и сам

⁹² *Toynbee A. J. Surviving the Future. L., 1971. P. 59.*

⁹³ *Toynbee A., Ikeda D. Choose Life: A Dialogue. L., 1976.*

⁹⁴ *Ibid. P. 284, 238.*

он за год до смерти отмечал, что в конце своей жизни был «определенно менее оптимистичен, чем тогда, когда работал над “Переосмыслениями”»⁹⁵. Был ли относительный пессимизм Тойнби порожден его возрастом? (Известно мнение о том, что в старости имеют обыкновение думать, что мир «летит к черту»). Или же его воззрения объясняются тем, что был он человеком Запада, разделявшим в некоторой степени веру Освальда Шпенглера в закат Европы? Или же он был так настроен, потому что, будучи историком по призванию, особенно ощущал трагическую неудачу человечества в развитии политического и еще более духовного плана человеческой жизни — неудачу, которая подчеркивалась контрастом с блеском достижений человечества в области технологий? А, может быть, причина была во возраставшей Тойнби христианской духовной традиции? Думается, что эти вопросы, сформулированные самим Тойнби (правда, в третьем лице) в предисловии к книге диалогов с Икедой, являются в определенной степени риторическими и не нуждаются в пространных ответах и комментариях. Ибо сама по себе проблематика этих вопросов имеет не только гуманитарно-научные, но и духовные преломления. Важнее другое: насколько значимыми были высказываемые им идеи и какую ценность имеют они для нас сегодняшних или завтрашних?

Его собственная оценка сделанного была чрезвычайно скромна. В 1965 г., когда его спросили о том, каким бы ему хотелось бы остаться в памяти потомков, он ответил: «Человеком, который пытался рассматривать все в целом и... не в западных терминах». Спустя некоторое время он добавил: «Мне хотелось бы верить, что сделанное мною будет полезно для убеждения западных людей рассматривать мир в целом». В более лапидарной форме: «Мне всегда хотелось увидеть другую сторону луны»⁹⁶. Действительно, Тойнби существенно расширил перспективу рассмотрения человеческой истории, которая традиционно рассматривалась как история Запада, а все остальные народы появлялись на сцене только тогда, когда говорилось о том, как европейцы открывали, оцивилизовывали или покоряли. Все знали, что Индия или Китай имеют не менее и даже более долгую историю, чем страны Запада, но изучались в основном восточные языки и рели-

⁹⁵ Toynbee on Toynbee. A Conversation between A. J. Toynbee and G. R. Urban. N.Y.: Oxford University Press, 1974. P. 105.

⁹⁶ *Sunday Times*. 15 October, 1972; *Daily Telegraph Magazine*. 17 April, 1970.

гии. Расширение границ исторического знания и понимания — безусловно, один из наиболее значимых вкладов Тойнби.

И все же гораздо больше поражает еще одно качество Тойнби: о чем бы ни говорил и ни писал британский историк, его суждения были и остаются удивительно современными. В политике он даже иногда приходил к заключениям, которые обгоняли время, ибо исторические аналогии убеждали его, что политическая система его времени не может быть вечной. Но и в этом случае его нельзя считать несовременным — скорее *вне-временным*. Несовременны те, кто выбыл из строя, кто остановился на своем творческом пути, ибо творчество — уже само по себе есть продвижение. Можно даже, как Тойнби, глядеть назад, а идти вперед (*sic!*). Ведь современность не есть только насущность того или иного ответа на вызов действительности. Современность не обязательно в содержании (иногда даже вопреки содержанию) или в общепризнанности. Массовая популярность не всегда свидетельствует о таланте автора или достоинствах произведения, а лишь о свойствах и потребностях публики; Тойнби знал это и раньше, но знал узко — обратная связь высветила масштабы. Современность — в способности уловить точную пульсацию века — вплоть до его болезней, в почти физическом, созвучии сердца эпохе. Быть современным, — значит творить свое время, а не просто отражать его, как зеркало.

В маленькой заметке «Посмертная повестка дня», вошедшей в книгу «Пережитое», Тойнби сказал об этом просто и понятно: «Мне уже перевалило за восемьдесят. Разве я не выполнил своих обязательств? Не могу ли я теперь откланяться, предоставив более молодым искать решение проблем и проводить их в жизнь? Мне осталось жить куда меньше, чем им. Но меньше ли я, чем они, заинтересован в будущем? Имею ли я право “свалить ответственность” на других? Нет, не имею; и если бы я почувствовал желание это сделать, то был бы пристыжен известным утверждением, приписываемым лорду Расселу: “Очень важно неустанно заботиться о том, что произойдет после твоей смерти”. ...Сейчас я здесь, и вовлечен в будущее человечества, каким бы это будущее ни оказалось»⁹⁷.

⁹⁷ Тойнби А. Дж. Пережитое. С. 276.

Л. Р. ХУТ

АЛГОРИТМЫ ВИЛЬЧЕКА, ИЛИ РОССИЙСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Прекрасная фраза из старого-престарого фильма: «Счастье — это когда тебя понимают», — кажется мне иногда звучащей не из недавнего прошлого, а из далекого будущего.

В. М. Вильчек

*Ум так же упростить себя бессилён,
как воля перед фатумом слаба,
чем больше в голове у нас извилин,
тем более извилиста судьба.*

И. М. Губерман

Жанр исторической биографии — один из древнейших жанров историописания — в наше время многообразен как никогда. Не ставя перед собой задачу написать нечто сугубо биографическое о действительно достойном человеке — Всеволоде Михайловиче Вильчеке, я предлагаю просто пойти за *текстом* и попытаться вступить в диалог с автором, «взяв в свидетели» тех, кто был рядом с ним в разные годы — родных, друзей, коллег по работе. А еще — поразмышлять на темы, волновавшие, как оказалось, нас обоих.

Я никогда не была знакома с ним лично. Главная книга его жизни попала мне в руки достаточно случайно — я обратила внимание на сноску к одной из статей, опубликованных на страницах академического журнала, а вскоре обнаружила, что книга под названием «Прощание с Марксом. Алгоритмы истории» (именно о ней идет речь) есть в домашней библиотеке моей приятельницы, отличающейся безошибочным чутьем на подобного рода вещи. Книгу я «проглотила» в один присест, а потом тщательно конспектировала, по-прежнему ничего не зная ни об авторе, ни об обстоятельствах ее создания. Заканчивалось первое десятилетие радикальных перемен в жизни нашего общества, за спиной уже были памятные, прежде всего для интеллигенции, 1991-й и 1993-й... Вспоминаю свои ощущение

ния в августовские дни 1991-го. Сначала противоречивые вести из столицы, потом наше стремительное возвращение с дочерью из санатория и 24-часовые «бдения» у телевизора. Потом, когда все закончилось, — митинг т.н. демократических сил в центре нашего маленького южного города, вылившийся в очередные «страсти по этничности», весьма далекие от ценностей демократии. «Социальная база августа-91 — цвет народа, интеллигенция с ее, увы, исконно российским, почти генетическим гамлетизмом. Ее победа изначально была чревата горечью, обидой, разочарованием, ибо строить не воздушные замки, а дома и дороги — функция фортинбрасов»¹, — такую оценку даст позднее этим событиям В. М. Вильчек. И свой горький прогноз: «...ни оранжевой, ни розовой революции в России не будет. Если она будет, то она будет коричневой»².

А потом случилась моя поездка в Питер в 1997 г. И там я познакомилась с человеком, буквально упивавшимся идеями Вильчека и активно использовавшим их в научных разработках, — профессором Санкт-Петербургского университета Б. Н. Комиссаровым. В то время заведующий кафедрой истории нового времени СПбГУ и организатор Петербургских Кареевских Чтений по новистике всерьез увлекся идеей междисциплинарного синтеза в контексте создания нового образа истории нового времени. На Чтения собирались представители разных отраслей научного знания, чтобы сообща размышлять о феномене нововременной действительности³. Имя В. М. Вильчека (к тому времени ясно было лишь то, что он не историк, а, «кажется, социолог телевидения») было на слуху: студенты — участники семинара проф. Комиссарова активно обсуждали типологические признаки нововременного общества, за которыми

¹ Вильчек В. М. Августовское похмелье («Московские новости», 13.08.1995) // Всеволод Вильчек. Послесловие. Воспоминания, статьи, стихи / сост.: Л. Ш. Вильчек, Г. Е. Вильчек. М., 2007. С. 206.

² «Все свободны» — разговор на свободные темы. В студии Всеволод Вильчек (Радио «Свобода», 26.06.2005) // Там же. С. 241.

³ См.: Первые Петербургские Кареевские чтения по новистике. 17-21 апреля 1995 г. СПб., 1996; Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике 22-25 апреля 1997 г.: Империи нового времени: Типология и эволюция (XV–XX вв.). СПб., 1999; Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике. 6-9 декабря 1999 г.: Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.). СПб., 2003.

отчетливо маячила фигура автора «Прощания с Марксом». С этого времени я уже никогда не забывала об «алгоритмах Вильчека». Иногда, правда, нечасто, встречала ссылки на книгу в литературе⁴.

Осенью 2007 г. я приехала в очередной раз в нашу северную столицу, чтобы принять участие в работе методологического семинара Б. Н. Комисарова. К тому времени его организатор уже ушел с истфака СПбГУ и преподавал в Смольном институте свободных искусств и наук. Мне о многом надо было поговорить с Борисом Николаевичем. На мой вопрос, готов ли он быть «героем» в моих научных изысканиях, он, не задумываясь, ответил: «Вильчек. Напишите о нем». Я получила в подарок издание книги В. М. Вильчека 1993 г. и услышала печальную весть о том, что Всеволод Михайлович ушел из жизни. Комиссаров передал мне московские адреса и телефоны родных Вильчека — его вдовы Лилии Шарифовны и сына Григория Евсеевича. Не сразу, лишь спустя почти год, решилась их потревожить. К этому времени я уже достаточно хорошо была знакома с творчеством В. М. Вильчека и перипетиями его жизненного пути.

Всеволод Михайлович Вильчек (1937–2006) — выдающийся социолог, стоявший у истоков современного российского телевидения. Выпускник филологического факультета Ташкентского государственного университета, он в разное время работал редактором Ташкентского ТВ, а затем Норильского телевидения, корреспондентом и главным редактором журнала «Журналист». В 1991 г. перешел в телерадиокомпанию «Останкино». В медийной среде он известен как один из создателей ОРТ и НТВ. Коллеги называли его одним из лучших организаторов средств массовой информации в России. Именно В. М. Вильчек стоял у истоков социологии российских СМИ, с 1991 по 1994 гг. занимал пост директора Социологической службы РГТРК «Останкино», позже руководил Социологической службой ОРТВ, в июне 1997 г. стал советником главного продюсера телекомпании НТВ по социологии, а в декабре того же года возглавил Службу социологического анализа ЗАО «НТВ-Холдинг», в 2001 г. перешел на ТВ-6, а потом и на ТВС. Последним местом его работы стал грузинский оппозиционный телеканал «Имеди»⁵.

⁴ См.: *Экзитус С. А.* Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2003. С. 159.

⁵ <http://www.mediakomitet.ru/news.php?id=159>

Первое издание книги, которую В. М. Вильчек считал делом всей своей жизни, было осуществлено за счет средств автора и вышло в свет под названием «Алгоритмы истории» в 1989 г.⁶ Редактором был И. М. Клямкин — известный публицист времен «перестройки». В 1990 г. появился журнальный вариант в «Неве»⁷. Второе издание вышло в 1993 г. под названием «Прощание с Марксом. Алгоритмы истории»⁸. Третьему изданию, появившемуся в 2004 г., автор вернул первоначальное название «Алгоритмы истории»⁹. Еще было множество других текстов, в т.ч. по социологии телевидения¹⁰. Один из первых «приступов» к теме, которая впоследствии будет волновать его много лет, обнаруживается в книге «Под знаком ТВ», где в одной из рубрик, названной «В начале был образ», Вильчек рассматривает «присущий лишь человеку способ коммуникации со средой и себе подобными — коммуникации через образ»¹¹. Этот же сюжет станет смыслообразующим в первой главе «Алгоритмов истории». Ее первая рубрика тоже будет называться «В Начале был образ», но здесь слово «Начало» автор напишет с заглавной буквы, подчеркивая, что речь идет о Начале начал. Оригинальны поэтические строки В. М. Вильчека. Жаль, что многие из них безвозвратно утеряны, так как автор сам незадолго до смерти их уничтожил. Наконец, нельзя не упомянуть о пронзительной книге «Всеволод Вильчек. Послесловие», представляющей собой воспоминания друзей Всеволода Михайловича, перемежающиеся его собственными текстами¹², которая была подготовлена к печати и издана благодаря подвижничеству Лилии Шарифовны и Григория Евсеевича.

На мое письмо Л. Ш. Вильчек ответила сразу же. А вскоре, 13 сентября 2008 г., в пос. Жаворонки, на семейной даче, произошла наша встреча. Мне показали кабинет Всеволода Михайловича — маленькую комнатку с двумя книжными шкапами, столом и крова-

⁶ Вильчек В. М. Алгоритмы истории. М., 1989.

⁷ Он же. Алгоритмы истории // Нева. 1990. № 7. С. 142-175.

⁸ Он же. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). М., 1993.

⁹ Он же. Алгоритмы истории. М., 2004.

¹⁰ Он же. Контуры. Наблюдения о природе киноискусства. Ташкент, 1967; Он же. Под знаком ТВ. М., 1987.

¹¹ Вильчек В. М. Под знаком ТВ. С. 159-178. (С. 159).

¹² Всеволод Вильчек. Послесловие...

тью, с видом Тбилиси на стене, разрешили полистать книги. Вспомнилось, что в ответном письме Л. Ш. Вильчек от 1 августа 2008 г. были такие строчки: «Что касается Вашего вопроса об архивных материалах, то их практически нет. Всеволод Михайлович любил строки Пастернака «не надо заводить архивы, над рукописями трястись» и уничтожал все черновики после издания книг. Эволюция авторской мысли лучше прослеживается по его книжному стеллажу, где стоит проработанная им литература... Другой источник эволюции мысли — это его иронические стихи, отмечавшие интеллектуальные развороты (они вошли в мемуарную книжку)»¹³. На две книги Лилия Шарифовна обращает мое особое внимание. Это сборники статей — один посвящен ранним формам искусства¹⁴, а другой — анализу роли принципа историзма в познании социальных явлений¹⁵. По ее словам, это книги, которыми муж вдохновлялся в своем творчестве. Попутно узнаю, что, несмотря на кандидатскую диссертацию за плечами, Всеволод Михайлович категорически отвергал любые разговоры о докторской. (Сама Лилия Шарифовна — доктор филологических наук, профессор МГУ). Один из самых верных друзей семьи — поэт Игорь Губерман, которого я давно, еще с конца 1980-х гг., после первого знакомства с его ироничными (часто с использованием ненормативной лексики), но очень жизненными четверостишиями («мой дацзыбао», как тогда он их называл, или «гарики», как называет сейчас), числю в любимых своих поэтах. Этой дружбе — несколько десятилетий. На книжной полке нахожу сборник Губермана с дарственной надписью: «Лиле и Севе с заскорузлой любовью». Пройдет совсем немного времени, и на своем очередном творческом вечере в Москве, который, как всегда, соберет полный зал столичной и нестоличной интеллигенции, Губерман, в ответ на мою просьбу рассказать о своем друге, произнесет очень теплые и грустные слова покаяния. Увы, нам всегда не хватает времени на близких, пока они живы... К сожалению, у автора «Прощания с Марксом...» не было постоянных собеседников по теме его книги. Одним из немногих был философ П. С. Гуревич. По словам, Лилии Шарифовны, у ее

¹³ См. личный архив автора: Письмо Л. Ш. Вильчек от 1 августа 2008 г.

¹⁴ Ранние формы искусства: сб. статей. М., 1972.

¹⁵ Принцип историзма в познании социальных явлений / Отв. ред. В. Ш. Келле. М., 1972.

мужа был настоящий «голод» на разговоры о Тексте, который его так занимал. В ходе нашего с ней общения возник и печальный сюжет об обстоятельствах смерти Всеволода Михайловича. Это случилось 20 февраля 2006 г. Он сам уже не вставал, его мучили непрекращающиеся боли. Утром Лилия Шарифовна уехала, чтобы договориться о госпитализации. С ним (в другой комнате) осталась медсестра. Ружье стояло на полу в той комнате, где он лежал...

На фотографиях он очень похож на Вольтера, и оказалось, что это не только мое субъективное восприятие. А в книге воспоминаний я найду такие строки: «Эта «внимательная ирония» так и осталась для меня ключевым моментом, который хоть как-то может объяснить людям, не знающим Всеволода Михайловича, его образ» (О. Шаматава)¹⁶. «Внимательная ирония» — точно сказано. В. М. Вильчек был ироничен, прежде всего, по отношению к себе. Иронией пронизаны многие его поэтические строки:

«Не будь я евреем преклонных годов
Без тени сомнения, братцы,
Я русский подвызубрить был бы готов,
Чтоб в мыслях своих разобраться»¹⁷.

Особенно те, в которых он пытается спрятать горечь одиночества мыслящего человека:

«Мы теперь с великими на “ты”,
И судьбой дарована отныне
Нам взамен публичной немоты
Гласность вопиющего в пустыне»¹⁸.

Лилия Шарифовна оказалась права — Всеволод Михайлович весь в своих текстах...

Продолжаю листать книгу воспоминаний... Друзья и коллеги рисуют образ человека, который «как никто» умел «извлекать и заключать в достойную оправу зерна смысла» (Н. Вайнонен), «был способен легко и безболезненно признавать свои ошибки, как это умеют делать лишь немногие, по-настоящему большие люди» (Е. Киселев), «был упертым и вдохновенным» (С. Муратов), «никогда не был человеком, срезающим углы — всегда присутствовала

¹⁶ Всеволод Вильчек. Послесловие... С. 151.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ Там же. С. 78.

острота, четкость оценок...» (А. Качкаева). Да, «это был мудрец — печальный, знающий свой предел...» (В. Шендерович). И в то же время «он был молод умом, его интересовало все, он сохранил способность удивляться» (Э. Гамцемлидзе). Кто-то, «во многом благодаря Вильчеку» с годами осознал, что «истина не бывает односторонней. Ни злые прозрения крайностей, ни бельма золотых середин за нее принимать ни в коем случае нельзя» (Н. Вайнонен). Кому-то запало в душу, что «он мог прослезиться над рассказом кахетинца о старом отце, который, ослепнув, не захотел быть обузой для семьи и застрелился из охотничьего ружья» (Б. Бараташвили). В общем, «сложный человек. Но простые и не берутся решать неразрешимые задачи истории человечества. Он взялся. Тем и значителен» (В. Чурбанов)¹⁹.

В. И. Вильчек оставил о себе хорошую память в Грузии, ставшей, по стечению обстоятельств, местом его последней работы. Он органично вошел в новую среду, и был принят ею как «свой». Б. Бараташвили с искренним уважением и восторгом скажет, что «...ему страшно нравилось называть себя на грузинский лад — Сева Мгеладзе (так переводится его фамилия, в основе которой — «волк»), гуриец. И поверьте мне — он и был грузином! По отношению к нашей стране, людям, по страсти, с которой защищал наши интересы в России — Всеволод Михайлович Вильчек... Нет, все же Сева Мгеладзе — самый большой грузин из всех, кого я знал...»²⁰.

По словам А. К. Симонова, «он был строителем телевидения, а не только его присяжным социологом. Новое постсоветское телевидение обязано ему многим, и не его вина, что вернулось оно в старое советское стойло. Севино телевидение должно было быть умелым, дерзким, и неслучайно Всеволод Михайлович последовательно ушел с ОРТ, НТВ, ТВ-6. Последним Севиным детищем был грузинский канал “Имеди”, который он начинал с нуля. Он подолгу жил в Тбилиси, но, когда ему показалось, что канал обретает стабильность вместо дерзости, Вильчек вернулся в Москву. И умер»²¹.

Что заставляло его, интеллектуала высшей пробы, с головой уходить в разного рода массмедиа-проекты? Неужели он не чувство-

¹⁹ Всеволод Вильчек. Послесловие... С. 56-57, 123, 131, 145, 150, 157, 167, 270, 285.

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ http://zhurnal.lib.ru/w/wanjukow_a/algorithmy5.shtml

вал, что им манипулируют? Наверное, это трагедия любого мыслящего человека, решающего «пойти в мир» из своей кельи. «Мир» диктует свои законы, жестокие и циничные. По словам В. Рецептера, «сильный ум и незаурядный талант сказывались в том, что Сева обнимался с теорией и любил осуществлять свои идеи на практике. Родное ему телевидение остро связывалось с изменчивым социумом, и Вильчек стал активным участником возникавшей на наших глазах новейшей истории. Ее алгоритмы ему хотелось не только разгадать, но и использовать ради дела и общественной пользы»²².

Мудрый А. К. Симонов не постесняется «назвать вещи своими именами» и напишет: «...какими бы многообещающими ни были тенденции отдельных ТВ каналов, на которых работал Сева, и их руководителей, которых поначалу он водил за руку, а со временем оказывалось, что они водили его за нос, общая тенденция развития ТВ выстраивалась отвратительная и обретенный (в том числе с помощью Севы) профессионализм не шел этим деятелям ТВ на пользу, а становился чем-то вроде отмычки, которой каждый из получивших ее стремился отомкнуть волшебную дверь успеха»²³. И далее: «...надо признать, что при всей интеллектуальной интересности и материальной привлекательности, должность эта называется “умный еврей при генерал-губернаторе”, и как бы Сева ни ерничал, как бы ни иронизировал по этому поводу, он-то сам это знал»²⁴.

В. М. Вильчек писал: «Я в минуты сомнений утешал себя тем, что, какую бы ни была научная ценность моей работы, создававшейся в основном в глухой, мысленепроницаемой атмосфере “застоя”, в обстоятельствах, в которых так искусительно счесть свой провинциализм — провиденциализмом, одно достоинство моего труда несомненно: он представляет собой подлинный документ сознания советского интеллигента-“шестидесятника”. И если хоть в этом качестве мой очерк когда-нибудь кому-нибудь пригодится — дай-то Бог, в которого я не верую, дай-то Бог...»²⁵.

В книге «Алгоритмы истории» В. М. Вильчек задался, ни много, ни мало, целью выяснить, где таится роковая ошибка марксовской теории, изначально отвергнув упрощенный взгляд на нее, как только на заблуждение. «Такой поразительной слепотой, таким пренебре-

²² Всеволод Вильчек. Послесловие... С. 27.

²³ Там же. С. 182.

²⁴ Там же. С. 186.

²⁵ Вильчек В. М. Алгоритмы истории. М., 2004. С. 18.

жением к здравому смыслу, — писал он, — могут обладать только гении, похитившие у богов огонь, но им же и ослепленные; столь абсурдными могут быть лишь концепции, в своей основе научные»²⁶. Это не просто критический анализ марксовской теории, это самостоятельное расследование, где сомнению подвергается абсолютно все, но не с геростратовой целью войти в историю с любого хода, а действительно разобраться в том, в чем разобраться необходимо, чтобы двигаться дальше. Между тем, довольно часто смысл книги понимается превратно теми, кто знаком с ней, в основном, по обложке. По словам автора, «читатели восприняли книжку как наиболее радикальное — на сезон 1989/1990 годов — антимарксистское сочинение, как поставленный на марксизме крест», хотя цель была «совершенно иной... не отрицание, а фундаментальная ревизия учения Маркса, если угодно — реабилитация гениального замысла, погребенного под обломками “краеугольных камней”: “трудовой” теорией стоимости, учением о классовой борьбе как движущей силе истории, о диктатуре пролетариата, призванного стать могильщиком капитализма, и т.д., и т.п. Меньше всего я хотел присоединиться к суетливой мистерии поругания вчерашних кумиров...»²⁷.

«Прощаясь с Марксом», автор на самом деле не собирался этого делать. Отмечая, что «открещивание от марксизма стало родом светского экзорсизма — средневековой процедуры изгнания дьявола»²⁸, сам он «прощался» с искаженным образом Маркса, но возвращался к тому Марксу, который сомневается сам и побуждает к сомнению других. Иначе просто не может случиться движения мысли. Сегодня можно говорить и о своего рода «ренессансе» марксизма²⁹. Но для В. М. Вильчека «работа над “Алгоритмами...” была... сугубо интимным делом, своего рода богоискательством. Богоискательством атеиста, стремлением человека, осознавшего ложность веры, внушавшейся ему с детства, преодолеть дисгармонию в себе самом и в своих отношениях с миром»³⁰.

²⁶ Там же. С. 16.

²⁷ Там же. С. 18.

²⁸ Там же. С. 14.

²⁹ Котельников М. Е. «Маркс и XXI век». К итогам научной конференции в честь 190-летия со дня рождения Карла Маркса // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 45-51.

³⁰ Вильчек В. М. От автора, или Предисловие эпоху спустя // Вильчек В. М. Алгоритмы истории. М., 2004. С. 6.

Благодаря таким книгам постперестроечная историография постепенно привыкала к мысли о том, что «нелепо было бы отлучать марксизм от исторической науки... Глупо было бы делать из марксизма “священную корову”, но не менее глупо видеть в нем “коло-радского жука” на ниве исторической науки»³¹. Как справедливо заметил П. С. Гуревич о В. М. Вильчеке, «Прощание с Марксом» означало для него не “выпрямление” или “корректировку” марксистских положений. Автор обозначал линию, после которой молитвенное отношение к Марксу было уже невозможно. Это оказало огромное воздействие на общественное сознание. Вильчек показал, что тексты марксистов ничем не отличаются от других текстов»³².

О чем эта книга? В. М. Вильчек размышляет о возможности общеисторической теории, взяв за основу анализа марксову схему общественно-экономических формаций. Начинает он с дезавуирования одного из основополагающих постулатов марксизма — трудовой теории антропогенеза. «Человек — это странное существо, отпущенное природой на волю, но без достаточных для существования средств... Человек становится “первым” — самым могущественным и умелым в мире, ибо он “последний” — самый неприспособленный, самый не ведающий как жить»³³. Шаг за шагом автор развивает мысль о том, что «человека и общество создал не Бог и не труд, а “конструктивный регресс” в эволюции одной из биологических линий, т.е. частичный регресс, оказывающийся в определенных условиях новой конструктивной возможностью бытия. Подобно паразиту, использующему чужой организм, примат-деградант начал жить в симбиозе с животным-тотемом, использовать чужую программу, а тем самым нашел возможность существования по программе, носителем которой является не молекула ДНК, а образ»³⁴. Итак, по Вильчеку, «исторический процесс начинается в силу некой мутации, первоначального отчуждения, перехода к жизни «по образу» и развивается стадийно, образуя ряд системных гомеостатов, формаций»³⁵.

По ходу дела, автор развенчивает и другие марксистские постулаты, такие, например, как роль классовой борьбы в истории. «Клас-

³¹ Поляков Ю. А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 32.

³² Всеволод Вильчек. Послесловие... С. 280.

³³ Вильчек В. М. Алгоритмы истории. М., 2004. С. 42-43.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же. С. 178.

совая борьба, говоря упрощенно, памятуя про условный характер этикеток и безусловный — самой борьбы, рабов и рабовладельцев, крестьян и феодалов, рабочих и капиталистов, может изменить условия классового сотрудничества, поменять персоны местами, сделав раба господином, а господина рабом, но привести к смене формации — к смене исторической технологии, к смене типа общественных отношений, к смене лошади на машину, геоцентризма на гелиоцентризм, обратной перспективы в живописи на линейную и т.д., и т.п. — никакая классовая борьба не может, это абсурд...»³⁶.

В. М. Вильчек выделяет в истории общества пять сменяющих друг друга исторических технологий, именуя их допроизводительной, рабской (именно рабской, а не рабовладельческой), средневековой (феодальной), индустриальной (капиталистической) и постиндустриальной (коммунистической). Каждой эпохе при этом присущ свой особый источник (точнее — преобразователь) вводимой в производство энергии, свой тип разделения труда, тип участников материального производства и воспроизводства общественной жизни в целом, свой особый характер взаимодействия между ними, тип знания, тип социальной коммуникации, тип художественной деятельности. Так рождается вильчековская «периодическая система истории», представляющая собой не что иное, как попытку взглянуть на исторический процесс с «птичьего полета».

«Периодическая система истории» (по В. М. Вильчеку)³⁷

	I	II	III	IV	V
Типы исторических технологий	допроизводительная	рабская	средневековая (феодальная)	индустриальная (капиталистическая)	постиндустриальная (коммунистическая)
Способы производства		рабский	феодальный (крестьянско-ремесленный)	индустриальный (капиталистический)	
Типы работников материального производства		раб	крестьянин (ремесленник)	рабочий	

³⁶ Там же. С. 160-161.

³⁷ Составлено нами на основе данных: Там же. С. 64-147.

Типы энергии, вводимой в производство		мускульная сила работника	мускульная сила тяглового животного	механический двигатель, машина	
Типы знания	прамифологическое	мифологическое	каноническое (коллективно-субъективное, «фольклорное»)	Научное (индивидуальное и объективное)	«постнаучное»
Типы социальной коммуникации	доустный (звукопредметно-действенный)	устный (репродуцирующий первобытный способ общения членораздельной речью)	письменный (репродуцирующий устную речь)	Печатный («массовый», репродуцирующий письменность)	«постпечатный»
Типы производственно-правовых отношений		рабство	крепость	найм	
Типы обмена		Т-Т	Т-Д-Т	Т-(Д-Т-Д)-Т	
Типы художественной деятельности	художественная и нехудожественная деятельность еще не разделились	художественная деятельность выделяется весьма условно	собственно художественная культура; однако, отсутствие индивидуального, собственно художественного содержания, формальность, искусная версификация традиционного образца, т.е. канона	искусство в строго терминологическом значении слова — свободная эмансипированная искусность, индивидуально-авторское творчество	некий новый тип эстетической деятельности, отличающийся от искусства в принципе

В. И. Вильчек признает, что «формация — теоретическая абстракция; в реальности существуют не формации, а те или иные их модифицированные воплощения: цивилизации, конкретные общест-

ва. История неклассична, и только через ее неклассичность, благодаря ей и под ее влиянием реализуются имманентные закономерности исторического процесса, только благодаря аномалиям реализуется норма»³⁸. Примеры, типы неклассических или «химерных» социумов, по В. М. Вильчеку: *регрессивные социумы* (едва ли не все архаичные, реликтовые, столь остро интересующие этнографов общества: не знающие производства, живущие охотой, рыболовством, собирательством); *индуцированные, или неполные социумы*. (например, феодальные скотоводческие регионы); *рецидивные социумы* (общества, развивавшиеся в относительной изоляции из-за географического положения или активности иммунных систем и т.д.); *парадоксальные, или инверсивные, социумы* (самый любопытный пример — рабовладельческие государства античности)³⁹.

Мне, как вузовскому преподавателю истории Нового времени, особенно интересны те страницы книги, которые посвящены анализу «современной, индустриальной формации»⁴⁰. Обратившись к ее генезису, автор рассматривает, как связаны между собой структуры истории. Пробраз индустриального производства — мануфактура, впервые появившаяся в Италии, развилась в капиталистическое предприятие «только в странах, прошедших протестантскую религиозную реформацию, лишь затем вернувшись на свою историческую прародину»⁴¹. Анализируя лютеровскую реформу, Вильчек делает вывод, что ее суть — «смена эмпирической точки зрения на умозрительную, “земной”, субъективной на “небесную”, объективную». И далее: «Если отрешиться, абстрагироваться от конкретностей, частных, то нельзя не увидеть, что различие между католической и протестантской конфессиональными парадигмами строго аналогично различию между вселенными Птолемея и Галилея (шире: между средневековой, так называемой “готической”, и нововременной, объективно-научной, парадигмами знания)»⁴². О революционных последствиях изобретения книгопечатания В. М. Вильчек говорит не менее четко: «Первой машиной, позволившей технически

³⁸ Там же. С. 179.

³⁹ Там же. С. 181-183.

⁴⁰ Там же. С. 128.

⁴¹ Там же. С. 129.

⁴² Там же. С. 132.

зафиксировать созданную мануфактурой модель производственных отношений и одновременно открывшей путь к тому, чтобы производство стало, говоря словами Маркса, “экспериментальной наукой”, был... гуттенбергов печатный станок... Печать позволила осуществить лютеровскую абсолютизацию авторитета Творца, устранить посредников между творцом и мирянином⁴³. Выводу о «типологической изоморфности всех структур общественной жизни»⁴⁴ предшествуют многочисленные примеры внутренней взаимосвязи между различными явлениями действительности. Так, например, «то же самое галилеево-лютеровское отрицание коллективной субъективности общества, зафиксированной в канонах культуры, то же самое противопоставление “точке зрения Земли” — “точки зрения Неба” мы находим и в ренессансной живописи»⁴⁵.

Автор настаивает на том, что символом индустриального, или капиталистического способа производства является «не товар, который столь тщательно анализировал Маркс, а машина. Машина — объективированное, отчужденное знание, матрица знания. Поэтому индустриальное производство подпадает под власть законов, действительных для всех информационных процессов». Сущностной особенностью капиталистического производства является не то, что оно ведется ради прибыли, а то, что оно — машинное, т.е. производство научное и массовое, рассчитанное на массового анонимного потребителя. Его информационным источником является объективно-научное знание, а энергетическим — механический двигатель. Кроме того, индустриальной (капиталистической) технологии соответствуют печатный способ социальной коммуникации и индивидуальное авторское творчество как форма художественной деятельности⁴⁶.

Для меня тексты В. М. Вильчека ценны, прежде всего, высокой плотностью мысли. Его сложно конспектировать, т.к., даже рассуждая о второстепенном, о том, что возникает «по ходу дела», он как бы мимоходом роняет маленькие алмазы, из которых потом рождаются россыпи новых идей и смыслов. Причем из тех, мимо которых сложно, а часто просто невозможно пройти думающему человеку.

⁴³ Там же. С. 133.

⁴⁴ Там же. С. 138.

⁴⁵ Там же. С. 134.

⁴⁶ Там же. С. 79-80, 86-90.

Мыслящим людям непросто во все времена. А если это еще и времена перемен... Эпоха порубежья тяжело досталась всем, особенно интеллигенции. Пьянящий воздух свободы и отрезвляющая проза повседневной жизни. Всплеск доверия к печатному слову и очередное крушение надежд. Полны осознания драматизма человеческого существования строки Вильчека о том, что, «поднимаясь по ступеням цивилизаций, человек... не восшествует от темного прошлого к светлому будущему, от несчастья ко всеобщему счастью, а лишь воспроизводит себя в качестве человека, т.е. воспроизводит на все более высоком и сложном уровне антиномию отчуждения — освобождения, падения — возвышения, преступления — подвига, утраты — обретения, греховности — святости, зла — добра, — обогащает и развивает свою родовую амбивалентную сущность»⁴⁷.

Много и с удовольствием «перестроечная» интеллигенция рассуждала на тему личности и ее прав. Вильчек возвращает «с небес на землю»: «В контексте нашей культуры слово “личность” обычно звучит с неким футуристическим пафосом, как бы с восклицательным знаком. В контексте теории все не так однозначно... Путь эмансипации человека: от не-особи в первобытной гипертолпе к рабу тоталитарного племени, к средневековому члену сословия, сращенному со своей социальной ролью, к частному, свободному индивиду современной эпохи и, наконец, к пределу эмансипации — личности — это путь не только обретения, но и утраты. Утраты той “теплоты”, “душевности”, которой так не хватает деревенскому жителю в городе, провинциалу в столице, сибиряку — на “холодном” и “неискренне-приветливом” Западе, утраты прочности семейно-родовых и дружеских связей и т.д., и т.п. То есть путь в одиночество, которое станет для человека грядущего подлинно экзистенциальной проблемой и смыслообразующим ядром создаваемой им культуры»⁴⁸.

Что такое свобода? Как связаны между собой свобода и ответственность? Свобода — одно из ключевых понятий нововременной ментальности, определиться по отношению к нему считали необходимым многие известные философы, политические, религиозные и общественные деятели. Вслед за древними стоиками, Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс трактовали свободу как осознанную необ-

⁴⁷ Там же. С. 62-63.

⁴⁸ Там же. С. 125-126.

ходимость. Ведь в мире, считали они, господствует некая предопределенность: судьба, рок, воля Всевышнего, законы природы. Такое понимание свободы полностью отрицает свободу воли. «Свобода есть осознанная необходимость» — эффектный парадокс, но логическая бессмыслица: горькая философия еврейского гетто, выстраданная Спинозой и вывернутая наизнанку Марксом, возмечтавшим вывести свой избранный народ — пролетариат — из царства необходимости в царство свободы — коммунистическую землю обетованную. Но, повторим, необходимости, понимаемой как предопределенность, фатальность, в истории нет... все, что не запрещено, — возможно. Поэтому и свобода есть не осознанная необходимость; свобода есть осознанная возможность»⁴⁹, — читаем мы чеканные формулировки автора «Алгоритмов истории».

Один их важнейших признаков нововременной действительности — господство объективно-научного знания. Сегодня, однако, все чаще слышны разговоры о постепенном исчерпании его потенциала⁵⁰. У В. М. Вильчека на этот счет читаем: «“Беспредельный прогресс науки” — красивая фраза, но не реальный прогноз: раньше ли, позже ли, но наука должна обнаружить предельность своих возможностей, — то ли все до конца познать, то ли, что вероятней, познать, что существует ею непознаваемое... уже и сегодня не писатели-фантасты, а выдающиеся ученые без малейшей иронии обсуждают тему предельности научного знания...»⁵¹. Он спорит с Б. Ф. Поршневым, А. Ф. Лосевым, А. Я. Гуревичем⁵². «Только светское, неклиерикальное государство может быть гуманным и справедливым. Только демократическое устройство общества совместимо с развитым чувством человеческого достоинства»; «прошлое вообще неуничтожимо»; «в культурологическом плане сохранение и умножение ценности “национального” путем его эстетизации, отстранения, — одна из самых трудных и самых «судьбоносных» проблем

⁴⁹ Там же. С. 215.

⁵⁰ *Хорган Дж.* Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб., 2001; *Грей Дж.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003; *Телегина Г. В.* Метаморфозы европейского Разума: в поисках утраченного смысла. М., 2006.

⁵¹ *Вильчек В. М.* Указ. соч. С. 122.

⁵² Там же. С. 26, 27, 135, 157.

XXI века»; «квазирабское общество настоящего не имеет, оно живет в некоем сюрреалистическом “прошлобудущем” времени»⁵³.

Вслед за коллегами, вопрошающими: «Зачем медиевисты?» или «Зачем новисты?», спрашиваю: «Зачем Вильчек?» В памяти всплывает декларация принципов известного в цеху историков альманаха:

«У нас свой взгляд на историю.
Он различает в ней не столько общее, сколько индивидуальное.
Не столько массовое, сколько уникальное.
Не столько типичное, сколько особенное.
Не столько необходимое, сколько случайное.
Не столько привычное, сколько неожиданное.
Не столько описываемое историком, сколько создаваемое им.
Взгляните на историю вместе с нами».

Ответ — аллюзия приходит сам собой:
«У каждого из нас свой взгляд на историю.
Он различает в ней общее и индивидуальное.
Массовое и уникальное.
Типичное и особенное.
Необходимое и случайное.
Привычное и неожиданное.
Описываемое историком и создаваемое им.
Попробуем взглянуть на историю вместе?»

Речь, в сущности, идет о возможности или невозможности макроисторических теорий в контексте современной историографической ситуации с ее акцентом на «клочковатое»⁵⁴ знание. То, что сделал Вильчек, по крайней мере, достойно уважения как пример интеллектуальной честности. Сегодня не в моде взгляд с «птичьего полета». Куда приятней вышивать узоры в стиле «микро». Нет слов, нужное и полезное дело. И музейный интерес к истории возрождает, как ничто другое. Но вопрос «Зачем Мы?» все равно остается.

«Идиосинкразию к марксоидным социологическим построениям нельзя не понять: слишком дорого обошлась попытка “научного” преобразования мира. Но от отвращения к евгенике не отрицать же генетику и генную инженерию. Так и здесь. Разрыв между знаниями людей о природе и знаниями о себе самих уже давно напоминает

⁵³ Там же. С. 137, 145, 185, 195.

⁵⁴ Козлов В. П. От преодоления мифов истории к поискам реалий прошлого // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 9.

пропасть. И если не восстановить хотя бы типологическое, принципиальное соответствие между естественнонаучным и социальным знанием, в разрыв между ними, в незримую бездну может рухнуть мир»⁵⁵. Мне остается добавить, что добавить к этому просто нечего.

⁵⁵ *Вильчек В. М. Указ. соч. С. 218.*

Д. А. ЧЕРНИЕНКО

**ИСТОРИК И ВРЕМЯ
(ИЗ НАУЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ
ПРОФЕССОРА В. Е. МАЙЕРА)**

С развитием микроисторических подходов личностно-ориентированные исследования становятся все более актуальными и востребованными, поскольку проблемы самоидентификации, стимулы профессиональной деятельности, мотивы принятия решения в той или иной ситуации являются не всегда очевидными, они часто «прочитываются» по контексту, порой по мимолетным репликам и редко обнаруживаются в специальных научных текстах.

В публикациях последних лет присутствует тезис о том, что сегодня есть все основания говорить о складывании особого направления — «персональной», или «биографической истории»¹. При этом реконструкция личной жизни, судеб людей, изучение формирования и развития их внутреннего мира, эмоционально-духовной сферы, различных следов деятельности одновременно является и средством познания социума, в котором они жили и работали.

Персональная история в качестве источников использует самые обширные материалы. Высокая познавательная ценность источников личного происхождения в исторической науке давно известна. Со временем на помощь истории пришли данные лингвистических исследований и психология. В результате письма стали рассматриваться не просто как источники информации, но и как своеобразный коммуникативный акт. Первостепенное внимание предлагается уделять не только целям, условиям, обстоятельствам написания письма, признанию получил и не менее важный фактор адресата. Появилась возможность воспринимать эпистолярный текст как письменную форму межличностного общения («эпистолярную речь»). Сама тяга к общению в определенной ситуации может быть более значимым мотивом письма, нежели решение каких-то конкретных вопросов.

¹ *Ретина Л. П.* Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст / Отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 344-345.

Можно вспомнить, что один из известных отечественных исследователей частных писем Н. Л. Степанов ещё в 1920-х гг. заметил, что дружеское письмо редко строится на однообразном материале, в его структуре обычно обнаруживается мозаика, пестрота разных тем, пластов материала и стиля, беспорядок и неожиданное сталкивание которых мотивировано именно разговорностью. Ни конструкция, ни стиль письма не развиваются в пределах какого-то одного ряда, поэтому единого жанра письма нет, есть отдельные группы писем, которые должны и рассматриваться отдельно².

В 2008 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера (1918–1985) — известного ученого-медиевиста, доктора исторических наук, профессора, многолетнего заведующего кафедрой всеобщей истории (1964–1985), одного из крупнейших специалистов советского периода по истории и культуре Германии XIV–XVI вв.³, автора более 60 научных работ по проблемам аграрных отношений, источникам, немецкой историографии. Исследования именно этой тематики определили заметную роль В. Е. Майера в отечественной исторической науке 1960–80-х гг.⁴

Более 40 лет жизнь В. Е. Майера была неразрывно связана с Удмуртским государственным университетом (до 1972 г. — Удмуртским государственным педагогическим институтом (УГПИ)). Однако научно-педагогическая деятельность В. Е. Майера выходила далеко за рамки Ижевска и Удмуртии. Он участвовал в крупных научных форумах (конференциях, симпозиумах, семинарах), солидных издательских проектах (например, «Хрестоматия по истории средних веков» (1963), «Проблемы генезиса капитализма» (1979), «История крестьянства в Европе» (1986), «Средние века»), неоднократно присутствовал на защитах диссертаций в качестве оппонента, писал рецензии на монографии и статьи, отзывы на авторефераты и т.д. Но,

² Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза / Под ред. Б. Н. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л., 1926. С. 74-101.

³ См.: Майер В. Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV — начале XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1954; Он же. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 1967.

⁴ Шишкина Н. Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века / Ин-т всеобщ. истории РАН. Вып. 67. М., 2006. С. 216-246.

не имея в силу известных обстоятельств⁵ возможностей для достаточно мобильного образа жизни, главной формой его социальной активности и общения с внешним миром оставалась переписка, которую сложно определить как исключительно научную, ее содержание гораздо шире и раскрывает различные стороны не только профессиональной деятельности, но и повседневной жизни.

Некоторое время назад семья В. Е. Майера передала в распоряжение кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ часть его личного архива, важным разделом которого (наряду с текущими рабочими документами) являются письма⁶. В. Е. Майер вел активную переписку с учеными Москвы, Ленинграда, Вологды, Казани, Саратова, Свердловска, а также Киева, Харькова, Одессы и др.

В нашем распоряжении имеется переписка с ведущими отечественными медиевистами: Ю. Л. Бессмертным (Москва), А. Д. Люблинской (Москва), Л. Т. Мильской (Москва), А. И. Неусыхинным (Москва), С. М. Стамом (Саратов), с коллегами-германистами М. М. Смириним (Москва), Ю. К. Некрасовым (Вологда), В. А. Ермолаевым (Саратов), а также Л. А. Дербовым (Саратов) и М. М. Ябровой (Саратов).

Важно принять во внимание, что, во-первых, переписка не является полной, и не все периоды жизни В. Е. Майера освещены равномерно; во-вторых, из двусторонней переписки сохранились либо собственноручные письма профессора, либо обращенные к нему, поэтому содержание недостающих звеньев можно лишь предполагать и реконструировать; в-третьих, часть писем сохранилась только в черновиках, поэтому вполне можно допустить, что они отличались от окончательных вариантов.

Большую часть архива представляет переписка В. Е. Майера со своим учителем, научным руководителем и многолетним консуль-

⁵ 7 июля 1941 г., студентом исторического факультета МГУ В. Е. Майер добровольцем ушел на фронт, но в январе 1942 г. как этнический немец и, следовательно, потенциально неблагонадежный «элемент», был отозван из Красной Армии и отправлен в Удмуртию, на Увинский лесопункт, в лагерь № 75 для немецких военнопленных в качестве переводчика и политинструктора. Именно здесь в Увинском педучилище он начал педагогическую работу и после окончания МГУ вернулся в Удмуртию, но до конца жизни оставался «невъездным».

⁶ В настоящей статье использованы материалы 32 писем.

тантом М. М. Смириним, профессором МГУ, научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР, специалистом по истории позднесредневековой Германии, Крестьянской войны и Реформации, ставшим в ходе длительного сотрудничества другом и, в какой-то степени, покровителем В. Е. Майера в столичных научных кругах. Переписка длилась более 25 лет (1951–1975 гг.) и позволяет проследить, как складывались отношения учителя и ученика, что их волновало, над чем они работали⁷. В этих письмах раскрывается не только процесс становления В. Е. Майера как медиевиста-германиста, но и особенности времени, те далеко не «тепличные» условия, в которых шла серьезная научная работа. Например, в письме от 17.02.1954 г. на вопрос М. М. Смиринина о его положении в институте В. Е. Майер ответил: «Теперь я выполняю массу поручений не всегда по назначению: за последний месяц читал в пяти местах лекцию о 300-летию воссоединения Украины с Россией, делал доклад на городской секции историков о проекте новой программы, участвую в предвыборной кампании, но все это отдых по сравнению с той работой, которая предстоит над диссертацией...».

В. Е. Майер переживал, по-видимому, определенный душевный разлад, вызванный, с одной стороны, желанием ставить и достигать новые высокие цели, чувствуя уверенность в собственных силах, а с другой стороны, понимая невозможность реализовать все задуманное в реальности (среди наиболее болезненных для него проблем чаще всего отмечаются удаленность от центральных библиотек, длительное ожидание заказанных книг, большая педагогическая нагрузка и недостаток времени для исследовательской работы, сложности в получении командировок, необходимость улаживать массу бюрократических формальностей для прикрепления к московским кафедрам). В письмах присутствует очевидная тяжесть личных и организационных проблем, но они оставляют всё же очень светлые впечатления. Даже став доктором наук, профессором В. Е. Майер оставался добросовестным учеником М. М. Смиринина, уважающим своего руководителя, учитывающим все его советы.

⁷ Полная подборка писем В. Е. Майера и М. М. Смиринина с комментариями опубликована: Научное наследие В. Е. Майера. Из переписки с учителем и другом // Историк и его дело. Серия памяти профессора В. Е. Майера. Вып. 6. Ижевск: УдГУ, 2007. С. 172-202.

В научной переписке с другими коллегами главными также были вопросы, связанные с научной специализацией В. Е. Майера — социально-экономической историей средневековой Германии, в том числе понимание противоречивости тенденций в аграрной сфере, дискуссии по поводу восприятия бюргерства как «класса» феодального общества, целесообразность использования для анализа материалов в широких хронологических рамках, обсуждение изданий источников и т.д. К Майеру, учитывая его доскональное знание языка не только изучаемой страны, но и изучаемой эпохи, нередко обращались за разъяснениями немецких научных терминов, понятий в источниках, за толкованием содержания вайстюмов⁸.

Переписка ясно демонстрирует те принципы организации научных исследований, на которых стояли В. Е. Майер и его коллеги.

Во-первых, желание преодолеть узкие границы научной специализации, что проявлялось в интересном сотрудничестве «аграрников» и «урбанистов», а также исследователей истории разных стран. Например, в письме от 14.01.1985 г. к В. Е. Майеру обратился С. М. Стам с предложением дать отзыв на докторскую диссертацию М. М. Ябровой⁹: «Хоть Вы и не британист, но вопросы истории средневекового города и проблема раннекапиталистического развития Вам не чужды, и Ваше слово в этой области весьма весомо».

Во-вторых, обязательное знакомство с зарубежным опытом (через рецензирование книг, статей), понимание важности его распространения среди советских историков. В 1977 г. В. Е. Майер готовил рецензию на книгу медиевиста из ГДР В. Мэгдефрау о средневековых городах Тюрингии. Саратовские коллеги горячо поддержали эту инициативу¹⁰. По этому поводу С. М. Стам, обращаясь

⁸ Вайстюмы (уставы) — записи обычного права общин-марок Германии, Швейцарии, Австрии, составлявшиеся на крестьянских собраниях. Приобрели массовый характер в XV–XVI вв. Отражают различные стороны деревенской жизни: структура хозяйства, права и обязанности, виды деятельности, торговля, промыслы, социальные отношения, быт, коллективные представления и т.д.

⁹ Диссертация защищена по книге: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI вв.). Саратов, 1983. 230 с.

¹⁰ Майер В. Е. [Рец. на кн.: Mägdefrau W. Der Thüringer Städtebund im Mittelalter. Weimar, 1976] // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред. Г. Д. Бурдей и др. Саратов, 1981. Вып. 6(9). С. 140-157.

21.11.1977 к В. Е. Майеру, так сформулировал свое отношение к дискуссионной теме: «Естественно, можно соглашаться или не соглашаться с пониманием бюргерства как класса феодального общества. Можно сказать, что вопрос этот, с Вашей точки зрения, еще требует дальнейшего исследования и осмысления, что едва ли то или иное его решение в настоящее время можно считать вполне бесспорным. Но — хорошо ли аргументировать тем, что у нас господствует иное воззрение? Ведь научные споры не решаются большинством голосов, и даже Коперник когда-то был в абсолютном меньшинстве. И, кто его знает, может быть у нас нет причин кичиться “состоянием дела у нас”. Может быть, историки ГДР в чем-то ошибаются, но они немало сказали и думали по этим вопросам. Мы же — только начинаем думать».

Конечно, в переписке речь шла не только о сугубо научных делах. Повседневные сюжеты также присутствуют в явном виде — в предельной вежливости и чуткости обращений, в постоянной заботе о здоровье друг друга, о делах в семье, о бытовых радостях, как например, новоселье В. Е. Майера в 1977 г., в теплых дружеских поздравлениях со всеми праздниками, в обмене приятными открытками, в рассказах о работе в университетах и институтах.

Важно заметить, что университетская тема проходит сквозной нитью через все эпистолярное наследие. В. Е. Майер нередко извинялся, что не может работать более интенсивно, поскольку не позволяют административные обязанности (имеется в виду помимо заведования кафедрой его многолетнее пребывание в должности декана и проректора по научной работе в 1960–70-х годах). В письме к М. М. Смирину от 04.11.1961 г. В. Е. Майер прямо признался: «К сожалению, у меня было мало времени, чтобы писать. Дело в том, что я уже четвертый год декан, и только в этом году меня обещали освободить от этой адской должности. Так что не думайте, что я не пишу, я пишу, но все могло бы идти быстрее...». На что тот отреагировал так: «По поводу Вашей административной работы я Вам очень сочувствую. Насколько я вас знаю, Вам больше подходит научно-исследовательский труд». Позднее, узнав о сложении Майером обязанностей проректора, в марте 1977 г. Л. Т. Мильская откровенно поздравила профессора: «Я не знала, что Вы уже стали свободным человеком. Рада за Вас. Мои административные обязанности не идут

ни в какое сравнение с Вашими, но и они делают собственную научную работу почти невозможной».

Общими проблемами, которые были хорошо понятны и заботили коллег-ученых из разных городов, являлись:

1) как правило, медленный выход печатной продукции, обусловленный неторопливостью работы издательства или типографии, либо даже нередким отсутствием бумаги;

2) излишний бюрократизм в научно-образовательной сфере. Показателен в этом отношении один случай. Речь шла о подготовке крупного научного симпозиума по аграрной истории в Ижевске¹¹. На плечи В. Е. Майера как главного инициатора его проведения легла вся тяжесть административной работы, чем он и поделился с С. М. Стамом, сетуя на некие инструкции министерства, требовавшие, как можно понять из письма, предоставить программу симпозиума в окончательном виде задолго до его начала, что было на практике неосуществимо. Стам согласился с этим: «Да, признаться, я не уверен, что живое научное дело можно вписать в строгий распорядок инструкции... Чрезмерная регламентация может только затруднить вашу работу и обеднить содержание симпозиума» (29.04.1978), и впоследствии просил выслать официальное приглашение на симпозиум в Ижевск как можно раньше, поскольку «бумага от ректора до истфака может идти и две недели»;

3) исследователей из провинции, возможно, тревожило и некоторое чувство дистанцированности. 21.04.1954 г. Майер отвечал Смирину на его замечание об излишней детализации историографических обзоров во вводной части кандидатской диссертации: «Вся беда в том, что когда пишешь в провинции на такую тему, то кажется, что необходимо побольше приводить примеров, говорящих о том, что ты именно читал и знаком с этими произведениями и концепциями. Много ошибок можно было бы сразу исправить, если бы своевременно консультироваться... Я все же боюсь, что открыл Америку, остается только ждать Вашего заключения по моим соображениям». Не случайно подобные настроения разделял и его саратовский коллега В. А. Ермолаев: «Мне в моей работе над Гейльб-

¹¹ Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого социализма. Ижевск, 23-26 сентября 1979 г. См. его материалы: Аграрная история эпохи феодализма: Сб. науч. тр. / Редкол.: В. Е. Майер и др. Ижевск, 1983. 180 с.

ронской программой приходится полемизировать и с западными историками... и с весьма модернизаторскими стремлениями историков ГДР. И не с кем посоветоваться. Если бы был жив Моисей Менделевич, то он, несомненно, отнесся бы с интересом к моей работе, хотя, может быть, и не все одобрил бы. Вы — далеко, Стам, хотя и близко, но он не германист и он очень занят, чтобы вникать в мою тему. Вот и приходится «вариться в собственном соку» (15.03.1979).

В этой связи, обращает на себя внимание неутолимое желание В. Е. Майера быть в курсе процессов и тенденций в среде историков ГДР. И московские коллеги, как могли, поддерживали это стремление, по возможности сообщая о своих поездках, интересных книгах, сборниках, проектах сотрудничества, докладах немецких ученых в Москве. «...Я получил Ваше письмо после возвращения из ГДР, где принимал участие в Эрфуртской конференции, посвященной 450-летнему юбилею крестьянской войны. После конференции все участники совершили экскурсию в автобусе по Тюрингии, останавливались во всех местах, связанных с именем Томаса Мюнцера и его деятельностью. Было очень интересно... Доклад, сделанный мною на заключительном пленарном заседании, был на тему «Передовые идеи народной реформации». Отчет о конференции и сделанных на ней докладов будет напечатан в первых выпусках *«Zeitschrift für Geschichte»* за 1975 г. И в ближайшем выпуске нашего сборника “Средние века”... В ГДР историки очень интересуются Вашей монографией¹² и перспективой ее напечатания...», — делился своими новостями М. М. Смирин в письме 18.11.1974 г.

В научной переписке перед нами раскрывается особое интеллектуальное пространство сотворчества, поиска, внецензурной свободы слова. Любопытен факт для неформального общения историков марксистской, материалистической закалки: в небольшом письме из Саратовского университета 10.11.1978 г. речь шла о задержке с выходом очередного выпуска «Историографического сборника». Посетовав на крайне медленную работу типографии и другие причины, Л. А. Дербов высказывает надежду, что сборник будет выпущен не иначе как «с божьей помощью» и призывает В. Е. Майера набраться «ангельского терпения».

¹² Имеется в виду монография: *Майер В. Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил)*. Л., 1979. 168 с.

Обращает на себя внимание такое качество как отсутствие боязни собственных ошибок, и даже потребность признания в них перед своими коллегами. В письме от 15.05.1979 г. В. А. Ермолаев сокрушался: «Дела мои идут (вернее — тащатся) очень медленно. Только я выработал довольно стройную схему происхождения Гейльбронской программы и сопровождающих ее документов, как “*begriffen*” ее разбило. У меня была робкая надежда, что “*begriffen*” не есть “*verfallen*”, но Майер и Гримм¹³ ее тоже разбило. Теперь надо иначе все объяснять. Благодарю Вас за доскональное исследование этого слова. У меня было бы к Вам много вопросов, но я не хочу вас затруднять и буду надеяться на личную встречу, когда я Вас заброшаю вопросами. Вы сами прекрасно знаете язык, а длительное изучение *Weistümer* сделало Вас знатоком и *Mittelhochdeutsch*».

Нельзя не отметить чрезвычайно напряженный график работы ученых, большой объем обязательств перед студентами, издательствами, организаторами конференций. Такой интенсивный ритм жизни, а главное постоянное переживание за результаты, за качество работы действительно подтачивали здоровье и преждевременно обрывали судьбы ученых: «Дорогой М. М. Не заболели ли Вы?.. Становится грустно и не по себе, когда долго от Вас не бывает писем», — переживал В. Е. Майер в письме от 18.11.1961 г. Сам Майер активно работал до последних дней жизни, последняя корреспонденция к нему датирована январем 1985 г. (за месяц до кончины); в ней строятся новые планы, намечены перспективные исследования, желательные публикации. Наверное, символично, что оба ученых ушли из жизни практически за письменным столом.

Знакомство с перепиской приводит к пониманию того, что для В. Е. Майера было очень важно чувствовать себя востребованным, постоянно получать информацию, знать, что коллеги искренне интересуются его планами, новыми исследовательскими задумками, предстоящими публикациями. Репутация Майера в советском научном сообществе была действительно высока. Из множества компли-

¹³ Имеется в виду Якоб Гримм (1785–1863), один из двух знаменитых братьев-писателей, филологов, фольклористов. Я. Гримм собрал и опубликовал четыре тома вайстюмов. После его смерти вышло ещё два тома и один том справочных указателей. В. Е. Майер работал с репринтным изданием этих текстов: *Grimm J. Weistümer*. Berlin, 1957. Bd. 1-7.

ментов в его адрес, пожалуй, чаще всего речь идет о его отзывчивости на любые просьбы о помощи и сотрудничестве, а также пунктуальность (что можно, по-видимому, считать национальной чертой).

Предварительный обзор эпистолярного наследия профессора В. Е. Майера раскрывает перед нами сложный, многогранный мир в самом лучшем смысле этого слова «советской научной творческой интеллигенции», лишенной пресловутой ортодоксии, глубоко порядочной по отношению к коллегам даже в конфликтных ситуациях, трудных спорах, с постоянной готовностью к помощи¹⁴, с неподдельным интересом к успехам друг друга (выход книг, удачных статей и т.п.), фантастически работоспособной, увлеченной, преданной своему делу, ищущей, стремившейся достойно преодолевать возникавшие трудности. Как представляется, это те ценности, которые должны быть навечно вписаны в кодекс чести ученого и могут оставаться нравственным ориентиром для будущих поколений.

Нельзя не согласиться с супругой В. Е. Майера Б. П. Сысоевой-Майер: «Светлая бескорыстная дружба, большое уважение, взаимная забота, помощь и поддержка, требовательность и честность, тщательность в исследовании научных фактов наполняли жизнь этих людей глубоким смыслом, радостью творческого труда»¹⁵.

Обращение к сложным, глубоким, противоречивым, но чрезвычайно ценным и уникальным текстам личного происхождения и есть тот самый «диалог со временем», к которому, наверное, стремится каждый настоящий историк.

¹⁴ Л. Т. Мильская как член редколлегии «Средних веков» много работала с материалами В. Е. Майера, которые требовали частых перепечаток, так как содержали вписанные позднее немецкие термины и обильные сноски. Чаще всего эту работу выполняло, как и полагается, «машбюро». Но в особенно экстренных ситуациях или в случаях «капризов» секретарей Мильская перепечатывала статьи Майера собственноручно.

¹⁵ Научное наследие В. Е. Майера... С. 202.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

А. В. ХАЗИНА

“RATIO” КАК ОСНОВА “RELIGIO” В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СТОИКА ПОСИДОНИЯ¹

*«Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем
Будет некогда день, и погибнет великая Троя»
Гомер*

Сложность изучения философского наследия Посидония Апамейского, представителя Средней Стои, реформировавшего стоицизм в русле платоновско-пифагорейской традиции², для совре-

¹ Использование в названии латинских, а не древнегреческих терминов, объясняется не отсутствием денотируемого феномена в системе греческой цивилизации, а принципиальной спецификой греческой концепции религии, ее несовпадением с привычной нам. У Посидония можно выделить несколько терминов, смысл которых так или иначе пересекается с современным значением слова «религия» — τὰ ἱερά, ἱερός, θεός, ὁ δαίμων, σωφροσύνη. Ratio у Посидония выражается словосочетанием «ἡ λογιστικὴ ἀρχή».

² По сообщению Суды, Посидоний Апамейский (ок. 135 – ок. 50 гг. до н. э.), или Родосский, по прозвищу «Атлет», ученик и приемник Панеция, основал стоическую школу на Родосе (*Suid. Pos. 2107-10 = T I Jacoby*). Помимо традиционных разделов учения он занимался широким спектром естественных наук, а также географией, этнографией, историей (*Strabo. XVI. 2, 13; Athen. VI. 252e*). На сегодняшний день в отечественной историографии всякое рассмотрение философии Посидония пока требует дополнения «к постановке проблемы», поскольку наследие этого греко-сирийского мыслителя, «самого универсального представителя Стои», практически не было предметом отдельного исследования. Творчеству Посидония посвящены лишь небольшие разделы, главы и упоминания в трудах Ф. Ф. Зелинского, А. Ф. Лосева, А. А. Столярова и А. С. Степановой: *Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. П., 1922; Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Т. V. Харьков, 2000; Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М., 1995; Степанова А. С. Философия Древней Стои. СПб., 1995; Она же. Физика стоиков: Доминирующие принципы онтокосмологической концепции. СПб., 2005.*

менных исследователей обусловлена тем, что многие из его трудов известны лишь по названиям; часть же текстов дошла до нас в отрывках, да еще “во вторичной передаче” более поздних авторов. Кроме того, сама аутентичность некоторых сочинений Посидония остается трудно доказуемой. Исследование и издание уже атрибутированных эксцерптов из трудов Апамейца на русском языке — давно назревшая необходимость. Зарубежная историография обладает тремя современными фундаментальными изданиями фрагментов Посидония и свидетельств о нем³. Полный корпус переводов Посидония на русский язык пока не осуществлен, хотя потребность в этом осознается уже более пятидесяти лет⁴.

При этом можно считать общим местом, что философия Посидония, даже на первый взгляд, выглядит сакрализованной. В своих многочисленных философских трактатах, посвященных религиозной тематике («О богах», «О судьбе», «О героях и демонах», «О мантике», «Комментарий на платоновский Тимей» и др.), Посидоний обосновывал демонологию, мантику, астрологию. Это обстоятельство явилось для ряда исследователей решающим аргументом в оценке Апамейца как «философа рока», «историка-мистика», мудреца, «забывшего классический эллинский рационализм»⁵.

³ *Posidonius*. The fragments / Ed. by L. Edelstein and I. G. Kidd. Cambridge, 1972; *Poseidonios*. Die Fragmente / Hergs. Von W. Theiler. Bd. I. Berlin — New York, 1982; *Long A. A., Sedley D. N.* The Hellenistic Philosophers. Cambridge, 1987. Для исследования философско-религиозных взглядов Посидония важно последнее издание Лонга – Сидлея, в котором было ощутимо расширено количество фрагментов, приписываемых Посидонию, по сравнению с классическим изданием Кидда – Эдельштейна.

⁴ См.: *Лосев А. Ф.* Указ. соч. С. 806-809. Часть исторических и философских фрагментов Посидония, сохранившихся у Афиней и Галена, переведены с древнегреческого языка и опубликованы автором настоящей статьи. См.: *Посидоний Апамейский*. Истории. Фрагмент *apud Athenaeum. Deipnosophistae*. V. 211d-215b. (перевод и комментарий А. В. Хазиной) // Из истории античного общества: Межвузовский сборник / Под ред. Е. А. Молева. Н. Новгород: ННГУ, 2003; *Хазина А. В.* Природа и причины человеческих страстей в философской концепции Посидония Апамейского // *Textum Historiae: исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории: Межвузовский сборник*. Вып. 2 / Отв. ред. А. В. Хазина. Н. Новгород: НГПУ, 2006.

⁵ *Schmekel A.* Die Philosophie der mittleren Stoa in ihren geschichtlichen Zusammenhänge. Berlin, 1892. S. 240ff; Heinemann I. Poseidonios' metaphysische

Возможно, такую оценку спровоцировала и традиционная интерпретация эволюции всего античного мировоззрения как поступательного движения от «мифа» к «логосу»⁶, исходящая из представления о линейно-прогрессистском развитии античности от архаики через наивысший расцвет классики к последнему этапу – угасанию⁷. Эта позитивистская в своей основе концепция пытается выстроить в виде однонаправленного вектора развитие всей античной мысли и предполагает, что мифология предшествовала религии, религия — философии. Мифология, религия и философия как разные способы освоения действительности оцениваются, исходя из принципа, что всякое последующее оказывается более полным, рациональным, научным и в этом смысле отрицает предыдущее.

Современные исследования античного менталитета показывают, что, с одной стороны, такая концепция приводит к неразрешимым противоречиям⁸: ведь история античной мысли представляет

Schriften. Breslau. V. II. 1928. S. 477-481; *Cumont F.* Lux perpetua. P., 1949. P. 157-171; *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное / Пер. с англ., коммент. и указатель С.В. Пахомова. СПб., 2000. С. 378.

⁶ *Nilson M. P.* Greek Piety. Oxford, 1925; он же. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1955; *Dodds E. R.* The Greeks and the Irrational. Boston, 1957; *Vernant J. P.* Mythe et pensée chez les Grecs. T. 1-2. 1971; *Он же.* Myth and Society in Ancient Greece. Brighton, 1980; *Burkert W.* Greek Religion: Archaic and Classical. Cambridge, 1985; *Кецциди Ф. Х.* От мифа к логосу. М., 1972 и др.

⁷ Привлекательная с точки зрения обыденных представлений, эта концепция утвердилась в науке, вероятно, благодаря историко-философским идеям Гегеля, а в исторической рефлексии — Шпенглера, Тойнби. См.: *Hegel W. F.* Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Band II. Leipzig, 1971. S. 279 etc.; *Toynbee A. Y.* Hellenism. The history of a civilization. L., 1959. P. 225.

⁸ Противоречия эти были обозначены уже в историографии XIX–XX вв.: *Dronke G.* Die religiösen und sittlichen Vorschstellungen des Aeschylos und Sophokles. Leipzig, 1861. S. 4; *Wipprecht F.* Zur Entwicklung der rationalistischen Muthedeutung bei den Griechen. Tübingen, 1902. S. 6. В новейшем исследовании отмечается, что у ряда греческих авторов обнаруживаются следы более древних верований, нежели даже гомеровские, что не укладывается в схему «от мифа к логосу», которая не учитывает разницу в темпах идейного развития отдельных регионов эллинского мира и вариативность мыслительных установок греческого сознания. См.: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Ари-

собой множество линий, далеко не всегда совпадающих по направлению, и можно ли считать одну из них магистральной — большой вопрос. «Перед нами, рассуждает А. В. Ахутин, не монотонное развитие «от мифа к логосу» по контовской схеме, а напряженное выяснение отношений «старого и нового»⁹. С другой стороны, подобная концепция эвристически ограничена, поскольку исключает целые эпохи, либо отдельных мудрецов из истории античной мысли.

В свое время именно линейно-прогрессистские представления предопределили отношение к философским, историческим, религиозным идеям эллинизма, которое формулировалось в аксиологических категориях застоя, упадка, декаданса, призванных подчеркнуть «расслабленный» и эпигонский характер позднеантичной рациональности или вообще отсутствие такового¹⁰. В качестве основного «обвинительного» аргумента выдвигался тезис о том, что I век до н. э. явился рубежом, Weltwende — «ломкой мира», временем, когда рационализм исчерпал все свои ресурсы и сменился мистицизмом, застоєм и апатией¹¹. Попадая, по воле исследователей, в «прокрустово ложе» этой концепции, философия среднего стоика Посидония либо вообще исключается историографами из «монотонного движения от «мифа к логосу»¹², либо помещается ими в полярные позиции, оказываясь то неким возвратом к архаике, то претечей нового христианского мышления.

К. Гронау, В. Йегер, К. Рейнхард и другие авторы стремятся доказать «колоссальное» воздействие Посидония на мыслителей позд-

стофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 52.

⁹ Ахутин А. В. Эпический исход // *Mathesis*. Из истории античной науки и философии. М., 1991. С. 6.

¹⁰ Ferguson J. Moral Values in the Ancient World. L., 1958. P. 135-137; Schneider C. Kulturgeschichte des Hellenismus. Bd. I. München, 1967. S. 2-28.

¹¹ Доддс Э. Р. Греки и иррациональное иррациональное / Пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова. СПб., 2000. С. 356.

¹² Некоторые исследователи стремятся перейти от Платона сразу к Плотину, минуя средний платонизм: Vogel de C-J. La théorie de l'ἀπειρον chez Platon et dans la tradition platonicienne // *Revue philosophique*. 1959. P. 21-40; Merlan Ph. From platonism to neoplatonism. Nijhoff, 1953. В отечественной историографии наблюдается та же тенденция, не считая отдельных глав и параграфов в трудах Ф. Ф. Зелинского, А. Ф. Лосева, А. А. Столярова.

него эллинистически-римского мира и прослеживают его влияние на герметическую литературу, неоплатонизм и даже на Библию — кн. Премудрости, IV кн. Маккавеев, на Псевдо-кLEMENTИНЫ¹³.

Дж. Добсон, напротив, такую точку зрения считает искусственно созданным мифом. Его поддерживает Дж. Диллон, который исследуя истоки неоплатонизма как составляющей той интеллектуальной среды, в которой «взрастало» христианство, задался целью написать историю среднего платонизма без Посидония. Тем не менее, в своем труде Диллон посвятил Посидонию целую главу¹⁴.

Так что же делает философию Посидония сакрализованной, в чем специфика его понимания божественного, демонологии, магии, астрологии, каково их место в его стоической системе? Можно ли считать ее отказом от рациональности, отступлением во мрак мистики, рекапитуляцией?

Энциклопедическая широта интересов Посидония поражала уже античных историографов¹⁵. И в этом стремлении к полиматии¹⁶ «стоического Аристотеля» (Т. 3, 31, 91, 100 ЕК) было свое основание и свой принцип. «Полиматия присуща философу», утверждает

¹³ Gronau K. Poseidonios und die judisch-christliche Genesisexegese. Leipzig, 1914; Jeger W. Nemesios von Emesa. Quellenforschungen zum Neuplatonismus und seinen Anfängen bei Poseidonios. Berlin, 1914. S. 438-442. Reinhardt K. Poseidonios // Pauly's Realencyclopädie. Class. Altertums-Wissensch. 43. Halbt. Coll. 558-826. 1953; Laffranque M. Poseidonios d'Apamée. Essai de mise au point. P., 1964. P. 15-20; Malitz J. Die Historien des Poseidonios // Zetemata. Monographien zur klassischen Altertumswissenschaft. Heft 79. München, 1983. S. 61ff. Армстронг А. Х. Истоки христианского богословия. Введение в античную философию. СПб., 2003. С. 159-161.

¹⁴ Dobson J. F. The Posidonius Myth // Classical Quarterly. 1918. P. 179ff.; Диллон Дж. Средние платоники. 80 г. до н. э. – 220 н. э. / Пер. с англ., Е. В. Афонасина. СПб., 2002. С. 11-117.

¹⁵ Страбон характеризует его как человека самого многознающего (πολυμάθεστατος) среди философов (Strabo. XVI. 2. 10. = fr. 48 // Posidonius. The fragments / Ed. by L. Edelstein and I. G. Kidd. Cambridge, 1972. ЕК). Сенека говорит, что он «один из тех, кто больше всего принес философии» (Sen. Epist. 90. 20). Цицерон включает его в список ученейших людей (Т. 31), а Гален именуется «ученейшим из стоиков» (Т. 32).

¹⁶ Πολυμάθεια — многознание, ученость. Стремление Посидония к полиматии Страбон и Симплиций считали следствием влияния сочинений Аристотеля (Т. 75; fr. 93а. ЕК).

вслед за Посидонием Страбон (*Strabo*. I. 1. 1). Философия и была основанием, объясняющим и провоцирующим синтетический универсализм научных интересов Апамейца¹⁷. Лишь философия способна понять и объяснить мир, так как она, по Посидонию, познает «причины божественных и человеческих дел» (*Sen. Epist.* 89. 5). Посидоний настаивает на этиологии (выявлении причин) как важнейшем познавательном методе (*Strabo*. II. IX. 8; II. III. 8). Поэтому, исследуя любые предметы и явления, он стремится выяснить их причины и философские основания¹⁸. Поэтому и сугубо религиозные явления, попадая в поле зрения Посидония, объективно становятся предметом его философских исследований.

Сохранившиеся отрывки из трудов Апамейца не оставляют сомнений в том, что определяющим началом его философских представлений была идея божественности мироздания и взаимосвязи всех космических процессов. «Божество есть умный дух, пронизывающий всякую сущность», будь то земля, вода, воздух (fr. 100 ЕК), одновременно оно и Логос (fr. 5 ЕК), и «огненная умопостигаемая пневма, которая не имеет никакого образа» (fr. 95 ЕК), но может «превращаться во что хочет и все делать себе подобным» (*Aet.* I. 6. 1). Этимологию самого слова «Зевс» Посидоний понимает как «пронизывающий все и распоряжающийся всем как своим домом» (τὸν πάντα διοκοῦντα)¹⁹. Это не противоречило доминирующему в поздней античности натуралистическому восприятию вечного космоса как единого организма, управляемого божественной силой, проявляющейся в огненной атмосфере, богах, солнце и

¹⁷ В философских взглядах Посидония, как и в целом у стоиков, этиология занимала место первостепенной важности. Учение о причинах было органической частью теории познания (*Sen. Epist.* 88. 21-28; *Diog. Laert.* VII. 122-123).

¹⁸ «У него (Посидония) много исследований о причинах...», констатируют Страбон и Симплиций. Сохранилось и определение понятия αἰτίων «причина» у Посидония: «Причиной вещи является то, посредством чего вещь возникла, или первое создающее начало вещи, или первоначало ее создания» (fr. 95 ЕК). Как и Хрисипп он различал несколько видов причин: «предшествующие причины» — изначальные, вспомогательные, «действующие причины» — основные (fr. 170, 190 ЕК).

¹⁹ Посидоний возводит имя Зевса Δία, взятое в accusative, к глаголу — διοκέω — управлять, руководить (fr. 102 ЕК).

других небесных телах²⁰. У Посидония, вероятно, уже присутствуют намеки на трансцендентное понимание божественного, развитое в дальнейшем неоплатониками. Он подчеркивал трансцендентность божественного, огненного дыхания, понятого как промысел и действующего в высших областях космоса. Бог является активным принципом, материя — пассивным (fr. 5, 20, 21, 23, 92 EK).

По всей видимости, вслед за Посидонием Цицерон, использовавший в своем труде «О природе богов» в качестве источника трактат Апамейца «О богах», резко разделяет «настоящих» богов и тех, которые искусственно возникли в сознании людей благодаря обожествлению героев и знаменитых личностей, либо вследствие суеверных представлений (*Cic. De nat. Deor.* 9. 24). По свидетельству Цицерона, Посидоний также резко критиковал и эпикуровское учение об антропоморфных богах. Человекоподобные боги, которые ничего не делают и ни о чем не заботятся, есть порождение «отвратительной зависти» (fr. 22 ab EK). Философия же, познающая причины мира, занимается подлинными богами.

Божество как Логос, «проникающее всю сущность», является эманацией, образующей интеллект, разумную часть человеческой души. Эта эманация, исходя из божественной субстанции Солнца, изливается в подлунный мир посредством Луны, затем, после очищения, восходит к блаженному бессмертию в место своего истечения (*Achill. Isag. In Arat.* 13. P. 41. 1 Maass; fr. 149 EK; *Sext. Emp. Adv. Phis.* I. 72). Посидоний эксплицитно нигде не выражает своего отношения к бессмертию и посмертному воздаянию. Но через эманацию божества как логоса логически обосновывает идею «астрального бессмертия» человеческой души.

Глобальным проявлением всепроникающего Бога можно считать понятие «мировой симпатии», занимающее центральное место в философской системе Посидония. *Συμπάθεια*, трактуемая Посидонием как природное соответствие, образуемое «ростками разума» (*οἱ λόγοι στερομάτικοι*), пронизывающими весь космос, определяла проникновение единого начала во все мельчайшие вещи и явления в мире, выражая его единство (fr. 105, 106, 107 EK). Симпатия оформляла мир как некое гармоническое целое, в котором отдельные части

²⁰ Армстронг А. Х. Введение в античную... С. 161.

непосредственно взаимосвязаны (fr. 361, 354, 332 Teil.).

Существуют различные виды и уровни единства. Человек есть единство души и тела (*Phil. De opif. Mundi* 46; *Nemes.* 38)²¹, и дух есть Бог, гостящий в человеке (*Sen. Epist.* 31. 11). Как человек является «мостом», посредником между высшим — божественным и низшим — животным миром, так и непрерывный переход от человеческого к божественному осуществляется у Посидония через демонов и демонический мир²². «Если души выживают, то они становятся тем же, что и демоны; а если демоны существуют, то следует признать, что существуют и боги. Причем их существованию несколько не мешают все те сказки (или предрассудки) о мифических деяниях в Аиде» (*Sext. Empir. Adv. Phys.* I. 74). Доказательство существования душ в данном случае используется и для доказательства существования демонов и богов.

Посидоний пытается понять и объяснить смысл представлений о демонах, что было чуждо непосредственной, суеверной греческой демонологии. Квалифицируя демонов как некие огненные и эфирные тела в духе стоического платонизма²³, Посидоний четко классифицировал их по разрядам в соответствии с девятью (как у Платона) сферами космоса (*Clem. Alex. Protr.* II. 26; *Cic. De nat. et deor.* II. 12, 33; 60. 152). Каждый тип демона, таким образом, имел свое логическое определение и местоположение в системе космоса, а демонология в целом получала у Посидония вполне научное обоснование.

В связи с космической симпатией Апамеец говорит и о мантике (*μαντική*)²⁴. Привлекая многочисленные свидетельства из гео-

²¹ Саму философию Посидоний трактует как универсальное, цельное живое существо, где мясо и кровь соответствуют физике, кости и сухожилия — логике, а душа — этике (*Sext. Emp. Adv. Math.* VII. 19; fr. 88, 91 EK).

²² Концепция космической симпатии была, по-видимому, воспринята Посидонием из школьной стоической традиции (см.: *Столяров А. А.* Стоя и стоицизм. М., 1995. С. 273), но именно она использовалась Посидонием в обосновании демонологии.

²³ Ср.: *Aug. Civ. Dei.* VII. 6. См. также: *Диллон Дж.* Средние платоники. С. 99-100, 221 и сл.

²⁴ *Μαντική* — прорицание, пророчество. Цицерон в “De divinatione” критикует теорию мантики Посидония, используя латинский эквивалент этого термина — “divinatio”. Мантика была исконным достоянием греческой религии. Ко второй половине V в. до н. э. в интеллектуальной элите Афин было

логии, географии, биологии и других естественных наук, он доказывает, что все части космоса и мира по природе взаимосвязаны. Именно «симпатическая связь» позволяет по отдельным частям явления судить обо всем в целом и потому о любых других частных явлениях. Следовательно, все небесные явления, полет птиц, сновидения могут нести «информацию» о более общих событиях. Как же иначе было бы возможно, задается он вопросом, чтобы форма печени жертвенной птицы содержала знаки, указывающие на исход отдаленной битвы? (*Cic. De div. II. 33-35; fr. 106 EK*).

Аргументы в пользу мантики Посидоний выводит из трех источников — Бога, судьбы и природы, однако сводит их к двум источникам вдохновения: бог или боги действуют через сны и видения, а судьба или природа, предоставляют нам знаки, которые необходимо как-то истолковывать (*Cic. De div. I. 125; fr. 107*).

Мантическое искусство, по Посидонию, это не просто гадание, а *vis divinandis ratioque repetenda* — «способность к предсказанию и выявление причин» (*fr. 107 EK*), обеспеченные Богом, судьбой и природой. Определяя этиологию в качестве важнейшего инструмента научного знания (*fr. 176*), Посидоний и к мантике предъявляет требования рационального обоснования на основе этиологии — выявления причин.

С идеей «мировой симпатии» тесно связана и базовая стоическая доктрина о судьбе. Всем правит *εἰμαρμένη* — «полученное по жребию», «то, что определено» (*SVF II. 976*)²⁵, считали Зенон и Хрисипп, к ним присоединяется и Посидоний: все совершается согласно судьбе (*fr. 25 EK*). Но судьба является только «третьей после Зевса». «Зевс — первый, природа — вторая, а судьба — третья»

популярно мнение, что боги являют себя и свою волю людям не путем прямой эпифании, а через разного рода оракулы, вещания, знамения и т. п. Так считали, например, Перикл, ксенофоновский Сократ (*Xen. Mem. I. 1. 9; IV. 3. 13*). См.: Суриков И. Е. Указ. соч. С. 142. Посидоний же, как указывает Цицерон, в доказательствах возможности истинной дивинации использовал идею «симпатии» в соответствии с учением стоической школы (*Cic. De div. I. 5-6*).

²⁵ *Stoicorum veterum fragmenta, coll. I. ab Arnim. Vol. II. Chrysippi fragmenta logica et phisica. Lipsiae, 1903*. См. русский перевод фрагментов ранних стоиков, осуществленный А. А. Столяровым: Фрагменты ранних стоиков / Пер. и комментарии А. А. Столярова. Т. 2. Ч. 2. М., 2002.

(fr. 103 ЕК). Такая тройная иерархия напоминает триаду, которая актуализируется и станет затем общим местом в последующем платонизме. Она могла быть связана с делением космоса в системе Посидония на небесную сферу, управляемую божественным умом, понятным как Промысел, неодушевленную земную сферу, которая управляется его истечением — ἤξις (будущая эманация неоплатоников) и промежуточную — одушевленную сферу, за которую отвечает ψυχή или φύσις (fr. 104, 106-107 ЕК).

Космическая «симпатия» вместе с идеей судьбы обосновывала у Посидония и астрологию, которая распространилась в греческом мире только в эллинистическое время и понималась им в рамках эллинистической трактовки — как наблюдение небесных светил, необходимое для составления гороскопа. Каждая планета, по Посидонию, имеет своих представителей в животном мире, растительном и минеральном царствах, связанных с ней некой симпатией, значит, можно воздействовать на эту планету магически, путем манипуляций с ее земными двойниками (fr. 111, 112 ЕК)²⁶. Астрологический фатализм снимался у Посидония тем, что способность гадания определялась сначала богом, потом фатумом и, наконец, природой (fr. 107 ЕК).

Фатальность же в понимании судьбы смягчалась указанием под греческим термином τύχη на простую случайность и парадоксальный случай (fr. 253 ЕК). Судьба хоть и всемогуща, но «не вооружает против самой себя». Орудие против судьбы принадлежит знающему и добродетельному мудрецу (fr. 105 ЕК).

Итак, рассуждает ли Посидоний о традиционных явлениях греческого религиозного мировоззрения, будь то происхождение и статус божественного, демонология и мантика, либо об астрологии, популярной и распространившейся в эллинистическом мире, ему не достаточно принять их только на уровне мнения и веры. Посидоний фактически объединяет два пути восприятия и познания ми-

²⁶ На такую трактовку астрологии могла повлиять теория оккультных способностей, имманентных определенным животным, растениям и драгоценным камням, соединенная с астрологией и впервые в систематической форме представленная Болом из Менады (ок. 200г. до н. э.). Им интересовались стоики. В I в. до н. э. его стали цитировать как научного авторитета. См.: *Festugière. L'Astrologie...* P. 196 ff., 222 ff; *Nilsson. Greek...* P. 105; *Доддс Э. Р. Греки и ...* С. 385-386.

ра, метафорически выраженные еще в словах Гектора: «Твердо я ведаю сам, убеждаясь и *мыслью* и *сердцем*...» (Ил. VI. 447).

Бытование античной традиции разделяет в дальнейшем «мнения» — то, что получено посредством чувств, и «знания» — то, что имеет своим источником разум. Посидоний же фактически пытается разрешить проблему соотношения рационального и иррационального, веры и знания, настаивая на их родстве и синтезе, смягчая аристотелевский и стоический ригоризм в отношении человеческой рациональности. Религиозные вопросы, включенные в философскую систему Апамейца, получают теоретическое обоснование, становясь объектом философской рефлексии, во многом с помощью идей стоического платонизма. Эта рефлексия утверждает себя через «дефинирование сущностей» мантики, астрологии, демонологии, через их типологизацию и классификацию.

Пример Посидония показывает, что речь идет не о деградации философско-религиозной мысли греков, но о бытовании особого, дедуктивного типа рационализма, который совместим с сакрализацией и допускает определенные типы мистики. Такой рационализм, по определению С. С. Аверинцева, требует «жесткой доказательности от второго, третьего и так далее звеньев рассуждения», но принуждает «вовсе отказаться от доказательности в исходной точке рассуждения», где «как бы зияет некая пустота, требующая заполнения уже не от науки»²⁷.

Божественность мироздания, взаимосвязь всех космических процессов были для Посидония аксиомой, той самой исходной точкой, в которой зияла не пустота, а сакрализованная гармония.

²⁷ Аверинцев С. С. Образ античности. СПб., 2004. С. 21.

А. В. ПАЛИЦЫН

К ВОПРОСУ О МУЧЕНИЧЕСТВЕ
СВ. КЛИМЕНТА РИМСКОГО
ПО ДАННЫМ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ»
ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Епископ-мученик Климент Римский (91/92–100/101 гг.¹), ученик апостола Петра — один из тех немногих святых и отцов Церкви, которые пользуются авторитетом и одинаково почитаются как на Западе, так и на Востоке². Это засвидетельствовано не только древними мозаиками, фресками, иконами и храмами³, но и письменными источниками. Так, на Западе в конце IV в. пресвитер Руфин Аквилейский в сочинении «О порче книг Оригена» пишет:

«Климент — ученик апостольский, который после апостолов был епископом и мучеником (*martyr*) Римской Церкви»⁴.

На Востоке свидетельство о Клименте оставил Евсевий Кесарийский в «Церковной истории»⁵:

¹ Hofmann J. Unser heiliger Vater Klemens. Ein römischer Bischof im Kalender der griechischen Kirche // Trierer theologische Studien. Trier, 1992. Bd. 54. S. 20, 68; Hofmann J. Clemens von Rom // Lexicon der antiken christlichen Literatur. Freiburg im Breisgau; Basel; Wien; Herder, 1998. S. 131; О том, что Климент занимал Римскую кафедру с 92–101 гг. см., напр.: Zannoni G. Clemente, papa, santo // Bibliotheca Sanctorum. Roma, 1964. Vol. IV. P. 38; Quasten J. Patrology. Westminster (Maryland), 1986. Vol. I. P. 42; Сагарда Н. И., Сагарда А. И. Полный курс лекций по патрологии. СПб., 2004. С. 148, 159.

² День его памяти Католической Церковью отмечается 23 ноября, Русской Православной — 25 ноября (по ст. стилю, по новому — 8 декабря).

³ См., напр.: Salamito J.-M. Clemente da Roma // Storia dei Santi e della santità christiana. Milano, 1991. Vol. II. P. 112-117; Седова Р. А. Иконы Климента, папы Римского, в вотчинах именитых людей Строгановых // Искусство средневековой Руси. М., 1999. Вып. XII. С. 139-149; Царевская Т. Ю. Образ св. Климента Римского в новгородском искусстве XIII в. // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 260-273; Задворный В. Л. Почитание Климента в России // Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. II. С. 1074-1075; Языкова И. Климент I. Иконография // Там же. С. 1076.

⁴ Rufinus. De adulteratione librorum Origenis // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Latina. Paris, 1845 (далее — PL). Vol. 23. Col. 439A.

⁵ Евсевий писал свое сочинение в течение многих лет и даже десятилетий,

«...в третий год царствования упомянутого римского императора (Траяна) Климент, епископ Римский, скончался (*ἀναλύει τὸν βίον* — букв. умирает), передав свое епископское служение Эваресту. В течение девяти лет он (Климент) возглавлял обучение Божественному слову (*τῆς διδασκαλίας τοῦ θείου λόγου*)»⁶.

При чтении этой фразы возникает вопрос: Как, согласно Евсевию Кесарийскому, скончался (*ἀναλύει τὸν βίον*) епископ Римский Климент, т. е. была ли его смерть мученической.

Заметим, что на основании этого фрагмента вплоть до наших дней в научной и христианской литературе сохранялось мнение о том, что Евсевий, во-первых, пишет о *мирной кончине* Климента⁷; во-вторых, сообщая о смерти Климента, он *не указывает на ее мученический характер*⁸; в-третьих, говоря о смерти Климента, Евсевий *ни единым словом не намекает на его мученичество*⁹.

Так делается вывод: Евсевий Кесарийский *ничего не говорит ни о мученической кончине Климента, ни о том, что он мученик*. Поддержкой этому заключению служит как то, что у автора упомянутого фрагмента отсутствует существительное *τό μαρτύριον* («мученичество») или *ὁ μάρτυς* («мученик», букв. — «свидетель жизни и воскресения Иисуса Христа»), так и то, что Евсевий употребляет глагол *ἀναλύω* (*ἀναλύει τὸν βίον*), который имеет значения: «умирать», «скончаться», «прекратить свое существование» или «окон-

постоянно переделывая его под влиянием меняющейся исторической ситуации и связанных с нею жизненных обстоятельств. В своем окончательном виде «Церковная история» появилась около 325 г. См. об этом: Кривушин И. В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 11-12.

⁶ *Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλία δέκα. Λόγος Γ* // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Paris, 1857 (далее — PG). Vol. 20. Col. 285, 288; *Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique. Livres I-IV* // Sources Chrétiennes. Paris, 1952. № 31. P. 146-147.

⁷ Уханова Е. В. Дипломатическая миссия Константина Философа (обретение мощей св. Климента, папы Римского) // Новая книга России. М., 1999. № 5. С. 41; Она же. Обретение мощей св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // Византийский вестник. М., 2000. Т. 59. С. 116.

⁸ Диатроптов П. Д. Предания о мученичестве Климента, папы Римского, в Херсонесе Таврическом // Россия и христианский Восток. М., 2004. Вып. II-III. С. 14.

⁹ Сагарда Н. И., Сагарда А. И. Полный курс лекций... С. 149.

читать свою земную жизнь» (согласно законам человеческой природы), «уйти из жизни», «завершить жизнь» и т.п.¹⁰

Однако подчеркнем, что в научной¹¹ и христианской¹² литературе вплоть до настоящего времени указанный фрагмент рассматривался как самостоятельное сообщение, вне контекста «Церковной истории». И это, пожалуй, главная причина того, что подобные представления сохраняются¹³. Логичное, но неверное по существу следствие состоит в том, чтобы в Греческо-русском словаре (не учитывающем по большей части греческого текста Евсевия) найти глагол ἀναλύω и присвоить ему одно из словарных значений: «умирать», «скончаться», «завершить жизнь или уйти из жизни» и т. п. В результате «работал» упрощенный и механический способ интерпретации столь важного сообщения о Клименте Римском, оставленного Евсевием Кесарийским. С учетом контекста «Церковной истории», можно иначе представить кончину Климента. С этой целью необходимо ответить на три важных вопроса:

- Во-первых, что имел в виду Евсевий, когда употребил выражение ἀναλύει τὸν βίον в адрес Климента.
- Во-вторых, почему Евсевий, говоря о Клименте, не использовал существительного τὸ μάρτύριον или ὁ μάρτυς.
- В-третьих, из каких доступных Евсевию источников он мог подробно узнать и почерпнуть такие точные сведения из жизни Климента, как дату его восшествия на римский престол, число лет понтификата и год кончины.

В ракурсе ответа на первый вопрос важно помнить, что при переводе всегда используется словарное значение конкретного слова

¹⁰ ἀναλύω // Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 123; Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 112.

¹¹ Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы Римского... С. 116; Диатроптов П. Д. Предания о мученичестве Климента... С. 14.

¹² Сагарда Н. И., Сагарда А. И. Полный курс лекций... С. 149.

¹³ О том, что Евсевий пишет о мирной кончине Климента, см.: Уханова Е. В. Дипломатическая миссия Константина Философа (обретение мощей св. Климента, папы Римского). С. 41; Она же. Обретение мощей св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. С. 116. О смерти Климента без указаний на ее мученический характер, см. Диатроптов П. Д. Предания о мученичестве Климента, папы Римского, в Херсонесе Таврическом. С. 14. О смерти Климента без упоминания (или намека) о его мученичестве, см. Сагарда Н. И., Сагарда А. И. Указ. соч. С. 149.

без контекстуального учета смысловых импликаций, и это относится не только к выражению Евсевия ἀναλύει τὸν βίον, но и другим греческим словам, например, существительному женского рода ἡ ἀνάλυσις, которое встречается в Новом Завете, во Втором послании к Тимофею (2 Тим 4:6) у апостола Павла:

«Ибо я (Павел) уже становлюсь жертвою (σπένδομαι — букв. возливаюсь как вино на жертвенник), и время моего отшествия (τῆς ἀναλύσεώς μου) настало»¹⁴.

Хотя лексема ἡ ἀνάλυσις обозначает естественную смерть или кончину, уход из жизни и т.п.¹⁵, можно говорить о том, что словами «моего отшествия или моей кончины (τῆς ἀναλύσεώς μου)» апостол Павел предсказывает свою мученическую кончину, которая в скором времени произошла в Риме. Именно так истолковывает новозаветные слова апостола Павла Евсевий Кесарийский¹⁶:

«Находясь в темнице, он (апостол Павел) составил Второе послание к Тимофею, где говорит и (4:16-17) о своем первом ответе (перед судом), и (4:18) о близкой кончине. Выслушай его собственное свидетельство: (4:16-17) «При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня, дабы через меня утвердилось благовестие и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей»... (4:18) «(И) избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства», указывая на

«Ἐν ᾧ δεσμοῖς ἐχόμενος, τὴν πρὸς Τιμόθεον δευτέραν ἐπιστολὴν συντάττει, ὁμοῦ σημαίνων (4:16-17) τὴν τε προτέραν αὐτῷ γενομένην ἀπολογία, καὶ (4:18) τὴν παραπόδας τελείωσιν. Δέχου δὴ καὶ τούτων τὰς αὐτοῦ μαρτυρίας: (4:16-17) «Ἐν τῇ πρώτῃ μου, φησὶν, ἀπολογία οὐδεὶς μοι συμπαραγέμετο, ἀλλὰ πάντες με ἐγκατέλιπον. Μὴ αὐτοῖς λογισθεῖη. Ὁ δὲ Κύριός μοι παρέστη καὶ ἐνεδυνάμωσέ με, ἵνα δι' ἐμοῦ τὸ κήρυγμα πληροφορηθῆ, καὶ ἀκούσωσι πάντα τὰ ἔθνη. Καὶ ἐρρῦσθην ἐκ στόματος λέοντος»... (4:18) «Ῥύσεται με ὁ Κύριος ἀπὸ παντὸς ἔργου πονηροῦ, καὶ

¹⁴ Синодальный перевод 2 Тим. 4:6.

¹⁵ ἀνάλυσις ἡ // Греческо-русский словарь Нового Завета. М., 2006. С. 23; Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. С. 123; Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. P. 112.

¹⁶ Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλία δέκα Λόγος Β'. — Σ. 193, 196; О том, что ап. Павел предсказывает в этом стихе (2 Тим. 4:6) свою скорую мученическую кончину, пишет и на Западе в IV в. Амвросиастр — автор комментариев 13 посланий ап. Павла: «Apostolus enim sciens passionem suam imminire... (Апостол, зная, что приближается его мученическая кончина...)». См. об этом: Ambrosiaster. Commentaria in Epistolam ad Timotheum Secundam. Caput IV // PL 17. Col. 495.

близкое мученичество. Еще яснее предсказывает он [ego] в этом же Послании, говоря: (4:6)

Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало».

σώσει εἰς τὴν βασιλείαν αὐτοῦ τὴν ἐπουράνιον», σημαίνων τὸ παραυτίκα μαρτύριον, ὃ καὶ σαφέστερον ἐν τῇ αὐτῇ προλέγει γραφῇ φάσκων (4:6) Ἐγὼ γὰρ ἤδη σπένδομαι, καὶ ὁ καιρὸς τῆς ἀναλύσεώς μου ἐφέστηκεν».

Употребленное апостолом Павлом существительное ἡ ἀνάλυσις (2 Тим 4:6) Евсевий истолковывает как *мученическую кончину*. Можно предположить, что и глагол ἀναλύω в определенных контекстах у него имеет то же значение, и что, когда Евсевий в адрес Климента Римского употребил выражение ἀναλύει τὸν βίον, он имел в виду: «скончался мученически». Такое заключение подтверждает и то обстоятельство, что для обозначения естественной смерти как таковой Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» использует не ἀναλύει τὸν βίον, а выражение τελευτᾷ τὸν βίον:

«...император Констанций, оставив после себя императором и августом родного сына Константина, скончался по общему для всех закону природы... (βασιλεὺς Κωνσταντῖος... κοινῶ φύσεως νόμῳ τελευτᾷ τὸν βίον...)»¹⁷.

Отвечая на второй вопрос, заметим: Евсевий лишь *дважды* употребляет в «Церковной истории» глагол ἀναλύω. Так, он пишет, что при римском императоре Траяне (98–117):

1. Климент, епископ Римский, скончался (...ἀναλύει τὸν βίον)...¹⁸.

2. Симеон, епископ Иерусалимский, завершил жизнь мученической смертью (μαρτυρίῳ τὸν βίον ἀναλῶσαι)...¹⁹.

Рассмотрев оба свидетельства, можно допустить, что существительное τὸ μαρτύριον во второй фразе о Симеоне Иерусалимском эксплицирует уже содержащийся смысл в глаголе ἀναλύω, что позволяет не только прояснить мысль Евсевия, но и указать на то, что речь идет о мученической кончине Климента. Соответственно, вполне вероятен вывод о том, что Евсевий в первом сообщении о Клименте просто опустил такое лексическое уточнение — τὸ μαρτύριον или ὁ μάρτυς.

Более того, в «Церковной истории» подобный прием встречается и в предложениях о других римских епископах-мучениках — Телесфоре и Фабиане. Так, упомянув о *мученической смерти* Телесфора

¹⁷ Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλία δέκα Λόγος Η'. — Σ. 780.

¹⁸ Λόγος Γ'. — Σ. 288.

¹⁹ Λόγος Γ'. — Σ. 281.

(«*μαρτυρίῳ τὴν τελευτὴν διαπρέψαι*» — «славно отметил конец своей жизни мученичеством» и «*ἐνδόξως ἔμαρτύρησεν*» — «со славой, как мученик, скончавшийся») ²⁰, Евсевий уже специально не отмечает его мученичества лексически, т. е. опускает *τὸ μαρτύριον* или *ὁ μάρτυς*:

«В первый же год его (римского императора Антонина) царствования ушел из жизни [*τὸ μαρτύριον* или *ὁ μάρτυς*] Телесфор, на одиннадцатом году своего епископского служения...» ²¹.

То же самое происходит и в случае упоминания Евсевием о смерти Фабиана. Говоря о его *мученической кончине* («*μαρτυρίῳ τελειωθέντος*» — «мученической смертью скончался») ²², он также специально не отмечает лексически его мученичества, т. е. не употребляет слов *τὸ μαρτύριον* или *ὁ μάρτυς*:

«...после (епископа Римской Церкви) Антерота, несшего свое служение только месяц, — (епископом Римской Церкви) стал [*τὸ μαρτύριον* или *ὁ μάρτυς*] Фабиан» ²³.

Похоже, Евсевий делает это намеренно. Дело в том, что в списках (каталогах) римских епископов (пап) могли фигурировать лишь хронологические данные, а именно: *А.* — дата восшествия епископа на Римский престол, *В.* — число лет его понтификата и *С.* — год кончины. Главной и единственной в то время задачей Евсевия было продемонстрировать непрерывность идущей еще от апостолов преемственности епископского служения. Для ее выполнения Евсевий, пользуясь достаточно точными хронологическими сведениями, сознательно опускает важные подробности о жизни или смерти того или иного лица, за исключением факта смены одного представителя другим, что и демонстрирует его текст:

Г. ²⁴ На втором году его (римского императора Тита) царствования *Лин*, епископ Римской Церкви, двенадцать лет служивший ей, *перредал* ее Анаклету ²⁵.

²⁰ *Λόγος Δ'*. — Σ. 328 и *Λόγος Ε'* — Σ. 445.

²¹ *Λόγος Δ'*. — Σ. 328.

²² *Λόγος Ζ'*. — Σ. 600.

²³ *Λόγος Ζ'*. — Σ. 588.

²⁴ Список римских епископов Евсевий Кесарийский доводит до Мильтиада (311–314 гг.), XXIX по счету римского епископа. См. об этом: ORDO EPISCOPORUM. Episcopi urbis Romæ juxta Eusebium // PG. Vol. 20. Col. 1549.

²⁵ *Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλία δέκα. Λόγος Γ'*. — Σ. 248.

- II.** На двенадцатом году царствования римского императора Домициана *Анаклета*, бывшего двенадцать лет епископом Римской Церкви, *сменил* Климент²⁶.
- III.** *Климент*, епископ Римский, *скончался* (*ἀναλύει τὸν βίον*) в третий год царствования упомянутого римского императора (Траяна), *передав* свое епископское служение Эваресту [мученическая смерть *св. Климента* лексически специально не отмечена]. В течение девяти лет он (Климент) возглавлял обучение Божественному слову²⁷.
- IV.** В этом же году (около двенадцатого года царствования римского императора Траяна) в Риме *Эвареста*, скончавшегося на восьмом году своего епископства, *сменил* Александр, *пятый приемник апостолов Петра и Павла* (*πέμπτην ἀπὸ Πέτρου καὶ Παύλου διαδοχὴν*)²⁸.
- V.** В третий год того же (римского императора Адриана) царствования скончался епископ *Александр*, управлявший десять лет Римской Церковью; *преемником* его стал Ксист²⁹.
- VI.** В двенадцатый год правления римского императора Адриана *Ксист*, десять лет управлявший Римской Церковью, скончался. *Преемником* его стал Телесфор, *седьмой приемник апостолов* (*ἑβδομὸς ἀπὸ τῶν ἀποστόλων διαδέχεται*)³⁰.
- VII.** В первый же год его (римского императора Антонина) царствования ушел из жизни *Телесфор*, на одиннадцатом году своего епископского служения, и жребий римского епископства выпал Гигину [мученическая смерть *св. Телесфора* лексически специально тоже не отмечена]...³¹.
- XIX.** После (епископа Римской Церкви) Антерота, несшего свое служение только месяц, — (епископом Римской Церкви) стал *Фабиан* [мученическая смерть *св. Фабиана* лексически специально также не отмечена!]³².

При ответе на третий вопрос следует учитывать, что Евсевию, как человеку блестяще образованному, были доступны самые разнообразные по тематике и жанру письменные источники (их число в «Церковной истории» по подсчетам современных ученых достигает 250 единиц). Это и отрывки из апологетических, теологических, экзе-

²⁶ Λόγος Γ. — Σ. 249.

²⁷ Λόγος Γ. — Σ. 285, 288.

²⁸ Λόγος Δ'. — Σ. 303.

²⁹ Λόγος Δ'. — Σ. 308.

³⁰ Λόγος Δ'. — Σ. 309.

³¹ Λόγος Δ'. — Σ. 328.

³² Λόγος Ζ'. — Σ. 588.

гетических сочинений, и императорские указы, и послания отдельных христианских общин или их лидеров, и материалы обширной переписки церковных и светских деятелей, и документы церковных соборов, и сочинения римских и греческих историков (как христианских, так и языческих), и выдержки из Ветхого и Нового Заветов. В распоряжении Евсевия находились свидетельства из архивов и материалы церковных библиотек (особенно из Иерусалимской и Кесарийской)³³. Ему были доступны различные церковные календари, в которых перечислялись имена мучеников, местных епископов с упоминанием дня их поминаения, имена епископов других епархий, священников и мирян; подлинные древнейшие «Сборники известий о мучениках» («Акты мученические» или «Жития святых») в форме официальных судебных протоколов, посланий, назидательных рассказов и писем (или их копии) от разных христианских общин. Все эти свидетельства постоянно и целенаправленно собирались Евсевием в более подробный «Сборник известий о мучениках» как в целях назидания, так и для чествования и памятования мучеников. Потребность в таких «Сборниках» была вызвана еще и тем обстоятельством, что с течением времени «Календари» Церковью пополнялись новой информацией: появлялись одноименные святые, которых необходимо было отличить по роду жизни и кончине, сану, месту жительства и пр.³⁴. Сам Евсевий в своей «Церковной истории» так рассказывает об этом:

«...мучеников было неисчислимое множество... потомству сообщено о них в записи, и они воистину достойны остаться незабвенными. Сочини-

³³ Из «Церковной истории» следует, считает И. Ю. Ващева, что «Евсевий Кесарийский лично был в библиотеках города Элии, некоторое время провел в Антиохии, Палестине, Тире, Египте и т. д.». См.: *Ващева И. Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006. С. 13. Многие исследователи, детально анализировавшие «Церковную историю», *Præparatio Evangelica* и другие сочинения Евсевия, отмечали, что для их написания ему «необходимо было перерыть все библиотеки Египта, Финикии и Греции». См. Там же. С. 13-14.

³⁴ Подробнее см.: *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. С. 13-14; *Ващева И. Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. С. 183-207; *Марков Н.* Диптихи // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1903. Т. IV. Стб. 1059-1060; *Троицкий С.* Евсевий, епископ кесарийский // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1904. Т. V. Стб. 227-231; *Троицкий С.* Жития святых // Там же. Стб. 582-584.

нение, в котором они полностью изложены, мы (Евсевий) целиком поместили в «Сборнике известий о мучениках» (*τῆ συναγωγῇ τῶν μαρτύρων*), целью которого был не только рассказ, но и поучение...»³⁵. «Зачем приводить список мучеников из их послания? ...Кто захочет, тот с исчерпывающей полнотой узнает об этом, взяв в руки эту запись, которую я (Евсевий), как говорил, вставил в свой «Сборник известий о мучениках» (*τῆ συναγωγῇ τῶν μαρτύρων*)»³⁶.

Основываясь на таком богатом собрании письменных источников (в первую очередь, вероятно, церковных календарей и «Сборников известий о мучениках»), Евсевий обладал весьма точными хронологическими данными относительно жизни Климента. Он знал:

- А.* дату восшествия Климента на Римский престол,
- В* число лет понтификата и
- С.* год его кончины.

Еще раз подчеркнем, что для перечня сведений *А*, *В* и *С* (см. выше список римских епископов) Евсевий, весьма осторожно выбирает необходимые слова и лексические обороты; он никак не отмечает лексически мученическую кончину и избегает употребления существительных *τὸ μαρτύριον* или *ὁ μάρτυς*:

А. «на двенадцатом году царствования римского императора Домициана (81–96 гг.) Анаклета, бывшего двенадцать лет епископом Римской Церкви, сменил Климент», т. е. в 92 г.

В. «в течение девяти лет Климент возглавлял обучение Божественному слову», т. е. с 92–101 гг.

С. «Климент, епископ Римский, [τὸ μαρτύριον или ὁ μάρτυς] скончался (ἀναλύει τὸν βίον) в третий год царствования упомянутого римского императора (Траяна, 98–117 гг.)», т. е. в 101 г.

Таким образом, рассмотрение фрагмента о Клименте Римском в контексте «Церковной истории» Евсевия Кесарийского не позволяет однозначно заключить, какого рода была смерть Климента. Тем не менее, на основании употребления Евсевием глагола ἀναλύω и выражения ἀναλύει τὸν βίον, мы склоняемся к мнению о мученической кончине Климента.

³⁵ *Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλία δέκα. Λόγος Ε΄.* — Σ. 408.

³⁶ *Λόγος Ε΄.* — Σ. 440.

М. С. ПЕТРОВА

РЕЦЕПЦИЯ ДОНАТОВОЙ “ARS GRAMMATICA” КАССИОДОРОМ СЕНАТОРОМ*

В настоящей статье предпринимается попытка детального разбора грамматических текстов, принадлежащих римскому грамматисту Элию Донату (с. 350)¹ и Кассиодору Сенатору² (480 / 490–583) — одному из крупнейших просветителей раннего Средневековья. Целью работы является сравнительный анализ «Грамматического искусства» (*Ars grammatica*)^{3/4} Доната и грамматических текстов Кассиодора. Среди таковых — работа «Об орфографии» (*De orthographia*) и посвященная грамматике часть⁵ его «Установлений

* Работа выполнена в рамках проекта (№ 09–01–00063а): «Античное грамматическое знание и его восприятие в России в XVI веке», поддержанного РГНФ. В основу статьи положены материалы нашего доклада «Рецепция “Грамматической науки” Элия Доната Кассиодором, Исидором Севильским и Бедой» — см.: Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента В. Т. Пашуто. Москва, 14–17 апреля, 2009 г. Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 259–263.

¹ О времени жизни Доната см.: *Петрова М. С.* Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 22 (2008). С. 80–92.

² Об именах Кассиодора см.: *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007. С. 11. Примеч. 13, или см.: *Она же.* Макробий Амвросий Феодосий: просопографический очерк // Диалог со временем 6 (2001). С. 166. Примеч. 13.

³ См. *De Donati Arte Grammatica // Grammatici Latini / Ed. H. Keil. Vol. IV. Lipsiae, 1864 (далее — GL IV. Keil). P. 355–402.* Также см.: *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981 (далее — Holtz). P. 585–674.*

⁴ Кратко об источниках и содержании «Грамматического искусства» Доната см.: *Петрова М. С.* Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: “Ars minor” Доната // Диалог со временем 1 (1999). С. 295–305.

⁵ Этот фрагмент опубликован под названием “*Institutio de arte grammatica*” — см. GL VII. Keil. Lipsiae, 1880. P. 214–216.

наук божественных и мирских»⁶. Мы стремились определить степень использования Кассиодором Донатова «Грамматического искусства» и оказанного на него Донатом влияния. Кроме того, мы рассматривали контекст тех мест сочинений Кассиодора, в которых он упоминает римского грамматиста и приводит его текст.

«Об орфографии»

Работа Кассиодора «Об орфографии»⁷ состоит из 12 небольших разделов и представляет собой выдержки из текстов ранних авторов по орфографии (от Корнута до Присциана), которые, по мнению Кассиодора, могли быть полезными при обучении в школе. Свое изложение Кассиодор предваряет введением (Praefatio Cassiodori Senatoris [GL VII. Keil. P. 143-146]), точнее, перечнем авторов, из которых он делает заимствования (Ibid. P. 147 [1-15]). В первом разделе он приводит выдержки из Корнута (I. Ex Annaeo Cornuto de enuntiatione vel orthographia [Ibid. P. 147-154]); во втором — из Веллия Лонга (II. Ex Velio Longo [Ibid. P. 154-155]); в третьем — из Куртия Валериана (III. Ex Curtio Valeriano [Ibid. P. 155-158]); в четвертом — из Папирия (IV. Ex Papiriano [Ibid. P. 158-166]). В разделах с пятого по восьмой даны фрагменты из Адамантия Мученика. Так, в пятом — речь идет о буквах 'b' и 'v' (V. Ex Adamantio Martyrio de b et v [Ibid. P. 167-178]), в шестом — о средних слогах (VI. Ex Martyrio de mediis syllabis [Ibid. P. 178-185]), в седьмом — о конечных слогах (VII. Ex eodem de ultimis syllabis [Ibid. P. 185-193]), в восьмом — о букве 'b' (VIII. Ex eodem de b littera trifarium in nomine posita [Ibid. P. 193-199]), употребляемой в именах. В девятом разделе приводятся выдержки из Евтихия о придыхании (IX. Eutyichis de adspiratione [Ibid. P. 199-202]); в десятом — из Кайселия о правописании (X. Ex Caesellio orthographia collecta sunt [Ibid. P. 202-206]); в одиннадцатом — из Луция Кайкилия (Ex Lucio Caecilio Vindice deflorata sunt [Ibid. P. 206-207]); в двенадцатом — из Присциана (XII. Ex Prisciano moderno auctore decerpta sunt [Ibid. P. 207-

⁶ См. M. Aurelii Cassiodori de artibus ac disciplinis liberalium litterarum // Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. T. 70. Col. 1149C – 1220A, или см. Institutiones divinarum et saecularium litterarum / Ed. R. A. B. Mynors // Cassiodori Senatoris Institutiones. Oxford: Clarendon Press, 1937.

⁷ См.: Cassiodorus. De orthographia [далее — Cas. De orth.] // GL. VII. Keil. P. 143-210.

209]). В заключении трактата (Conclusio [Ibid. P. 209-210]) звучит наставление братьям по вере.

В целом, текст Кассиодора напоминает орфографический словарь, в котором дано правильное написание латинских слов. Ряд весьма характерных примеров позволит читателю получить представление об этом тексте:

GL VII. Keil. P. 149 (ll. 16-18).

*Vostra olim ita per o, hodie per e, ut advorsa adverse, pervorsa perverse, votare vetare, vortex vertex, convollere convellere, amploc-
tere amplectere.*

Раньше [слово] *vostra* через [букву] **o** [писали], ныне же [пишут] через [букву] **e**, как и [слова] *advorsa* — *adverse*, *pervorsa* — *perverse*, *votare* — *vetare*, *vortex* — *vertex*, *convollere* — *convellere*, *amploc-
tere* — *amplectere*.

GL VII. Keil. P. 153 (ll. 7-8).

*Vehemens et vemens apud antiquos et apud Ciceronem lego, aequae
prehendo et prendo, hercule et hercle, nihil et nil.*

[Слова] *vehemens* и *vemens* у древних и у Цицерона я читаю также, как *prehendo* и *prendo*, *hercule* и *hercle*, *nihil* и *nil*.

GL VII. Keil. P. 156 (ll. 8-9).

*Huiusce per c litteram scribendum est. Antiqui enim pronomibus
ce addebant, ut hicce, illicce, isticce, unde subtracta eadem novis-
sima syllaba ce relictum est hic illic istic.*

Huiusce следует писать через букву **c**. Ведь древние добавляли к местоимениям [слог] **ce**, как *hicce*, *illicce*, *isticce*; отсюда, если отбросить этот крайний слог **ce**, останутся *hic*, *illic*, *istic*.

GL VII. Keil. P. 158 (ll. 10-12).

*Ae syllaba, quam nunc in fine sermonis per diphthongon scribimus,
ut cogitationis magnae, apud antiquos per a et i scribebatur, ut esset
distantia genetivorum a dativus.*

[Слог] **ae**, который ныне мы пишем в виде дифтонга в конце слова, как например *cogitationis magnae* (=по большому размышлению), древние писали через [буквы] **a** и **i**, чтобы отделить [окончания] генетива от датива.

В подобных компиляциях имя Доната упомянуто Кассиодором дважды. Впервые ссылка на него встречается во введении к трактату, в том месте, в котором говорится о необходимости следования смыслу слов, а не грамматическим правилам (*Cas. De orth.: Praefatio* — GL VII. Keil. P. 145 [ll. 30-32]):

Scire autem debemus Donatum artigraphum de posituris ita tractasse, ut non ibi ordinem sed virtutes earum potius exprimere videatur.

Мы же должны знать, что о положении букв Донат говорил то, что, похоже, лучше следовать не их порядку, но скорее смыслу [сказанного] —,

что характерно для христианской традиции (вспомним слова папы Григория⁸). Еще одно, опосредованное, упоминание о Донате встречается у Кассиодора в разделе, восходящем к Папирию — оно касается разъяснения употребления и свойств латинских букв ‘u’ и ‘i’ (*Cas. De orth. IV. Ex Papiriano ista collecta sunt — GL VII. Keil. P. 161 [ll. 14-16]*), часто исполняющих роль согласных ‘v’ и ‘j’⁹:

Sic et Donatus dicit, quotiens u et i seu sibi seu aliis vocalibus praeponuntur, loco habendas esse consonantium.

Так и Донат говорит: сколько раз [буквы¹⁰] ‘u’ и ‘i’ или себе самим, или другим предстоят, для того, чтобы встать на место согласных.

«Установления о грамматическом искусстве»

В составленных для учеников монастырской школы «Установлениях в науках божественных и мирских», в разделе, посвященном грамматике (*Institutio¹¹ de arte grammatica*)¹², Кассиодор

⁸ См.: *Gregorius I. Moralia. Cap. 5 (Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. T. 75. Col. 516B)*. “...quia indignum uehementur existimo, ut uerba caelestis oraculi restringam sub regulis Donati — «...я полагаю совершенно недостойным подчинять слова божественного Откровения правилам Доната».

⁹ Напомним, что в письменности классической эпохи буквы ‘u’ и ‘i’ употреблялись для обозначения как гласных звуков [u] и [i], так и согласных — [v] и [j].

¹⁰ Понятия «буква» и «звук» часто смешиваются, однако, буква является лишь письменным знаком для выражения звука, в связи с чем, она не может быть ни согласной, ни гласной (долгой или краткой). Следуя предшествующей традиции, а также для краткости мы употребляем выражения: «гласная», «согласная», подразумевая «букву, означающую гласный (долгий / краткий) звук, или звук согласный».

¹¹ Скорее всего, *Institutio (Institutiones)* следует понимать как «Первоосновы» науки (что восходит к греческой традиции — *στοιχείωσις*) и обучение таким первоосновам (*στοιχείωσις*). Е. г.: *Epicurus Phil. ΔΩΔΕΚΑ ΣΤΟΙΧΕΙΩΣΕΙΣ ΠΕΡΙ ΔΩΡΩΝ ΚΑΙ ΧΑΡΙΤΟΣ*, ap. *Sext. Emp. Adv. Math. I, 49 // Teseurus Linguae Graecae 0537–15*.

¹² См.: *Cassiodorus. Institutio de arte grammatica [далее — Cas., Inst.] (GL VII. Keil. P. 214-216)*.

прямо заявляет, что следует именно Донату, несмотря на то, что ранее об этой науке уже писали такие авторы, как Палемон, Фока, Проб и Цензорин. Он полагает, что Донатово изложение в большей степени подходит для детей, а также тех, кто начинает изучать латинский язык. Далее, заметив, что учащимся необходимо *самостоятельно* ознакомиться с состоящей из двух частей «Грамматикой» Доната¹³, Кассиодор перечисляет рассматриваемые римским грамматистом темы из второй ее части (т. е. *Ars maior*)¹⁴, приводит фонетические, морфологические дефиниции, а также определения, связанные с фигурами речи, этимологией и орфографией.

В том, что касается фонетики, Кассиодор указывает лишь три совпадающие (терминологически и лексически) определения с Донатом — о букве (*littera*¹⁵), слоге (*syllaba*¹⁶) и стопе (*pes*¹⁷).

¹³ См. *Cas. Inst.* (GL VII. Keil. P. 214 [ll. 23-27] – 215 [l. 1]): “Sed quamvis auctores temporum superiorum de arte grammatica ordine diverso tractaverint suisque saeculis honoris decus habuerint, ut Palaemon, Phocas, Probus et Censorinus, nobis tamen placet in medium Donatum deducere, qui et pueris specialiter aptus et tironibus probatur accommodus, cuius gemina commenta reliquimus, ut supra quod ipse planus est fiat clarius dupliciter explanatus”. Пер. П. С. Карамитти-Бродской (далее — К.-Б.), см. в сб.: Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М.: АО Аспект-Пресс, 1994. Т. I (далее — Ант. I). С. 250-251.

¹⁴ См. *Cas. Inst.* (GL VII. Keil. P. 215 [ll. 1-30]). См. Ант. I. С. 251.

¹⁵ Ср.:

Cassiodorus. Institutiones
(GL VII. Keil. P. 215 [ll. 5-6])

Donatus. Ars maior [I, 2. De littera]
(GL IV. Keil. P. 368 [l. 9] = Holtz.
P. 603 [l. 6])

Littera est pars minima vocis articulatae.

Littera est pars minima vocis articulatae.

Буква есть малейшая часть ясного звука.

Здесь и далее приняты следующие обозначения: точные текстуальные совпадения выделены **полужирным курсивом**; отличия фонетического и морфологического характера — *курсивом*; подчеркиванием показаны отдельные, не изменяющие смысла, лексические отличия и нарушение порядка слов.

¹⁶ Ср.:

Cassiodorus. Institutiones
(GL VII. Keil. P. 215 [ll. 6-7])

Donatus. Ars maior [I, 3. De syllaba]
(GL IV. Keil. P. 368 [ll. 18-19] = Holtz.
P. 605 [l. 11])

Syllaba est comprehensio litterarum vel unius vocalis enuntiatio temporum carum.

Syllaba est comprehensio litterarum vel unius vocalis enuntiatio temporum carum.

Слог есть сочетание букв или выражение из одной гласной [буквы], различающийся долготой.

Определение звука (vox¹⁸) лишь в терминологическом отношении схоже с Донатовым; но оставшиеся — об ударе (tonos / accentus¹⁹) и пунктуации (positura²⁰) — вовсе отличны от него, как в лексике, так и в терминологии.

¹⁷ Ср.:

Cassiodorus. Institutiones
(GL VII. Keil. P. 215 [ll. 7-8])

Pes est syllabarum et temporum certa dinumeratio.

Стопа есть определенное количество слогов и количества (т. е. долготы).

“Tempus” в просодии и метрике обозначает «время» — количество гласного или слога.

¹⁸ Ср.:

Cassiodorus. Institutiones
(GL VII. Keil. P. 215 [ll. 4-5])

Vox articulata est aer percussus sensibilis auditu, quantum in ipso est. — Произнесенный звук есть сотрясение воздуха, осязаемое [нашим] слухом, сообразно [силе сотрясения], заложенной в нем самом.

¹⁹ Ср.:

Cassiodorus. Institutiones
(GL VII. Keil. P. 215 [l. 8])

Accentus est vitio carens artificiosa pronuntiatio. — Ударение есть безошибочное искусное произношение (пер. К-Б).

²⁰ Ср.:

Cassiodorus. Institutiones
(GL VII. Keil. P. 215 [ll. 8-9])

Positura sive distinctio est moderatae pronuntiationis apta repausatio. — Пунктуация или разбиение — это уместные паузы в упорядоченном произнесении.

Donatus. Ars maior [I, 4. De pedibus]
(GL IV. Keil. P. 369 [l. 16] = Holtz.
P. 607 [l. 6])

Pes est syllabarum et temporum certa dinumeratio.

Donatus. Ars maior [I, 1. De voce]
(GL IV. Keil. P. 367 [ll. 5-6] = Holtz.
P. 603 [l. 2])

Vox est aer ictus sensibilis auditu, quantum in ipso est. — Звук есть толчок воздуха, воспринимаемый [нашим] слухом, [с той силой], которая заложена в нем самом.

Donatus. Ars maior [I, 5. De tonis]
(GL IV. Keil. P. 371 [ll. 1-2] = Holtz.
P. 609 [l. 5])

Tonos alii ***accentus***, alii tenores nominant. — Ударение одни называют акцентом, другие — тоном.

Donatus. Ars maior [I, 6. De posituris]
(GL IV. Keil. P. 372 [ll. 15-16] = Holtz.
P. 612 [ll. 2-3])

Tres sunt omnino *positurae vel distinctiones*, quas Graeci *θέσεις* vocant, *distinctio*, *subdistinctio*, *media distinctio*. — Всего есть три [вида] пунктуации или разбиения, которые греки называют *θέσεις* [т. е. позицией; слоговой долготой по положению]: разделение, подразделение, среднее разделение.

Морфологический раздел Кассиодора содержит определения частей речи, которых, как и у Доната, восемь²¹. Их последовательность такова:

- 1. имя (*nomen*²²),
- 2. местоимение (*pronomen*²³),

²¹ Ср.:

Cassiodorus. Inst.
(GL VII. Keil. P. 215
[ll. 9-11])

Partes autem orationis sunt octo, nomen pronomen verbum adverbium participium coniunctio praepositio interiectio.

Частей (же) речи восемь: имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие.

Здесь и ниже мы приводим сравнение определений Кассиодора с двумя частями Донатовой *Ars grammatica*. О титулатуре *Ars grammatica* см.: *Петрова М. С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 22 (2008). С. 80-81. Примеч. 2.*

²² Ср.:

Cassiodorus. Inst.
(GL VII. Keil. P. 215
[ll. 11-13])

Nomen est pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterve significans, proprie, ut Roma Tiberis, communiter, ut urbs flumen.

Имя есть часть речи с падежом, обозначающее живое существо или предмет в собственном [значении] или в общем; в собственном [значении], как “Roma” («Рим»), “Tiberis” («Тибр»), в общем, как “urbs” («город»), “flumen” («река»).

²³ Ср.:

Cassiodorus. Inst. (GL VII. Keil. P. 215 [ll. 13-14])

Donatus. Ars maior [II, 1. *De part.*] (GL IV. Keil. P. 372 [ll. 25-26] = Holtz. P. 613 [ll. 3-4])

Partes orationis sunt octo, nomen pronomen verbum adverbium participium coniunctio praepositio interiectio.

Donatus. Ars minor [1. *De part. or.*] (GL IV. Keil. P. 355 [ll. 2-3] = Holtz. P. 585 [ll. 4-5])

Partes orationis quot sunt? — Octo... Nomen pronomen verbum adverbium participium coniunctio praepositio interiectio. — Сколько частей речи? — Восемь... — Имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие.

Don. Ars maior [II, 2. *De nom.*] (GL IV. Keil. P. 373 [ll. 1-2] = Holtz. P. 614 [ll. 2-3])

Nomen est pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterve significans, proprie, ut Roma Tiberis, communiter, ut urbs flumen.

Don. Ars minor [2. *De nom.*] (GL IV. Keil. P. 355 [ll. 5-6] = Holtz. P. 585 [ll. 7-8])

Nomen quid est? — Pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterve significans. — Что такое имя? — Часть речи с падежом, обозначающая живое существо или предмет в собственном [значении] или в общем.

Donatus. Ars maior [II, 11. *De pron.*] (GL IV. Keil. P. 379 [ll. 23-24] = Holtz. P. 629 [ll. 2-3])

Don. Ars minor [3. *De pron.*] (GL IV. Keil. P. 357 [ll. 2-3] = Holtz. P. 588 [ll. 2-3])

- 3. глагол (*verbum*²⁴),
- 4. наречие (*adverbium*²⁵),

Pronomen est pars orationis quae pro nomine posita tantundem paene significat personamque interdum recipit.

Местоимение есть часть речи, которая употребляется вместо имени, обозначая почти то же [самое], а иногда принимает лицо.

²⁴ Ср.:

Cassiodorus. Inst.
(GL VII. Keil. P. 215 [ll. 14-15])

Verbum est pars orationis cum tempore et persona sine casu. — Глагол есть часть речи, [изменяемая] по времени и лицу, без падежа.

Pronomen est pars orationis quae pro nomine posita tantundem paene significat personamque interdum recipit.

Don. Ars maior [II, 12. De verbo] (GL IV. Keil. P. 381 [ll. 14-15] = Holtz. P. 632 [ll. 5-6])

Verbum est pars orationis cum tempore et persona sine casu aut agere aliquid aut pati aut neutrum significans. — Глагол есть часть речи, [изменяемая] по времени и лицу, без падежа, обозначающая что некто или совершает действие, или претерпевает его, или [же само действие] никем не совершаемое (т. е. безличное).

Pronomen quid est? Pars orationis, quae pro nomine posita tantundem paene significat personamque interdum recipit. — Что такое местоимение? — Часть речи, которая употребляется вместо имени, обозначая почти то же [самое], а иногда принимает лицо.

Don. Ars minor [4. De verbo] (GL IV. Keil. P. 359 [ll. 4-5] = Holtz. P. 591 [ll. 6-7])

Verbum quid est? — Pars orationis cum tempore et persona sine casu aut agere aliquid aut pati aut neutrum significans. — Что такое глагол? — Часть речи, [изменяемая] по времени и лицу, без падежа, обозначающая что некто или совершает действие, или претерпевает его, или [же само действие], никем не совершаемое (т. е. безличное).

Полужирным шрифтом здесь и ниже показаны лексические соответствия между *Ars maior* и *Ars minor*.

²⁵ Ср.:

Cassiodorus. Inst.
(GL VII. Keil. P. 215 [ll. 15-17])

Adverbium est pars orationis quae adiecta verbo significationem eius explanat atque implet, ut ‘iam faciam’ vel ‘non faciam’.

Наречие есть часть речи, объясняющая, а также уточняющая значение того слова, к которому прибавляется, как ‘iam faciam’ («сейчас сделаю») или ‘[iam] non faciam’ («не буду делать [сейчас]»).

Don. Ars maior [II, 13. De adverbio] (GL IV. Keil. P. 385 [ll. 11-12] = Holtz. P. 640 [ll. 2-3])

Adverbium est pars orationis, quae adiecta verbo significationem eius explanat atque inplet, ut iam faciam vel non faciam.

Don. Ars minor [5. De adverbio] (GL IV. Keil. P. 362 [ll. 15-16] = Holtz. P. 595 [ll. 25-26])

Adverbium quid est? — Pars orationis, quae adiecta verbo significationem eius explanat atque inplet. — Что такое наречие? — Часть речи, объясняющая, а так же уточняющая значение того слова, к которому прибавляется.

- 5. причастие (*participium*²⁶),
- 6. союз (*coniunctio*²⁷),
- 7. предлог (*praepositio*²⁸),

²⁶ Ср.:

Cassiodorus. Inst.
(GL VII. Keil. P. 215
[ll. 17-19])

Participium est pars orationis dicta, quod partem capiat nominis, partem verbi: recipit enim a nomine genera et casus, a verbo tempora et significationes, ab utroque numeros et figuras.

Причастие есть часть речи, названная так потому, что частично она принимает [свойства] имени, частично — глагола: от имени [причастие] принимает род и падежи, от глагола — времена и значения, от обоих — числа(-о) и фигуру(-ы).

²⁷ Ср.:

Cassiodorus. Inst.
(GL VII. Keil. P. 215
[l. 20])

Coniunctio est pars orationis adnectens ordinansque sententiam.

Союз есть часть речи, связывающая предложение и придающее ему порядок.

²⁸ Ср.:

Cassiodorus. Inst.
(GL VII. Keil. P. 215
[l. 20-22])

Praepositio est pars orationis quae praeposita aliis partibus orationis significationem earum aut mutat aut complet aut minuit.

Предлог есть часть речи, которая, будучи помещенной перед другими частями речи, изменяет или дополняет, или опровергает их значение.

Don. Ars maior [II, 14.
De partic.] (Keil. P. 387
[ll. 18-20] = Holtz.
P. 644 [ll. 2-4])

Participium est pars orationis dicta, quod partem capiat nominis, partem verbi. Recipit enim a nomine genera et casus, a verbo tempora et significationes, ab utroque numerum et figuram.

Donatus. Ars minor [6. De participio] (GL IV. Keil. P. 363 [ll. 13-15] = Holtz. P. 597 [ll. 5-6])

Participium quid est? — Pars orationis partem capiens nominis, partem verbi; nominis genera et casus, verbi tempora et significationes, utriusque numerum et figuram. — Что такое причастие? — Часть речи, частично принимающая [свойства] имени, частично — глагола: от имени — род и падежи, от глагола — времена и значения, от обоих — число и фигуру.

Don. Ars maior [II, 15.
De con.] (GL IV. Keil.
P. 388 [l. 28] = Holtz.
P. 646 [l. 14])

Coniunctio est pars orationis adnectens ordinansque sententiam.

Donatus. Ars minor [7. De coniunctio] (GL IV. Keil. P. 364 [ll. 33-34] = Holtz. P. 599 [l. 13])

Coniunctio quid est? — Pars orationis adnectens ordinansque sententiam. — Что такое союз? — Часть речи, связывающая предложение и придающее ему порядок.

Don. Ars maior [II, 16.
De praep.] (GL IV.
P. 389 [ll. 19-20] =
Holtz. P. 648 [ll. 4-5])

Praepositio est pars orationis quae praeposita aliis partibus orationis significationem earum aut mutat aut complet aut minuit.

Donatus. Ars minor [8. De praepositio] (GL IV. Keil. P. 365 [ll. 10-11] = Holtz. P. 600 [ll. 8-9])

Praepositio quid est? — Pars orationis quae praeposita aliis partibus orationis significationem earum aut complet aut mutat aut minuit. — Что такое предлог? — Часть речи, которая, будучи помещенной перед другими частями речи, дополняет или изменяет, или опровергает их значение.

•8. междометие (*interiectio*²⁹).

Очевидно, что точные параллели между текстами Кассиодора и Доната имеются в тех случаях, когда речь идет об определениях имени (существительного / прилагательного), местоимения, наречия, причастия (за исключением отдельных падежных окончаний) и союза. Определение глагола Кассиодор приводит в сокращенном виде, опуская последнюю часть, в которой сначала речь идет о действии, осуществляемом самим лицом или предметом, или же действии ими претерпеваемом (что в современной морфологии описывается с точки зрения субъектно-объектных отношений, а также в терминах принадлежности глагола к действительному или страдательному залогу); затем — о действии вне его связи с лицом или предметом, т. е. безотносительном к ним. Что касается определения предлога, то можно сказать, что оно лишь подтверждает слова Кассиодора о том, что он следует именно *Ars maior*³⁰, так как у самого Доната порядок слов в этом определении несколько изменен: “mutat – conplet” записано в *Ars maior* (как и у Кассиодора), “conplet – mutat” — в *Ars minor*, что, конечно, не отражается на смысле. Однако приведенное Кассиодором определение для междометия, в

²⁹ Ср.:Cassiodorus. Inst.
(GL VII. Keil. P. 215
[ll. 22-23])

Donatus. Ars maior [II, 17. De interiectio] (GL IV. Keil. P. 391 [ll. 26-28] = Holtz. P. 652 [ll. 5-7])

Don. Ars minor
[9. De interiectio]
(GL IV. Keil. P. 366
[ll. 13-14] = Holtz.
P. 602 [l. 2])

Interiectio est pars orationis significans mentis affectum voce incondita. — Междометие есть часть речи, выражающая эмоциональное состояние души, взволнованным голосом.

Interiectio est pars orationis interiecta aliis partibus orationis ad exprimentos animi adfectus; aut metuentis, ut ei [eu], aut optantis, ut o; aut dolentis, ut [heia et] heu; aut lactantis, ut eha. — Междометие есть часть речи, помещаемая между других частей речи для выражения душевных аффектов, или боязни, как ‘ei [eu]’, или желания, как ‘o’?, или страдания, как [‘heia’] и ‘heu’, или соблазна, как ‘eha’.

Interiectio quid est? — Pars orationis significans mentis affectum voce incondita. — Что такое междометие? — Часть речи, выражающая эмоциональное состояние души взволнованным голосом.

³⁰ См. выше, примеч. 14.

отличии от предыдущих и последующих, полностью восходит к *Arg minor*.

Далее Кассиодор приводит дефиниции:

- фигур речи (*schema*)³¹,
- этимологии (*etymologia*)³²,
- орфографии (*orthographia*)³³.

Если два последних определения (касающиеся этимологии и орфографии) вовсе отсутствуют у Доната, то первое из них отлично от текста Доната. Оно посвящено оборотам речи и имеет отношение, скорее, к риторике и стилистике, чем к грамматике — т. е. к тому, что не вносит никакой дополнительной информации в предложение, хотя и изменяет его эмоциональную окраску. Сам Кассиодор сопровождает его дополнительным объяснением, добавляя, что различного вида «фигуры речи», в количестве 98, были собраны и записаны Сацердотом³⁴, причем в их число входят и те, кото-

³¹ Ср.:

Cassiodorus. Institutiones
(GL VII. Keil. P. 215 [ll. 23-24])

Donatus. Ars maior [III, 5. De schematibus] (GL IV. Keil. P. 397 [ll. 5-6] = Holtz. P. 663 [ll. 5-6])

Schemata sunt transformationes sermonum vel sententiarum ornatus causa posita... — Фигуры речи — это перестановки в речах и фразах, используемые для украшения...

Schemata lexeos *sunt* et dianoeas, id est figurae verborum et sensum. — Фигуры речи — это лексемы и дианои, то есть фигуры речи и предложений.

В первой части определения Донат воспроизводит греческие термины (*schemat-a* — от *σχῆμα, ατος*; *lexe-os* — от *λέξις, εως*; *dianoe-as* — от *διάνοια, ῆ*) с падежными окончаниями, употребляемыми в латинском языке (соответственно: Nom. Pl.; Acc. Pl.).

³² Ср. *Cas. Inst.* (GL VII. Keil. P. 215 [ll. 31-32]): “*Etymologia est aut vera aut veri similis demonstratio declarans, ex qua origine verba descendant*”. — Этимология есть или истинное, или похожее на истинное разъяснение, показывающее из какого источника произошло слово.

³³ Ср. *Cas. Inst.* (GL VII. Keil. P. 215 [ll. 32-33]): “*Orthographia est rectitudo scribendi nullo errore vitiata, quae manum componit et linguam*”. — Орфография есть [обучение тому], как надлежит правильно писать, без ошибок и изъянов; она [упражняет] руку и воспитывает речь.

³⁴ Вероятно, речь идет о Марии Плотине Сацердоте, которому принадлежат первые две части работы *Artium grammaticarum*, в которой имеется раздел *De tropis* (см. GL VI. Keil. P. 460-470).

рые Донат поместил среди ошибочных. Далее Кассиодор высказывает несогласие с мнением Доната, утверждая, что неправильно считать ошибочным то, что подтверждено авторитетными примерами, взятыми у древних авторов, и особенно божественным законом³⁵.

В целом все свидетельствует о том, что Кассиодор, сославшись, как принято, на авторитетное имя использовал не Донатово «Грамматическое искусство», а некий другой текст, более поздний по времени, в который были включены Донатовы дефиниции. Такое заключение подтверждает и избранный Кассиодором компилятивный метод написания работы «Об орфографии».

Конечно, остается вероятность того, что Кассиодор использовал текст Доната напрямую, без посредника, позаимствовав у него лишь то, что, по его мнению, отвечало педагогическим нуждам школы Вивария, дополнив этот материал сведениями из других текстов. Однако с большей вероятностью Кассиодор использует Донатов текст опосредованно.

Что касается терминологии Кассиодора, то она традиционна и не восходит к Донату³⁶.

³⁵ См. *Cas. Inst.* (GL VII. Keil. P. 215 [ll. 24-28]): “...quae a quodam artigrapho nomine Sacerdote collecta fiunt numero nonaginta et octo, ita tamen ut quae a Donato inter vitia posita sunt in ipso numero collecta claudantur, quod et mihi quoque durum videtur, vitia dicere quae auctorum exemplis et maxime legis divinae auctoritate firmantur”.

³⁶ В пример можно привести тексты Харисия и Диомеда (современников Доната), оперирующих в своих «Грамматиках» такой же терминологией, восходящей к Александрийской школе. См. *Flavii Sosipatri Charisii Artis grammaticae libri V* // GL I. Keil. P. 1-6 [1-296]; *Diomedis Artis grammaticae libri III* // GL I. Keil. P. 300-529.

М. М. ГОРЕЛОВ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОНЦЕ СВЕТА (ПО «ПРОПОВЕДИ ВОЛКА АНГЛАМ» АРХИЕПИСКОПА ВУЛЬФСТАНА)*

Темпоральные представления в христианской мысли раннего Средневековья основывались на обусловленной религиозными представлениями концепции линейного времени. В отличие от цикличности, присущей языческому восприятию времени, для христиан, особенно образованных клириков¹, составлявших, по сути, всю немногочисленную учёную элиту Запада той эпохи, время имело характер прямого вектора, направленного из древнего (дохристианского) прошлого к кульминационным событиям мировой истории — рождению, жизни, распятию и воскресению Христа, и далее — к ожиданию конца света и Страшного Суда. Это ожидание выражалось, в частности, в неоднократных всплесках миллениаристских настроений, связанных с той или иной круглой календарной датой, но могло также выражаться иначе — в предвкушении конца света под влиянием каких-либо политических и социальных катаклизмов, потрясавших время от времени ту или иную страну. Подобные катаклизмы — крупные нашествия завоевателей, стихийные бедствия, социальные потрясения, эпидемии — обычно влекли за собой не только массовые жертвы среди населения, но и деструкцию упорядоченных моделей бытия, вызывая тем самым психологический кризис у современников, крушение в их сознании привычных устоев миропорядка, что воспринималось как признаки грядущего конца этого мира. В рассматриваемом ниже труде англосаксонского церковного мыслителя XI века хорошо заметно, как целый комплекс подобных проблем, обрушившихся на его родину, складывается в общую картину апокалиптических ожиданий.

* Статья выполнена в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

¹ Простой народ, крестьяне, практически на протяжении всего Средневековья сохраняли, по сути, языческое мировосприятие, прикрытое тонким слоем официальной религии, что было обусловлено самим образом жизни и укладом хозяйства земледельца.

«Проповедь Волка англам» (*Sermo lupi ad anglos*) — замечательный памятник англосаксонской церковной литературы и риторики XI в. Она была сочинена видным английским прелатом и церковным подвижником Вульфстаном, архиепископом Йоркским и епископом Вустерским, в 1014 г.², в критический для страны момент завоевания и разграбления её датскими войсками. Псевдоним «Волк», взятый Вульфстаном, по-видимому, происходит напрямую из первой части его имени, дословно означающей «волк» в большинстве германских языков. Поскольку содержание этого произведения напрямую связано с историческим событийным контекстом, необходимо вкратце рассмотреть последний, чтобы в полной мере уяснить всю сложность ситуации, в которой оказалась английская государственность к моменту создания этого произведения.

Если IX век прошёл для Англии под знаком вторжений викингов, приведших к скандинавской колонизации значительной части страны и образованию Области Датского права (Денло), то X век ознаменовался своего рода «англосаксонской Реконкистой», начатой ещё Альфредом Великим и развернувшейся в полную силу при его потомках — Эдуарде Старшем (899–924), Этельстане (924–939), Эдмунде (939–946) и Эдведе (946–955). В результате Англия была объединена в единое королевство под гегемонией Уэссекса, а прежде независимая Область Датского права огнём и мечом приведена им к покорности. Новообразованное Английское королевство переживало подъём³. Но после вступления на престол Этельреда II (978–1016) набеги норманнов на Англию возобновились. В историографии бытуют противоречивые мнения о причинах и характере этого движения. Одни исследователи делают акцент на том, что набравший силу во второй половине X в. процесс формирования ранней государственности в Скандинавии, сопровождавшийся усилением королевской власти, привел к перерастанию обычных походов викингов, осуществлявшихся отдельными представителями знати, в централизованную военную экспансию под руководством королей (конунгов)

² <http://english3.fsu.edu/~wulfstan/>

³ Ч. Оман называл правление короля Эдгара «золотым веком», когда авторитет Англии, превратившейся из прежнего конгломерата варварских королевств в относительно единое, сильное государство, вырос во всей Европе. *Oman C. England before the Norman Conquest*. L.: Methuen, 1938. P. 543.

с целью территориальных присоединений⁴. Другие историки заостряют внимание на том, что походы викингов в этот период осуществлялись зачастую как раз теми представителями скандинавского общества, которые боролись против централизации и сопровождавшей её насильственной христианизации. Проигравшие в этой борьбе вынуждены были бежать за море в поисках новых мест для проживания и средств к существованию, и неудивительно, что значительная часть изгнанников выбрала привычные занятия викингов — пиратство, наёмничество и т.п. В частности, многие из них нашли прибежище в портах Нормандии, откуда совершали набеги на Англию⁵.

Завоевательные походы скандинавов конца X–XI вв. часто принимали государственный масштаб и возглавлялись конунгами, но с другой стороны, значительная масса набегов осуществлялась небольшими отрядами пиратствующих вольных предводителей или правителей мелких государств викингов, расположенных на островах Ирландского и Северного морей, в Ирландии, Камберленде.

Так или иначе, походы скандинавов в Англию возобновились, и в итоге вылились в завоевание страны датским королём Свейном Вилобородым и его сыном Кнудом. Среди причин поражений англосаксов следует упомянуть эгоистические, а порой и откровенно предательские настроения знати, как высшей, так и локальной. Неоднократно имели место случаи сговора представителей местной элиты с лидерами викингов: в одних случаях это делалось из стремления спасти свою вотчину ценой разграбления викингами соседнего графства или местности, в других — из-за традиционного сепаратизма бывших районов Денло, всегда тяготевших к прежней независимости от уэссекских королей и поддерживавших все нашествия скандинавов, в третьих — из-за явного нежелания сражаться и жертвовать своей жизнью или из корыстных интересов. В 1009 г. из-за междоусобной распри магнатов Бритрика и Вульфнота фактически погиб английский флот, высланный против датчан. Сказывалось «регионалистское» сознание знати, отождествлявшей свои интересы

⁴ Sawyer P. *Kings & vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100*. L., 1982, P. 147; Stafford P. *Unification & conquest: a political and social history of England in the X & XIth centuries*. L., 1989. P. 65, 117.

⁵ The Anglo-Saxon Chronicle // *English Historical Documents*. Vol. 1. L., Eyre & Spottiswood, 1953 (далее — ASC/EHD). P. 216.

не столько с абстрактным «отечеством», сколько с собственными владениями, а также преобладание настроений феодальной анархии в среде крупной аристократии, обретшей значительную силу и самостоятельность в ходе войн со скандинавами в X в. и «распоясавшейся» при слабом, безвольном короле. Наконец, стихийные бедствия — голод 1005 г., наводнение 1014 г. — усугубляли весь этот комплекс проблем, преследовавших Этельреда и его королевство.

«Столь велик был страх перед данами, — повествует летописец, — что никто и думать не мог о том, как изгнать их из страны или защитить её от них»⁶. Этот отрывок даёт представление о той панике и беспомощности, в которой пребывала королевская администрация, не говоря уж о населении. Помимо прочего, датчане захватили церковную столицу Англии — Кентербери — и взяли в заложники архиепископа Эльфги и ряд других церковных иерархов⁷. Раздражённые проволочками с выплатой дани, викинги зверски убили архиепископа, позднее причисленного к лику святых и почитавшегося в Англии как мученика⁸. Хронист сетовал: «Не было предводителя, собравшего бы войско... Когда враги были на юге, армия была на севере, когда они были на востоке — армия на западе... Ни биться с ними толком не могли, ни даже дань вовремя собрать...»⁹.

В 1013 г. начался решающий этап датского завоевания Англии (1013–1017 гг.), характеризовавшийся переходом от тактики пиратских экспедиций датчан к широкомасштабным боевым действиям на территории Англии непосредственно с целью её завоевания. В условиях продолжавшейся бездеятельности и деморализации английских властей Свейн с войском практически беспрепятственно совершил поход через всю Англию, всюду встречая выражение лояльности со стороны местной знати; уже ничто не препятствовало Свейну занять английский престол с соблюдением всех легитимизирующих процедур (коронации, и т.п.), но он внезапно умер 3 февраля 1014 г.¹⁰ Далее последовала вооружённая борьба между Этельредом, а затем его наследником Эдмундом Железнобоким, и сыном Свейна Кнудом,

⁶ ASC/EHD. P. 221.

⁷ Ibid. P. 220–222.

⁸ ASC/EHD. P. 222.

⁹ ASC/EHD. P. 221.

¹⁰ ASC/EHD. P. 223; Oman C. Op. cit. P. 574.

завершившаяся победой Кнута и приходом к власти в Англии датской династии (в его лице). Именно в период краткого затишья между смертью Свейна и дальнейшими военными действиями и увидела свет проповедь Вульфстана — в трагический для страны момент разорения и опустошения её иноземными войсками.

Датское нашествие сопровождалось значительными жертвами и разрушениями, трудностями, связанными с выплатой викингам дани, размер которой возрастал год от года¹¹. Полтора десятилетия военных действий почти на всей территории страны не могли не нанести ей серьёзного демографического и материального урона. Ежегодные записи хронистов свидетельствуют о крайней разрушительности набегов скандинавов; типичная фраза, характеризующая эти набеги: «Даны повсеместно жгли, убивали, разрушали всё вокруг, как обычно»¹². М. Лоусон видит в этом не банальную варварскую брутальность, а своего рода расчёт: чем больше были жертвы и разрушения, тем больше страх и, соответственно, больше готовность выплатить выкуп, лишь бы поскорее избавиться от незваных гостей, способных продолжать свои деяния в том же духе¹³. Это соответствовало средневековой практике войны, когда вместе с противником уничтожались его деревни, челядь, имущество, скот, посевы, и т.д.

Большие потери пришлись на долю военного сословия тэнов, а также защитников крепостей (бургов). Не зная в точности их число, можно, тем не менее, говорить о том, что они были весьма существенными, особенно в последний период войны; битвы Эдмунда Железнодорожного с датчанами отличались исключительной кровопролитностью, а о решающей битве при Эшингдоне (1016) хронист вообще писал, что «вся знать Англии погибла там»¹⁴. Хотя это эмоциональное преувеличение, оно подчёркивает серьёзность потерь. Что же касается прочего населения, то здесь цифры неизвестны, и приходится полагаться лишь на упоминавшиеся выше констатации хронистами крайней разрушительности набегов скандинавов.

¹¹ Тяжким бременем для страны стала постоянная выплата викингам «датских денег», сумма которых выросла с 16 тыс. до 72 тыс. фунтов серебром за период с 994 по 1018 г. (Ibid. P. 228).

¹² См.: ASC//EHD. P. 212–227.

¹³ Lawson M. K. *Cnut: the Danes in England in the early XI century*. L.; N.Y., 1993. P. 161.

¹⁴ ASC//EHD. P. 227.

Переходя непосредственно к проповеди Вульфстана, надо отметить, что крайне интересным и в своём роде знаковым моментом является обращение Вульфстана к другому памятнику английской традиции историописания — труду кельтского (бриттского) историка Гильдаса «О разорении Британии», посвящённому нашествию англосаксов на Британские острова в V–VI вв., которое протекало в сходных условиях и привело к похожим результатам — разрушению прежней государственности, опустошению страны и переходу власти в руки пришельцев из-за моря. Гильдас Мудрый (*Gildas Sapiens*) (ок. 490–570) был представителем христианской романо-кельтской культуры. В “*De excidio Britanniae*” Гильдас с морализаторских позиций осуждает своих соплеменников-бриттов, за грехи которых остров подвергся нашествию англо-саксов. В сочинении приводятся различные сведения об истории Британии, хотя их нелегко различить среди библейских цитат и риторических иносказаний автора. В одном из сохранившихся манускриптов труд Гильдаса называется «Печальной книгой о бедствиях, разорении и завоевании Британии» (“*Liber querulus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae*”).

Сюжетные и риторические параллели между произведениями Гильдаса и Вульфстана, разделёнными промежутком в несколько столетий, заметны невооружённым глазом — прежде всего потому, что англо-саксонское и датское нашествия протекали по похожему сценарию, имели, по сути, одни и те же результаты и одинаково воспринимались современниками данных событий. Жестокое разорение страны, гибель значительной части властной элиты и населения, переход короны в руки новых хозяев вызывали в сознании людей, особенно церковных интеллектуалов (вроде Гильдаса или Вульфстана), ощущение конца света, Апокалипсиса, когда привычные устои мирной жизни неумолимо рушились, и это требовало какого-то объяснения. Данные реалии как нельзя лучше укладывались в рамки библейского представления о линейном времени, которое неизбежно закончится бедствиями и концом мира, описанными в «Откровении Иоанна Богослова». Естественной прелюдией к этому концу, с точки зрения церковных мыслителей, должна была быть нарастающая деградация христианской нравственности, распространение грехов и всевозможной аморальности, следствием чего, в свою очередь, должен был быть тотальный кризис и упадок общественных институтов

и государства. Нельзя не отметить в этой связи, что Вульфстан довольно точно отразил этот мотив, навеянный реальными событиями царствования Этельреда — ослаблением королевской и местной власти, многочисленными случаями трусости и предательства со стороны английских магнатов, уклонявшихся от своих военных обязанностей и фактически продававших страну захватчикам в угоду своим интересам, неспособностью властей организовать эффективную оборону. К сожалению, в нашем распоряжении нет столь же исчерпывающих сведений о состоянии британского общества и государственности в период вторжения англо-саксов, ввиду скудной источниковой базы, но напрашивается логичный вывод, что Гильдасу приходилось наблюдать аналогичные явления, поскольку его оценка ситуации абсолютно созвучна проповеди Вульфстана, опираясь, по сути, на одни и те же каноны средневекового историописания.

Рассмотрим, какие же признаки грядущего конца света выделяет Вульфстан в своей проповеди. Во вступлении к ней содержится сама по себе мысль о скором пришествии Антихриста, хорошо известная ещё по библейскому «Откровению Иоанна Богослова»:

«...Воистину: этот мир приближается к своему концу. И дела в этом мире идут чем дальше, тем хуже, и, должно быть, будут ухудшаться всё быстрее по причине греховных деяний людей день ото дня, пока не придёт Антихрист... Дьявол ведёт этот народ к краху столь долгие годы... Слишком много преступлений царит в стране, и слишком много людей свободно от должного воздаяния, и ежедневно громоздят одно зло на другое, и совершают несправедливости, и многочисленные нарушения закона по всей этой стране...»¹⁵.

Интересным риторическим приёмом является сравнение христиан с язычниками, которые оказываются добродетельнее в рамках

¹⁵ <http://english3.fsu.edu/~wulfstan/noframes.html>: “Leofan men gecnawað þæt soð is: ðeos worolde is on ofste & hit nealæcð þam ende. & þy hit is on worolde aa swa leng swa wyrse, & swa hit sceal nyde for folces synnan fram dæge to dæge, ær antecristes tocyme, yfelian swyþe. & huru hit wyrð þænne egeslic & grimlic wide on worolde. Understandað eac georne þæt deofol þas þeode nu fela geara dwelode to swyþe, & þæt lytle getreowþa wæran mid mannum, þeah hy wel spræcan. & unrihta to fela ricsode on lande, & næs a fela manna þe smeade ymbe þa bote swa georne swa man scolde, ac dæghwamlice man ihte yfel æfter oðrum, & unriht rærde & unlaga manege ealles to wide gynd ealle þas þeode”.

своей религии, нежели плохо исполняющие предписания христианской веры англосаксы:

«В языческих землях никто не смеет невыполнять того, что предписано культом (их) неверных богов; а мы пренебрегаем божеским долгом слишком часто. В языческих землях никто не смеет взять в храме или вне храма то, что принесено (их) неверным богам в качестве жертвы. А мы совсем лишили храмы божьи каких-либо приношений... и слуги божьи повсюду лишены почёта и защиты. Многие говорят, что среди язычников никто не смеет обижать служителей (их) неверных богов так, как это широко делается сейчас по отношению к служителям Бога здесь, где христиане должны соблюдать закон божий и защищать слуг божьих»¹⁶.

Сравнение с язычниками интересно ещё и потому, что датчане ко времени описываемых событий не были окончательно христианизированы. Хотя христианство насаждалось скандинавскими королями начиная с IX в., христианизация была крайне поверхностной, и большинство населения фактически исповедовало двоеверие или обрядоверие. Сам король Свейн Вилобородый был фактически человеком языческой ментальности (при формальном крещении), и, таким образом, датское войско, вторгшееся в Англию под его началом, не без оснований могло расцениваться англосаксами, как и предшествующие отряды викингов, опустошавшие страну в IX–X вв., в качестве язычников, в отличие от местных англо-скандинавов, пустивших прочные корни на английской земле и более твёрдых в христианской вере. Так или иначе, риторический приём сравнения добродетелей противника с целью укора в адрес своих соотечественников — весьма характерная черта средневековой и даже античной литературы, хорошо известная, например, по «Германии» Тацита.

Идеалом для Вульфстана вполне в духе его времени видится царствование короля Эдгара — «золотой век» мира и спокойствия, разительно контрастирующий с датским разорением: «Истинно гла-

¹⁶ Ibid.: “On hæpenum þeodum ne dear man forhealdan lytel, ne micel, þæs þe gelagod is to gedwolgoda weorðunge, & we forhealdað æghwær Godes gerihta ealles to gelome. & ne dear man gewanian on hæpenum þeodum, inne ne ute, ænig þæra þinga þe gedwolgoda broht bið & to lacum betæht bið. & we habbað Godes hus, inne & ute, clæne berypte ælcra gerisena, & Godes þeowas syndan mæþe & munde gewelhwær bedælde. & sume men secgað þæt gedwolgoda þenan ne dear man misbeodan on ænige wisan mid hæpenum leodum, swa swa man Godes þeowum nu ded to wide, þær Cristene scoldan Godes lage healdan & Godes þeowas griðian”.

голю: необходимо искупление, ибо с тех пор, как умер Эдгар, обязанности (людей) перед Богом столь долго уменьшались в каждом районе этой страны, и законы людские попирались столь много»¹⁷.

От упадка в области нравственности и религии Вульфстан переходит к социальным противоречиям, свидетельствующим о приближении «конца времён» и занимающим одно из центральных мест в проповеди. Как и большинство церковных мыслителей той эпохи, он не утруждает себя анализом каких-либо социальных или политических причин этих негативных явлений; напротив, они имеют провиденциалистское обоснование, неотделимое от общего кризиса нравов и веры в обществе, и мотивируются божьим промыслом:

«Вдовы повсюду вынуждены вступать в брак нечестными путями, и слишком многие (из них) доведены до бедности и совершенно унижены; бедняков предают и жестоко с ними обращаются, и многих, невинных, продают во власть иноземцев... Детей порабощают путём жестоких несправедливостей... Права у свободных людей отнимают, а у рабов — уменьшают... Свободные люди не могут ни сохранить свою свободу, ни ехать туда, куда желают, ни распоряжаться своей собственностью, как им хочется; рабы не могут иметь своей собственности, хотя в то же время у них есть повинности в виде тяжёлого труда... Каждый уменьшает свои благотворительные обязанности перед Богом, а то и пренебрегает ими... Несправедливость и беззаконие стали слишком общераспространёнными и слишком милыми людям. Короче говоря, законы божьи ненавидимы, и учение его презираемо; таким образом, все мы часто опозорены гневом божьим... И этот недостаток станет всеобщим... у всего народа, хотя Господь и хранит нас»¹⁸.

¹⁷ Ibid.: “Ac soð is þæt ic secge: þearf is þære bote forþam Godes gerihta wædan to lange innan þysse þeode on æghwylcan ænde, & folclaga wyrseðan ealles to swyþe, syððan Eadgar geendode”.

¹⁸ Ibid.: “& wydewan syndan wide fornydde on unriht to ceorle & to mænege forryrme & gehynede swyþe, & earme men syndan sare beswicene & hreowlice besyrwde, & ut of þysan earde wide gesealde swyþe unforworhte fremdum to gesealde, & cradolcild geþeowede þurh wælhreowe unlaga, forlytelre þyþe wide gynd þas þeode. & freoriht fornumene & þrælrht genyrwde & ælmæsriht gewanode. Frige men ne motan wealdan heora sylfna ne faran þar hi willað ne atean heora agen swa swa hi willað. Ne þrælas ne moton habban þæt hi agon on agenan hwilan mid earfeðan gewonnen. Ne þæt þæt heom on Godes est gode men geuðon. & to ælmesgife for Godes lufan sealdon. Ac æghwile ælmesriht þe man on Godes est scolde mid rihte georne gelæstan. Alc man gelitlað oððe forhealdeð, forðam unriht is to wide mannum gemæne & unlaga

Все это дополняется картинами бедствий войны, отягощёнными стихийными бедствиями, которые пришились сразу на несколько лет неудачного правления Этельреда:

«Ничто не процветает уже долгое время ни у нас, ни за рубежом... Лишь военное разорение и голод, пожары и кровопролитие почти повсюду, снова и снова. Воровство и убийства, чума, мор и болезни, злоба и ненависть, и ограбление (нас) грабителями... растут налоги, и от бурь частыми стали неурожаи зерна... Теперь часто родич даёт больше иноземцу, чем своему родичу, как и отец — детям, дети — отцу, брат — брату... Никто из нас не распоряжается своей жизнью так, как следовало бы, ни клирики, ни миряне... Слишком уж мы превратили наши желания в законы, и не соблюдаем... законов божьих так, как следовало бы. Ни у кого нет лояльных намерений и уважения по отношению к другим... но почти каждый предаёт и обижает другого словом и делом; и почти каждый бьёт другого в спину постыдными делами и несправедливыми обвинениями — пусть делает (так) ещё больше, коли сможет... Случается, что раб бежит от господина и, оставив христианскую веру, становится викингом, и после этого происходит схватка между тэном¹⁹ и (этим) рабом, и если раб убивает тэна, то за последнего не уплачивается вергельд его родичам, а если тэн убивает раба, которым он прежде владел, то он должен выплатить за него цену тэна. Глупые, постыдные законы и дани повсюду у нас... Англы полностью разгромлены... и пираты столь сильны... что зачастую в битве один побеждает десятерых (наших), а двое — двадцать... и всё — из-за грехов наших. И часто десяток или дюжина (викингов)... надругаются над женою тэна, или дочерью, или родственницей, а он созерцает это — он, кто прежде считал себя храбрым и сильным... Нынешние несчастья и позор англов — все от гнева божьего. Зачастую два-три викинга обращают в бегство толпы христиан от моря до моря... какой стыд для нас всех, если мы вообще знаем, что такое стыд. А весь этот удар, который мы сейчас претерпеваем, мы искупаем почестями тем, кто нас бьёт. Мы всё платим им (дань), а они каждый день унижают нас — опустошают, жгут, грабят и тащат (награбленное) на корабли. Что же ещё суть эти происшествия, как не гнев божий, ясный и очевидный всему народу?...»²⁰.

leofe. & hrædest is to cweþenne Godes laga laðe & lara forsawenne, & þæs we habbað ealle þurh Godes yrre bysmor gelome, gecnawe se þe cunne. & se byrst wyrð gemæne þeh man swa ne wene eallre þysse þeode butan God beorge”.

¹⁹ Тэн — мелкий служилый феодал в англосаксонской Англии, рыцарь в континентальной терминологии.

²⁰ Ibid.: “Forþam hit is on us eallum swutol & gesene þæt we ær þysan oftor bræcan þonne we bettan, & þy is þysse þeode fela onsæge. Ne dohte hit nu lange inne

Возвращаясь к внутреннему кризису в обществе, Вульфстан делает особый акцент на нарушениях лояльности в отношениях между господами и подчинёнными — отношениях, цементировавших феодальное общество. Раннесредневековые государства, в которых вся система власти была построена на личных отношениях нижестоящих и вышестоящих (во главе с самим королём), оставаясь во многом родоплеменной по своему характеру, были тем более уязвимы, чем слабее были личные качества самого вождя и его умение завое-

ne ute: ac wæs here & hungor, nu bryne & blodgyte on gewelhwylcan ende oft & gelome. & us stalu & cwalu, stric & steorfa, orfwealm & uncoþu, hol & hete, & rypera reafiac derede swyþe þearle. & us ungylda swyðe gedrohtan, & us unwedera foroft weoldan unwæstmā; forþam on þysan earde wæs, swa hit þincan mæg, nu fela geara unrihta fela & tealte getrywða æghwær mid mannum. Ne bearh nu foroft gesib gesibban þe ma þe fremdan, ne fæder his bearne, ne hwilum beam his agenum fæder, ne broþor oþrum. Ne ure ænig his lif ne fadode swa swa he scolde, ne gehadode regellice, ne læwede lahllice. Ac worhtan lust us to lage ealles to gelome, & napor ne heoldan ne lare ne lage Godes ne manna, swa swa we scoldan. Ne ænig wið oþerne getrywlice þohte swa rihte swa he scolde, ac mæst ælc swicode & oþrum derede wordes & dæde, & huru unrihtlice mæst ælc oþerne æftan heaweþ mid sceandlican onscytan & mid wrohtlacan -- do mare gif he mæge... And la! Hu mæg mare scamu þurh Godes yrre mannum gelimpan þonne us deð gelome for agenum gewyrhtum? Ðeh þræla wylc hlaforde æthleape & of Cristendom to wicinge weorþe, & hit æfter þam eft geweorþe þæt wæpngewrixl weorðe gemæne þegene & þræle: gif þræl þæne þegen fulllice afyllen licge ægyld ealre his mægðe, & gif se þegen þæne þræl þe he ær ahte fulllice afylle, gyld þegengylde. Ful earhlice laga & scandlice, nydgylð þurh Godes yrre us syn gemæne; understande se þe cunne. & fela ungelimpa gelimpð þysse þeode oft & gelome: ne dohte hit nu lange inne ne ute. Ac wæs here & hete on gewelhwylcan ende, oft & gelome, & Engle nu lange eal sigeleas & to swyþe geyrigde þurh Godes yrre. & flotmen swa strange þurh Godes þafunge, þæt oft ongefeohhte anfeosð tyne, & twegen oft twentig, & hwilum læs hwilum ma, eal for urum synnum. & oft tyne oððe twelfe, ælc æfter oþrum, scendað to bysmore þæs þegenes cwenan & hwilum his dohtor oððe nydmagan, þær he on locað, þe læt hine sylfene rancne & ricne & genoh godne ær þæt gewurde. & oft þræl þæne þegen þe ær wæs his hlaford cnyt swyþe fæste & wyrð him to þræle þurh Godes yrre. Wala þære yrmðe & wala þære woroldscame þe nu habbað Engle eal þurh Godes yrre. Oft twegen sāmæn, oððe þry hwilum, driwað þa drafe cristentra manna fram sæ to sæ -- ut þurh þas þeode, geweledede togædere, us eallum to woroldscame, gif we on eornost ænige cuþon ariht understandan. Ac eal ne þæne bysmor þe we oft þoliað, we gyldað mid weorðscype þam þe us scendað. We him gyldað singallice & hy us hynað dæghwamlice; hy hergað & hy bærnað, rypaþ & reafiað, & to scipe lædað. & la hwæt! Is ænig oðer on eallum þam gelimpum butan Godes yrre ofer þas þeode swutol & gesæne?''.

вызывать симпатии правящей элиты. Поскольку к Этельреду это определение относится самым прямым образом, можно констатировать, что кризис социальных связей сверху донизу охватил в то время всё английское общество, обретая характер системного. Вот как иллюстрируется этот кризис простыми словами проповеди Вульфстана:

«...Много в стране таких, кто предаёт своих господ разными способами. Величайшее в мире предательство своего господина — это такое, когда человек предаёт душу господина... и когда это ведёт к смерти господина или изгнанию его с родины, и оба этих случая уже произошли в нашей стране: Эдуарда предали и затем убили, а Этельред изгнан из своей страны²¹. Слишком много господ и детей божьих было убито, а вдобавок к тому слишком много невинных людей претерпели разорение... Слишком много христиан было продано за рубеж не так давно, и всё это целиком есть ненависть к Богу... Стыдно говорить о том, что случается повсюду. Ужасно узнавать, как... некоторые на совместные средства покупают женщину и вступают с ней во блудный грех по очереди, как собаки... а потом за деньги продают её — создание божье... во власть врагам. И мы также хорошо знаем преступные случаи... как отец продал иноземцам сына, сын — мать, брат — брата, и так (случается) во всём народе... Многие дают ложные клятвы и нарушают их раз за разом, и ясно, что гнев божий тяжко падёт на нас»²².

Отметим, что клятвopреступление было тягчайшим преступлением с позиций средневекового менталитета, в обществе, где устные договоры и клятвы составляли огромный пласт правового сознания, ещё далеко не вытесненный договорами письменными и имевший

²¹ Речь идёт о приходе короля Этельреда к власти посредством убийства своего родича, а затем — о бегстве самого Этельреда в Нормандию после поражений от датской армии в 1014 г.

²² Ibid.: “Forþam her syn on lande ungetrywþa micel for Gode & for worolde, & eac her syn, on earde, on mistlice wisan hlaforðswican manege: & ealra mæst hlaforðswice se bið on worolde þæt man his hlaforðes saule beswice. & ful micel hlaforðswice eac bið on worolde þæt man his hlaforðes saule beswice. & ful micel hlaforðswice eac bið on worolde þæt man his hlaforð of life forræde, oððon of lande lifiendne drife, & ægþer is geworden on þysan earde: Eadweard man forrædde, & syððan acwealde & æfter þam forbærnde; and Æþelred mon dræfde ut of his earde. & godsibbas & godbearn to fela man forspilde wide gynd þas þeode, toecan oðron ealles to manegan þe man unscyldige forfor, ealles to wide. & ealles to mænege haligestowa wide forwurdan þurh þæt þe man -- sume men ær þam gelogode swa manna ne scolde, gif man on Godes griðe mæþe witan wolde”.

магический подтекст, унаследованный ещё из варварского (языческого) прошлого и плавно перешедший в христианское понимание правовых связей между людьми. Нарушение личной лояльности на всех уровнях логически неизбежно вело к краху всю социальную структуру общества и само государство.

Таким образом, военное разорение, стихийные бедствия, социальные проблемы и нравственный упадок в обществе сливаются в один неразделимый комплекс несчастий, который предвещает скорый конец мира. Если сравнить проповедь Вульфстана с «Откровением Иоанна Богослова», служившим образцом апокалиптических пророчеств для средневековых мыслителей, то нельзя не заметить, что автор «Откровения» облекал свои мысли в более расплывчатую форму видений, страшных и величественных, но довольно туманных, тогда как Вульфстан воздействует на предполагаемую аудиторию именно жёсткой констатацией конкретных фактов бедствий, происходящих или уже происшедших недавно у всех на глазах. Несомненно, это должно было найти более живой отклик у современной ему публики, на себе испытавшей описанные бедствия и принимавшей всё это близко к сердцу.

Подводя итоги, Вульфстан в который раз обращается к теме морального падения народа как к главной причине бедствий. При этом, его призывы к «защите» можно понимать двояко: усмотреть в них, с одной стороны, прямой призыв к отпору иноземным захватчикам, что, безусловно, было актуальным, а с другой — к внутреннему самосовершенствованию, улучшению нравов и изживанию всех грехов, которые привели общество к столь губительному положению дел. При этом проповедник отнюдь не даёт каких-либо гарантий счастливого освобождения от земных, мирских неурядиц, обрушившихся на английский народ, но скорее делает акцент на спасение души, тем самым предполагая важную для любого христианина идею о преодолении грядущего конца света через жизнь вечную, райскую, уготованную праведным душам после Страшного Суда:

«Неудивительно, что с нами происходит несчастье: нам хорошо известно, что слишком много лет люди слишком часто не заботились о том, что они творят словом или делом; этот народ, как кажется, слишком испорчен многочисленными грехами и плохими деяниями — убийствами и другими злодействами, скупостью и алчностью, воровством и грабежами, торговлей людьми и языческими обрядами, преда-

тельствами и мошенничествами, нарушениями закона и обманами, нападениями на родичей и... прелюбодеяниями, инцестами и прочими блудными деяниями... Стало так, что повсюду люди стыдятся скорее добродетели, чем злых дел... И поскольку люди так поступают, оскорбляя всё то, что они должны почитать, и ненавидя всё то, что должны любить, это приводит (их) к злым намерениям и делам, словно им не стыдно так грешить... даже против самого Господа... Им стыдно искупить свои греховные деяния, как тем людям из книг, которые из-за своей гордыни не будут защищать себя от несправедливости дотоле, пока уже не смогут это сделать, даже если и захотят... Но давайте же, во имя Господа, сделаем необходимое — защитим себя так убедительно, как только можем, пока мы все не погибли.

Был во времена бриттов историк по имени Гильдас, который писал... как грехами своими они привели в ярость Бога настолько, что он в итоге позволил войскам англвов завоевать их землю и разбить бриттов совершенно. И произошло это, по его словам, из-за попрания законов клириками и мирянами..., несправедного суда..., трусости посланников божьих, которые... мычали сквозь (сжатые) челюсти там, где надо было бы кричать во весь голос... Из-за многочисленных грехов, которыми они разрушили свою страну и сами погибли. Но давайте же воспримем из всего этого предупреждение, поскольку нам это нужно... Мы знаем о греховных деяниях англвов, и о том же слышали относительно бриттов. Таким образом, нам необходимо задуматься и обратиться... к самому Господу... Давайте же возлюбим Бога и будем следовать законам божьим, и добросовестно выполнять то, что мы обещали, принимая крещение... И будем размышлять почаще о Страшном Суде, на который мы все попадём, и спасём себя от пламени адских мук, и достигнем славы и радостей, уготованных Богом тем, кто претворяет его волю в мире»²³.

²³ Ibid.: “Her syndan þurh synleawa, swa hit þincan mæg, sare gelewede to manege on earde. Her syndan, swa we ær sædon, mannsлагan & mægslagan & mæsserbanan & mynster hatan & hlafordswican & æbere apostatan, & her syndan mansworan & morþorwyrhtan, & her syndan hadbreccan & aewbreccan, & ðurh siblegeru & ðurh mistlice forligeru forsyngode swyðe, & her syndan myltestran & bearn myrðrah & fule forlegene horingas manege, & her syndan wiccan & wælcyrian, & her syndan ryperas & reaferas & woruldstruderas & ðeofas & þeodscadan, & wedlogan & wærlogan. & hrædest is to cwæþenne mana & misdæda ungerim ealra: & þæs us ne scamað na, ac þæs us scamað swyþe þæt we bote agennan, swa swa bec tæcan, & þæt is gesyne on þysse earman forsyngodan þeode. Ea la! Micel magan manege git hertoeacan eaþe beþencan þæs þe anman ne mehte on hrædinge asmeagan, hu earmlice hit gefaren is nu ealle hwile wide gynd þas þeode. & smeage huru georne gehwa hine sylfne, & þæs na

Наконец, поскольку речь зашла о Гильдасе, имеет смысл сравнить, в каких словах кельтский писатель обрисовывает картину, аналогичную сюжету из проповеди Вульфстана, а конкретнее — какие причины грядущего конца он выделяет:

«У нашего народа всегда было в обычае, что он неспособен к отражению иноземных врагов, зато храбр и непобедим в междоусобных войнах... неспособен к миру и правде, зато горазд в злобе и лжи... Ненависть к истине... сейчас разрушает любое добро на (нашем) острове; любовь к лжи... к преступлению вместо доблести, уважение к злобе вместо доброты, любовь к тьме вместо солнца, принятие Сатаны за ангела света.

Королей выбирали... по тому, кто как превзошёл прочих в жестокости, а вскоре после этого избравшие их же и убивали... потому что находили ещё более жестоких. Если кто-то из них был мягче по характеру или как-либо более восприимчив к истине, на него взирали как на разрушителя государства... Они творили всё это вопреки своему спасению, как если бы не было воздаяния (за это свыше). И не только миряне поступали так; даже пастыри господни, должные служить людям примером, проводили своё время в пьянстве... У Британии были короли — но они были тира-

ne latige ealles to lange. Ac la, on Godes naman, utan don swa us neod is, beorgan us sylfum swa we geornost magan, þe læs we ætgædere ealle forweorðan.

An þeodwita wæs on Brytta tidum, Gildas hatte. Se awrat be heora misdædum, hu hy mid heora synnum swa oferlice swyþe God gegræmedan, þæt He let æt nyhstan Engla here heora eard gewinnan, & Brytta dugeþe forðon mid ealle. & þæt wæs geworden þæs þe he sæde, þurh gelæredra regolbryce & ðurh læwedra lahbryce, þurh ricra reaflac & þurh gitsunge wohgestreona; ðurh leode unlaga & þurh wohdomas, ðurh biscopas asolcennesse & unsnotornesse, & þurh lyðre yrhðe Godes bydela, þe soþes gewugedan ealles to gelome & clumedan mid ceaflum þær hy scoldan clypian. Þurh fulne eac folces gælsan & þurh oferfylla & mænigfealde synna heora eard hy forworhtan & selfe hy forwurðan. Ac wutan don swa us þearf is warnian us be swilcan, & soþ is þæt ic secge, wyrsan dæda we witan mid Englum, sume gewordenne þonne we mid Bryttan æhwar gehyrdan. & þy us is þearf micel þæt we us beþencan & wið God sylfne þingian georne. & utan don swa us þearf is gebugan to rihte & be suman dæle unriht forlætan, & betan swyþe georne þæt we ær bræcan. & utan God lufian & Godes lagum fylgean, & gelæstan swyþe georne þæt þæt we behetan þa þe fulluht underfengan, oððon þa þe æt fulluhte ure forespecan wæran, & utan word & weorc rihtlice fadian, & ure in geþanc clænsian georne, & að & wed wærlice healdan, & sume getrywða habban us betweenan butan uncræftan. & utan gelome understandan þone miclam Dom þe we ealle to sculon & beorgan us georne wið þone weallendan bryne helle wites, & geearnian us þa mærfa & þa myrhða þe God hæfð gegearwod þam þe his willan on worolde gewyrcað”.

нами; судьи — неправедными; совершенно вовлечёнными в грабёж и хищения, но всегда невинные были им добычей; при избытке жён подверженными разврату и прелюбодейству; всегда готовыми давать клятвы и столь же часто их нарушать... Они ведут войны, но войны против своих же соотечественников, несправедливые; они строго карают преступников по всей стране, но те, кто сидит с ними за столом, сами — воры... Они обильно раздают пожертвования, но по сравнению с этим из их преступлений можно навалить целую гору; они сидят на троне правосудия, но редко пекутся о справедливом суде; они обижают невинных и убогих, но используют любой случай, чтобы до крайности возвеличить бесчеловечное; гордецы...убийцы, развратники, враги Бога...»²⁴.

Нетрудно заметить, что мотивы катастрофы кельтской Британии перед лицом англосаксонского нашествия у Гильдаса фактически те же, что и в проповеди Вульфстана, хотя, в отличие от последнего, Гильдас в большей степени обличает правящую элиту бриттского общества, уделяя остальным слоям населения буквально пару слов. Упоминание о Сатане у Гильдаса видится отнюдь не случайным, так как именно этот образ тесно связан с представлениями о конце света, Апокалипсисе и последующем Страшном Суде. Стиль повествования Гильдаса отличается от стиля Вульфстана большей красочностью и цветистостью, испытывая очевидное влияние античной традиции, близкой первому по времени гораздо больше, чем второму, а также ввиду разных целей произведений: неизвестно, использовался ли когда-нибудь труд Гильдаса для прочтения в устной форме, в отличие от «Проповеди Волка», жанрово предназначенной для этого. Однако, в обоих случаях хорошо заметно, что идея о грядущем конце мира навеяна текущими реалиями жизни — кризисом государственности, упадком нравов в обществе, социальными противоречиями, и мрачный финал в виде иноземного завоевания и разорения видится закономерной расплатой страны и народа за накопленные неправедными деяниями грехи, искуплением последних. В этом трагизме прослеживается даже некоторая нотка страдальческого злорадства мудреца, который сетует на невнимание глупого, погрязшего в грехах люда к давно предсказывавшимся проблемам в области морали и самого бытия общества и государства.

²⁴ <http://www.fordham.edu/halsall/basis/gildas-full.html>. По тексту: Giles J. A. (John Allen), 1808–1884, ed. *Six old English chronicles, of which two are now first translated from the monkish Latin originals*. Imprint: L., G. Bell & sons, 1891.

А. С. УСАЧЕВ

ДРЕВНЕРУССКИЙ КНИЖНИК: АВТОР, РЕДАКТОР ИЛИ СОСТАВИТЕЛЬ? (НА МАТЕРИАЛЕ СТЕПЕННОЙ КНИГИ)

Книга Степенная царского родословия (далее — СК), написанная на рубеже 50-х — 60-х гг. XVI в. по поручению митрополита Макария книжником его круга¹, относится к числу важнейших памятников древнерусской книжности. СК, посвященная событиям русской истории IX–XVI вв., выделяется и масштабом, и шириной охвата материала не только среди предшествующих, но и современных ей произведений. Но, обращаясь к СК, мы сталкиваемся с очевидным противоречием. С одной стороны, цельность исторических и политических взглядов, представленных в СК, подталкивает нас к предположению о единоличном авторстве. С другой стороны, весьма значительный объем СК, вобравшей в себя материал десятков источников, заставляет обратить внимание на ее компилятивный характер и вынуждает с сомнением отнести к возможности ее написания одним писателем. Ранее, исследовав методы, с помощью которых оформлялся текст СК, мы установили, что на всем ее протяжении фиксируется «одна рука»². Кому же эта рука принадлежала: «автору», «редактору», «составителю» или «руководителю работ»? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена настоящая статья.

¹ О времени написания СК и ее предполагаемом авторе см.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 168-217; *Усачев А. С.* К вопросу о датировке Степенной книги // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2005. № 4(22). С. 28-40; *Он же.* Забытое мнение о Степенной книге (Из неопубликованного наследия М. Я. Диева) // *АЕ* за 2004 год. М., 2005. С. 77-84; *Он же.* Личность составителя Степенной книги // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 2 (в печати).

² *Усачев А. С.* Методы работы древнерусского книжника и проблема авторства Степенной книги // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории.* М., 2008. Вып. 25. Ч. 1. С. 294-320; Ч. 2. С. 155-192. Мы уже отмечали, что наш писатель использовал помощь ряда писцов, выполнявших «техническую» работу (Там же. Ч. 2. С. 192).

Разветвленная историография³ позволяет сразу обратиться к характеристике общих принципов использования источников в СК. В этом отношении текст памятника неоднороден, в нем можно выделить несколько «слоев». Есть основания для предварительного предположения о том, что роль интересующего нас лица и степень его авторского участия в создании разных частей СК были различны. Попробуем проверить это предположение.

«Составитель»

К первому «слою» СК можно отнести те части, которые представляют собой более или менее значительные фрагменты источников, либо вовсе не подвергшихся правке, либо претерпевших минимальные изменения текста. Сюда входят: Жития Ольги, Евфросинии Полоцкой (11 гл. 5 ст.), Михаила Черниговского (14 гл. 7 ст.), митрополита Петра (4 гл. 10 ст.), Сказание о перенесении Владимирской иконы из Киева во Владимир (1–10, 12 тит. 12 гл. 6 ст.), Повесть на сретение Владимирской иконы (24 гл. 13 ст.). Как нетрудно заметить, это самые крупные разделы. Так, Житие Ольги составляет около 5% всего текста древнейшей редакции⁴; Житие Евфросинии занимает около 40% текста 5 ст.⁵; Сказание о перенесении Владимирской иконы из Киева во Владимир — около 18% 6 ст.⁶; жизне-

³ См.: *Державин Н. С.* «Степенная книга» как литературный памятник. Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902; *Кусков В. В.* Степенная книга как литературный памятник XVI века: дис. ... канд. филолог. наук. М., 1951; *Barnette W.* Stepennaja kniga: Sources, Their Adaptation and Development. Ph.D. diss. Nashville, 1979; *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised: Notes on the Political Theology of the «Stepennaja kniga» // *Die Welt der Slaven*. XLVI. 2001. S. 313-330; *Усачев А. С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // *Средневековая Русь*. М., 2006. Вып. 6. С. 210-340; *Он же.* Источники Степенной книги по русской истории XIII–XV вв. // *Средневековая Русь*. М., 2009. Вып. 8. С. 174-214 (в печати); *Околович Н. Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. ст., публ., коммент. А. С. Усачева. М.; СПб., 2007.

⁴ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 149-196. Здесь и далее расчеты производятся по изданию СК 2007–2008 гг. Общий объем текста СК древнейшей редакции (включая статью «Царские сановники») в нем составляет 848 стр. См.: Степенная книга. Т. 1. С. 147-594; Т. 2. М., 2008. С. 5-404, 457.

⁵ Степенная книга. Т. 1. С. 433-447. Объем степени — 35 стр. (С. 412-447).

⁶ Там же. С. 461-466. Объем степени — 34 стр. (Там же. С. 448-482).

описание Михаила Черниговского — около 34% 7 ст.⁷; Житие Петра — около 40% 10 ст.⁸; Повесть на сретение Владимирской иконы около 34% 13 ст.⁹ Эти фрагменты вошли в текст СК практически неизменными¹⁰. Тому же «слою» принадлежит и гранесование (оглавление) степеней, составляющее около 2,5% текста СК¹¹: судя по всему, оно писалось уже после оформления основного текста, видимо, по поручению нашего книжника, который по отношению к данным фрагментам выступал в качестве руководителя работ. Незначительность изменений в перечисленных разделах по сравнению с их источниками позволяет применительно к ним считать его «составителем». Общий объем этого «слоя» — не менее 15% текста СК.

«Редактор»

В СК фиксируются разделы, также основанные на крупных отрывках источников, которые подверглись более значительной правке, чем рассмотренные пассажи. Как правило, они либо дополнены отдельными деталями, почерпнутыми, чаще всего, из летописных источников, либо подверглись сокращениям. К таким частям относятся: Сказание о Борисе и Глебе и Сказание чудес этих святых, составляющие около 20% текста 1 ст.¹²; рассказы о Давиде Святославиче и Николае Святоше (соответственно около 14 и 35% 3 ст.)¹³; Житие

⁷ Там же. С. 503-514. Объем степени — 32 стр. (Там же. С. 483-515).

⁸ Там же. С. 567-581. Объем степени — 34 стр. (Там же. С. 560-594).

⁹ Там же. Т. 2. С. 88-108. Объем степени — 58 стр. (Там же. С. 70-128).

¹⁰ Лишь в Житие Евфросинии была сделана вставка, поясняющая генеалогию святой, а из Жития Ольги изъят крупный отрывок об охотах византийских императоров; позднее в Житии Ольги была произведена вставка, указывающая на возраст Игоря в момент смерти Рюрика. Отметим, что, согласно предположению А. В. Сиренова, рассказ Жития Ольги об увеселениях правителей Византии первоначально читался в древнейшем списке СК Волковском, но позднее листы, содержащие соответствующий текст, были изъяты из него (*Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 127*). Если исследователь прав, то появятся основания полагать, что первоначально Житие Ольги в СК вошло в неизменном виде и лишь при редактировании текста памятника подверглось правке.

¹¹ Степенная книга. Т. 1. С. 197-217.

¹² Там же. С. 340-371. Объем 1 ст. — 160 стр. (Там же. С. 218-78). Мы не будем специально останавливаться на характеристике случаев правки рассматриваемых фрагментов — этот вопрос уже был специально рассмотрен: см.: Прим. 3.

¹³ Там же. С. 395-401. Объем 3 ст. — 14 стр. (Там же. С. 387-401).

Всеволода Псковского (около 34% 5 ст.)¹⁴, жизнеописания и чудеса ярославских князей (около 40% 9 ст.)¹⁵, Повесть о взятии Царьграда турками и Житие Ионы (соответственно около 20 и 30% 14 ст.)¹⁶, Повесть о нашествии Менгли-Гирея на Русь, Сказание о Данииле Переяславском (соответственно около 14 и 30% 16 ст.)¹⁷ и «Повесть о Московском пожаре 1547 г.» (около 8% 17 ст.)¹⁸. К этим же разделам, если верно наше предположение о существовании особого текста, посвященного Даниилу Московскому¹⁹, относится и его жизнеописание в 9 ст. (около 17% ее текста)²⁰. Сюда можно отнести и небольшие фрагменты из источников СК, которые также подвергались некоторой правке: отрывок из славяно-русского перевода Иерусалимского патерика (менее 0,3% текста 1 ст.)²¹, Чудо Никиты Переяславского об исцелении Михаила Черниговского (около 6% 6 ст.)²², пассаж из «Слова о погибели Русской земли» (около 1% 7 ст.)²³ и др.

Применительно к этим разделам СК можно говорить о редактировании и, соответственно, наш книжник здесь выполнял функции редактора, «отработавшего» не менее 15% текста произведения²⁴.

«Руководитель работ»

Возможности изучения методов работы книжника существенно расширяются в силу специфики рукописной традиции СК. Сохранилось три древнейших списка (рубеж 1550–60-х гг.): Волковский, Томский и Чудовский (далее: Волк., Томск. и Чуд.). Как установили

¹⁴ Там же. С. 417-429.

¹⁵ Там же. С. 550-559. Объем 9 ст. — 23 стр. (Там же. С. 536-559).

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 172-190, 190-216. Объем 14 ст. — 88 стр. (С. 129-216).

¹⁷ Там же. С. 305-313, 327-343. Объем 16 ст. — 57 стр. (Там же. С. 286-343).

¹⁸ Там же. С. 353-357. Объем 17 ст. — 60 стр. (см.: Там же. С. 344-404).

¹⁹ См.: Усачев А. С. Степенная книга и Пискаревский летописец // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 235-243.

²⁰ Степенная книга. Т. 1. С. 538-541.

²¹ Там же. С. 377.

²² Там же. С. 479-481.

²³ Там же. С. 487.

²⁴ Сюда включены лишь крупные «компилятивные» разделы СК — Жития Всеволода Псковского, митрополита Ионы и т.д. Небольшие фрагменты (из Иерусалимского патерика, Жития Никиты Переяславского и т.д.), ввиду незначительности их объема, здесь не учитывались.

Н. Н. Покровский и А. В. Сиренов, к дошедшему во фрагментах Волк. (его древнейшая часть заканчивается текстом 6 ст.) восходят Томск. и Чуд.²⁵ Итоги анализа кодикологических особенностей рукописей, содержащих эти списки, хорошо согласуются с фактом существования в тексте СК весьма значительной «компилятивной» составляющей.

Как было установлено, в создании Волк., Томск. и Чуд. принимало участие около полутора десятка писцов. Так, в археографическом введении к новому изданию СК отмечено, что при написании и редактировании Волк. использовался труд по меньшей мере 11 писцов, Томск. и Чуд. — 7; более того, доказано, что один из писцов Волк. также правил все три списка²⁶. Есть основания полагать, что писцы привлекались не только для копирования готовых списков, но и для создания текста СК. На это указывают, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, это «механическое» переписывание соответствующих памятников, которое нередко противоречило основным принципам СК. Например, бросается в глаза использование формулы с «имярек» применительно к Ивану IV в Похвале Ионе (19 гл. 14 ст.), которая представляет собой дословную цитату из третьей редакции Жития этого святого²⁷. Н. Н. Покровский, обративший внимание на это чтение, отметил, что она является одним из следов «невычитки» текста СК (как правило, имя Ивана IV в соответствующих ее фрагментах указывалось)²⁸. Во-вторых, на работу не составителя СК, а иных лиц, указывает отсутствие «концовок» в 11, 14, 16 ст., а также в 17 ст. Как нами было отмечено ранее, 11, 14 и 16 ст. заканчивались крупными произведениями, из которых, по крайней мере, Житие Ионы, заключающее 14 ст., может быть отнесено к «компилятивной» части СК. Вероятно, писцы, которым была поручена работа по копированию надлежащих произведений в текст СК, не были в курсе

²⁵ О рукописной традиции СК см.: *Покровский Н. Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 3–43; *Сиренов А. В.* Степенная книга...

²⁶ См.: *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие // *Степенная книга.* Т. 1. С. 6–23. Описание почерков Томск. и Чуд. выполнено О. Д. Журавель, Волк. — А. В. Сиреновым.

²⁷ Ср.: *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы третьей редакции // *Вестник церковной истории.* 2007. № 2. С. 60; *Степенная книга.* Т. 2. С. 216.

²⁸ *Покровский Н. Н.* Томский список... С. 11.

всех деталей замысла руководителя работ, согласно которому каждая степень должна была заканчиваться особой «концовкой»²⁹.

Предположение о создании «компилятивных» частей СК помощниками нашего писателя хорошо согласуется с материалом ее списков. Волк., к которому восходят Томск. и Чуд., сохранил древнейший дошедший до нас текст СК. Как показывает анализ его почерков А. В. Сириновым, в этом списке фиксируется ряд кодикологических «швов», которые могут быть соотнесены с границами крупных «компилятивных» разделов СК. Обращаясь к классификации почерков Волк. А. В. Сиринова, обнаруживаем, что в этом списке случаи смены почерков приходятся на крупные разделы произведения. Так, Житие Ольги (л. 27-80 об.) написано почерком № 1 (за исключением краткого фрагмента (л. 72-73 об.), выполненного почерком № 2). Следующие листы копировал уже другой писец. Особым почерком (№ 3), выполнено гранесование (оглавление) (л. 950-100 об.) и текст заключающей 1 ст. 75 гл. (л. 256-260 об.). Обладатель почерка № 5 написал заключающий Похвалу Владимиру крупный фрагмент (л. 104-104 об.; он основан на фрагменте Поучения на память крестителя Руси). Тем же самым почерком переписано Житие Евфросинии Полоцкой (л. 311-326), которое представляет собой вставку в основной текст Волк.³⁰ Иной писец (почерк № 9) написал основной текст Жития Всеволода Псковского (л. 293-302 об.), в который был сделан ряд вставок другими копиистами³¹. Особым почерком (№ 5), как показал А. В. Сиринов, было написано Слово на обретение мощей псковского князя, следующее за его Житием (л. 302-305 об.)³². Написание весьма объемного рассказа о Борисе и Глебе в 1 ст. (л. 218-253 об.) было поручено двум писцам (почерка

²⁹ Усачев А. С. Методы работы. Ч. 2. С. 185-186.

³⁰ Сиринов А. В. Степенная книга... С. 152-159; Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиринов А. В. Археографическое предисловие. С. 17-22.

³¹ См.: Сиринов А. В. Степенная книга... С. 157. Выводы А. В. Сиринова уточнила В. И. Охотникова. Исследовательница установила, что вставки в массив основного текста Жития Всеволода очень часто совпадают с редакционными изменениями, которые претерпел текст жизнеописания псковского князя редакции Василия-Варлаама при его включении в СК (см.: Охотникова В. И. Псковская агиография XIV-XVII вв. Т. 1. СПб., 2007. С. 127-135).

³² См.: Сиринов А. В. Степенная книга... С. 152, 155; Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиринов А. В. Археографическое предисловие. С. 18.

№ 6, 9), в работу которых, правда, несколько раз вмешивались другие лица, написавшие незначительные фрагменты³³. Как видим, кодикологические «швы» совпадают с границами всех основных «компилятивных» частей в сохранившейся части Волк. XVI в.

Таким образом, наш писатель применительно ко всему тексту СК выступает в роли руководителя работ, направлявшего деятельность около полутора десятка помощников.

Автор

В СК фиксируется и ряд фрагментов, относительно которых можно говорить об авторстве ее создателя. Этим отрывкам свойственны черты, которые резко отличают их от «компилятивных» разделов СК.

Во-первых, в них используется особый инструментарий создания текстов: это и методы написания рассказов на основе сочетания материала различных источников (в т.ч. разножанровых); и пересказ фрагментов источников «своими словами» с такими дополнениями, которые не могут быть возведены ни к одному из выявленных источников СК; а также переводы и толкования отдельных явлений, имен или терминов. Сюда же можно отнести и своеобразную «расшивку» текстов основных источников на фрагменты, «стыки» между которыми заполнялись сообщениями иных произведений или пояснениями нашего книжника (прежде всего, это касается жизнеописаний главных героев степеней).

Во-вторых, отделение «авторской» части от «компилятивной» существенно облегчается благодаря наличию в СК ссылок на тексты ее источников, позволяющих очертить границы соответствующих разделов.

В-третьих, для «компилятивных» частей памятника не характерно использование внутритекстовых ссылок, которые содержатся исключительно в разделах, написанных непосредственно создателем СК³⁴. Этот прием авторской рефлексии представляется особенно показательным, поскольку выдает разное отношение интересующего нас книжника к «компилятивной» и «самостоятельной» частям СК.

³³ Сиренов А. В. Степенная книга... С. 156-157.

³⁴ Усачев А. С. Методы работы. Ч. 2. С. 184.

Результаты анализа текста произведения дают возможность выделить несколько разновидностей фрагментов, которые, видимо, имеют авторский характер. В первую очередь это жизнеописания главных героев степеней, составляющие их ядро, и иные пассажи, которые также создавались либо путем сочетания материала различных произведений³⁵, либо представляли собой их пересказ³⁶. Кроме того, особый подвид (с точки зрения авторских технологий) представляют комментарии книжника к текстам его источников³⁷, а также общие характеристики тех или иных персонажей и событий.

Как нетрудно заметить, «авторские» разделы часто помещались на границах «стыков» фрагментов источников СК, растолковывая читателю значения соответствующих рассказов³⁸. Однако заполнением «стыков» писатель не ограничивался. Об этом свидетельствует не только место расположения созданного им текста, но и соотношение выделяемых нами частей СК. Рассматривая проблему авторства памятника, определяя его своеобразие и место в ряду прочих произведений древнерусской литературы XVI в., важно отметить, что «авторская» часть СК, согласно нашим подсчетам, занимает около двух третей (!) всего ее текста³⁹. Это в свою очередь приводит

³⁵ Рассказ о древнейшем периоде русской истории в 8 гл. 1 ст., основанный на Житии Стефана Сурожского, Чудесах Дмитрия Солунского и других памятниках, описание начала «Ростовской церкви» в 53 гл. 1 ст., созданное на основе Жития Леонтия Ростовского и летописного материала и др.

³⁶ Фрагменты, основанные на житиях Сергия Радонежского, Стефана Пермского и т.д.

³⁷ В частности, содержащиеся в 4 тит. 28 гл. 13 ст. и 15 гл. 13 ст. толкования, которые разъясняли читателю значение чудес.

³⁸ Например, весьма объемной «компилятивной» 4 гл. 10 ст., повествующей о митрополите Петре, предшествует небольшая «авторская» 3 гл. В ней разъясняется роль этого иерарха в русской истории: как отмечается в СК, «благоволением Божиим прииде въ градъ Москву сии Божии человекъ, великий въ святителехъ Петръ, с нимъ же вкупѣ и Божия благодать совниде». Окончание 3 гл. подводило читателя к следующему разделу памятника: «О немъ же [митрополите Петре. — А. У.] настоящая повѣсть объявися сице» (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 567).

³⁹ Результаты подсчетов приблизительны. Как было отмечено выше, «компилятивные» разделы СК составляют, по меньшей мере, 30% ее текста. Сюда, однако, не вошли небольшие фрагменты памятника, представляющие собой отрывки из его источников, объем которых, впрочем, невелик. Безуко-

нас к заключению, что «компилятивный» характер произведения не стоит переоценивать. На это же указывают и итоги анализа древнейшей редакции СК: они свидетельствуют о том, что ее первоначальный текст был почти исключительно «авторским». Подтверждением этого могут служить следующие наблюдения.

Рассматривая «компилятивную» и «авторскую» части СК, обратим внимание на то, что в древнейшем сохранившемся списке СК, Волк., первая подверглась более значительной правке, чем вторая. Так, в этом списке фиксируется ряд явно «авторских» разделов, как правило, созданных путем сочетания материала различных источников, либо не содержащих случаев правки, либо содержащих в подавляющем большинстве случаев «корректорскую» правку (основной текст 1 ст. (ее 1, 3-5, 7-9 и др. главы), 1-2, 5-6, 8 гл. 2 ст. и т.д.). Наиболее густая (к тому же влияющая на смысл текста) правка в Волк. фиксируется не в «авторской» части СК, а в «компилятивной»: вставка уточнения возраста Игоря в момент смерти Рюрика и, если прав А. В. Сиренов, изъятие рассказа об охотах византийских императоров в Житии Ольги, ряд исправлений в Сказании о Борисе и Глебе, уточнение генеалогии Евфросинии Полоцкой в ее Житии, летописные вставки в Житии Всеволода Псковского и т.д.⁴⁰ К числу случаев смысловой правки в «авторской» части можно отнести лишь вставку ряда дат⁴¹. Чем могло обуславливаться то, что при включении в СК написанных ее создателем рассказов они потребовали менее значительной правки, чем помещенные в ее текст более или менее крупные («готовые») фрагменты ее источников?

В настоящее время, мы не располагаем данными, позволяющими дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Вместе с тем, можно высказать одно предположение. При современном состоянии изученности проблемы единственным объяснением представляется гипотеза

ризенную точность подсчетов не может обеспечить и возможность привлечения гипотетических источников, например, устных (в их числе — весьма объемные рассказы о событиях, связанных с взятием Казани), границы которых в настоящий момент определить не представляется возможным. Тем не менее, очевидно, что даже в том случае, если нами были допущены ошибки в расчетах, «авторская» часть была, по крайней мере, сопоставима с «компилятивной».

⁴⁰ См.: Сиренов А. В. Степенная книга... С. 105-151; Степенная книга. Т. 1. С. 147-460.

⁴¹ Подробнее см.: Сиренов А. В. Степенная книга... С. 129.

о том, что Волк. предшествовали подготовительные материалы. Они, вероятно, были написаны либо непосредственно нашим книжником, либо под его диктовку и не содержали крупных «компилятивных» разделов (Житий Ольги, Евфросинии Полоцкой, Всеволода Псковского, Сказания о Борисе и Глебе и т.д.). Последние, судя по всему, в текст СК были включены позднее — во время написания и правки Волк. На это указывает отмеченный выше факт совпадения границ данных разделов с кодикологическими «швами» в этом списке. Вероятно, речь могла идти об «авторском» (по нашей классификации) тексте СК (или какой-то его части) в «чистом виде», который, возможно, подвергся правке, учтенной при создании Волк. В пользу нашего предположения косвенно говорит и то, что Волк. писали и правили 11(!) писцов: это скорее характерно для копирования уже имеющегося текста, а не для создания его первоначального варианта: более чем сомнительно, что 11 человек использовали все те методы написания текста СК, которые присущи нашему писателю.

Гипотетический характер данного предположения, по уровню аргументации приближающегося к догадке, очевиден. Вместе с тем отметим, что в настоящее время мы не видим другого объяснения тому, что в Волк. текст, написанный на основе сочетания целого ряда источников, материал которых активно перерабатывался, потребовал меньшей правки, чем та, которая сопровождала включение в этот список материала уже «готовых» сочинений.

«Корректор»?

Вероятно, книжник являлся не только руководителем работ, составителем, редактором и автором крупных пассажей, но и инициатором правки готовых списков. Так, как показали Н. Н. Покровский и А. В. Сиренов, после написания основного текста в него была внесена разбивка на главы и титла. В ходе доработки памятника его текст был дополнен гранесованием. Также в Волк., Томск. и Чуд. вносились отдельные уточнения — генеалогии описываемых персонажей, пояснения (например, уточнение того, что чудь — «иже суть немцы») и т.д. Правка в наиболее полном виде отразилась в Волк.; в восходящих к этому списку Томск. и Чуд. в большинстве случаев представлен уже результат этой работы. На современном этапе изучения СК трудно сказать точно, производил ли эту правку лично ру-

ководитель работ⁴² или ее внесение было поручено другому лицу. Оба варианта возможны. Нам представляется более предпочтительным второй вариант⁴³, хотя для окончательного решения вопроса имеющихся в нашем распоряжении данных недостаточно.

Приведем соответствующий материал. Самыми многочисленными случаями редакторской правки в Книге Степенной царского *родословия* были пояснения генеалогии тех или иных персонажей. При этом обратим внимание на то, что данная правка лишь дополняла пропуски, допущенные при написании соответствующих рассказов (согласно нашему предположению, они выполнялись рядовыми писцами): в древнейшие списки СК на этапе редактирования было внесено лишь 11 соответствующих пояснений из 25, представленных в памятнике. Таким образом, есть основания полагать, что лицо, правившее Волк., Томск. и Чуд., не вносило ничего принципиально нового в текст произведения — как показывает приведенный выше материал, СК лишь дополнялась надлежащими вставками на полях и над строкой по образцу, который содержался в ее основном тексте, на который приходится большая часть пояснений родословий.

Отметим, что неотъемлемая принадлежность «авторского» текста СК — внутритекстовые ссылки — не фиксируется в числе случаев правки Волк., Томск. и Чуд.: все 50 (!) ссылок помещены в основном тексте. Это вынуждает критически отнестись к возможности того, что соответствующая правка вносилась лично руководителем работ — по-видимому, лицо, вносившее правку, не использовало в оформлении текста внутритекстовые ссылки. Отсутствие этого вида вставок в Волк., Томск. и Чуд. заставляет сделать предположение, что, вероятно, отдав соответствующие инструкции по внесению

⁴² Такое предположение выдвинул А. В. Сиренов, допустив, что редактор Волк., Томск., Чуд. и Андрей-Афанасий (наиболее вероятный создатель СК) — одно лицо (см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга... С. 160-164). Однако, учитывая отсутствие палеографических оснований для этой гипотезы (кроме двух стандартных подписей Афанасия в настоящее время неизвестны его автографы, которые можно было бы привлечь для сравнения с почерками писцов древнейших списков СК), это предположение требует дополнительных аргументов.

⁴³ Ниже будут представлены аргументы, в пользу этого нашего предположения, высказанного в кратком виде в работе 2004 г. (см.: *Усачев А. С.* Древняя Русь в исторической мысли 60-х гг. XVI в. (Степенная книга): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 20).

правки, руководитель работ не мог передать редактору свои навыки по оформлению текста СК. Таким образом, если генеалогические ссылки, содержащиеся в основном тексте и приписках, могли принадлежать одному книжнику, то отсутствие случаев использования редактором внутритекстовых ссылок, характерных лишь для основного текста, вызывает серьезные сомнения в том, что составитель СК и правщик Волк., Томск. и Чуд. являлись одним лицом.

В то же время отметим, что среди помощников создателя СК, редактор (согласно классификации почерков А. В. Сиринова, обладатель почерка № 2), судя по всему, в силу своей высокой квалификации, занимал особое место. На это указывает и то, что, как показал А. В. Сиринов, он лишь дважды привлекался к написанию отдельных небольших фрагментов древнейшего из сохранившихся списков СК Волк. Как установил историк, обладатель редакторского почерка принимал участие в написании лишь 6 (из нескольких сотен) листов основного текста в этом списке и не был привлечен к переписке набело Томск. и Чуд. Очевидно, что этому лицу доверялась самая ответственная работа, выходящая за рамки простого копирования текстов, — написание самых сложных фрагментов⁴⁴ и правка (в т.ч. и смысловая) уже готового текста (обладатель почерка № 2 вносил в текст СК ряд деталей из летописей и других источников⁴⁵). Обращает на себя внимание, что чаще всего редакторские исправления носят «корректорский» характер: как показал специально занимавший-

⁴⁴ Как установил А. В. Сиринов, обладателем редакторского почерка были написаны лишь два фрагмента Волк. Первый (л. 72-73 об.) помещен в Житии Ольги. Именно на него приходится изъятие рассказа об охотах византийских императорах и восполнение этой лакуны коротким отрывком. Второй фрагмент (л. 255-255 об.) также представляет собой случай редакторской правки (вставку) в рассказе о Мстиславе Тмутороканском. Подробнее см.: Сиринов А. В. Степенная книга... С. 127, 153.

⁴⁵ Например, почерпнутое из пространной редакции Жития Ольги указание на присутствие митрополита Леонта при обретении мощей первой русской христианки (60 гл. 1 ст.), заимствованные из летописей сообщения о строительстве церкви св. Петра и Павла в Киеве (63 гл. 1 ст.) и об «оковании» ордынского посла Бигича (8 гл. 14 ст.), вставки дат. Трудно сказать точно, предшествовали ли этим вставкам указания руководителя работ в каждом конкретном случае или они выполнялись самостоятельно правщиком, ориентировавшимся в соответствующем источниковом материале, который мог получить лишь самые общие рекомендации. Как представляется, оба варианта возможны.

ся этим вопросом А. В. Сиренов, в подавляющем большинстве случаев речь шла о восполнении лакун в тексте, исправлении явных описок, вставках отдельных хронологических уточнений и т.д.⁴⁶ Учитывая то, что руководитель работ, судя по всему, поручал переписку крупных фрагментов своих источников помощникам (по крайней мере, на это указывает приведенный выше материал Волк.), трудно поверить в то, что он занимался «технической» работой по вычитке текста СК и внесению соответствующих исправлений.

Рассматривая вопрос о принадлежности редакторского почерка руководителю работ, обратим внимание на наблюдения С. О. Шмидта относительно правки Царственной книги, известной своими приписками. Как выяснил историк, в значительном числе случаев она, как и в СК, носила «корректорский» характер. Отмечая несомненное соответствие ряда случаев смысловой правки Царственной книги воззрениям Ивана IV, исследователь предположил, что лицо, вносившее правку, либо работало под непосредственным контролем царя, либо достаточно хорошо представляло себе его взгляды, что делало непосредственное вмешательство Ивана IV в процесс редактирования текста излишним⁴⁷. Нельзя исключить того, что в случае с древнейшими списками СК мы сталкиваемся с аналогичным явлением: создатель памятника мог поручить внесение правки (в большинстве случаев «технической») своему помощнику, который либо получил детальные инструкции, либо и без того достаточно хорошо представлял себе замысел своего руководителя.

⁴⁶ Сиренов А. В. Степенная книга... С. 101-165; Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В. Археографическое предисловие. С. 17 (листы с редакторским почерком Волк., Томск. и Чуд. выявлены А. В. Сиреновым). Методика работы редактора древнейших списков СК может быть сопоставлена с деятельностью известного книгописца 80-х гг. XV в. Ивана Черного, который, направлял деятельность ряда писцов, лично писал самые важные фрагменты текста и вносил правку (подробнее см.: Клосс Б. М. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // ЗОР ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 61-72).

⁴⁷ Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI в.: царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 201-213. Определяя степень участия Ивана IV в работе над Царственной книгой, историк отметил, что «формы этого редактирования могли быть различными: от участия в составлении приписок (сделанных, возможно, под его диктовку) до просмотра (и, так сказать, визирования) исправленного летописного текста» (Там же. С. 212).

Таким образом, определяя нашего книжника как «составителя», «редактора», «автора» ряда фрагментов и «руководителя работ» над всем текстом СК, трудно сказать наверняка, выполнял ли он «корректорские» функции. В любом случае, вне зависимости от того, вносил ли он правку собственноручно или это делало другое лицо по его поручению, вряд ли можно сомневаться в том, что, по всей вероятности, правка соответствовала замыслу создателя СК.

Последовательность работы

В свете вышесказанного представляется, что работа над текстом СК велась следующим образом⁴⁸. Работавшему по поручению митрополита Макария писателю принадлежала выработка общего плана произведения и алгоритма создания степеней, а также авторство весьма значительных по числу и по объему фрагментов СК. Несмотря на то, что названия глав и титл, а также гранесование были вписаны в древнейших списках памятника позднее, нет никаких сомнений в том, что написанию текста предшествовала выработка его достаточно подробного плана, включавшего в себя композицию. Вероятно, наш книжник имел представление об общем составе СК, в т.ч. и о тех разделах, которые должны были вписывать его помощники. Об этом свидетельствуют «перспективные» ссылки (т.е. те внутритекстовые ссылки, которые отсылали читателя к тексту, следующему за тем фрагментом, в котором ссылка помещена). Хотя в них и отсутствуют указания на конкретные главы, сам факт их включения в текст указывает на то, что помещение соответствующего

⁴⁸ Приводимый ниже вариант последовательности создания текста СК дополняет материал, представленный нами ранее (см.: Усачев А. С. Этапы оформления текста Степенной книги древнейшей редакции (на материале Волковско-го, Томского и Чудовского списков) // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: труды всероссийской научной конференции к 40-летию полевых, археографических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.): в 2 ч. Ч. 1. Ярославль, 2008. С. 157-171.). В более ранней работе особое внимание было сосредоточено на «внешней» стороне создания древнейшей редакции памятника (прежде всего, на написании и правке дошедших Волк., Томск. и Чуд.). Ниже будет предпринята попытка определить «внутреннюю» сторону этого процесса и выявить логику, пусть и гипотетическую, создания первоначального (не сохранившегося) текста СК.

щих рассказов в СК планировалось заранее⁴⁹. Структура произведения также была частью этого замысла. Во-первых, на это указывает полное название памятника. Во-вторых, помещенные в основном тексте Волк., Томск. и Чуд. «ретроспективные» внутритекстовые ссылки (т.е. те ссылки, которые адресовали читателя к предыдущим разделам) отсылали к конкретным степеням и главам. Учитывая то, что практически все ссылки делались на конкретные разделы, можно предположить, что членение текста на главы и титла производилось если не лично руководителем работ, то, во всяком случае, при его самом активном участии. Последнее, конечно, не исключало привлечения писцов, вписывавших соответствующие заглавия в Волк., Томск. и Чуд., а позднее и создававших гранесование.

Согласно нашему предположению, первоначальный текст СК, предшествовавший написанию Волк., не включал в себя ее «компилятивных» разделов, которые, однако, подразумевались. Есть основания думать, что этот, «авторский», текст был положен в основу древнейшего сохранившегося списка СК Волк. Последний был дополнен рядом «компилятивных» разделов (Жития Ольги, Евфросинии Полоцкой и т.д.), скопированных писцами по поручению составителя. После этого Волк. подвергся правке, которая была учтена при создании Томск. и Чуд. Судя по всему, наш книжник использовал помощь около полутора десятков писцов, которым поручалась «техническая» работа по копированию крупных отрывков из источников СК, кардинальная правка которых, по-видимому, не планировалась, а также переписывание набело текста произведения. Одному из писцов была поручена переписка наиболее сложных фрагментов текста, требующих внесения некоторой смысловой правки. После написания текста он был подвергнут редактированию, которое проводилось поэтапно. В свете имеющихся в настоящее время данных нельзя сказать точно, правил ли создатель СК лично Волк., Томск. и Чуд. или эта работа была поручена другому лицу (писцу, пользовавшемуся особым доверием). Оба варианта возможны. В любом случае, отмеченное выше единство методов, с помощью которых

⁴⁹ Например, на это указывает ссылка в 22 гл. 16 ст. на жизнеописание Даниила Переяславского (25 гл. 16 ст.), которое, как установил Н. Н. Покровский, в тексте СК появилось на одном из завершающих этапов его создания.

текст СК писался и редактировался, заставляет нас рассматривать это произведение как результат воплощения замысла одного лица⁵⁰.

Вышесказанное приводит нас к выводу, что русский книжник круга митрополита Макария одновременно выступает в роли составителя, редактора и автора, разработавшего общий план СК. Он воплотил авторский замысел, используя помощь ряда писцов, выполнявших «техническую» работу, включая весьма значительные фрагменты из сочинений предшественников.

⁵⁰ В настоящей работе мы сосредоточили свое внимание лишь на одной составляющей этого замысла — методике написания текста. Как показывает изучение мировоззрения нашего книжника, следы замысла одного лица прослеживаются также в представленных в СК исторических и политических взглядах. Подробнее о них см.: *Покровский Н. Н.* Исторические постулаты Степенной книги царского родословия // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 3-36; *Он же.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга. Т. 1. С. 89-119; *Ленхофф Г. Д.* Степенная книга: замысел идеология, адресация // Там же. С. 120-144; *Усачев А. С.* Древнейший период русской истории в исторической памяти эпохи Московского царства (на материале «Книги Степенной царского родословия») // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 609-634.

А. В. Юдин

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭПОХИ» В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОСТИ

При изучении истории любой науки вопросы периодизации занимают особое место. Деление истории, в том числе и истории антиковедения, на периоды является неременным условием осуществляемого исследователем, в нашем случае исследователем науки об античности, исторического анализа¹. Периодизация структурирует хронологию и упорядочивает наши представления о прошлом, хронологию истории антиковедения и наших представлений о прошлом исторической науки. Периодизация показывает, с одной стороны, непрерывность развития объекта исследования, с другой стороны, его в известной мере прерывность, или скачкообразность. Всякого рода «скачкообразные изменения» приходятся, как правило, на промежутки между периодами, отделяющими одни этапы истории от других². Периодизация — это и метод анализа, и способ синтеза и упорядочения огромной массы материала по истории изучения античности, и сущностное определение основного содержания этапов развития исторического научного знания.

Понятие «периодизация истории изучения античности» имеет несколько взаимосвязанных и дополняющих друг друга аспектов. Во-первых, это инструмент познания того, как развивалась наука о древности и каковы тенденции и перспективы её дальнейшего развития. Во-вторых, это одна из сторон саморефлексии современного антиковедения. В-третьих, это средство структурирования и логического построения лекционных курсов и учебных пособий для студентов и аспирантов. Разработка периодизации отвечает задачам историографии древней истории, к которым относятся изучение истории иссле-

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 535.

² Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 117.

дований античности учёными разных стран разных эпох в связи с развитием методологии и научного мировоззрения историков.

Разумеется, сколько исследователей, в том или ином ключе (и объёме) занимающихся историей антиковедения, столько может быть и мнений относительно периодизации его истории. Однако выработка определённых общепринятых подходов к периодизации историографии античной истории представляется необходимой, как для того, чтобы самим антиковедам лучше понимать историю изучения древности в целом, не замыкаясь на «частных историографиях» своих диссертаций и монографий, так и для того, чтобы студенты и аспиранты, особенно те, кто специализируются по древности, могли соотносить историю изучения выбранной ими проблемы с другими процессами истории исторической науки. При этом важно избегать крайности выработки каких-либо формализованных и догматических подходов к периодизации истории антиковедения.

Каждая область исторической науки имеет свои внутренние закономерности и особенности развития, хотя и в большой мере коррелирующиеся с общими закономерностями развития истории как науки. Поэтому разработка проблем периодизации антиковедения как самостоятельной области исторической науки вполне обоснована. К сожалению, в антиковедении до сих пор нет комплексных исследований по истории изучения античного мира с детально разработанной и обоснованной периодизацией, а также детально проработанных подходов к формулированию критериев периодизации, к установлению типологии этапов историографии истории античности. А это необходимо не только в строго научных целях, но и в целях эффективного преподавания историографических дисциплин.

Не предлагая детальной периодизации историографии истории античности, мы сосредоточились на рассмотрении вопроса о крупномасштабном делении истории науки об античности. Отметим только, что целесообразно выделять три вида этапов развития антиковедения: *периоды*, *интервалы* и *историографические эпохи*.

Под термином *период* мы понимаем определённый этап развития научных знаний об античности, имеющий следующие устойчивые характеристики, которые можно понимать как *критерии выделения периода*: 1) (главный критерий) доминирование на протяжении определённой эпохи тех или иных философских учений, определяв-

ших парадигмы³ мышления больших групп интеллектуалов, в том числе занимавшихся изучением древней истории; 2) господство в науке (той или иной страны, региона, нескольких регионов) нескольких научных направлений, являвшихся ведущими в антиковедении (на национальном, региональном или межрегиональном уровне); 3) результативная деятельность определённого числа научных школ (той или иной страны, региона, нескольких регионов), работающих в рамках существующих мировоззренческих парадигм.

Периоды антиковедения следовали не сразу один за другим. Представляется некорректным встречающееся в ряде учебников и исследований отделение одного периода развития науки от другого каким-то политическим событием или даже научным открытием. Ни первое, ни второе не меняют тотчас концептуальных подходов историков к осмыслению прошлого, тем более такого отдалённого от них, как древний мир; их влияние на науку сказывается позже, что объяснимо как общей закономерностью развития науки «в запас», так и консервативностью антиковедения по сравнению с другими сферами исторического знания. Поэтому представляется целесообразным выделение между периодами развития антиковедения неких промежуточных этапов, «водоразделов», которые условно можно назвать *интервалами*. Под термином *интервал* мы понимаем определённый этап развития научных знаний об античности, отличающийся характеристиками как предшествующего периода, так и следующего, и имеющий следующие характеристики: 1) изменение мировоззрений учёных: отмирание старых и зарождение новых (нескольких или даже многих) парадигм научного поиска и интерпретации источниковых данных; при этом отмечается сосуществование старых, занимавших когда-то господствующее или, по крайней мере, твёрдое положение в исторической науке методологий, так и зарождающихся новых исследовательских парадигм; 2) смена в антиковедении (той или иной страны, региона, нескольких регионов) научных направлений, что обусловлено как накопившимися новыми источниками, которые трудно и порою невозможно интерпретировать в русле преж-

³ Под термином «парадигма» понимается модель постановки и решения исследовательской проблемы, признанная научным сообществом в данной области знания на протяжении определённого времени (подробно см.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1962).

них методологических подходов, так и зарождением новых философских направлений; 3) утрата прежними научными школами продуктивности и их неизбежное угасание, приход им на смену новых научных школ, вместе с новыми философскими подходами и реализующими их в научных исследованиях направлениями.

Интервалы, отделяющие одну историографическую эпоху от другой, характеризуются тем, что сопровождаются коренными изменениями в антиковедении — как в его фундаментальных мировоззренческих основаниях, так и в организационных формах. Именно в интервалы, лежащие между историографическими эпохами, меняются идеалы и нормы антиковедческих изысканий вместе со стандартами исследовательской практики и общими манерами изложения мыслей учёными. Этого нельзя сказать об интервалах, разделяющих периоды развития антиковедения в пределах одной историографической эпохи; в этих случаях имела место смена парадигм мышления учёных, но не происходило радикального пересмотра предмета и задач исследования античности вместе с содержанием основополагающих понятий, используемых учёными. Такие интервалы не ломают преемственности традиций антиковедения, существующих в рамках текущей историографической эпохи. Преемственность традиций наблюдается и внутри научных направлений и школ, развивающихся в течение одного и более периодов антиковедения.

Проводя параллели с периодизациями, предлагаемыми социологами, периоды развития антиковедения можно характеризовать как «стационарные» этапы с внутренней стабильностью и относительным постоянством (в нашем случае стабильностью деятельности групп учёных, регулярным выходом в свет изданий, написанных в ключе господствующих подходов и парадигм), а интервалы — как этапы-«разрывы»⁴, нарушающие относительно стабильное развитие антиковедения и привносящие нечто радикально новое, будь то научные открытия, введение в оборот новых источников или предложение новых концепций понимания тех или иных ключевых проблем древней истории. Во время таких интервалов-«разрывов» имеют место важные изменения в антиковедении как в определённой

⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. С. 556. Понимание термина «период» как времени относительно стабильного развития мы встречаем также у французского историка Антуана Про (*Про А.* Указ. соч. С. 118).

структуре: появляются новые личности, новые научные школы, новые методологии и др. Но при этом интервалы-«разрывы» представляют собой лишь «переломы»⁵ в истории науки (в нашем случае антиковедения), в процессе которых важнейшие основы и главные элементы структуры науки хоть и претерпевают определённые изменения, но ни в коем случае не утрачиваются.

Многие антиковеды, выделяя специально в историографических исследованиях, или выделяя фактически в неисториографических монографиях и статьях те или иные периоды истории науки об античности, вольно или невольно объединяют несколько периодов в единое целое, более протяжённое по времени, чем каждый конкретный период, применяя к нему более или менее чёткие характеристики. До сих пор в работах антиковедов практически не встречаются чёткие дефиниции этапов развития науки о древности, превосходящих во временном отношении периоды, хотя фактически они подразумеваются. При этом явно выделяются узловые моменты в истории антиковедения, в которые имели место качественные перемены в знаниях о древности, предопределившие на время, превосходящее рамки какого-либо отдельного периода антиковедения, развитие изучения обществ древнего Средиземноморья.

Отечественные историки о разделении доклассической и классической науки об античности. Начиная с конца XIX в. историки стали выделять предшествовавший научному (классическому) антиковедению длительный этап развития научных знаний о древности, начатый деятелями Возрождения: в трудах антиковедов чётко отделяется донаучный этап историографии истории античности от научного, начинающегося благодаря Ф.-А. Вольфу, Б. Нибуру и А. Бёку.

В. И. Герье в исследовании «Очерк развития исторической науки» (1865 г.) началом зарождения науки об античности и исторической науки в целом считает XVI век, когда гуманисты, и особенно французские юристы, стали смотреть на античную историю и культуру, и особенно на римское право, «как на историческое явление» и объяснять его в связи с историей народа⁶. От зарождения до становления антиковедения (и истории в целом) как научного знания про-

⁵ Ср.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 153.

⁶ Герье В. И. Очерк развития исторической науки. М., 1865. С. 24.

ходит, согласно Герье, более двух столетий. В качестве фигуры, отделяющей донаучное изучение античности от научного, Герье выделяет Бартольда Нибура; его он считает «основателем историко-критической школы», с которой началось научное антиковедение⁷.

В. П. Бузескул совершенно чётко выделяет в качестве рубежной грани в истории антиковедения (как, впрочем, и в истории исторической науки в целом) 1800-е – 1820-е гг. С научной деятельностью в те годы уже упомянутых Ф.-А. Вольфа, Б. Нибура и А. Бёка Бузескул связывает «начало новой эпохи в разработке древней истории»⁸ (курсив мой — А. Ю.). Новая «эпоха», считал Бузескул, отличается пробуждением интереса к изучению разных проявлений исторической жизнедеятельности «народного духа» (повседневной жизни, религии, быту и нравам народов прошлого, в том числе и античных народов) и становлением «исторической школы»⁹, под которой Бузескул понимает методологию критического историзма.

Основатели советской науки о древности также считали, что элементы научного знания об античности зародились в XVI в., а собственно научное антиковедение появляется в начале XIX века.

С. И. Ковалёв принимает за начало собственно антиковедения появление во второй половине XVI в. работ Скалигера, в которых преодолены «узкий филологизм» и идеализация всего античного¹⁰. Среди факторов зарождения научного антиковедения он выводит на первый план не деятельность Вольфа и Нибура, а влияние последствий Великой Французской революции и рождение «буржуазной» историографии, которую «интересует уже не только история династий, — обращается внимание на народ, на самобытные черты его, нашедшие выражение в преданиях и быте»¹¹. «Буржуазное» антиковедение, писал с явно предвзятых позиций С. И. Ковалёв, в XIX в. лишь «создавало предпосылки для построения научной истории античного общества», при этом только марксизм сформировал антико-

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX вв. СПб., 2005. С. 299.

⁹ Он же. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 71.

¹⁰ Ковалев С. И. История античного общества. Греция. Л., 1937. С. 37.

¹¹ Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1949. С. 43.

ведение как науку, начало чему относится к тому же столетию¹². Н. А. Машкин, дал более широкую (но неконкретную) хронологию зарождения антиковедения, связывая начало его донаучного этапа с «появлением интереса ... ко всей античной истории»¹³ в эпоху Возрождения, давая этими словами понять, что до Возрождения якобы отсутствовал интерес к античности, хотя это не так¹⁴. В 1970-е гг. в отечественной науке наблюдается углубление хронологии начала антиковедения; теперь его относят к XV в., когда «появляются учёные-историки, а не просто люди, интересующиеся историей»¹⁵. В те же годы в советской науке утвердились более взвешенные оценки факторов становления научного антиковедения в начале XIX в.¹⁶

В современной отечественной науке укоренилась и практически никем не оспаривается точка зрения Э. Д. Фролова, согласно которой оформление антиковедения в научную дисциплину происходило с самого начала XIX в., когда заявил о себе и довольно быстро нашёл приверженцев критический метод изучения источников и реконструкции прошлого Нибура, до 1830-х гг., когда вслед за антиковедением европейских стран произошло оформление российского антиковедения в научную дисциплину¹⁷. Иными словами, 1800–1830-е гг., по Э. Д. Фролову, отделяют классическое антиковедение от прочих исследований об античности, проводившихся ранее.

Итак, российские историки с конца XIX в. до наших дней явно считают первые годы позапрошлого столетия началом новой эпохи в истории антиковедения — эпохи антиковедения как науки. Начало научного этапа историографии античности они совершенно справедливо связывают в первую очередь со становлением антиковедения

¹² Ковалев С. И. Указ. соч. С. 53.

¹³ Машкин Н. А. Указ. соч. С. 39.

¹⁴ Сам же Н. А. Машкин в том же издании двумя страницами ниже отметил, что интерес к римской истории существовал ещё на Руси.

¹⁵ Историография античной истории: Учеб. пособ. / Ред. В. И. Кузицина. М., 1980. С. 22.

¹⁶ Там же. С. 80.

¹⁷ Фролов Э. Д. Меморандум Б.-Г. Нибура о принципах классического образования // Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004. С. 335; Он же. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 112; Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 115.

ния как самостоятельной научной дисциплины с собственными чётко сформулированными предметом и методами исследования.

Что такое «классическое» антиковедение? На этот вопрос учёные отвечали, в целом не противореча друг другу, хотя и вкладывая в значение слова «классическое» неодинаковый смысл. Наряду с прилагательным «научный» применительно к этапу антиковедения, начинающегося с Вольфа и Нибура, историки часто употребляют эпитет «классическое», характеризуя антиковедение времени от начала XIX до начала XX в. включительно. Одно из объяснений этому дали ещё сами поздние представители той эпохи. Так, В. П. Бузескул напрямую связывал успехи антиковедения XIX века прежде всего с «кипучей деятельностью» и «обилием талантов» филологов-классиков¹⁸. Однако, позже появляется другое, более содержательное наполнение термина «классическое» применительно к антиковедению XIX – начала XX вв. Наиболее ёмко оно сформулировано Э. Д. Фроловым: антиковедение второй половины XIX — начала XX в. вышло на тот высокий уровень, который «навсегда остался своего рода нормой, высшим эталоном» для последующих поколений антиковедов, а труды того времени «приобрели славу поистине классических»¹⁹. При этом Э. Д. Фролов называет российских антиковедов того времени «русскими классиками» — и потому, что они сами получили образование, свободно владея классическими языками, и потому, что их научная и преподавательская деятельность формировала фундамент «всего гуманитарного образования и гуманитарной науки», и потому, что их труды стали образцом научного творчества для последующих поколений исследователей древности²⁰.

В отношении определения хронологии перехода от классического антиковедения к антиковедению другого характера, которое мы в данной статье называем постклассическим и выделяем в соответствии с ним отдельную историографическую эпоху, среди отечественных историков нет ясности, даже нет специального освещения в виде отдельных статей или частей и без того малочисленных антиковедческих историографических монографий. Пока нет и какой-либо разработанной и обоснованной терминологии относительно

¹⁸ Бузескул В. П. Введение в историю Греции... С. 293, 299.

¹⁹ Фролов Э. Д. Русская наука об античности... С. 216.

²⁰ Там же. С. 400.

того, как корректно называть антиковедение после начала XX века — «неклассическим», «постклассическим», «современным» или как-либо ещё²¹. Поэтому мы, не претендуя на окончательное решение данной проблемы, в какой-то мере берём на себя смелость обозначить хронологические рамки этого и нескольких других рубежных поворотов в истории науки об античности.

«Историографическая эпоха»: определение значения термина

Как можно понять, антиковеды так или иначе осмысляют и обозначают прилагательными некие большие этапы развития науки о древности, хронологически и содержательно превосходящие периоды её эволюции. Однако эти большие этапы не получили чёткого обозначения и соответственно критериев их выявления и установления. Также до сих пор остаётся открытым вопрос о критериях выделения периодов развития антиковедения и об обосновании выбора хронологических рубежей, отделяющих один период от другого.

Не пытаясь объять всех проблем периодизации истории антиковедения, постараемся выработать некоторые подходы к выделению её крупномасштабных этапов, которые мы предлагаем называть *историографическими эпохами*. *Историографическая эпоха* — это длительный, наиболее протяжённый этап развития научных знаний о древности, отличающийся спецификой мировоззренческих подходов большинства исследователей древности к оценке и интерпретации античности и соотношению этих подходов между собой.

Слово *эпоха* весьма многозначно. Разные учёные, изучающие историю исторической науки, в понятие «эпоха» вкладывают разный смысл. Одни под термином «эпоха» понимают определённый этап развития науки, связанный с деятельностью одного или нескольких наиболее видных историков. В этом ключе, в частности, выделяется «эпоха» Нибура и Ранке, датируемая временем от Французской буржуазной революции до 1820-х гг. и называемая «эпохой становления историзма как концептуальной формы научного мышления (Histo-

²¹ Встречающиеся в работах многих советских специалистов по древней истории термины вроде «современное немецкое буржуазное антиковедение», «современная советская наука об античности» и т.п., вольно или невольно противопоставляемые классической науке об античности, мы не рассматриваем, поскольку в основе их выделения лежат политические критерии вне их взаимосвязи с внутренними закономерностями истории антиковедения.

rismus als Denkform und Wissenschaftskonzeption)»²². В подобном же ключе выделяется эпоха «Школы “Анналов”», начавшаяся с 1928 г. и связанная с новым историческим мышлением (“new historiographical regime”, “nouveau régime d’historicité”)²³. Другие исследователи предлагают более распространённое понимание термина «эпоха», под которым подразумевается длительный этап исторического развития, включающий в себя меньшие по протяжённости этапы, которые чаще всего обозначаются как «периоды»²⁴. Применительно к проблематике периодизации исторических процессов, в том числе процессов развития науки, оно призвано обозначать:

1) Наиболее длительный этап развития исторического знания, предполагающий деление на меньшие входящие в него этапы;

2) Закономерности развития исторического знания, находящиеся над спецификой истории исторической науки меньших временных диапазонов, но не свойственные общим закономерностям развития исторической научной мысли как особой области научного знания от Фукидида до наших дней. Иными словами, каждая историографическая эпоха подразумевает наличие присущих только ей закономерностей развития исторической науки.

3) Наличие господствующего подхода к изучению прошлого, находящегося над конкретными методологическими концепциями, — того или иного типа историзма.

Историографические эпохи имеют определённые устойчивые характеристики, определяющие их специфику, их место в истории антиковедения и являющиеся критериями их выделения.

²² Jager F., Rüsen J. Geschichte des Historismus. München, 1992. S. 21.

²³ Burke P. The French Historical Revolution. The Annales School 1929–1989. Cambridge, 1990. (По всему тексту книги употребляется термин “new historiographical regime”, ему противопоставляется “old historiographical regime” (Р. 6–12); Hartog F. Régimes d’historicité. Presentisme et expériences du temps. P., 2003.

²⁴ Применительно к историографии истории античности наиболее чётко этот тезис сформулирован Э. Д. Фроловым, который подчёркивает, что трудно дать полное и исчерпывающее освещение «всех эпох и периодов в истории европейского антиковедения» (Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX века). Л., 1967. С. 6). Обратим внимание, что на первое место Фролов ставит эпоху, и лишь затем период. См. также: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: Учеб. пособ. Томск, 2006. С. 122.

Во-первых, каждая из историографических эпох соотносится с определённым вариантом *историзма* — подхода к исследованию прошлого, выходящего за пределы той или иной мировоззренческой парадигмы, господствующей на протяжении конкретного периода. Под термином «историзм» понимается принцип подхода к предмету исследования как изменяющемуся во времени²⁵. В исторической науке совершенно чётко отделяются друг от друга классический историзм, или историзм XIX века, и современный, или плюралистический, историзм. В то же время намного меньше говорится об историзме до начала XIX в., хотя он в разных его версиях, на донаучном уровне, всё-таки существовал. При этом необходимо иметь в виду, что тот или иной вариант историзма лежал в основе нескольких методологий истории, которые, в свою очередь, обуславливали и продолжают обуславливать появление и развитие методологических направлений (течений). Тип историзма связан с терминологическим аппаратом, с помощью которого учёные в разные времена изучали и объясняли историю. Каждой историографической эпохе в связи со свойственным ей типом историзма присущи совершенно особые ключевые исторические термины — своего рода мировоззренческие универсалии, или категории, которые выступают в роли своеобразной системы координат и формируют «модель понимания»²⁶ учёным изучаемой им исторической действительности.

Во-вторых, историографические эпохи отличаются по принципиальным особенностям организации самих исторических исследований и преемственностью их проведения. Историки ясно дифференцируют специфику научных школ XIX века и современных (начиная с предвоенного времени) научных школ, однако упущены из виду объединения исследователей античного прошлого, существовавшие до появления собственно научных антиковедческих школ. Тем не менее, необходимо понимать, что всевозможные формы и

²⁵ Смирнова Н. М. Историзм // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 175-176. В недавней работе немецких историков Фридриха Йегера и Йорна Рюзена историзм определяется как «способ исторического мышления и соответствующая ему концепция исторического познания» (“eine bestimmte Weise des historischen Denkens und eine Konzeption von Geschichtswissenschaft”), которая нацелена на выявление исторического своеобразия изучаемого времени (Jäger F., Rüsen J. Op. cit. S. 1).

²⁶ Яковлев Ю. В. Культура. Мировоззрение. Наука. (Проблема оснований научного знания). Кострома, 2006. С. 50.

аспекты организации исторических исследований в значительной мере обуславливают зарождение, функционирование и смену исследовательских направлений, в том числе и в антиковедении.

В-третьих, каждый из больших этапов развития антиковедения имеет присущий только ему комплекс подходов к отбору, оценке, интерпретации и использованию источников. В связи с этим понимание сути источника о прошлом от эпохи к эпохе изменялось. Каждая историографическая эпоха тоже отличается присущими ей методами установления исторических фактов; при этом смысл понятия «исторический факт» от эпохи к эпохе расширяется.

В-четвёртых, историографические эпохи принципиальным образом отличаются друг от друга по дисциплинарной определённости антиковедения, в первую очередь тем, как авторы антиковедческих трудов определяли предмет и задачи своих штудий, которые либо оговаривались, либо вытекали из контекста.

В-пятых, каждой эпохе в истории антиковедения присущ особый тип учёного, занимающегося древностью, — личность с мировоззренческими установками, уровнем и спецификой полученного образования, с осознанием целей своей деятельности.

Вся история антиковедения делится на время существования донаучных *знаний* об античности, накопленных эмпирически в результате изучения греческих и римских христианских и юридических древностей, и время существования целенаправленного²⁷ изучения древней истории сначала с элементами, а со временем и с развитой системой *научного* исследования. То, что предшествовало целенаправленному изучению античности, начавшемуся в XV в. благодаря Флавио Бьондо и другим деятелям Возрождения, получило название «предварительной стадии историографии», «подготовки почвы для развития историографии об античности...»²⁸. А зародившееся с Бьондо целенаправленное изучение античности, причем антиклерикального характера, принято относить к собственно историографии истории античности, пусть даже оно тогда имело явно антикварно-компендиальный характер.

²⁷ Цели могли быть разными: и антикварно-любительскими, и утилитарно-политическими, и строго научными, и научными с изрядной долей политизации (и идеологизации) на разных этапах развития антиковедения.

²⁸ Историография античной истории... С. 8.

На наш взгляд, в истории антиковедения чётко можно выделить три «историографические эпохи»: доклассическую, классическую и постклассическую (современную). При этом необходимо выделить рубежные события в истории антиковедения, которые можно рассматривать как хронологические рубежи выделяемых нами историографических эпох. Этими рубежами являются труды по античной истории, оказавшие наиболее сильное воздействие на дальнейшее развитие научных знаний о Древней Греции и Древнем Риме. Выход в свет такого труда-исследования представляет собой антиковедческий историографический факт, который также можно оценивать как историографическое событие в антиковедении.

I. *Доклассическая эпоха.* Длилась с середины XV до конца XVIII в. Это время существования элементов научного мировоззрения и элементов научного подхода к изучению античной истории. Антиковедение ещё не выделилось в самостоятельную научную дисциплину с собственными предметом и методами исследований; древность изучается преимущественно с помощью методов философских и филологических наук. В трудах разных авторов, касавшихся античной тематики, прослеживаются донаучные формы историзма. Пока они в достаточной мере не изучены, ограничимся лишь общими замечаниями о них (применительно к антиковедению).

Начальный рубеж эпохи — 1446–1459 гг.: появление трудов Флавио Бьондо, ставших первыми трудами об античности, содержащими элементы научного исследования, прежде всего — описание истории не с клерикальных позиций, первое установление точной исторической топографии древнего Рима и Италии.

Конечный рубеж эпохи — 1794 г.: «История Греции» Вильяма Митфорда как завершение антикварно-компендиальной традиции изложения древней истории и «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Ж. А. Кондорсе как апогей просветительского понимания античности как особой стадии в истории цивилизаций. И тот, и другой подходы к изучению древней истории, будучи разными по своей сути и находясь в соперничестве в течение всего века Просвещения²⁹, к концу XVIII века исчерпали себя и по-

²⁹ О конфликте «эрудитов» и «просветителей» в отношении изучения истории, в том числе и античной, специально говорит Арнальдо Момильяно

буждали учёных, занимавшихся древностью, искать новые принципы и подходы к изучению античности.

Историзм доклассической эпохи можно охарактеризовать как утилитарный и рационалистический, предполагавший оценку фактов и явлений греко-римского прошлого с позиций современных последовательно сменявшим друг друга гуманистам, эрудитам и просветителям логики и ценностей.

При написании трудов об античности деятели Возрождения, века эрудитов (в литературе – век раннего классицизма) и Просвещения использовали практически только сочинения по истории, художественная литература, произведения философов, политико-правовые трактаты и доступные в ту эпоху памятники законодательства древних греков и римлян. Вещественные источники хотя и были известны, но не вводились в научный оборот, представляя собой лишь единицы хранения в коллекциях. Другие типы источников об античности были практически неизвестны.

Организация исследований античности осуществлялась в основном самими учёными, без какого-либо влияния научных школ и устоявшихся антиковедческих традиций, которых попросту тогда не было. Минимальная регламентация исследований появилась лишь в последнее столетие эпохи вместе с созданием «отделений антиквитетов» в академиях европейских столиц.

Спектр *подходов к отбору, оценке, интерпретации и использованию источников* в XV–XVIII вв. только складывался, причём в течение длительного времени. Изучение античных источников существовало лишь на эмпирическом уровне. В целом авторы трудов о греках и римлянах пользовались источниками без какой-либо серьёзной критики, причём явно отбирая нужные им фрагменты сочинений древних без комплексного взгляда на их произведения. Правда, ближе к концу эпохи Луи де Бюфур в своей «диссертации» о Гомере разрабатывает основы научной критики источника. В конце эпохи И. Винкельман, предложив впервые классификацию источников об античности, создал предпосылки к выведению источниковедения античности в дальнейшем на подлинно научный уровень.

(*Momigliano A. Gibbon's contribution to historical method // Momigliano A. Studies in historiography. London, 1966. P. 42 и далее.*)

В качестве отдельной научной и даже университетской учебной дисциплины антиковедение в эту эпоху не существовало; оно формировалось и реализовывало себя *на додисциплинарном уровне*. Лекции по древней истории читались в качестве разделов курсов по всеобщей истории, читавшихся одним и тем же профессором. Да и сами авторы, писавшие об античном мире, по большей мере помещали сведения о нём в качестве разделов более обширных по тематике и временному охвату описываемых событий произведений, нежели в специальных антиковедческих монографиях.

Личность исследователя античности — это, как правило, учёный-эрудит, получивший философско-правовое образование, которого интересовали, главным образом, насущные вопросы современной ему реальности, особенно проблемы права и государственного устройства, а не античность сама по себе. Таковы Н. Макиавелли, исследователь римского права А. Террасон, Ш.-Л. Монтескьё. Менее распространённым типом личности исследователя античности в рассматриваемую эпоху был учёный-филолог, который интересуясь историей языков, литературы и изящных искусств, обращался к античности именно через призму филологическо-искусствоведческого мировоззрения (к ним можно отнести И. Винкельмана).

Интервал-кризис между доклассической и классической эпохами истории антиковедения приходился на 1795–1810 гг. В это время на фоне угасания философии Просвещения мыслители стали активно заниматься поисками предмета и методов научного изучения античности, что свидетельствует о креативном характере этого кризиса. Этому кризису предшествовало издание обширных, но практически полностью описательных трудов А. Фергюсона по римской истории и У. Митфорда по греческой истории; это и стало концом доклассической эпохи истории антиковедения. Начальной вехой кризиса стала работа Ф. А. Вольфа «Предисловие к Гомеру», в котором была осуществлена научная постановка гомеровского вопроса. Ключевым событием кризиса стали «Очерки науки о древности» Ф. А. Вольфа, в которых даны чёткое определение предмета, целей и задач исследования, классификация источников и сформулированы методы историко-филологического изучения античности как точного научного знания. Завершением кризиса послужило издание первых томов фундаментальной «Римской истории» Б. Г. Нибура, в которой впер-

вые в антиковедении применены историко-критический и сравнительно-исторический методы исследования. Именно с Нибуром связано формирование критического историзма как первой методологии в антиковедении и выдвижение первых теорий относительно отдельных аспектов римской истории. Итогом кризиса стало выделение антиковедения в самостоятельную научную дисциплину и, следовательно, начало новой, классической, эпохи антиковедения.

II. **Классическая эпоха.** Продолжалась с 1810-х по 1910-е гг. Антиковедение начиная с первых десятилетий XIX в. благодаря деятельности Ф. А. Вольфа, Б. Нибура и А. Бёка оформляется и далее развивается в качестве самостоятельной научной дисциплины с собственным предметом и инструментарием научного познания. Образуются и развиваются научные направления и научные школы при господстве гегельянства в самом широком смысле этого слова (включая все его методологические ответвления и варианты). Классической эту эпоху правомерно называть потому, что труды антиковедов того времени являются фундаментом профессионального образования любого специалиста по древней истории, который имел возможность прочесть эти труды, как только они выходили в свет.

Благодаря тому, что Ф. А. Вольф очень чётко определил предмет науки о классической древности, на долгое время, по крайней мере, на весь XIX век, установилась некоторая принципиальная дисциплинарная замкнутость (в смысле имеющего свои пределы) антиковедения в выборе предметов и тем исследований. Только с начала XX века появились тенденции к преодолению этой замкнутости, выразившиеся в основном в массовом привлечении сравнительно-исторического материала не греко-римской, но всё-таки касавшейся классической античности или сопоставимой с нею древности. В полной мере эти тенденции, проявившиеся, кстати, поначалу у учёных, не специализировавшихся на античности (Н. И. Кареев и др.), наберут силу в начале следующей историографической эпохи.

Начальный рубеж эпохи — 1807–1811 гг.

1807 г. — выход в свет «Очерков науки о древности» Вольфа, положивших начало выделению антиковедения (в терминологии Вольфа и поколений последующих немецких историков — *Altertumswissenschaft*) в самостоятельную область знания. В этом труде даны определение предмета, целей и задач исследования, классификация

источников, формулировка методов историко-филологического изучения античности как точного научного знания. К этому же году и к деятельности Вольфа относится появление первого периодического антиковедческого издания «Музей науки о древности».

1811 г. — издание «Римской истории» Бартольда Нибура: разработка историко-критического и сравнительно-исторического методов; формирование критического историзма как первой методологии в антиковедении; окончательное выделение антиковедения в самостоятельную научную дисциплину; выдвижение первых теорий относительно отдельных аспектов римской истории.

Конечный рубеж эпохи — 1923–1928 гг.: выход в свет фундаментальных антиковедческих исследований, сочетавших в себе традиции классического антиковедения и черты постклассической науки о древности, и представлявших собою апогей деятельности ведущих научных направлений классического антиковедения.

1923 г. — «Государство и общество греков» У. Вилламовиц-Медлендорфа — апогей культурно-исторического направления в рамках позитивизма.

1929 г. — «Общество и хозяйство в Римской империи» М. И. Ростовцева — апогей социально-экономического направления в рамках позитивизма.

Тип историзма этой эпохи традиционно называют классическим, который имел следующие основные черты³⁰ и их проявления в антиковедческих трудах:

а) Понимание предмета исследования как динамичного явления, изменяющегося во времени; при этом разные проявления культуры античности (например, классическая греческая трагедия, римское язычество, римское право, — стала специально изучаться не только его догма, но и его история) также понимались как динамично развивающиеся. Учёным, изучавшим греческие и римские древности, стало свойственно стремление увидеть динамику конкретных явлений и процессов, так или иначе относящихся к античности, а не только установление во многом к тому времени известной последовательности событий политической жизни и войн.

³⁰ К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск, 1994. С. 7-11; Смирнова Н. М. Историзм... С. 175-176.

б) Представление о всемирном единстве истории, осмысление истории как прогресса, заключающегося в поступательном развитии человечества от низших форм к высшим, а античности как стадии, без которой выглядела невозможной последующая история Европы.

в) Синтезная (спиральная) модель исторического времени, сочетающая элементы линейной и циклической моделей истории (сформулирована Гегелем)³¹; в истории античности и отдельных государственных образований и цивилизационно-культурных ареалов греко-римского мира стали выявлять периоды подъёмов и спадов.

г) Принцип умопостигаемости истории — признание возможности достоверных реконструкций «как это собственно было».

д) Признание определённой субъективности историка, которая, тем не менее, не препятствует возможности открытия и формулирования законов исторического развития.

е) Признание в качестве первичного элемента и «незыблемого фундамента теоретических комбинаций» исторического факта с акцентированием внимания на его объективном содержании при определённом игнорировании субъективной интерпретации познающего (будь то древнего автора или историка XIX века).

ж) Европоцентризм³² — сосредоточение на истории народов Европы и, шире, «христианской цивилизации», интерпретация исторических реалий неевропейских регионов с позиций ценностей европейцев, осмысление Европы как места завершения исторического движения и как места реализации наиболее совершенных, близких к идеалам (опять же европейским!) государственных форм и правовых институтов. В антиковедении европоцентризм классического историзма выразился в греко- и романоцентризме, в том, что:

- Греки и римляне осмыслялись как народы, находившиеся на более высоком уровне развития, чем народы Востока³³.

³¹ Жигунин В. Д. *Философия истории: формирование и эволюция основных идей* (пять лекций в Самаре). Самара, 1997. С. 12.

³² Европоцентризм для исторической мысли XIX века был явлением оправданным, поскольку по истории Европы в распоряжении учёных находилось намного больше источников, чем по истории всех других частей света вместе взятых, и при этом история Европы для европейцев была, естественно, намного актуальнее, чем история неевропейских стран.

³³ Подобное осмысление своими корнями восходит к исторической концепции Августина Блаженного, согласно которой Греко-македонская держава и

- История других древних народов воспринималась или как «историческая прелюдия» к греческой и римской истории, или как фон, на котором развивалась греко-римская цивилизация, поглощая чуждые ей общества; поэтому истории других народов в трудах антиковедов уделялось мало внимания.

- Определённая идеализация достижений греков и римлян в культуре, искусстве, литературе и праве.

Организация исследований античности в XIX — начале XX вв. осуществляется кафедрами университетов и отделениями академий; при этом в целом (хотя и не без изъянов) сложилась система оплаты труда учёных, их научных командировок для повышения профессионализма и для изучения источников, а также археологических изысканий. Важно, что результаты исследований стали публиковаться в периодических изданиях (правда, ни одно из них не было посвящено исключительно античности).

В классическую эпоху произошло становление и утверждение *источниковедения* античной истории. Уже в начале эпохи благодаря Нибуру и Бёку появилась критика источников по истории Древней Греции и Древнего Рима, элементами которой до сих пор пользуются все антиковеды. Почти весь XIX век источники понимались как «вместилище готовых фактов». Только в конце классической эпохи истории источниковедения на фоне накопления новой массы ранее не известных археологических и лингвистических источников произошёл пересмотр подобного понимания источника, сформулированного в своё время Нибуром и Ранке, а затем первым поколением позитивистов. В результате появился гиперкритический подход к источникам, ярко проявившийся в работах Ю. Белоха и Э. Пайса.

Дисциплинарная определённость источниковедения с 1807 по 1811 гг. стала совершенно чёткой благодаря Вольфу и Нибуру: первый сформулировал предмет «науки о классической древности», а второй разработал собственно антиковедческие методы исследования на примере ранней римской истории.

Личность исследователя античности в рассматриваемую эпоху — профессиональный историк-филолог, получивший всестороннее фундаментальное гуманитарное образование в классическом

Римская Империя осмыслились именно как мировые империи, сменившие Ассиро-вавилонскую и Мидо-персидскую монархии.

университете. В большинстве случаев (за исключением родоначальников научного антиковедения) такой человек формировался как учёный в условиях той или иной антиковедческой научной школы и под заметным влиянием гегельянства. Поскольку «классический» антиковед получал образование на историко-филологическом или — реже — на юридическом факультете, предполагавшее широту познаний в разных сферах гуманитарного знания, он, став учёным, стремился написать хотя бы одно полномасштабное систематическое изложение своего видения изучаемого им долгое время аспекта древней истории. Поэтому большинство обобщающих систематических трудов по античности, охватывающих широкий круг проблем, написаны в эту эпоху; их знание стало необходимым условием для образования специалиста по древности в следующую эпоху.

Интервал-кризис между классической и постклассической эпохами истории антиковедения имел место в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. В это время происходила окончательная ломка позитивизма, выразившаяся в утрате им господствующих позиций в исторической науке (в том числе и в антиковедении, где он держался дольше, чем в остальных областях всеобщей истории) и утверждение новых методологий. В это время ввиду сугубо политических факторов произошло обособление отечественной исторической науки от мировой, продолжавшееся до 1990-х гг. В это же время фактически заканчивается «классический историзм» и укрепляется «современный (плюралистический) историзм» как новый подход к пониманию предмета исторического исследования. Вместе с тем, многие учёные, понимая, что «классический историзм» отжил своё, не восприняли «современного историзма», стали приверженцами релятивизма в разных его вариантах (все они не признают универсальности исторического движения человечества и возможности открывать сколько-нибудь значимые закономерности исторического развития того или иного общества) или вовсе ушли в идиографизм (описание единичных и неповторимых явлений и фактов при отсутствии стремления найти закономерности их повторяемости). В антиковедении одним из наиболее видных представителей умеренного релятивизма был Р. Ю. Виппер.

III. *Постклассическая (современная в широком смысле слова) эпоха.* Началась в 1930-е гг. и продолжается поныне. Инстру-

ментарий исследований заметно усложнился не только в результате закономерностей внутреннего развития самой исторической науки, но и за счёт заимствования ряда методов исследования из других наук. Занятия древней историей приобретают все более междисциплинарный характер. Господствуют сразу несколько философско-методологических направлений в антиковедении. На протяжении всей эпохи наблюдается неуклонное, хотя и не без противоречий, расширение сферы влияния и поступательное развитие «новой исторической науки», фундамент которой заложили М. Блок и Л. Февр.

В постнеклассическую эпоху наблюдается расширение междисциплинарных подходов к определению предметов и выбору тем антиковедческих исследований, а также к выбору и интерпретации источников. Междисциплинарность размывает строгие границы классического антиковедения, обязывает специалистов по античной истории привлекать результаты исследований и самих исследователей из других областей исторической науки (прежде всего востоковедов и специалистов по раннему Средневековью) и из других наук (социологов, культурологов, религиоведов, лингвистов). Именно в современную эпоху появились междисциплинарные институциональные формы организации исследований по древней истории.

Начальный рубеж эпохи — 1928–1935 гг. — зарождение ведущих для современного (в широком смысле) антиковедения методологических подходов, которые, со временем трансформировавшись, в тех или иных вариациях существуют до сих пор³⁴:

1928 г. — «История Рима» Т. Франка: зарождение умеренного релятивизма в антиковедении;

1932 г. — «Проблемы античной истории» Г. де Санктиса: становление неогегельянской методологии в антиковедении;

1935 г. — «История античных рабовладельческих обществ» А. И. Тюменева: утверждение марксистской методологии в антиковедении и понимания античности как особой фазы единой рабовла-

³⁴ Говоря о начальном хронологическом рубеже современной историографической эпохи в истории антиковедения, мы не указываем на проходившую своё становление в те же годы «Школу “Анналов”», поскольку в антиковедении её влияние стало ощутимым только в 1950-х гг. после выхода в свет ряда работ А. Пиганьоля, находившегося под влиянием этого направления.

дельческой формации, охватывавшей весь древний мир, начиная с появления первых государств на Ближнем Востоке.

Тип историзма в постклассическую эпоху антиковедения можно характеризовать как плюралистический, при котором практически все серьёзные исследования по древней истории привлекают как фактологические данные, так и методологический инструментарий других наук. Представление классического историзма о тех или иных сторонах жизнедеятельности античного общества как о динамично развивающихся явлениях включено в контекст других синхронных и асинхронных процессов развития древних обществ, с которыми предмет данного конкретного антиковедческого исследования тщательно сопоставляется. В отличие от классического историзма античность рассматривается не как этап истории человечества (правда, этот подход в трансформированном виде продолжал существовать в марксистской науке до начала 1990-х гг., считавшей античность высшей ступенью рабовладельческой общественно-экономической формации, которая, в свою очередь, рассматривалась как универсальный этап общественно-исторического развития), а как одна из многих равных по историческому значению цивилизаций древнего мира. Да и внутри самого антиковедения намного больше, чем в классическую эпоху, учёные стали уделять внимание «неклассическим» народам античного мира — древнейшему населению Греции и Италии, истории эллинистических государств и римских провинций, племенной периферии античной цивилизации.

Организация исследований античности в постклассическую эпоху заметно усложнилась, что связано, в первую очередь, с ростом числа учреждений и их подразделений, занимающихся древней историей или её аспектами. Помимо университетских кафедр (да и число самих университетов во всех странах возросло) появились кафедры в учебных заведениях других типов (в отраслевых вузах в СССР — странах СНГ, в университетских колледжах и подобных учреждениях — на Западе), работники которых заняты в исследованиях древности. Возросло и число академических подразделений в разных странах мира, деятельность которых направлена на исследование древнего мира. В качественном отношении также произошли коренные изменения: появились коллективные исследования групп учёных по истории того или иного феномена политической или

культурной жизни древних греков и римлян (например, по истории античной демократии), либо же того или иного региона античной ойкумены. С 1960-х гг. заявили о себе международные ассоциации учёных, которые нельзя в строгом смысле отнести к какой-либо национальной или региональной историографии. К таковым, в частности, относится Копенгагенский центр изучения полиса.

Дисциплинарная определённость антиковедения претерпела изменения. Продолжая оставаться самостоятельной научной дисциплиной, антиковедение стало сильнее взаимодействовать с другими областями исторической науки и с иными науками, что обеспечивает междисциплинарный характер большинства антиковедческих исследований постклассической историографической эпохи.

Личность исследователя античности — профессиональный специалист вполне конкретного профиля, учёный-«дисциплинарный» с более или менее узкой научной специализацией. «Универсальных» специалистов по античной истории, сопоставимых с корифеями классического антиковедения (Нибуром, Бёком, Моммзеном и др.) в постклассическую эпоху развития антиковедения не найти.

Таким образом, развитие антиковедения можно рассматривать как последовательную смену отдельных этапов, наиболее длительными из которых являются историографические эпохи, включающие в себя периоды и интервалы, и отделяющиеся друг от друга интервалами-кризисами. Каждая историографическая эпоха истории антиковедения имеет свои сущностные характеристики, главными из которых являются тип историзма, соотношение исследовательских подходов к изучению древнего прошлого и особенности организации исследований античности.

Предложенные в данной статье видение проблем периодизации истории антиковедения и понимание содержания терминов, связанных с предлагаемой периодизацией, не претендуют на исчерпывающий и всеобъемлющий анализ развития науки об античном мире. Положения статьи, безусловно, являются дискуссионными, а сама проблема периодизации развития науки об античности остаётся до сих пор открытой и требующей новых исследований.

БОЛГАРО-ТУРЕЦКИЕ СЮЖЕТЫ В «ИСТОРИИ» Н. М. КАРАМЗИНА И «КУХНЯ» ИСТОРИОГРАФА

«История государства Российского» Н. М. Карамзина оказала большое влияние на русское славяноведение XIX века. Изучая этот вопрос, А. Н. Пыпин пришел к выводу о том, что накопление фактических знаний о западных и южных славянах связано с периодом Отечественной войны 1812 года и зарубежными походами русской армии, а поворот к истинно научному исследованию славянской проблематики связан с работами Н. М. Карамзина¹. Благодаря Карамзину, разработка некоторых вопросов истории зарубежных славян получила новые импульсы². Цель статьи — выяснить вклад Карамзина в изучение средневековой истории Болгарии и Османской империи конца XIV–XVI вв.

Как известно, к занятиям историей Николай Михайлович Карамзин (1766–1822) пришел не сразу. После окончания университета он три года отслужил в гвардии, а в 1784 г. вышел в отставку и уехал в Симбирск. Однако старый друг семьи И. П. Тургенев увёз Карамзина в Москву, где ввёл его в круг друзей и единомышленников Н. И. Новикова, возглавлявшего «Дружеское ученое общество», преобразованное затем в Типографскую Компанию. В 1785 г. юноша становится членом московского масонского кружка Новикова, в котором получает имя Рамзей; сотрудничает в журнале «Детское чтение для сердца и разума», выступает в печати с переводами. За годы, проведенные в обществе Новикова и его соратников (1785–88 гг.), Карамзин испытал сильное влияние философии Просвещения³.

¹ Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX стол. // Вестник Европы. 1889. Т. IV. № 7. С. 272; Он же. История русской литературы. СПб., 1913. Т. 4. С. 194.

² Славяноведение в дореволюционной России. М., 1988. С. 51.

³ Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 4. С. 151-153, 210; Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 5-7; Он же. Письма русского путешественника. М., 1988. С. 5-10 (далее — Карамзин Н. М. Письма...); Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзи-

17 мая 1789 года писатель отправился в путешествие по Западной Европе, из которого вернулся в сентябре 1790 года с программой издательской деятельности, надеясь способствовать просвещению народа. В период с 1791 по 1805 гг. Карамзин выпускает два лучших по тем временам периодических издания: «Московский журнал» (1791–1792 гг.) и «Вестник Европы» (1802–1805 гг.), в котором только за 1802–1803 гг. издал 350 переводов, в том числе две публикации, непосредственно связанные с Турцией: «Письмо из Константинополя» и «О провинциальном начальстве в Оттоманской Империи (Из нового Оливьерова путешествия)»⁴.

В «Московском журнале» Карамзин опубликовал первую часть «Писем русского путешественника», в которых выразил свое понимание внутреннего смысла и единства мирового исторического процесса: «Все **народное** ничто перед **человеческим**. Главное быть **людьми**, а не славянами. Что **хорошо** для людей, то не может быть дурно для русских; и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то **мое**, ибо я человек!» (здесь и далее выд. шрифтом в тексте)⁵. Из-за преследования цензуры, не позволявшей высказать свое мнение о французской революции, первое полное издание «Писем...» вышло только в 1801 г., т.е. после смерти Павла I.

Во второй половине 1790-х гг. Карамзин пережил мучительный кризис. Якобинский этап Французской революции поколебал его прежнюю систему взглядов и веру в возможность наступления «золотого века» благоденствия для человечества. Вера в гуманистические идеалы Просвещения рухнула. В 1797 г. он решает «порвать со своей субъективистской эстетикой, оправдывавшей общественную пассивность писателя. В этот период в работах писателя возрастает интерес к истории»⁶. Но еще в начале 1790-х гг. у Карамзина сложи-

на // Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-и тт. М., 1989. Т. I. С. 481-482 (далее — Карамзин Н. М. История в 12 т.).

⁴ Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803) // XVIII век: Сб. 17. СПб., 1931. С. 254, 257. Начало работы, охватывающее период 1783–1800 гг., см.: XVIII век: Сб. 16. Л., 1989. С. 319-337.

⁵ Карамзин Н. М. Письма... С. 342.

⁶ Макогоненко Г. П. Николай Карамзин и его «Письма русского путешественника» // Карамзин Н. М. Письма... С. 14-15, 23, 26; Лотман Ю. М. Колумб русской истории // Карамзин Н. М. История государства Российского: Репринтное воспроизведение. М., 1988. Кн. IV. С. 9.

лось представление о том, что Российскую историю следует писать «с философским умом, с критикою, с благородным красноречием»⁷.

Первые сохранившиеся наброски плана «Истории государства Российского» относятся к 1800 г. В письмах к И. И. Дмитриеву⁸ (2 мая 1800 г.) и к брату⁹ (весна 1803 г.) Карамзин пишет: «Я по уши влез в историю...»¹⁰, «занимаюсь только русской историей»¹¹. К этому времени относится и характеристика «Истории» Татищева, свидетельствующая о том, что Карамзин недооценил значение главного труда своего предшественника. В «Пантеоне российских авторов» (1802 г.) Карамзин говорит о Татищеве как о ревностном любителе отечественной истории, который «вместо истории оставил нам только материалы ее и прибавил к летописям свои замечания. ...Он заставляет нас еще работать умом и вместе с тем теряться в хаосе противоречий. Историк должен все обделать в голове своей; ему труд, а вам плоды трудов его»¹². Отмечая нерасположенность историка к Татищеву, П. Н. Милюков подчеркивал большое влияние «щербатовской истории» на Карамзина: «Но не только в указаниях на источники помогает Карамзину Щербатов; еще сильнее обнаруживается его влияние в самом рассказе. ...Видно, что том Щербатовской истории всегда лежал на письменном столе историографа и давал ему постоянно готовую нить для рассказа и тему для рассуждения; и часто Карамзину оставалось только переделать ссылку и сделать соответственную выписку из источника»¹³.

В 1802 г. Карамзин просит пришедшего к власти Александра I (1801–1825) назначить его историографом — подобно Г. Ф. Миллеру и М. М. Щербатову. 31 ноября 1803 года просьба была удовлетворена, и с этого момента Карамзин, по выражению П. А. Вяземского, «постригся в историки», и не бросал уже пера до последнего дыха-

⁷ Карамзин Н. М. Письма... С. 340; Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. С. 489, 494.

⁸ Дмитриев Иван Иванович (1785–1826) — поэт, баснописец, сатирик; сенатор, министр юстиции, член Государственного совета, действительный тайный советник.

⁹ Старший брат — Василий Михайлович Карамзин.

¹⁰ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 177.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же.

¹³ Цит. по: Пытин А. Н. История русской литературы. Т. 4. С. 220, 221.

ния. В этом Карамзин остался верен своему мнению, что и «десять обществ не сделает того, что делает один человек, совершенно посвятивший себя историческим предметам»¹⁴.

Работая над «Историей», историограф столкнулся с проблемой сочетания строгой научности с литературно-художественной направленностью труда. Он решил ее довольно своеобразно, разделив «Историю» на две самостоятельные части. Основной текст — литературное повествование — сопровождался «Примечаниями», значительная часть которых стала уникальным собранием впервые вводимых в научный оборот источников¹⁵. Хорошо известно, что ценность «Примечаний» состоит и в том, что многие первоисточники погибли во время московского пожара 1812 года и по иным причинам.

Рассматривая вопрос об источниках, нельзя не упомянуть о создании Московского архива и первого российского объединения историков — Общества истории и древностей российских (1804 г.), среди учредителей которого были Н. М. Карамзин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. И. Мусин-Пушкин, А. Ф. Малиновский¹⁶ и др. Результатом деятельности Общества стало повышение требований к критике источников и документальному обоснованию. Карамзин писал: «есть **три** рода Истории», но если в первых двух (как у Фукидида и Тацита) «блистает ум, воображение... и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями», то «**третья** извлекается только из памятников...». «**Третий** род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что передали нам современники; молчим, если они умолчали — или справедливая

¹⁴ *Попов А. Н.* История имп. Московского общества истории и древностей российских, 1804–1812. М., 1884. Ч. 1. С. 14; *Афиани В. Ю., Козлов В. П.* От замысла к изданию «Истории государства Российского» // *Карамзин Н. М.* История в 12 т. Т. 1. С. 518.

¹⁵ *Сахаров А. Н.* Уроки «бессмертного историографа» // *Карамзин Н. М.* История в 12 т. Т. 1. С. 449; *Козлов В. П.* Н. М. Карамзин — историк // *Карамзин Н. М.* История. Репринт. Кн. 4. С. 22; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 175.

¹⁶ *Ишутин В. В.* Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848 гг.) // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* М., 1984. С. 97–99.

Критика заградит уста легкомыслимому Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. ... мы ... не можем ныне витийствовать в Истории»¹⁷. Историк может рассуждать «только в объяснении дел, там, где мысли его как бы дополняют описание»¹⁸.

Говоря об источниках, Карамзин отмечает, что «большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено...». И далее: только «с XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее»¹⁹. Это, однако, не избавило историка от ошибки. А. Н. Попов обнаружил в том экземпляре, с которым работал Карамзин, смешение источников, повлекшее «за собою то, что сказание об Амурате и Косовской битве, будучи сочинением Константина Философа, приписывалось диакону Игнатию». Карамзин не разобрался в слиянии двух разных источников и, излагая содержание сочинения Игнатия о хождения Пимена в Царьград²⁰, «передает и не принадлежащий ему рассказ об Амурате и Косовской битве», который является эпизодом из жития сербского деспота Стефана Лазаревича, сочиненного Константином Философом.

Для выяснения вопроса о привлеченных источниках значительный интерес представляют письма Карамзина А. И. Тургеневу, и особенно А. Ф. Малиновскому²¹. В письме к Тургеневу (21 января 1813 г.) он пишет, что «нашел нечто, любопытное: Степенную Книгу с прибавлениями неизвестными касательно времен царя Ивана Васильевича»²². 5 декабря 1821 года к Малиновскому: «Нетерпеливо желаю читать **обозрение, сношений России с Портой** и буду просить его»²³. В другом письме от 29 января 1822 года он просит при-

¹⁷ Карамзин Н. М. История. Репринт. Кн. 1. М., 1988. С. XI-XII.

¹⁸ Там же. С. XIII.

¹⁹ Карамзин Н. М. История. Репринт. Кн. 2. Т. 5. Гл. I. Стлб. 68. Примечание № 133 к тому V, главе I. Стлб. 49-52.

²⁰ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. Вып. I. М., 1866. С. III; Вып. 2. М., 1869. С. 50-51, 252-254.

²¹ Малиновский Алексей Федорович (1762–1840) — историк-архивист, археограф, писатель-переводчик, сенатор, тайный советник, управляющий Московским главным архивом коллегии иностранных дел. Архив возглавил после смерти Н. Н. Бантыш-Каменского (1737–1814) в 1814 г.

²² Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. С. 258.

²³ Там же. С. 247.

слать «немедленно Статейные списки... дела европейские и азиатские: ...Турецкие...», — сообщает: «Наконец мне дали просмотреть ваше прекрасное обозрение сношений России с **Оттом. империей**: все его хвалят, а я не отстаю от других»²⁴.

Публикуя источники в «Примечаниях» к «Истории», Карамзин далеко не всегда точно воспроизводил тексты. В. П. Козлов убедительно показал, что Карамзин довольно произвольно отбирал свидетельства и субъективно их интерпретировал²⁵; ему присущи потребительский подход к источникам и «текстологические лукавства», подмеченные еще Н. С. Арцибашевым²⁶, Ф. В. Булгариным²⁷ и др. Козлов разделил «лукавства» Карамзина на два типа. Для одного характерно исключение в «Примечаниях» тех мест источников, от которых историк отступал в основном тексте. В таких случаях историограф предпочитал ограничиться общей ссылкой на источник. Другой тип «текстологических лукавств» состоит в публикации в «Примечаниях» только тех фрагментов из текстов источников, которые соответствовали повествованию, и в исключении мест, противоречивших этому. Кроме того, располагая зачастую несколькими источниками об одном и том же событии, но с противоречивыми версиями, историк не стремился к их сопоставлению, а брал тот источник, который «работал» на его концепцию²⁸. Можно думать, что историограф не делал особой тайны из своих методов работы над «Историей». В письме к И. И. Дмитриеву (1811 г.) Карамзин писал, что заканчивает XV в., и «доселе я только хитрил и мудрил, выпутывался из трудностей»²⁹. Все сказанное требует осторожного отношения к текстам, опубликованным историком в «Примечаниях».

Какое место отводилось истории Болгарии конца XIV–XVI вв. в двенадцатитомной «Истории» Карамзина. В первом сюжете речь

²⁴ Там же. С. 248.

²⁵ Подробнее об этом см.: Козлов В. П. Полемика вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в русском обществе 10-20-х гг. XIX в. // История СССР. 1984. № 5. С. 88-102.

²⁶ Арцибашев Н. С. Замечания на Историю государства Российского // Московский вестник. 1828. Ч. II. С. 285-318; Ч. 12. С. 254-285.

²⁷ [Булгарин Ф. В.] Критический взгляд на X и XI тома «Истории государства Российского», соч. Н. М. Карамзина // Северный архив. 1822. Ч. 14. С. 193.

²⁸ Козлов В. П. Н. М. Карамзин-историк. С. 24-25.

²⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Т. 2. СПб., 1866. С. 154.

в тексте идет о событиях 1359 года, Карамзин приводит названия городов, как они именовались «в Российской Географии XIV в.»³⁰, указывая, что «описание древнейших наших городов» дается по Воскресенской летописи XV в. «Примечание № 387» начинается словами: «Се имена градом всем Руским, далним и ближним», в числе которых называются некоторые болгарские города: «На Дунае Видицов (Виддин), ...а об оную страну Дуная Тернов... А по Дунаю Дрествин (Силистрия), ...на море Варна...»³¹. Далее Карамзин пишет о своем сомнении в правильности причисления этих городов к русским: «Географ именует, кажется, Болгарские города Российскими единственно для того, что они были завоеваны Великим Князем Святославом в X веке»³². В контексте нашей темы фрагмент этот интересен, прежде всего, как сводка географических данных (к тому же с нарушением границ, правда, весьма размытых в то время) и только потом как исторический документ. Изучив вопрос о причинах «причисления» болгарских городов к русским, Е. П. Наумов пришел к выводу, что это дело рук Киприана³³. В ходе нашей беседы с А. И. Роговым в 1990 г. мы пришли к мнению, что виновниками путаницы с принадлежностью городов могли явиться византийские круги — в связи с их притязаниями на южнорусские земли. Гораздо больше информации несло «Примечание № 254» в пятом томе «Истории». Ссылаясь на «Степенную Книгу I»³⁴, Карамзин дает большую выписку «из летописей о разных случаях...»: «Того же лета Амуратов сын Челябий, иже Срацыски глаголется Амира, ... поиде ратию на Болгарского Царя и взя стольный град Тернов, и Царя их пленника створи и Патриарха, и мощи

³⁰ Карамзин Н. М. История. Репринт. Т. IV. Гл. XI. Стлб. 180.

³¹ Там же. Примечание № 387 к тому IV, главе XI. Стлб. 156. Имеются в виду следующие города: Видин, Тырново, Силистра, Варна.

³² Примечание № 387 к тому IV, главе XI. Стлб. 156.

³³ Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. М., 1974. С. 150-163.

³⁴ Характеризуя источник, Карамзин пишет: «Степенная Книга, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению Митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены степени или поколения Государей». (Карамзин Н. М. Репринт. Т. I. С. XVI-XVII). Здесь же Карамзин указал на ошибку Татищева об авторстве Киприана.

Святых огнем пожже, и церковь Соборную иде же есть Патриархия, в мезгит (мечеть — *С. М.*) преврати...»³⁵.

Повествуя в самом тексте «Истории» о миссии Константинопольского патриарха Иеремии в Москве (1588–1589 гг.) и ее результатах, Карамзин пишет: «Греческое Духовенство... Соборною грамотою одобрило учреждение Московской патриархии, доставило Феодору (Федор Иоаннович — *С. М.*) сию хартию (в июне 1591 — *С. М.*) чрез Митрополита Терновского (Тырновского — *С. М.*) вместе с мощами Святых и с двумя коронами, для Царя и Царицы»³⁶.

В «Примечании № 220» к этому сюжету, со ссылкой на «Дела Греческие № 3. С. 154», Карамзин поясняет, что дары (идет их перечисление) «от Цареградскаго Патриарха» государю вручил «Митрополит Терновский, Деонисий... Сей Митрополит выехал из Москвы в Февр. 1592»³⁷. Собственно болгарский материал этими данными исчерпывается, если не считать упоминания летописи, в которой между 13 февраля и 29 июля 1393 г. приводятся сведения «ученого Болгарина именем Григория Цамблака»³⁸, митрополита Киевского, который «установил торжествовать память Св. Параскевы Тарновской (Тырновская — *С. М.*) и написал ее житие вместе со многими Христианскими поучениями»³⁹.

Ограниченный объем материала по истории Болгарии конца XIV–XVI вв. частично дополнялся информацией о положении христианских народов в Османской империи. Эти сведения в большей или меньшей степени связаны у Карамзина с падением Византийской империи и деятельностью Константинопольских патриархов уже в условиях турецкого господства, в связи с чем приводятся данные по истории Турции. Автор, как и прежде, остается верен принятому принципу отбора материала — изначальной его подчиненности в деле освещения российской истории.

Заявляет о себе и второй существенный фактор — назидательная тенденция, не столь заметная по болгарским сюжетам (повидимому, в силу скудости привлеченного материала). По мнению

³⁵ Там же. Примечание № 254 к тому V, главе II. Стлб. 98.

³⁶ Там же. Т. X. Гл. II. Стлб. 72-73.

³⁷ Там же. Примечание к тому X, главе II. Стлб. 44.

³⁸ Там же. Т. V. Гл. II. Стлб. 133.

³⁹ Там же. Стлб. 135.

Н. Л. Рубинштейна, политико-назидательная задача стоит у Карамзина на первом месте, история для него «служит нравоучению, политическому наставлению, а не научному познанию»⁴⁰. Тезис Рубинштейна о «первом месте» не бесспорен, но не учитывать его нельзя. Одним из подтверждений сказанному служит предостережение Карамзина о пагубности отхода от христианства: «Разве пример Константинополя не доказал ея (католической религии — С. М.) гибельного действия? Греки царствовали, Греки славились во благодетелии: соединились с Римом, и служат ныне Туркам»⁴¹.

Карамзин сообщает читателю, что падение Византии при «Магомте II» «не было внезапностью: Европа долго ожидала его с безпокойством»⁴², «...Летописец Московский рассказывает весьма подробно о всех обстоятельствах осады и взятия Константинополя, с ужасом прибавляя, что храм Святыя Софии... обратился в мечеть Лжепророка»⁴³. Далее следует важное для нас суждение Карамзина о том, что «соболезнуя о Греках, Летописцы наши беспристрастно судят их и Турков». Завершая изложение истории падения Константинополя, ученый заключает: «Впрочем, Россияне, жалея о Греции, ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой империи было и для них опасно. Тогдашняя Политика не славилась прозорливостью», в расчет принимались «ближайшие опасности... все прочее составляло для нас мир чуждый, предмет одного любопытства, а не государственного внимания»⁴⁴. Остановимся на суждениях о беспристрастности летописцев и о «предмете одного любопытства». Первое наблюдение Карамзина справедливо в отношении не только XV–XVI вв., но, за редким исключением, и для последующего периода развития российской науки в XVII–XVIII вв. Второй тезис — об «одном любопытстве» — далеко не бесспорен, но интересен как личное мнение историка по занимающей нас проблеме.

Представление о положении Константинопольской патриархии и ее владык читатель мог почерпнуть из текста и из «Примечания», в которой со ссылкой на «Дела Греческие № 3» приводится запись

⁴⁰ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 173.

⁴¹ Карамзин Н. М. История. Репринт. Т. VI. Гл. I. Стлб. 23.

⁴² Там же. Т. V. Гл. III. Стлб. 210.

⁴³ Там же. Стлб. 211-212.

⁴⁴ Там же. Стлб. 212-213.

рассказа патриарха Иеремии (июль 1588 г.) о беседе с Борисом Годуновым по велению царя Федора Иоанновича. Патриарх сообщал что «обнесенный каким-то злым греком, был сослан в Родос, и Султан, вопреки торжественному обету Магомета II не мешаться в дела Христианской духовной власти, незаконно дал Патриаршество Феолипту. Чрез пять лет возвратили изгнаннику сан Иерарха; но в древнем храме Византийских Первосвятителей уже славили Аллу (Аллаха — С. М.) и Магомета, сия церковь сделалась мечетью»⁴⁵.

В «Примечании № 199» приводится сообщение Иеремии о том, что был у него «Гречанин под началом, да избег и обусурманился... и почал паносить Салтану на меня и взводить великия богатства... а к тому почал докупатися у Пашей на Патриаршество Феолиптос и (хотел) давати Салтану сверх прежние дани 2000 золотых... и Салтан грамоты прародителей своих порушил, и велел быти в Патриархах Феолиптосу... и на меня опалу положил... а на пятой год отставил, и церковь Божию и все церковное строенье разграбил, и учинил в ней мизгит, а по меня прислал»⁴⁶.

Со ссылкой на «Дела Греческие. № 3»⁴⁷ Карамзин пишет, что в мае 1589 г. царь отпустил «Иеремию в Константинополь, с письмом к Султану, убеждая его не теснить Христиан»⁴⁸.

Историк довольно подробно повествует о церковных миссиях за так называемой милостыней в России⁴⁹, в том числе с Афона⁵⁰. Значительное внимание уделяет истории других балканских народов в период с конца XIV в. по конец XVI в.⁵¹ Гораздо подробнее излагается история Османской империи, точнее отдельные ее эпизоды, что представляет интерес для османистов. Мы же заметим только, что хорошим источником для Карамзина являлись материалы русских посольств в Порту и по истории, и о происходящих в Турции изменениях. Но сам Карамзин писал по поводу ряда посольств конца XVI в. следующее: «Сии Константинопольския Посольства не дос-

⁴⁵ Там же. Т. X. Гл. II. Стлб. 70.

⁴⁶ Там же. Примечание № 199 к тому X, главе II. Стлб. 38.

⁴⁷ Там же. Примечание № 218 к тому X, главе II. Стлб. 43-44.

⁴⁸ Там же. Т. X. Гл. II. Стлб. 72.

⁴⁹ Там же. Т. VII. Гл. III. Стлб. 116 и др.

⁵⁰ Там же. Т. IX. Гл. I. Стлб. 23.

⁵¹ Там же. Т. V. Гл. I. Стлб. 49-60; Там же. Т. V. Гл. III. Стлб. 169.

тавили нам ничего, кроме любопытных сведений о состоянии Империи Оттоманской и Греков». Далее он цитирует Г.А. Нащокина (послан в Константинополь 6 апреля 1592 г., а возвратился 2 октября 1593 г.), который «доносил», что ныне в Турции «все изменилось. Султан и Паши мыслят единственно о корысти... Нет ни устройства, ни правды в Государстве. Султан обирает чиновников, чиновники обирают народ; везде грабеж и смертоубийства... Греки в страшном утеснении: бедствуют, не имея и надежды на будущее»⁵².

Сопоставление основного текста «Истории» с документами из «Примечаний» показывает, что во многих случаях историк почти дословно воспроизводит источники (точнее, приводимые фрагменты), но уже в обработанной, литературной форме. В этой связи нельзя, однако, не напомнить присущую историографу определенную вольность в подборе и включении (привлечении) только тех фрагментов, которые отвечали его концепции, и игнорирование материала, не соответствовавшего его построениям. Обращает на себя внимание и значительно больший объем болгаро-турецкого материала (особенно болгарского) по истории конца XIV–XVI вв. в «Примечаниях» нежели в первой части «Истории», т.е. в основном тексте.

Труд Карамзина оказал плодотворное влияние на развитие отечественной и зарубежной историографии и дал новые импульсы к разработке отдельных вопросов славянской истории. Можно говорить о том, что «История» Карамзина пробудила дополнительный интерес к средневековой истории южных славян и способствовала распространению определенной суммы знаний по истории Болгарии в первые два столетия османского господства. Однако главная цель Карамзина — написание истории России — предопределила весьма ограниченное привлечение даже известных ранее источников и фактов из истории Болгарии XV–XVI вв. и почти полное отсутствие новых «болгарских» материалов.

⁵² Карамзин Н. М. История. Репринт. Т. X. Гл. III. Стлб. 101. Историк ссылается на «Дела Турецкие № 3» и «Дела Цесарские № 8».

А. П. БЕЛИКОВ, А. А. ЕЛАГИНА

ТАЦИТ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДО 1917 ГОДА

Изучение творчества Тацита в отечественной историографии тесно связано с этапами развития отечественного антиковедения вообще. Можно выделить три важных периода.

1. «Донаучный», завершившийся примерно в 1840-х гг. Для него характерно отсутствие авторитетных российских специалистов как по Тациту, так и по истории античности. В целом, этому этапу свойственно дилетантское, «просветительское» отношение к античности; он ценен накоплением фактических знаний. С начала XVIII в. античность становится «модной», к этой теме, наряду с произведениями Тацита, охотно обращались деятели культуры. Постепенно тема античности стала «универсальной питательной средой, за счет которой происходило формирование общественного сознания»¹.

2. Становление и развитие российского антиковедения (1840–90-е гг.). Основание Петербургского, Казанского, Киевского, Харьковского, Новороссийского университетов создало ту базу, на которой в последующем и произошло стремительное развитие отечественного антиковедения. Русское антиковедение развивалось в самой тесной связи с европейской наукой и концентрировалось главным образом в университетах². Т. Н. Грановский (1813–1855), читавший в Казанском университете курс истории Римской империи, будучи горячим поклонником Тацита, пропагандировал и широко использовал его труды в своих лекциях. Во второй половине XIX в. императорскому Риму и Тациту посвящали свои исследования М. П. Драгоманов, В. И. Модестов и многие другие.

3. «Золотой век» дореволюционного антиковедения (1890-е гг. – 1917). В связи с экономическим и культурным подъёмом, развитием университетского образования появилось больше возможностей для профессиональных занятий римской историей. Развивалась сеть

¹ Фролов Э. Д. Русская историография античности до середины XIX в. Л., 1967. С. 86. См. также: Дементьева В. В. Римская история Шарля Роллена, прочитанная русским дворянином // Вестник древней истории 4 (1991). С. 119.

² Историография античной истории / Ред. В. И. Кузищин. М., 1980. С. 172.

библиотек, пополнялись их фонды, доступнее стала иностранная и переводная литература по античности. Магистры за счёт государства проходили специализацию в крупных зарубежных университетах, получили доступ в библиотеки и музеи европейских столиц. Наша наука стала органической частью мирового антиковедения, многие её представители приобрели мировое признание. Этот период дал большое число интересных, хотя и не бесспорных, публикаций, посвящённых Тациту. После октябрьского переворота антиковедение оказалось в упадке³.

Отметим, что в отечественной науке об античности, развивавшейся в тесном контакте с зарубежной, господствовали, в основном, те же самые методологические установки. Однако серьёзное приобщение широкого читателя к античным источникам и зарубежным научным трудам по античности началось не раньше XVIII века. Важным событием стал перевод В. К. Тредиаковским по заказу Академии Наук с французского языка «Римской истории» Ш. Роллена, он же перевел труд ученика и продолжателя Роллена Ж.-Б. Кретье⁴. Этими переводами Тредиаковский «оказал неоценимую услугу русскому просвещению и русской науке об античности»⁵.

В это же время были переведены многие латинские авторы. Одним из авторов, с которым довольно рано ознакомилось российское общество, и который оказал заметное влияние, как на общественное мировоззрение, так и на развитие отечественного антиковедения в целом, и был Публий Корнелий Тацит.

В XVIII в. сначала переводились *opera minora* Тацита, очевидно, они были легче для перевода. В 1772 г. В. П. Светов перевёл «Германию»⁶. Переводчик предлагает благосклонному вниманию читателей сочинение, которое считает «драгоценнейшим остатком древности немецких народов», но отмечает «трудный слог» Тацита.

³ По точному определению Э. Д. Фролова, катастрофический обрыв 1917 г. стал трагедией для нашей античной науки. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999. С. 3-4.

⁴ *Роллен Ш.* Римская история от создания Рима до битвы Актийской / Пер. с франц. В. К. Тредиаковского. Т. I–IX. СПб., 1761–1767; *Кретье Ж.-Б.* История о римских императорах с Августа до Константина. Т. I–IV. СПб., 1767–1769.

⁵ *Фролов Э. Д.* Русская историография античности... С. 84.

⁶ О положении, обычаях и народах (древней) Германии (Германия). Из сочинений Кая Корнелия Тацита / Переведено с латинского Академии Наук переводчиком В. П. Световым. СПб., 1772.

В. Светов при переводе старался придерживаться логики построения фразы на латинском языке, «но при том наблюдал и свойства русского языка»⁷. Тем самым ещё тогда были заложены основные принципы перевода латинских текстов.

Несколькими годами позднее Иван Горон перевел «Жизнеописание Юлия Агриколы»⁸. И. Горон считал перевод этого «небольшого, но по мыслям и слогу превосходного творения Тацита», как он пишет в предисловии к своему переводу, очень важным для понимания римской истории и просвещения русского общества.

Другие ранние переводы не известны. В самом начале XIX в. предпринимаются попытки перевода не только *opus magnum*, но и *opus maius*. Ф. Т. Пospelов за несколько лет перевёл все сохранившиеся труды Тацита⁹. Он получил личное указание императора Александра I перевести на русский язык «Жизнеописание Юлия Агриколы» — с этого и началась его работа, продолжавшаяся несколько лет. Уверенный в необходимости переводов исторических сочинений Тацита, Пospelов утверждал, что, не имея «доныне на Русском языке исторических его сочинений, лишаемся знаменитого памятника»¹⁰.

В начале XIX в. над переводом Тацита трудился член Российской Академии Наук С. Румовский¹¹. В 1837 г. появился новый перевод «Жизнеописания Агриколы», осуществленный Д. Крюковым¹². В предисловии он пишет, что это издание «есть плод продолжительного изучения языка Тацита и добросовестных трудов...»¹³

⁷ Там же. С. 1.

⁸ *Tacit. P. K.* Жизнь Юлия Агриколы / Переводчик И. Горон. М., 1798.

⁹ *Tacit. Юлий Агрикола* / Переведено с латинского языка надворным советником Федором Пospelовым. СПб., 1802; *Летописи К. Корнелия Тацита* / Переведено с латинского языка Ф. Пospelовым. Ч. I-III. СПб., 1805–1806; *Разговор об ораторах, или о причинах испортившегося красноречия* / Переведено с латинского языка Ф. Пospelовым. СПб., 1805; *История Кая Корнелия Тацита* / Переведено с латинского языка Ф. Пospelовым. СПб., 1807.

¹⁰ *Летописи К. Корнелия Тацита* / Переведено с латинского языка Ф. Пospelовым. Ч. I. Предисловие. С. 13.

¹¹ См.: *Летопись К. Корнелия Тацита* / Переведено с латинского Императорской Российской Академии членом Степаном Румовским и оною Академиею издана. Т. 1-4. СПб., 1806–1809. Текст летописи параллельно на рус. и лат. яз. Т. 1. 1806. XLVI. 468 с. Т. 2. 1808. 279 с. Т. 3. 1808. 305 с. Т. 4. 1809. 319 с.

¹² *Taciti Agricola*. Вновь пересмотренный текст, с примечаниями других и своими издал Димитрий Крюков. М., 1937. V. 214 с.

¹³ *Taciti Agricola*. Предисловие. С. I.

и что «при настоящем рвении к разрабатыванию материалов отечественной истории, упражнение в филологической критике более нежели полезно»¹⁴. Крюков называет Тацита труднейшим «из писателей римских»¹⁵. Интересно его замечание о том, что в первом издании Тацита, напечатанном в Венеции Венделином де Спира в 1470 г., «Жизнеописание Агриколы» опущено. Первым издал этот текст вместе с другими творениями Тацита Пучеолан¹⁶. Здесь, видимо, впервые в отечественной историографии, предпринята попытка проанализировать историю издания произведений Тацита.

Во второй половине XIX в. появляется еще ряд переводов заслуживающих внимания¹⁷. Один из переводчиков, А. Клеванов называет Тацита знаменитым римским историком¹⁸, беспристрастным, отмечая, что тот занимался историей исключительно по любви и призванию. И добавляет, что Тацит «последний самостоятельный истинно гениальный писатель древнего Рима, предугадывал своим гением падение его»¹⁹. Сохранились и другие, менее качественные, переводы произведений Тацита²⁰. Лучшим изданием XIX в. следует признать перевод В. И. Модестова, опубликованный в 1886–87 гг. и высоко оцененный Ф. Ф. Зелинским²¹. Многие поколения студентов

¹⁴ Указ. соч. С. III.

¹⁵ Там же. С. IV.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Летопись Кая Корнелия Тацита / Пер. Алексея Кронеберга. Ч. 1-2. М., 1858; Сочинения П. Корнелия Тацита все какие сохранились / С латинского перевел и издал с предисловием и историческим приложением А. Клеванов, кандидат Московского университета. Ч. 1-2. М., 1870. Мнение А. Клеванова о переводе А. Кронеберга см.: Ч. 1. С. XXXIII.

¹⁸ Сочинения П. Корнелия Тацита все какие сохранились. Ч. 1. С. V, VII.

¹⁹ Там же. С. XII.

²⁰ *Cornelii Taciti Germania* (Германия Корнелия Тацита) / С подробным комментарием и введением проф. А. Деллена. Киев, 1866; Тацит. Агрикола. Германия и I книга Анналов с объяснениями В. Классовского. СПб., 1869; Корнелий Тацит. Разговор об ораторах / Пер. и исследования Григория Павлуцкого. Киев, 1885; Публий Корнелий Тацит. Жизнеописание Агриколы / Перевел и снабдил примечаниями С. П. Версилов. СПб., 1895. См. также переводы фрагментов из произведений Тацита: *Тацит П. К.* Германия. Гл. 4-7; 11-16, 18, 20, 26 // Средневековье в его памятниках / Под ред. Д. Н. Егорова. М., 1917. С. 1-7.

²¹ Сочинения Корнелия Тацита / Русский пер. с примечаниями и со статьей о Таците и его сочинениях В. И. Модестова. Т. I. Агрикола. Германия. Истории. СПб., 1886. Т. II. Летопись. Разговор об ораторах. СПб., 1887. См.: *Зелин-*

начинали постигать Тацита по переводам Модестова, вплоть до появления перевода 1969 г. под редакцией С. Л. Утченко²².

Издание переводов стимулировало интерес к Тациту. Им увлекался Н. М. Карамзин, который в 1797 г. в небольшом стихотворении «Тацит» восхвалял его величие и обличал описанный им Рим²³. В статье «Пантеон российских авторов»²⁴ он сравнил с Тацитом древнерусского летописца Нестора. Карамзин рассматривал сочинения римского автора, особенно «Анналы»²⁵, как своеобразный эталон исторического повествования. Упоминается Тацит и в его знаменитой «Истории государства Российского»²⁶. К «Анналам» Тацита обращался даже А. С. Пушкин, составивший к ним свои любопытные «Замечания»²⁷.

Однако научное изучение творческого наследия Тацита в нашей стране началось только в XIX в. П. Н. Кудрявцев прославился работой о римских женщинах, которые были в Риме влиятельной общественной силой. Характерно, что за основу для своей работы он взял сочинения Тацита и высоко оценивал свой источник²⁸.

ский Ф. Ф. Рецензия: Корнелий Тацит. Русский перевод с примечаниями и со статьей о Таците и его сочинениях В. И. Модестова. Воронеж, 1890. С. 81.

²² *Корнелий Тацит*. Соч.: В 2 т. / Изд. подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко / Отв. ред. С. Л. Утченко. Л., 1969.

²³ *Карамзин Н. М.* Тацит // Избр. соч.: В 2 т. М.–Л., 1964. Т. 2. С. 73.

²⁴ *Карамзин Н. М.* Пантеон российских авторов // Указ. соч. Т. 2. С. 157.

²⁵ Свой второй основной труд Тацит однажды называет «анналами», т.е. летописями (*Tac. Ann. IV. 32*). Это не заглавие, как полагает И. М. Тронский, а наименование историографического жанра, посвященного более раннему времени, чем «Истории». Однако позднее «Анналами» стали называть самый труд вместо длинного и неудобного названия “*Ab excessu divi Augusti*”, которое ему дал автор (См.: *Тронский И. М.* Корнелий Тацит // *Корнелий Тацит*. Соч.: В 2 т. Л., 1969. Т. II. С. 222).

²⁶ *Карамзин Н. М.* Главы из «Истории государства Российского» (Царствование Иоанна IV) // Избр. соч.: В 2 т. М.–Л., 1964. Т. 2. С. 325. О Таците см. также: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Т. I. С. 415, 574.

²⁷ Замечания на Анналы Тацита // *Пушкин А. С.* Соч.: В 10 т. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1910. Т. 4. С. 462-483. Подробнее см.: *Малинин А. И.* Пушкин, Аврелий Виктор и Тацит // Пушкин в мировой литературе. М., 1926; *Гельд Г. Г.* По поводу замечаний на «Анналы» Тацита // Пушкин и его современники. Пг., 1923. С. 59-62; *Елагина А. А.* Римское общество в историко-литературных источниках I в. н. э. Омск, 1998. С. 38, 158-159. Прим. 151, 152.

²⁸ *Кудрявцев П. Н.* Лекции. Сочинения. Избранное. М., 1991. С. 207-279;

В книге, изданной в 1864 г., М. П. Драгоманов выступил с достаточно резкой критикой как произведений, так и взглядов Тацита²⁹. Книга написана под сильным влиянием немецких историков, особенно А. Штара³⁰. Историки второй половины XIX в. оспаривали беспристрастность Тацита, особенно — в его оценке личности императора Тиберия. Они подчеркивали положительные стороны в политике императора, превозносили Тиберия как личность, выдающуюся умом и благородством. Именно в разгар этой полемики Драгоманов и издал свою работу. И. М. Гревс, хорошо знавший творчество Тацита, справедливо указал, что автор в характеристике Тиберия увлекся «кажушимся демократизмом политики первых императоров»³¹, и резко выступил против оценки, которую дал Тациту Драгоманов. В 1869 г. М. П. Драгоманов опубликовал монографию «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит»³², в которой отметил огромное значение Тацита для изучения периода империи.

В XIX в. начинают появляться и специальные труды отечественных историков, посвященные Тациту. Для изучения его творчества и первого столетия существования Римской империи много сделал профессор Казанского университета В. И. Модестов (1839–1907), фундаментальные труды³³ которого сохранили свое значение и по сей день. Его работы содержат много верных и отнюдь не устаревших суждений³⁴. Модестов характеризует Тацита как гениального истори-

Сергеева Т. Д. Кудрявцев как историк // Там же. С. 280-295.

²⁹ Драгоманов М. П. Император Тиберий. Киев, 1864.

³⁰ См.: Stahr A. Tiberius Leben, Regierung, Charakter. Berlin, 1862.

³¹ Гревс И. М. Тацит. М.–Л., 1946. С. 182. Прим. 1.

³² См.: Драгоманов М. П. Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит (Магистерская диссертация). Киев, 1869.

³³ См.: Модестов В. И. Тацит и его сочинения. Историко-литературное исследование. СПб., 1864; *Он же*. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888; *Он же*. Заметки по Тациту. I. Новое издание Летописи (Annales) // Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). СПб., Декабрь 1893. Ч. ССХС. С. 327-349; II. Источники для Историй и Летописи // ЖМНП. СПб., Апрель 1894. Ч. ССХСII. С. 273-325; III. Источники для Историй и Летописи // ЖМНП. СПб., Май 1894. Ч. ССХСIII. С. 122-162; IV. Вопрос о Dialogus de oratoribus // ЖМНП. СПб., Декабрь 1894. Ч. ССХСVI. С. 311-357; V. Еще о Dialogus de oratoribus // ЖМНП. СПб., Ноябрь 1895. Ч. СССII. С. 47-80; *Он же*. Введение в римскую историю. Ч. 1-2. СПб., 1902–1904.

³⁴ Подробнее см.: Тронский И. М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит.

ка, «который служит предметом удивления уже многих столетий, здесь проявился во всем блеске тот сильный, сжатый, величавый стиль, который оказывает такое неотразимое влияние на читателя»³⁵.

Большой вклад в разработку интересующих нас проблем внес И. М. Гревс (1860–1941). Он продолжил традиции³⁶ В. И. Модестова в исследовании творчества Тацита, которого считал лучшим римским историком. Гревс опубликовал две большие библиографические статьи в энциклопедических словарях³⁷. Итогом всей его научной деятельности стала фундаментальная монография о Таците. Издана она была уже после смерти автора³⁸, а позже переведена на немецкий язык³⁹. Относится она уже к другому периоду отечественной историографии, поэтому мы не будем её здесь анализировать. Однако отметим, что её основные идеи кратко были сформулированы ещё в статьях, изданных в начале XX века. И. М. Гревс придерживался довольно радикальных взглядов, он считал, что Тацит излишне пессимистически освещал ход истории Римской империи первого века и не смог подметить социальной сущности происходящих событий. Однако исследователь тем и ценен, что пытался вскрыть причины такого отношения автора, понять его политические мотивы. Важен конечный вывод: признание Тацита правдивым, беспристрастным и справедливым историком⁴⁰.

Для изучения эпохи Тацита много сделал Э. Д. Гримм, автор «Исследования по истории развития римской императорской вла-

Соч.: В 2 т. Л., 1969. Т. II. С. 247; *Елагина А. А.* Тацит в российском антиковедении // Русский вопрос: история и современность. Материалы докладов Второй всероссийской научной конференции. Ч. 1. Омск, 1994. С. 159-160.

³⁵ *Модестов В. И.* Заметки по Тациту. I. Новое издание Летописи (Annales). С. 327.

³⁶ *Бонгард-Левин Г. М., Ляпустина Е. В.* Вячеслав Иванов и диссертация И. М. Гревса по истории римского землевладения // ВДИ 4 (2003). С. 178. Прим. 2.

³⁷ *Гревс И. М.* Тацит // Энциклопедический словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. СПб., 1901. Т. XXXVIIa. № 64. С. 692-697; *Он же.* Тацит // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института «Гранат». 7-е изд. СПб., 1902. Т. 41. Ч. VII. С. 109-114.

³⁸ *Гревс И. М.* Тацит. М.–Л., 1946.

³⁹ *Grews I. M.* Tacitus. Leipzig, 1952.

⁴⁰ Этот вывод представляет несомненную ценность, поскольку в мировой историографии время от времени вновь ставится вопрос о степени доверия сообщениям Тацита. См., например: *Wellesley K.* Can You Trust Tacitus? // *Greece and Rome*. 2nd Ser. (1954). Vol. 1. № 1. P. 13-33.

сти»⁴¹. Своей задачей он считал необходимость проследить развитие римских политических институтов, особенно в связи со сменой политических теорий, а также влияние греческих политических идей на римскую государственность.

Российские историки, в отличие от своих западных коллег, не слишком идеализировали Римскую империю. Это особенно проявилось в творчестве Р. Ю. Виппера (1859–1954)⁴². Он решительно возражал против признания Римской империи «демократической монархией». Это тем более актуально, что сейчас подобные попытки вновь набирают силу.

Продолжалась и дискуссия об объективности и достоверности Тацита. В 1908 г. П. Н. Митрофанов отмечал, что в середине XIX в. «появилась целая школа ученых, постаравшаяся свести Тацита с прежнего высокого пьедестала»⁴³. Резко критиковали античного автора такие западноевропейские историки как Ч. Меривейл, Г. Сиверс, А. Штар⁴⁴. Как подчёркивает Митрофанов, все они отмечали «недостаток объективности в описании римской истории Тацитом»⁴⁵. В итоге П. Н. Митрофанов отмечает только художественные достоинства исторических работ Тацита.

Продолжила дискуссию российская исследовательница М. Н. Дювернуа, отметившая любовь Тацита к истине, достойное историка беспристрастие в изложении событий. Представляется верным её вывод: «С первой главы у него на устах одна забота — правда, ради неё он пишет, и она до конца будет руководить его трудом»⁴⁶.

Упомянем также небольшую курьёзную статью «К Тациту». Её автор И. Г. Турцевич пишет об Антиохии, резиденции римского

⁴¹ *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I. Римская императорская власть от Августа до Нерона. СПб., 1900. Т. II. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб., 1901.

⁴² *Виппер Р. Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908. 406 с. Переизд.: Ростов-на-Дону, 1995. Т. I–II.

⁴³ *Митрофанов П. Н.* По поводу тацитовского вопроса // *Гермес* 9 (1908). С. 230.

⁴⁴ *Merivale Ch.* History of the Romans under the Empire. London, 1856; *Stahr A.* Op. cit.; *Sievers G.* Tacitus und Tiberius. Hamburg, 1879. Ср.: Новая зарубежная литература о Таците и Светонии // *ВДИ* 1 (1969). С. 176.

⁴⁵ *Митрофанов П. Н.* Указ. соч. С. 230.

⁴⁶ *Дювернуа М. Н.* Историческая объективность Тацита // *Гермес* 18 (1908). С. 474.

наместника и ее предместье — Дафна, культовом центре Аполлона. Он считает, что Тацит бывал в Малой Азии. Не приводя никаких весомых аргументов, он полагает, что автор непременно должен был интересоваться этим культом⁴⁷.

В начале XX в. Тацит был настолько «в моде», что считалось признаком хорошего тона упоминать его даже в работах, не имеющих непосредственного отношения к нему и его творчеству. Появление большого числа работ о Таците в это время, видимо, можно объяснить и тем, что его труды стали специально изучать в учебных заведениях: в гимназиях и на историко-филологических факультетах университетов в обязательном порядке читали их в подлиннике⁴⁸, комментировали. В связи с ростом интереса, появилась и потребность в посвященной Тациту специальной научной литературе. По «Анналам» и другим произведениям Тацита читались даже специальные курсы лекций⁴⁹.

М. М. Покровский во вступлении, написанном им к «*Annales*», попытался восстановить биографию Тацита. Он полагает, что историк был славного рода (римский всадник: столичный или муниципальный), ссылаясь на женитьбу Тацита на дочери видного государственного деятеля Агриколы. Покровский допускает, что, возможно, Тацит не был сыном прокуратора Бельгийской Галлии Корнелия Тацита, о котором, как известно, упоминает Плиний Старший (*Plin. NH. VII. 16.*

⁴⁷ Турцевич И. Г. К Тациту // ЖМНП, Ноябрь – Декабрь 1908. Отд. V. СПб. Ч. XVIII. Новая серия. № 12. С. 533-538.

⁴⁸ Впрочем, специально «для вспомоществования господам студентам и учащимся» (надо понимать — нерадивым) издавались и переводы избранных текстов Тацита, особенно часто читаемых на занятиях, правда, довольно невысокого качества. См., напр.: Тацит П. К. Избранные отрывки из «Аннал». М., 1915.

⁴⁹ Покровский М. М. Анналы Тацита. 1-ая книга. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета в осеннем семестре 1907 г. М., 1907; *Он же*. Анналы Тацита. Курс лекций. Комментарии и перевод. По записям слушателей. М., 1916; Черняев Б. М. Тацит. Введение. Лекции, читанные профессором Черняевым для историков I курса в 1912 / 13 акад. г. М., 1913; Вехов С. И. Анналы Тацита. Курс лекций, читанных студентам II курса историко-филологического факультета Варшавского Императорского университета в 1909–1910 а.г. Варшава, 1910; *Он же*. Введение в объяснение сочинений Тацита. Курс, читанный студентам-историкам Варшавского университета в 1913–1914 г. Варшава, 1914; *Он же*. Объяснение сочинений Тацита (Лекции). Ростов-на-Дону. 1916.

76). Подчеркивает, что место рождения римского историка не установлено, не известен точно его граенomen (рукописи колеблются, по утверждению Покровского, между Gaius и Plinius). Год рождения он косвенно определяет по "Dialogus", в котором Тацит себя называет "iuvenis admodum" (молодым человеком) и по письму Плиния Младшего, где говорится, что Тацит старше его (VII. 20. 3). На этом основании автор предполагает, что Тацит родился в 55 г. н. э.⁵⁰ М. М. Покровский акцентирует внимание на том, что Тацит, в отличие от других античных авторов, вполне отчетливо и реально представлял разницу между республикой и империей⁵¹. Он очень подробно исследует cursus honoium Тацита. Кроме того, он уточняет и исправляет перевод М. И. Модестова⁵². Покровский также высказал интересную, но довольно спорную мысль о том, что Тацит военным историком, который, храня тайну, не писал подробно о дислокации войск⁵³.

С. И. Вехов по-новому подошел к решению проблемы о месте рождения Тацита, исходя из его презрительных слов в адрес Сеяна — "municipali adultero" (*Tac. Ann. IV. 3*), которые Вехов весьма оригинально переводит как «уездный Дон Жуан» и, исходя из этого презрительного выражения, предполагает, что сам Тацит никак не мог происходить из маленького провинциального городка, а «местом его рождения был Рим»⁵⁴. Историк приходит к заключению, что Тацит принадлежал к всадническому сословию⁵⁵. Однако в целом он приводит не совсем убедительные доказательства. Один из его аргументов таков: авторами исторических трудов были римляне из знатных родов, знающие и латинский, и греческий языки⁵⁶. Основываясь на этом, он предполагает, что, очевидно, и Тацит был из знатного рода.

Интересен историко-филологический подход С. И. Вехова к тексту "Annales". Он обращает внимание на то, как оперирует Тацит терминами, приводя в пример potestas dominatio (фактическое

⁵⁰ Покровский М. М. *Анналы Тацита. Курс лекций. Комментарии и перевод*. С. 3.

⁵¹ Там же. С. 4. Ср.: Покровский М. М. *История римской литературы*. М.—Л., 1942, С. 356-362.

⁵² См.: Покровский М. М. *Анналы Тацита. Курс лекций*. С. 73-136.

⁵³ Там же. С. 19.

⁵⁴ Вехов С. И. "Annales" Тацита. С. 4-5.

⁵⁵ Указ. соч. С. 6.

⁵⁶ Там же. С. 15.

господство) и *potestas arma* (военное могущество)⁵⁷. С. И. Вехов уточняет Тацита, поясняя, что под словом “*veteris*” (*Tac. Ann. I. 1*) он обычно подразумевает царский и республиканский периоды истории. Этот вывод представляется очень важным. Видимо, Тацит и сам понимал, что возвращение к прошлому уже невозможно.

Из важных работ о Таците начала XX в. следует назвать и небольшое исследование Б. М. Черняева. Он считает, что “*Dialogus*” был написан для друга Плиния Младшего — Фабия Юста, который просил Тацита сообщить ему свое мнение об упадке красноречия в Риме, и в ответ Тацит решил передать Юсту замечательный разговор на эту тему, который будто бы происходил в годы его юности между видными представителями ораторского искусства во времена правления Веспасиана⁵⁸. «Письма» Плиния Младшего Черняев считает основным источником для биографии Тацита. Цель «*Агриколы*» он видит в том, чтобы заклеить тираническое правление Домициана, а «*Германии*» — в том, чтобы дать римлянам понятие о народе, который тогда вышел впервые на историческую арену⁵⁹, но со временем мог повлиять на судьбы Римской империи, что и предвидел Тацит⁶⁰. По мнению Черняева «*Истории*» написаны раньше «*Летописей*». Он считает, что Тацит действительно писал “*sine ira et studio*”, применяя новый исторический метод, основанный на глубоком анализе событий и явлений. По его мнению, Тацит первым из римских авторов использовал психологический анализ, придав истории нравственный интерес и понимание души человека⁶¹.

В 1912 г. профессор Харьковского университета И. В. Нетушил анализирует две небольшие монографии Тацита: «*Жизнеописание Юлия Агриколы*» и «*Германия*». Исследователь считает, что «*Анналы*» и «*Истории*» составляли неразрывное целое, объединяет их хронологически от смерти Августа до воцарения Нервы⁶².

⁵⁷ Там же. С. 90, 93.

⁵⁸ Черняев Б. М. Тацит. Введение. С. 16.

⁵⁹ Анализ имеющихся текстов «*Германии*» см. также: *Cornelii Taciti Germania*. Опыт критического обозрения текста И. В. Цветаева. Варшава, 1873.

⁶⁰ Черняев Б. М. Указ. соч. С. 18.

⁶¹ Там же. С. 21.

⁶² Нетушил И. В. Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Императорском Харьковском университете и на Харьк. Высш. Женских Курсах. 1-е изд. Харьков, 1912. С. 383-384.

Тацит постоянно приводит в своих трудах речи, хотя и не так часто, как, например, Тит Ливий⁶³. В этом плане очень важно исследование П. М. Бицилли, сравнившего подлинную речь императора Клавдия о предоставлении прав *honorum* галльской знати (CIL. XIII. 1568) с её изложением у Тацита (*Tac. Ann.* XI. 23). Бицилли приходит к выводу, что Тацит очень корректно и вполне профессионально работал с источниками, и отмечает его отстранённость от оценочных суждений: «совершенно невозможно сказать, каково его отношение к таким, например, вопросам, как ограничение прав вольноотпущенников»⁶⁴ (ср.: *Tac. Ann.* XIII. 26-27). У Тацита часто встречается изложение разных взглядов на тот или иной вопрос, но при этом чрезвычайно трудно определить, какого мнения придерживается он сам. Он приводит все возможные доводы «за» и «против», предоставляя читателю самостоятельно избрать любую точку зрения⁶⁶.

1908–1917 годы — пик научного интереса к творчеству и личности Тацита⁶⁷. Последующая эпоха, к сожалению, этим не отличалась: мыслящий историк, критично относящийся к власти, вероятно, не мог стать объектом пристального изучения. После 1917 года Тацит в нашем отечестве надолго был предан забвению. К тому текст Тацита достаточно сложен для перевода, а с преподаванием классических языков в это время существовали серьёзные проблемы.

Однако можно совершенно определённо утверждать — не будь всех упомянутых нами выше работ, не было бы и тех успехов в изучении творчества Тацита, которые были достигнуты уже в поздний советский период. Они заложили хороший фундамент для развития всего последующего отечественного тацитоведения, обозначив проблемы, многие из которых до сих пор остаются дискуссионными.

⁶³ В 35-ти книгах Ливия содержится 407 речей. Они занимают около 12% сохранившегося текста. См.: *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия — образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. 3. М., 1994. С. 600.

⁶⁴ *Бицилли П. М.* Тацит и римский империализм. Одесса, 1912. С. 5.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Возможно, ещё и потому, что Тацит, писавший в переломное и неспокойное время, был особенно близок и понятен русскому обществу, переживавшему такое же чувство неуверенности в завтрашнем дне после революционных событий 1905 г., провальной русско-японской войны, неудачного для России начала I Мировой войны и нараставшего брожения в стране.

Ю. Я. Вин

БЛАГОЧЕСТИЕ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ XIII–XV ВВ.: КОЛЛЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ

*Благочестно и велелепно и достодльжно
иже напоившей корени верою благочестия,
и от ветвей добродетели плоди принести...*

(Из грамоты Стефана Душана (XIV в.) в собрании актов
Русского на Святом Афоне Пантелеймонова монастыря)

На протяжении долгих столетий вся жизнь многих поколений жителей византийской деревни протекала под сенью православия. Для одних из них церковь с ее неисчислимыми сельскими храмами и монастырями раскрывала свое спасительное лоно, принимая селян в ряды многочисленного духовенства и монашества, для других — стезя спасения начиналась в гуще набожной паствы. И кто бы ни были те обитатели весей — простыми земледельцами или зажиточными собственниками, только искренняя вера всегда была живоначальным источником их благочестия. Истинная его природа, безусловно, зиждилась на глубинных началах народной религиозности. Конечно, можно говорить о сугубо индивидуальных формах изъясления благочестия на селе, где искони процветали местные по происхождению и почитанию культы бесчисленных византийских святых. В центре нашего внимания находятся, однако, коллективные формы благочестия односельчан как один из главных факторов их внутреннего сплочения, будь то в идейном или институциональном плане. Поэтому рассказ о благочестии предполагает выдвижение на первое место вопроса о сельском церковном приходе, организующая роль и функции которого византинистами пока явно недооцениваются.

В этой связи достаточно указать на научные позиции одного из ведущих современных зарубежных специалистов — французского ученого М. Каплана, который в фундаментальном труде «Люди и земля в Византии VI–XI вв.: собственность и эксплуатация почвы»,

придавая особое значение ассимиляции в сельское общество многочисленного духовенства, поднимает проблему «христианской общины» и формулирует тезис о превращении византийского села в «религиозную единицу». По мнению исследователя, таким путем византийское село-хорион обретает свое единство¹. Кроме того, сплочение односельчан вокруг церкви (имеется в виду роль образованной ими приходской организации) названо в одном ряду среди других основ общинного образа жизни². Аналогичные идеи М. Каплан выражает и в специальном исследовании о возникновении в византийском селе упомянутой «христианской общины», вследствие, как он считает, влияния местного духовенства. Правда, тотчас приводятся уточнения, согласно которым значение сельского прихода уступало социальным и юридическим функциям византийского сельского селения. Поэтому складывающаяся там единая территориальная организация, округ, каковым исследователь представляет себе «истинный приход», не получает в источниках ясного отображения, а обозначения в них сельской общины, несмотря на ее «церковный аспект», обусловлены социальной силой данного института³.

Концепция М. Каплана, которому не чуждо также акцентирование некоего «человеческого плана», не поколебала постулатов его предшественников, зиждившихся на признании приоритета юридически-правовых методов изучения византийского общества. К тому же сама тема низовой церковной организации и духовного состояния византийского села, при всех достижениях в этой области, пока не получила полнокровного освещения. В особенности это касается последних столетий истории империи. Так, невзирая на неоспоримые достоинства, исследование приходского священства поздней Византии Б. Ферьянчица фактически никак не соотносит данный институт с внутренним миром сельских прихожан⁴. В свою очередь многочисленные и разнообразные труды о народной религиозности византий-

¹ См.: *Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. Paris, 1992. P. 202-203.*

² См.: *Ibid. P. 216, 283-284, 296.*

³ Ср.: *Idem. Le village byzantin: Naissance d'une communauté chrétienne // Villages et villageois au Moyen Âge. Paris, 1992. P. 21-22, 24-25.*

⁴ *Ферьянчић Б. Оглед о парохијском свештенству у поздној Византији // Зборник Радова Византолошког Института. Београд, 1983. Т. 22. С. 59-117.*

цев, как правило, игнорируют проблему духовной консолидации жителей села в пределах местного прихода. К числу недавних исследований, принадлежит, к примеру, статья Дж.Т. Денниса, выдвигающего на передний план вполне традиционные сюжеты о нарушении канонических запретов, магии и др. отклонениях от предписаний церковной ортодоксии. Автор приводит сведения о народных празднествах, распространении богомилства и иных народных верований, но он далек от анализа их коллективных форм⁵.

Сказанное верно и в отношении изысканий Н. Д. Барабанова, который с недавних пор обратился к изучению судеб в Византии приходской организации и религиозных аспектов народной культуры⁶. Предпринимая попытку анализа лежащих в этой плоскости обычаев поздневизантийского времени на примере Номоканона при Большом требнике XV в., исследователь исходит из методологической посылки всестороннего изучения религиозности не на уровне этнографического описания или истории учений, а через выявление скрытых установок сознания, свойственных представителям разных общественных слоев⁷. Однако, к сожалению, декларированная цель осталась не достигнутой. Отчасти это объясняется тем, что автор не сумел, следуя преимущественно фабуле отдельных глав источника, отрешиться от выражения проклерикальных воззрений, пропитавших содержание анализируемого Номоканона, и увидел в нем, прежде всего, текст, который, хотя и сохраняет живую связь с действительностью, вызван к жизни, по мнению Н. Д. Барабанова, потребностями повседневной практики духовенства. Единственным штрихом,

⁵ *Dennis G. T. Popular Religious Attitudes and Practices in Byzantium // The Christian East: its Institutions and its Thought. A critical Reflection. Roma, 1996. P. 245-263.*

⁶ *Барабанов Н. Д. Приходское православие и народная религиозность византийцев в полемической литературе XII века // Христианство: Вехи истории. Волгоград, 1996. С. 8-12; Он же. Мир византийского прихода в полемическом трактате XII в. // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997. С. 65-84; Он же. От гилу до вурдалаков: Демонология и приходское православие в Византии // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. С. 81-97.*

⁷ *Он же. Народные верования и обычаи поздневизантийского времени в Номоканоне при Большом требнике // Проблемы всеобщей истории: Материалы научной конференции. Сентябрь 1993 г., Волгоград. Волгоград, 1994. С. 42-48.*

могущим привлечь внимание исследователя сельской паствы, является наблюдение над характером магической обрядности по поводу защиты животных от волков, что ученый без каких-либо колебаний относит к жителям деревни⁸.

Насколько в указанном направлении удалось продвинуться автор этих строк, судить, разумеется, не ему. Тем не менее, в предшествующих публикациях мною были изложены неоспоримые факты о приходской жизни и групповых формах религиозного благочестия жителей поздневизантийского села, красноречиво свидетельствующие о жизнестойкости общинных начал в поздней Византии и проявлениях духовного сплочения обитателей отдельных селений⁹.

Каждая попытка проникнуть во внутренний мир жителей византийского села с целью выявить идейные устои их общежития может затрагивать его разные сферы, включая народные традиции повседневной трудовой деятельности селян и их праздничную обрядность, родственные и семейные обычаи, нормы самоуправления, приемы социальной защиты и, наконец, принципы приходской организации. Она, надо сказать, нередко давала яркие образчики воплощения исконного сплочения односельчан в Византии. При этом первостепенное значение получают не формально-юридические признаки объединения сельских жителей в церковный приход, а свойственные только ему коллективные формы религиозного почитания и вероисповедания, наподобие отобразенной Иоанном Апокавком, церковным иерархом XII–XIII вв., практики публичного покаяния¹⁰.

В длинной череде примеров христианского рвения, отобразенных в византийских исторических памятниках и документах, типичной для села следует признать традицию добровольных пожертвований в пользу церкви, духовных учреждений и иерархов — явление,

⁸ Там же. С. 43-44.

⁹ См., в частности: Вин Ю. Я. Коллективные формы проявления благочестия в поздневизантийской деревне (XIII–XIV вв.) // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2008. С. 25-29.

¹⁰ Вин Ю. Я. Синтез византийской и славянской социокультурной традиции в среде сельского населения средневековой Византии и сопредельных регионов Балкан // Становление славянского мира и Византия в эпоху Раннего Средневековья. М., 2001. С. 24-25.

чрезвычайно распространенное даже среди деревенской бедноты. В данном случае речь идет не о заурядных завещаниях вкладов «на помин души» отдельными прихожанами вместе с членами их семейств, что тоже нельзя исключать из перечня проявлений групповой набожности, а о коллективных дарениях, производимых отдельными группами или совокупностью жителей села. Ведь в качестве вкладов давали не только семейные драгоценности и наследственные земельные участки, пашни, виноградники и сады, но и сооруженные совместными усилиями местных жителей хозяйственные постройки, например водяные мельницы. Еще более разительными оказываются дарения земельных наделов, сопровождавшиеся строительством культовых зданий и основанием сельских монастырей. Иначе говоря, подразумеваются ситуации, подобные той, что была описана еще в новелле 996 г. императора Василия II, которая рассказывает о постройке в удаленных деревнях монастырьков одним или несколькими хоритами (жителями села), которые становились монахами с тем, чтобы провести там остаток своих дней. После кончины своих основателей мелкие сельские обитатели, в большинстве случаев, запустевали и ветшали, а потому беспрепятственно попадали под юрисдикцию епископата. Именно против этого выступил законодатель, безуспешно стремившийся предотвратить отчуждение мелких сельских монастырей иерархами и «динатами» («могущими») ¹¹.

На новом витке исторического развития византийской деревни отчуждения селянами с благочестивыми целями земельных наделов и культовых сооружений осуществлялось уже беспрепятственно. Один из примеров этого содержит дарственная грамота XIII в. эпиков (жителей) хориона Генику в пользу Лемвиотисского монастыря, имеющая касательство к сельской обители св. Марины Аманариотиссы, которая была возведена на землях указанного селения ¹². Жители Генику, передавая свой обедневший монастырек лемвиотис-

¹¹ Ср.: *Svoronos N.* Les Nouvelles des empereurs Macédoniens, concernant la terre et les stratiotes. Athènes, 1994. (Далее — NEM). № 14. Vers. I. P. 208.99-114 etc., P. 210.133-141 etc.; Vers. II. P. 209.131-143 etc., P. 211.168-174 etc.

¹² *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana* / Ed. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1871. Vol. IV. (Далее — MM. IV). P. 265-266. См.: *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. 2. Aufl. Hildesheim, 1960. S. 67.

ским монахам, оправдывают этот акт тем, что они следуют «отечески» (πατρικῶς ἐπόμεινοι) желанию их архиерея и как бы будучи «увещаны» (πειθόμενοι) в той его воле¹³.

Несравненной, как представляется, доказательностью в благочестивости поздневизантийских селян обладают доводы эпиков хориона Дрианувены в поддержку решения их господ основать обитель на выкупленной у одного из их односельчан, Михаила Архонтицы, подворного хозяйства-стаси. В их рассказе выступает решимость выплачивать ежегодный налог на отчуждаемую стась: как заявляют богобоязненные селяне, «все посвященное Богу не обращается в рабство» (τὸ ἅπαξ ἀφιερωθὲν τῷ θεῷ οὐ δουλοῦται)¹⁴. Так звучит идейная посылка их поступка в буквальном, этимологическом понимании приводимой фразы, хотя в поздневизантийскую эпоху содержание употребленного здесь глагола δουλόω, скорее всего, наполнилось иным смыслом, ассоциированным с представлениями не о «рабстве», а о «служении». В любом случае это аргумент, свидетельствующий о том, что жители села мотивируют свои действия сугубо благочестивыми помыслами и намерениями, побуждавшими односельчан к совместным, коллективным свершениям.

Особое место в «параде благочестия» сельских локальных групп занимает прошение жителей острова Кос, датируемое, надо полагать, предпоследним десятилетием XIII в.¹⁵ Оно затрагивает судьбу местного монастыря Спудон и расположенного в нем древнего храма, права на который предъявили монахи Патмосского монастыря. «Челобитную», если можно так сказать о документе византийского происхождения, подписали более 80-ти, как говорится в документе, местных жителей («эпиков хоры»)¹⁶. В их числе находятся члены местной епископии, номики (нотарии), монахи и священники¹⁷. Выделяются подписи кастрофилакса (коменданта военного гарнизона) и

¹³ ММ. IV. P. 265.

¹⁴ ММ. IV. P. 391-392.

¹⁵ Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1890. Vol. VI. (Далее — ММ. VI). P. 184-187. Также см.: Bartusis M. C. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453. Philadelphia, 1992. P. 299-300. Ср.: ММ. VI. 193-195.

¹⁶ См.: ММ. VI. 186.

¹⁷ ММ. VI. 185.

воинов (стратиотов)-арбалетчиков (τζαυκράτοροι)¹⁸. Вероятно, именно к ним могут быть отнесены упомянутые в названии документа ссылки на «рабов» и «слабов» (στλάβων). Основная же масса челобитчиков — 58 человек — не указала своего социального статуса и, безусловно, представляла собой «общность народа» или войска (τὸ κοινὸν τοῦ λαοῦ), о которой заявлено в лемме документа в одном ряду с названными выше социальными группами или категориями островных жителей¹⁹. Они, судя по использованному термину, возводили образованную ими общность до статуса «коммуны»²⁰. Словом, прошение островитян, отражая их социальную неоднородность, в то же время доказывает сохранение неразрывной между ними связанности, из которой проистекал их благочестивый порыв, направленный на удовлетворение притязаний Патмосского монастыря в отношении местной святыни.

Привлеченные нами примеры содержат убедительные свидетельства единства односельчан. Оно воплощалось в повседневной активности и совместных действиях жителей сел и возникало благодаря складывавшейся в их среде психологической общности. Ее олицетворением служили собирательные обозначения населения сел и явно или неявно выражаемая в документах хрестоматийная в психологическом ракурсе антитеза «мы» — «они». Так, дарственная грамота эпиков хориона Дрианувена зафиксировала не только их обозначение с помощью словоформы «дрианувиты», как они сами себя называли, но и характерные фразеологические обороты, подтверждающие формирование между ними устойчивой психологической общности. Принимая совместное решение, «дрианувиты» без каких-либо недомолвок облекли его в форму заявления: «...мы, все нижеподписавшиеся эпики Дрианувены...»²¹. Они действовали с неколебимым единодушием, подкрепляя его, согласно их собственному

¹⁸ ММ. VI. 184-185. См.: *Bartusis M. C. The Late Byzantine Army...* P. 299.

¹⁹ ММ. VI. 184.

²⁰ См.: *Вин Ю. Я. Идея социально-экономической общности у византийцев: греко-латинские терминологические параллели // Средние века. М., 2007. Вып. 68. № 3. С. 167-168.*

²¹ См.: ММ. IV. 392.

выражению, красноречивым доводом: «...по общему намерению, убеждению и угождению...»²².

Предположение о формировании психологической общности охваченных религиозным рвением односельчан, думается, будет справедливым даже в случае, когда оно не находит очевидного отображения, как в дарственной жителей хориона Генику. Указаниями на коллективный характер дарения односельчан следует считать их совместно поставленные подписи и изъявление своей воли, которое они сделали с помощью глагола в форме первого лица множественного числа, сопроводив его выразительным местоимением «мы...»²³.

Весомым аргументом в пользу используемого здесь подхода к возможностям определения фактов возникновения психологической общности в среде локально ограниченных групп сельского населения поздней Византии являет собой и «челобитная» эпиков острова Кос. Их собственноручные подписи, удостоверявшие правдивость рассказа об истории местного метоха (подчиненного монастыря), стали как бы подтверждением сделанному от первого лица множественного числа волеизъявлению островитян. В то же время употреблению местоимения «мы» и собирательного имени движимые благочестивыми побуждениями челобитчики для обозначения своей совокупности предпочли назвать себя «христианами»²⁴. В данном контексте это понятие, конечно же, нельзя рассматривать в качестве синонима обозначения приходской организации. Оно являлось, прежде всего, выражением идейной мотивации прошения жителей Коса. Однако лемма документа, как было отмечено, включила ясное указание на представление обитателей острова о себе как о единстве, обозначенном посредством выражения «общность народа».

Осознание собственного единства и психологической общности подчас обнаруживается не в словесном изъявлении, а в коллективно осуществляемых акциях. Иначе нельзя объяснить факты сооружения совместными усилиями сельских жителей приходских храмов, как это можно видеть на примерах второй половины XIII вв. морейских хорионов Кипула и Полемиа. Речь идет о весьма скромных, и по своим размерам, и по художественному оформлению, постройках,

²² См.: ММ. IV. 391.

²³ См.: ММ. IV. 265-266.

²⁴ ММ. VI. 184-185.

возведенных на острове Мани благодаря рвению местных прихожан — их инициативе и на их средства. Самым ценным богатством этих храмов оказываются настенные надписи. Согласно им, общее число жертвователей вместе с членами их семей в хорионе Кипула достигает 27 человек. Численность же коллективных ктиторов (основателей) храма в селении Полемиита вместе с родственниками составляла около 30 человек. Их объединяли родственные и производственные отношения, о чем косвенно говорят многочисленные пожертвования храму земельных наделов и маслин: неоднократное совпадение родовых имен, прямые ссылки и упоминания о «братских» имуществах свидетельствуют о том, что значительная часть односельчан была связана друг с другом родством. С уверенностью можно утверждать, что и в том, и в другом хорионе существовал церковный приход. Недаром во главе односельчан стояло местное духовенство и клирики²⁵. Словом, в сведениях о населении хорионов Кипула и Полемиита исподволь дает о себе знать живой образ хозяйственной и социокультурной общности, духовно и психологически спаянной.

Обращаясь к проявлениям коллективных форм религиозности жителей поздневизантийского села, необходимо признать, что они немислимы без группового сплочения односельчан, покоящегося на древних общинных устоях. Однако заложенные некогда традиции деревенского общежития не оскудевали и в поместном селе, где иногда они получали дальнейшее развитие, обретая вполне самобытное содержание. Об этом рассказывает Иоанн Апокавк в своем ответе на один из запросов дуки (руководителя управления) Керкиры Алексея Педиатита по поводу наблюдавшегося на острове обычая. Согласно ему многие из жителей острова обращаются к местному митрополиту с тем, чтобы получить от церкви земельный участок и вырастить на нем виноградник или использовать землю каким-либо иным обра-

²⁵ *Kalopissi-Verti S. Dedicatory Inscriptions and Donor Portraits in Thirteenth-Century Churches of Greece. Wien, 1992 (Далее — DIDP.). P. 67-69, 71-75. Fig. 34, 37-39. Настенные надписи церквей св. Бессеребренников и св. Михаила переизданы дважды. Соответственно о первой см.: Freissel D., Philippidis-Braat A. Inventaires en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzances. III. Inscriptions du Péloponnèse: (à l'exception de Mistra). // TM. 1985. Vol. 9 (Далее — Pélop.). № 55. Pl. XIV, 2; DIDP. № 19. Fig. 34; о второй см.: Pélop. № 57. Pl. XVI; DIDP. № 21. Fig. 37.*

зом. Взамен же каждый из просителей отдает церкви свой собственный, вдвое больший, чем заимствованный, надел. В сообщении Иоанна Апокавка подчеркивается, что в соглашение вступает не один, два или десять островитян, а многие и многократно, и их сделки заключаются на длительные сроки. По своей природе, данный обычай представлял ни что иное, как *precaria remuneratoria* (прекарий с вознаграждением). Нельзя упускать из виду, что, анализируя детали описанного дукой Керкирой явления, Иоанн Апокавок посчитал эту, согласно его выражению, древнюю и старейшую традицию названной хоры всецело законной и оправданной²⁶.

Происхождение истари заведенной нормы, очевидно, кроется в особенностях внутренней колонизации на Керкире. Можно предполагать, что инициатором выступала местная митрополия, удачно использовавшая в своих целях благочестие окрестных земледельцев. Однако поместный, по своему существу, обычай со временем охватил широкий слой крестьянства, превратившись в локально ограниченную, но достаточно массовую традицию. И это побуждает искать в ней общинные начала. О них может свидетельствовать подразумеваемая в рассказе Алексея Педиатита предрасположенность крестьян к добровольному заключению соглашений об обмене земельных участков, неравных по размерам и, вероятно, уровню их готовности для культивации.

Конечно, подобная добровольность не означает отсутствия скрытых форм принуждения со стороны митрополии в процессе присвоения крупным земельным собственником крестьянских наделов. В то же время неоспорима подспудно действовавшая мотивация активности сельских тружеников, опирающаяся на свойственное им благочестие. Благодаря ему установившийся в период подъема внутренней колонизации порядок входит как идейный элемент в общественное сознание большой группы сельского населения.

Таким образом, коллективные формы проявления благочестия в виде разновидности тесно переплетавшейся с повседневными традициями народной религиозности сохраняли свое идейное и институциональное значение с Раннего Средневековья и вплоть до последне-

²⁶ *Papadopoulos-Kerameus A.* Κερκυραϊκά: Ἰωάννης Ἀπόκαυκος καὶ Γεώργιος Βαρδάνης // Византийский Временник. 1906. Т. 13. № 2. Р. 337-338.

го периода византийской истории. В условиях совместно реализуемой групповой активности односельчан их благочестивые порывы оказывали прямое влияние на развитие всей системы социальных отношений византийской деревни — сельской общины, поместья, равно как и на формирование сельской церковноприходской организации. Благочестие сельской паствы и духовенства в коллективных своих формах играло заметную роль в процессе внутреннего сплочения локальных групп сельского населения Византии в психологическую общность, способствуя тем самым поддержанию общинных начал деревенской жизни.

Ю. Е. БАРЛОВА

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В АНГЛИИ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛ. XIX ВВ. И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАРРАТИВОВ О «СТАРОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О БЕДНЫХ»

В 1834 г. в Англии была проведена реформа законодательства о бедных, которая, как считают многие исследователи, разделила историю британской социальной политики на «до» и «после», «покончив раз и навсегда с любыми сантиментами в отношении бедняков»¹. Акт 1834 г. отменил дотации неимущим и нуждающимся, поместив в центр новой системы социальной помощи институт работных домов — тех, которые Чарльз Диккенс позднее описал как цитадели жестокости и бесчеловечности в отношении самых слабых и уязвимых слоев населения. «Закон о поправках к законодательству о бедных», тем не менее, был принят с удивительным единодушием, на волне практически единогласной критики в парламенте и обществе так называемой «старой системы» социальной помощи бедным.

Общее мнение относительно этой системы и, можно сказать, «генеральную линию» аргументов и общественных настроений того времени выразил граф Алексис де Токвиль, посетивший Англию накануне реформы, в 1833 г.: «Англия — богатейшее государство Европы, но в ней наиболее велик процент населения, зависящий от организованного милосердия... В странах, где большинство населения плохо одето, живет в плохих условиях, плохо питается, разве кто задумается о чистых одеждах, о здоровой пище, о комфортном жилье для бедных? Большинство англичан, имея все это сами, считают отсутствие этого пугающим бедствием. Это общество... лечит беды, которые в других местах не замечают. В Англии средний уровень жизни, на который может рассчитывать человек, выше, чем в любой другой стране мира. Но это значительно усиливает разрастание пау-

¹ Jones K. The making of social policy in Britain. L., 1996. P. X.

перизма в данной стране»². Токвиль, таким образом, находил систему помощи бедным в Англии «избыточной, несовершенной» и полагал, что она «лишь увеличивает число «нуждающихся».

Приведенная цитата — частью нарратива, в рамках которого в течение как минимум нескольких десятилетий, предшествовавших принятию Акта 1834 года, в Англии велись дискуссии и публиковались исследования о проблемах бедности, нищеты и безработицы. Этот нарратив иногда именуют «вигским» — возможно, потому, что реформа 1834 г. была проведена парламентским большинством, тогда еще определявшим себя как партию вигов. О его популярности и распространенности может свидетельствовать хотя бы то, что даже после реформирования «старой системы» в XIX в. отрицательный образ последней довольно долго оставался доминирующим в историографии британской социальной политики. В современной историографической полемике по этому вопросу «вигский нарратив» также занимает весомое место, представляя собой одну из двух основных аргументативных стратегий.

Вопросы, которые в связи с этим могут возникнуть у историка, следующие. Насколько совпадал нарратив, сконструированный *накануне* реформы, и во многом — *ради* реформы 1834 г., с тем, что представляло собой «старое законодательство о бедных» как политический, юридический и социальный феномен? Почему в общественно-политическом дискурсе страны, имеющей такие давние традиции помощи бедным, победило неприятие *бедноцентристской* системы (такое название предлагают современные сторонники «вигской» трактовки)? Как и в связи с чем менялись оценки природы и значения «старого законодательства» со временем? Наконец, каким образом конструирование тех или иных трактовок проблемы бедности интеллектуалами и политиками было связано с динамикой восприятия бедности в обществе на обыденном уровне?

История законодательства о бедных в Англии действительно уникальна. Первые прецеденты государственных постановлений, предписывавших ту или иную помощь нуждающимся, восходят к XIV в. Так, еще в 1388 г. статут Ричарда II «О помощи бедствующим подданным» предписывал лендлордам в обязательном порядке забо-

² Цит.: Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., 1993. P. 5.

таться о бедняках, проживавших на их землях. В эпоху правления династии Тюдоров в Англии и Уэльсе было принято 17 актов и статутов, которые можно было характеризовать как «законы о бедных». Наибольшее значение традиционно придается «Акту о помощи бедным» 1597 г., юридически закреплявшему необходимость социальной помощи «пожилым, беспомощным и бедным людям, ...больным и искалеченным солдатам и морякам, ...сиротам, ...одиноким женщинам; ...молодым торговцам, ремесленникам и людям, чьи дела находятся в упадке; и другим для ...облегчения участи бедных жителей...»³. Закон этот учреждал систему приходских попечителей по призрению бедных (*overseers of the poor*), предписывал сбор налогов в пользу бедных (*poor rates*) в каждом приходе, разрешал помогать т.н. «трудоспособным пауперам» (людям без собственности, профессии и средств к существованию), которые, однако, должны были отработать получаемую помощь на благо прихода, и вводил «обязательное ученичество» детей бедняков как подмастерьев⁴. Провозглашался также принцип «взаимной ответственности» родителей и детей, обязывавший трудоспособного человека содержать, под угрозой ежемесячного штрафа в 20 шиллингов, «неимущих, старых, слепых, хромых и немощных» родственников⁵.

Одновременно, однако, увидел свет и другой документ — «Акт о наказании бродяг, праздношатающихся и упорных нищих». Этот закон стал продолжением серии актов, принятых еще в середине XVI в. Генрихом VIII — «О египтянах» (так тогда называли цыган) и «О наказании нищих и бродяг». Перечисленные группы населения в раннее новое время действительно представляли серьезную угрозу общественному порядку и спокойствию, поэтому законодатели постарались как можно детальнее разграничить тех, кто, в силу возраста или болезни, «был *вынужден* жить за счет помощи и милосердия», и «упорных бродяг» (*sturdy vagabonds*), «нарушителей спокойствия» (*rufflers*), «не боящихся наказания попрошаек» (*valiant beggars*), «ленивых праздношатающихся» (*idle wanderers*), «жуликов» (*rogues*), «бродяг» (*tramps*), «браконьеров» (*poaches*). Показательно

³ Elizabethan Poor Laws 1597–1601 //

http://www.en.wikipedia.org/wiki/Elizabethan_Poor_Law

⁴ Ibidem.

⁵ Nicholls G. A History of the English Poor Law. Vol I. L., 1898. P. 125.

богатство определений, многие из которых в англо-русских словарях переводятся одинаково — «бродяга» или «нищий». Акты Генриха VIII предполагали физическое наказание таких людей, принуждение их к работе или помещение в больницы и «дома исправления». Акт 1597 г. отличался тем, что давал более точное определение для каждой «не заслуживающей помощи» категории населения и предполагал такую дополнительную меру воздействия, как высылку к месту рождения или постоянного проживания⁶.

В 1601 г. законы 1597 года были снова пересмотрены и усовершенствованы: более детально излагался порядок и механизм сбора налогов, появились пункты о полном запрете бродяжничества и попрошайничества (разрешалась лишь милостыня в виде еды), а также об ужесточении наказания бродяг. Эта новая редакция получила название «Акт о законодательстве в отношении бедных» 1601 г.⁷ и до сих пор считается столпом всей «старой» системы социальной помощи в Англии. «Закон о бедных» сопровождался отдельным постановлением «Об использовании благотворительных средств», которое закладывало основы т. н. «частного сектора» системы социальной помощи; документ поощрял благотворительность, «продвигал» идеи филантропии среди аристократов и купцов, перечислял основные нужды, на которые могут быть направлены благотворительные средства, учреждал комиссию, которая должна была контролировать благотворительные трасты в Британию. С этих пор частная благотворительность, *филантропия*, становится важным элементом британской социальной политики. На протяжении XVII–XVIII вв. филантропы основывали дома призрения, больницы, учреждали фонды для обучения пауперов, предоставляли займы бедным или разорившимся торговцам, жертвовали на пособия безработным. В XIX веке частью «частного сектора» становятся организованные «на паях» ассоциации рабочих для взаимопомощи в случае нужды, болезни или смерти — «дружественные общества» (*friendly societies*).

По сути, принятие «законов о бедных» означало, что государство берет на себя ответственность за социальную помощь, начинает создавать комплекс институтов и мер для ее реализации и определя-

⁶ Ibid. P. 128.

⁷ Еще он известен под названиями «Елизаветинский закон о бедных» и «Старый закон о бедных».

ет категории тех, кто в этой помощи нуждается. Однако механизм воплощения этих законов в жизнь носил не общегосударственный, а, скорее, местнический характер. Каждый приход назначал неоплачиваемого («на общественных началах») попечителя, который должен был собирать налоги с каждого «занимающего землю» жителя прихода, пропорционально его доходу, и направлять эти средства для «помощи беднякам данного прихода». Помощь могла осуществляться в различных формах: еженедельные прямые денежные выплаты, обеспечение одеждой, едой, жилищем, медицинская помощь больным и старикам, помощь одиноким матерям (поиск отцов и взыскание с них средств в пользу детей вплоть до «созревания» последних), предоставление убежища бездомным. Трудоспособные безработные получали пособие по безработице (*dole*), но должны были отработать какое-то время на «пополнении материальных запасов прихода». При этом магистраты несли ответственность за то, чтобы каждый приход знал своего попечителя и чтобы последний выполнял свои обязанности. Выявленные нарушения (например, если в приходе обнаружится трудоспособный паупер, который получает пособие, но не работает) грозили наказанием. Со своей стороны, работодатель нес ответственность за сохранение рабочих мест в периоды кризисов или неурожаев, что «являлось отражением традиционного ожидания от хозяина ответственности за благосостояние своих слуг» — т.н. «патерналистской модели» отношений работодателя и работника, характерной для доиндустриального общества⁸.

Децентрализованная природа воплощения закона 1601 г. в жизнь, с одной стороны, предопределила «неровность» его применения (налоги собирались локально, их сложно было контролировать, у местных законодателей была возможность поднять «порог бедности», чтобы распределять средства среди «заслуженных бедных» или же чтобы заставить работать «незаслуженных бедных»). С другой стороны, он продолжал действовать, например, когда центральное правительство было озабочено разрешением политического и социального кризиса середины XVII века⁹.

⁸ Leonard E. M. The History of the English Poor Relief. L., 1965. P. 226-236.

⁹ Это обстоятельство, отмечали как положительную сторону «старой системы» фабианские социалисты, в частности С. и Б. Веббы: Webb S., Webb B. English Poor Law History: Part One, The Old Poor Law. L., 1929. P. 80, 95-106.

В эпоху правления Стюартов и первых трех представителей Ганноверской династии «старый закон о бедных» был снова дополнен рядом поправок. Так, «Акт об оседлости» 1662 г. утвердил своего рода «институт прописки» нищих: приход, являющийся для нищего его (ее) местом оседлости, нес за него (нее) ответственность в случае возникновения необходимости в социальной помощи и в обязательном порядке платил за него (нее) соответствующий налог. Каждому пауперу выдавался *settlement certificate* (своеобразный документ о прописке), который он был обязан брать с собой при переезде на другое место жительства и который, в случае «попадания в бедственное положение», обязывал его «домашний» приход, помимо прочего, оплачивать издержки по возвращению бедняка на «место прописки». Понятно, что приходы не спешили выдавать такие свидетельства. Поэтому, по сути, данный закон ограничивал свободу передвижения бродяг и нищих по стране — последним было выгоднее оставаться «дома» с гарантией на социальную помощь от прихода.

В 1697 г. Вильгельм III Оранский издал специальное распоряжение о ежегодных проверках материального состояния всех, получающих помощь, и «отсеивании» тех, кто уже в ней не нуждался¹⁰.

Следующей поправкой к закону 1601 г. стал «Акт о проверке работным домом» (1723), его еще называют «Акт Нэтчбулля» по фамилии главы министерства. Смысл его заключался в том, что приходы получили право выбора — осуществлять помощь бедным в форме выплат или организовать *работный дом*, куда пауперы, действительно нуждавшиеся в помощи, помещались в обязательном порядке на определенное время — «проверить, так ли велика их нужда», — и получали там работу, пищу и одежду. Можно сказать, что это постановление дало начало юридическому включению института работных домов в существующую систему социальной помощи.

Работные дома существовали в Англии и до принятия этого закона, хотя чаще всего имели форму «рассеянных мануфактур». В начале XVII в. трудоспособные пауперы, отработавшие свое пособие, трудились на дому под контролем местных купцов. Примерно с 1630 г. в отдельных местностях Англии и Уэльса стали строить специальные здания, в которых хранились материальные запасы прихода и работали пауперы. Такие работные дома не были

¹⁰ Slack P. The English Poor Law, 1531–1782. L.: Macmillan, 1990. P. 55-56.

карательными учреждениями, однако наряду с ними существовали и «дома исправления», предназначенные для ареста бродяг, тунеядцев и нарушителей спокойствия, принуждаемых к «тяжелому труду» с целью «дисциплинирования и возможного исправления»¹¹. В 1696–1697 гг. в Бристолье предприниматель Джон Кэрей учредил небезызвестную «Бристольскую Корпорацию бедных», где можно было получить и отработать денежную помощь. Своими целями Кэрей провозглашал «выравнивание налогов на бедных в пределах городского округа, борьбу с ленью и вовлечение нищих обоих полов и всех возрастов в работу»¹². Многие исследователи называют работный дом Кэрея «просвещенной версией» учреждения для помощи бедным — там был госпиталь для неимущих, рожениц, приют для сумасшедших и беспризорных детей. После нескольких лет функционирования работного дома Кэрей представил парламенту письменный отчет, где говорилось: «Это произвело должный эффект, на улицах не видно ни одного попрошайки или бродяги, а помощь нищим оказывается в нужном месте и в должном объеме»¹³. В итоге примеру Бристоля последовали Уорсестер, Халл, Эксетер, Плимут, Норвич.

В конце XVII века в парламент посыпались предложения о создании акционерных обществ, организующих работу пауперов с целью получения прибыли. Например, у филантропа Томаса Термина был длительный и успешный «пауперный» бизнес, вовлекший 1700 чел.¹⁴. Однако труд пауперов не покрывал расходы предпринимателя. Поэтому в течение XVIII в. работные дома «входили и выходили из моды во многих графствах — в зависимости от смены материальных условий в приходе или администрации»¹⁵. Зачастую работный дом выглядел как «пространство для обитания под одной крышей больных, стариков, беспризорников и нескольких беременных девочек. Они жили вместе и периодически принуждались к работе»¹⁶.

¹¹ Leonard E. M. Op. cit. P. 226.

¹² Nicholls G. Op. cit. P. 353.

¹³ Ibid. P. 353.

¹⁴ Webbs, S. and B. Op. cit. P. 106.

¹⁵ Quirk V. Lessons from the English Poor Laws. Refereed paper presented to the Australian Political Studies Association Conference, University of Newcastle, 25–27 September, 2006. P. 10.

¹⁶ Jones K. Op. cit. P. 7.

«Акт о помощи бедным» 1782 года (или «Акт Гилберта» — по имени Томаса Гилберта, предложившего его в парламенте) разрешил приходам создавать «межприходские» работные дома и разделить, таким образом, ответственность за помощь бедным, объединив финансы. В этом смысле «Акт Гилберта» можно было назвать попыткой преодолеть бессистемность и маломасштабность помощи бедным. Однако и после его принятия в межприходские работные дома помещали лишь стариков, больных и беспризорных детей, а трудоспособные бедняки, как правило, получали социальную помощь на дому — закон давал местным магистратам право обеспечить трудоспособного взрослого паупера работой и без помещения его в работный дом. Фредерик Мортен Иден, в 1797 г. опубликовавший трехтомное исследование «Положение бедных», указывал на то, что в конце XVIII в. некоторые округа и графства по-прежнему сопротивлялись нововведениям и не имели работных домов, предпочитая оказывать материальную помощь «своим местным бедным»¹⁷.

Итак, если обобщить юридическую составляющую «старой» системы помощи бедным, то выводы будут следующими. Под «Старым законодательством о бедных» (*The Old Poor Law*), реформированном в 1834 г., подразумевался не один закон, а целая «коллекция» (больше 50-ти) парламентских актов и королевских статутов, принятых в XVII–XVIII вв. Тремя основными столпами системы были:

- 1) приход как главная административная единица, ответственная за регулирование проблем с бедными, помощь «заслуживающим» бедным и наказание бродяг и попрошаек;
- 2) принцип помощи нуждающимся и неимущим за счет обязательных налоговых отчислений;
- 3) государственное конституирование категорий неимущих, «действительно» нуждающихся в социальной помощи.

Важно учитывать и то, что большая часть упомянутых законов — в особенности те из них, которые были приняты в XVIII в., — носили *разрешающий* характер, а значит, не были обязательны для исполнения по всей территории Англии. Однако в официальных документах, речах, письменных сочинениях первой половины XIX в., непосредственно оформлявших необходимость реформы 1834 г.,

¹⁷ *Eden F. M. The State of the Poor. L., 1928. P. 52.*

одной из основных составляющих «старого законодательства» называлась «Спинхемлендская система» 1795 г., которая вообще никогда не имела статуса закона и являлась ни чем иным, как прецедентом, принятым в одном графстве и впоследствии заимствованным другими. Тем не менее, даже сегодня в специальной литературе фигурирует понятие «закон Спинхемленда»¹⁸.

Собственно, весь «закон» начался с ухудшения экономической ситуации в начале 1790-х гг. 1794–95 годы были особенно неурожайными, что вызвало резкий скачок цен на хлеб и основные продовольственные продукты. В этих условиях мировые судьи графства Беркшир собрались в мае 1795 г. в таверне «Пеликан» в местечке Спинхемленд с намерением установить новый минимум заработных плат на селе и тем самым уменьшить уровень сельской бедности. В итоге была выработана т.н. «спинхемлендская шкала», по которой каждый «бедный и усердный человек» получал от прихода определенную сумму денег как прибавку к жалованью. Шкала представляла собой таблицу, в которой учитывалось семейное положение бедняка, количество детей и действующая цена на хлеб. Если хлеб дорожал, прибавка увеличивалась. Примеру Спинхемленда вскоре последовала почти половина английских графств.

В некоторых других графствах в те же годы действовал иной принцип помощи беднякам, своеобразная альтернатива Спинхемленду — т.н. «Раундсменская» система. Трудоспособные пауперы этих графств, по приказу попечителя по призрению, собирались вместе и путешествовали от прихода к приходу, по фермам и фабрикам, где нанимались за ту минимальную заработную плату, которую им предлагали. Такая система на практике тоже приводила к множественным конфликтам. Оплата труда часто казалась работникам слишком низкой, а фермеры, по словам К. Джонс, «сопротивлялись приему на работу угрюмых и озлобленных мужиков»¹⁹.

Однако почему-то именно прецедент, созданный в Спинхемленде, мыслители и политики конца XVIII — первой половины XIX в. стали приводить как главный аргумент в пользу «порочно-

¹⁸ См., например: Материалы научной конференции «60-летие выхода в свет “Великой ремонстрации” Карла Полаanyi: уроки для России» // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html>

¹⁹ Jones K. Op. cit. P. 6.

сти» всей старой системы законодательства о бедных. Более того, критика Спинхемленда легла в основу первых фундаментальных научных исследований феномена бедности, появившихся в конце XVIII — начале XIX вв. и предлагавших модели и варианты дальнейшего развития социальной политики.

Впрочем, первые попытки критики «старой системы» появились гораздо раньше — еще в XVII в. Великий английский просветитель Джон Локк, состоявший в свое время в специальной Комиссии Министерства торговли, в 1696 г. подготовил отчет, в котором высказывался очень определенно: «Приумножение бедных и рост налогов на их содержание — настолько популярная жалоба, что в этом не приходится сомневаться. Я убежден, что половина получающих помощь от прихода способны сами зарабатывать себе на жизнь. Зло происходит не от недостатка продовольствия и безработицы среди бедных; ...рост бедноты, вероятнее всего, имеет иные причины; и последние — ни что иное как *отсутствие дисциплины и коррупция манер...*»²⁰.

Большинство из тех мыслителей, кто пытался объяснить причины бедности в XVIII в., также основывались на принципе *личной обусловленности* бедности (люди сами виноваты в своей нищете) и считали, что выходом является отказ от дотаций бедным и ориентация последних на *самопомощь*.

Так, Джозеф Тауншенд в 1786 г. опубликовал «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества», где высказал идеи, впоследствии развитые Т. Мальтусом и, соответственно, известные под термином «мальтузианство»: «Количество пищи — вот что регулирует численность человеческого вида». Рано или поздно численность населения начинает превышать количество пищи, поэтому в обществе всегда должны быть бедные, которые обречены на голод и нуждаются в работе. Причины роста нищеты, по его мнению, безрассудное размножение бедных, леность и порочность бедняков, лишенных добродетелей протестантской этики, и, конечно же, «старое законодательство», по которому общество должно содержать пауперов. Голод, писал он, идеальное средство принуждения бедных к труду: беднякам «мало известны мотивы, которые стимулируют

²⁰ Quirk V. Op. cit. P. 9.

деятельность более высоких слоев общества: гордость, честь, честолюбие. В результате только голод может заставить их работать»²¹.

Аргументы Тауншенда почти слово в слово повторялись в более поздних сочинениях. В труде Мальтуса «Опыт о законе народонаселения...» (1798) предлагалась знаменитая формула, объясняющая нехватку средств к существованию на всех: население имеет тенденцию к росту в *геометрической* прогрессии, тогда как средства к существованию растут в *арифметической*. «Только прививая беднякам ценности независимости, — вторил Мальтусу через несколько лет Д. Риккардо, — и обучая их не искать постоянно систематической или случайной благотворительности, а надеяться на собственные источники поддержки, ... мы значительно приблизимся к более стабильному и здоровому государству»²².

«Отец утилитаризма» Дж. Бентам перефразировал ту же аргументацию в своей работе «В защиту излишеств. Боль и наслаждение» (1818), настаивая на том, что, проводя жесткие и даже антисоциальные меры в отношении бедных, можно не только блокировать, но и устранять социальные проблемы: «Если сделать помощь бедным *болезненной*, бедные от этого лишь выиграют, т. к. будут стремиться *сами поддерживать себя*, ... и в дальнейшем это приведет их к наслаждению... Бедные перестанут быть паразитами. Им вернут их достоинство». Бентам разработал план «Паноптикона» — некоего прообраза рабочего дома XIX века, в котором должны были содержаться все трудоспособные люди без собственности и без профессии (их он насчитал около миллиона). Суровая диета, изоляция и строгая дисциплина, верил Бентам, сделают бедных продуктивными, трезвыми и замедлят их чрезмерное воспроизводство.

Неперекаемый авторитет для политиков и мыслителей конца XVIII — начала XIX вв. Адам Смит также полагал, что помощь бедным со стороны государства бесполезна и обречена на провал, т. к. она является вмешательством в саморегулирующиеся механизмы рынка, стимулирующие бедных к усердию.

Принципиально иную трактовку пытались предложить У. Годвин, У. Хэзлитт, Ч. Холл. Их объединяла критика в адрес по-

²¹ *Townsend J.* Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind. Berkeley, Los Angeles, London, 1971. P. 38, 23.

²² Цит. по: *Jones K.* Op. cit. P. 10-11.

следователей Тауншенда и Мальтуса с морально-нравственных, гуманистических позиций. Так, Хэзлитт в памфлете «Мальтус и свободы для бедняков» (1807) предлагал взглянуть на проблему «глазами бедных». Он обвинял Мальтуса в том, что тот «сделал себя пророком богатых и великих, особенно тех из них, кто не склонен к подаяниям». Мальтус, писал Хэзлитт, «подаст бедному жесткое, как скребок, полотенце, а сам возьмет чистый, белый носовой платок, чтобы стереть помаду со щеки раскрашенной проститутки!»²³. Ч. Холл, врач по образованию, обращаясь к статистическим данным, показывал, что в «силу огромной смертности, особенно детской, среди бедняков, естественный прирост этой части общества крайне низок. Следовательно, заключал он, утверждение Мальтуса, будто нищета народных масс есть следствие их неразумного размножения — ложно. Не невежество и тупость народа является причиной его нищеты, а наоборот, нищета масс — причина их умственной и нравственной неразвитости»²⁴. Вторая общая черта — довольно абстрактные предложения относительно решения проблемы нищеты. Хэзлитт предлагал сократить расходы на роскошь; Холл в качестве идеала видел общество, в котором каждый ведет хозяйство и распоряжается продуктом своего труда; Годвин, отвергавший институт частной собственности в принципе, полагал, что в идеальной общине одинаково скромно обеспеченных тружеников «люди будут приучены к простым началам справедливости и поймут, что ничто, кроме дарований и добродетелей, не дает права на уважение»²⁵.

Возможно, именно поэтому упомянутые мыслители, как и их противники, не отвергали идеи *самопомощи* как выхода из кризисной для бедняков ситуации. Так, Хэзлитт признавал, что налоги на бедных тяжелы для обычных людей, «гуманность которых оказалась обескровленной налоговым бременем, возложенным на них их экономикой», и уповал на то, что «спасение бедняков... начнет происходить *изнутри их круга*»²⁶.

²³ Hazlitt W. Reply to Malthus. Malthus and the Liberties for the Poor. L., 1807. P. 3-6.

²⁴ Hall Ch. The Effects of Civilization on the People in European States. New York, 1965. P. 47-48.

²⁵ Годвин В. О собственности. М., 1958.

²⁶ Hazlitt W. Op. cit. P. 6.

Таким образом, в общественно-политических дискуссиях конца XVIII — начала XIX вв. «вигский нарратив» просто не мог не одержать победу. Две его четкие линии аргументов против старой системы естественным образом накладывались на дискурс и риторику эпохи. Первая перекликалась с «модными» идеями свободы рынка и торговли, предложенными Смитом и его учениками. Вторая исходила из еще более ранних идей и опиралась на ценностную систему протестантизма, связанную с развитием капиталистических отношений. Нормы и ценности протестантской этики (трезвость, трудолюбие, бережливость, преуспевание в делах как свидетельство богоизбранности) перекликались с идеей личной ответственности человека за свое материальное положение. Поэтому несложно было доказать, что систематическая социальная помощь подрывает бережливость, личную ответственность и трудовую дисциплинированность. Кроме того, как указывал тот же Иден, «старая боязнь» бродяг и попрошайек, равно как и стремление к «милосердию по-христиански», постепенно отмирали по мере того, как ускоряющаяся индустриализация ставила задачи обеспечения работой тех, кто в ней нуждался, и использования труда бедняков с наибольшей прибыльностью²⁷.

В русле обозначенных линий аргументов располагались и выводы Королевской Комиссии по изучению законодательства о бедных с целью оценить эффективность системы социальной помощи. В ее отчете, опубликованном в 1834 г. и ставшем официальным поводом для реформирования всего «старого законодательства», особой критике подверглась «спинхемлендская система», которая была названа «колыбелью зла» и «универсальной системой пауперизма»²⁸.

Аргументы были следующими:

1. Спинхемленд распространился практически на половине английской территории — значит, по сути, приобрел статус неписаного закона.
2. Спинхемленд позволял работодателям платить нанятым работникам максимально низкое жалованье, ведь графство все равно

²⁷ *Eden F. M.* Op. cit. P. 26-36.

²⁸ См.: Report from the Select Committee on the Poor Laws (1817), Report from the Select Committee on the Poor Laws (1819), Report from the Select Committee on Labourers' Wages (1824), Report from His Majesty's commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. L., 1834.

- оплачивало разницу с прожиточным минимумом. Заработная плата бедняков оставалась неизменной, росли лишь налоги на бедных, тяжким бременем ложившиеся на плечи фермеров — основных налогоплательщиков.
3. Нарушались «все прецеденты» помощи бедным, т.к. помощь оказывалась не только немощным, старикам или зависимым, но также и трудоспособным.
 4. Сотни рассказов приходских священников указывали на аморальность и деградацию сельской бедноты.

«Акт о поправках к законодательству о бедных», принимавшийся в условиях забастовок, мятежей, выступлений луддитов в более чем 80 районах страны, был презентован как попытка ликвидации этих безобразий, якобы вызванных несовершенством института помощи бедным. Только к середине XIX в., когда стали всплывать недостатки новой системы, появились попытки переосмысления старой. Одной из первых таких попыток стала «левая», социалистическая трактовка «старого законодательства». Связана она в первую очередь с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса; позднее, в конце XIX — начале XX вв., эта трактовка получила развитие в работах фабианских социалистов, супругов С. и Б. Веббов. В «Капитале» Маркса появилось хлесткое название «Кровавое законодательство против экспроприированных», дававшее, по сути, характеристику той части «старого законодательства», которая касалась наказания «упорных» бродяг и попрошайек, — венцом этой части Маркс считал «Акт о наказании бродяг и упорных нищих» 1597 г., который «дал окончательную формулировку закона о бедняках и бродягах». Смысл критики Марксом репрессивной части английского «старого законодательства» заключался в том, что главными жертвами жестоких наказаний он считал *крестьян, согнанных с земель в результате огораживаний* и устремившихся за лучшей долей в города. По Марксу эксплуатация крестьянства осуществлялась с двух сторон: посредством огораживаний и «старого законодательства». Поэтому Маркс ни в коем случае не считал — да и не мог считать — «старую систему» «бедноцентристской», и в этом смысле, конечно же, расходился с «вигским нарративом». Более того, еще одним пунктом его критики были, конечно же, работные дома, на которые была сделана основная ставка при реформе системы социальной помощи в 1834 г. Наконец, и он, и Энгельс положительно оценивали компонент *помощи*

нуждающимся как таковой и налоговых отчислений в пользу последних. В «Немецкой идеологии» (1845) Маркс полемизировал с Риккардо (последний обличал «старое законодательство» за то, что оно «настолько раздуло расходы на содержание бедных, что, если продолжать в том же духе, то вскоре они поглотят чистый годовой доход страны»). Он открыто призывал восстать против «всех этих химер, идей, догм и воображаемых конструкций буржуазного общества», «висящих на шее современного сознания, как хомут». Энгельс же в «Положении рабочего класса в Англии» (1845), подробно анализировавшем бедствия английских социальных низов, повествует о случае, когда полицейский магистрат, вопреки правилам, выдал «значительную сумму из кружки для сбора на бедных» жительнице местечка Спиталфилдз, сыновья которой «были арестованы за кражу из магазина и моментальное поглощение куска говядины». Магистрат отдал такое распоряжение, узнав, что муж женщины, в прошлом полицейский, погиб, и что она ютится с шестью детьми в тесной и грязной комнатенке, продав за еду все, вплоть до мебели и постельного белья. Энгельс восхищается поступком магистрата и приводит его как доказательство необходимости отчислений в пользу бедных. Однако расхождение классиков марксизма с «вигским нарративом» не было полным, т. к. тезис о повсеместной *деградации* сельской бедноты вследствие политики властей, в принципе, подходил к теории классовой борьбы и смены формаций. Как и английские реформаторы первой половины XIX в., Маркс и Энгельс считали, что социальная помощь по спинхемлендскому принципу способствовала моральному разложению как работодателей, в одностороннем порядке перекладывавших расходы по заработной плате на графства, так и работников, чья производительность труда и зарплаты падали²⁹.

Следующий «виток» в оценке «старой системы» произошел в первой половине XX в. Назовем его «неолиберальным», так как, в целом располагаясь в русле традиционной вигской интерпретации, он был лишен ненависти к «бедноцентристской» системе, характерной для риторики первой половины XIX в. Выразитель этого подхода Дж. М. Тревельян называл «старую систему» «хорошим замыслом, приведшим к ужасным последствиям», критикуя, как и его

²⁹ См.: Louis Project: The Unrepentant Marxist // <http://www.louisproject.wordpress.com/2008/02/03/htm>

предшественники, в основном «моральную составляющую» и «спинхемлендскую систему». «Фермер, — писал Тревельян, — не спешил выплачивать должный минимум заработной платы, т.к. разница все равно возмещалась приходом, а рабочий поневоле попадал в категорию пауперов — даже если он был обеспечен работой, ... среди фермеров рос эгоизм, среди «пауперизированных батраков» росли праздность и преступления»³⁰. В то же время Тревельян отвергал аргументы экономистов первой половины XIX в. о том, что именно «спинхемлендская система» привела к увеличению числа бедных. Этот рост был связан, по его мнению, не с увеличением рождаемости, а со снижением смертности: «не глупым мировым судьям Спинхемленда, а хорошим врачам Великобритании обязана тем, что между 1801 и 1831 гг. население Англии, Уэльса и Шотландии выросло с 11 миллионов до 16,5 миллионов человек»³¹.

В середине XX столетия появляется новая интерпретация «старой системы», которую можно смело назвать «ревизионистской», ибо представители ее впервые *действительно попытались* «сбросить с себя хомут» (эта метафора Маркса будет здесь как нельзя кстати) «вигского нарратива». В статье Марка Блога «Миф о старом законодательстве о бедных» (1963) политики и экономисты XIX в. обвинялись в использовании Спинхемленда для «очернения» всей системы социальной помощи с целью создания необходимого настроения для реформы 1834 года³². Автор также указывал, что «достоверность» любых нарративов снижается в силу отсутствия точных данных о расходах и функционировании децентрализованной системы, в которой решения принимались местным чиновничеством и духовенством: «Да, есть сведения о полном объеме расходов в более чем 15 000 приходов, с 1802 по 1834 гг., но мы не можем знать, как именно расходовались средства на социально уязвимые группы — стариков, немощных, бездомных детей, одиноких матерей... В ряде приходов сохранились детальные отчеты о расходовании средств, но все равно трудно восстановить, на каком основании конкретный че-

³⁰ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. С. 496-497.

³¹ Там же. С. 498.

³² Blaug M. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // Journal of Economic History. Vol. 23. № 2 (June, 1963). P. 151-184.

люлек получал шесть шиллингов в неделю... *Мальтузианская морализаторская сказка* об угрожающих последствиях помощи бедным победила *перед* тем, как были собраны необходимые данные, и *до того*, как система “произвела свои угрожающие последствия”... Но этот нарратив повторялся в дискурсе — политиками, экономистами, духовенством, представителями Королевских комиссий и пр. так часто, что получил статус “абсолютной научной правды, основанной исключительно на естественном законе”³³.

Вслед за Блогом к похожим выводам пришли Дж. П. Хьюзел и К. Д. М. Снелл: согласно их аргументам, обнищание сельского населения было вызвано отнюдь не «старой системой», а, скорее, массовым перемещением промышленности на Север и деиндустриализацией на Юге страны, увеличением уровня сельскохозяйственной безработицы, упадком ремесла, экономическим спадом после 1815 г. и иными факторами. Социальная же помощь бедным, напротив, защищала сельскую бедноту от безработицы и потери альтернативных источников заработка.

Практически одновременно с появлением «ревизионистского нарратива», в 1940-е гг. Карл Поланьи в своей ставшей классической работе «Великая трансформация» вновь обращается к нарративу «вигскому», причем как к *основе* понимания истории становления социальной политики, посвящая отдельную одноименную главу Спинхемленду. «Утверждая, что изучение Спинхемленда означает анализ истоков цивилизации XIX в., — пишет Поланьи, — мы имеем в виду не только его экономические и социальные последствия и даже не определяющее влияние, которое оказали эти последствия на современную политическую историю, но тот, как правило неизвестный нашему поколению факт, что *все наше социальное сознание формировалось по модели, заданной Спинхемлендом*»³⁴. Так происходит второе рождение «вигского нарратива», который, судя по материалам интернет-конференции, проведенной в 2004 г. в честь юбилея выхода в свет «Великой трансформации», продолжает оказывать существенное влияние на социологическую мысль, и более того, берется за основу рекомендаций в отношении социальной по-

³³ Ibid. P. 182.

³⁴ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. Гл. 7.

литики в современной России. Так, Т. Ю. Сидорина пишет: «Поставленный в центр рассмотрения 7-й главы “Великой трансформации” закон Спинхемленда в реальности вводил право существовать не работая как системе, как практику, причем называя эту практику “правом на жизнь”. Безусловно, в основе закона — требование обязательной работы, доплата полагалась лишь работающим. Но как мы знаем, последствия Спинхемленда оказались столь плачевными, что *иначе как развращающим этот Закон нельзя и назвать*. Люди получили реальную возможность не работать... И при новом режиме, режиме “экономического человека”, никто не стал бы работать за плату, если он мог обеспечить себе средства к существованию, ничего не делая»³⁵. Того же мнения придерживается Р. А. Школлер, который, вслед за Поланьи утверждает, что Спинхемленд препятствовал формированию рынка труда в Англии. При всей антигуманности системы работных домов, считает Школлер, именно Акт 1834 г. создал предпосылки образования национального рынка труда³⁶.

Очевидно, что оценки «старой системы», существующие в сегодняшнем научном дискурсе, до сих пор во многом балансируют между «вигским нарративом» и ревизионизмом. И все же в современной историографии преобладают попытки более взвешенного подхода к оценке «старого законодательства» — подхода, выражаясь словами исследователей Фреда Блока и Маргарет Сомерс, «освобожденного от мифологий и нарративов, сконструированных два столетия назад». Одну из таких попыток представляет собой статья указанных выше авторов. Их основная мысль сводится к тому, что «спинхемлендский эпизод сам по себе не мог привести к последствиям, которые ему приписывают». «Старая система», считают Блок и Сомерс, законодательно закрепляла обязанность, на местном уровне, участвовать в судьбах тех, кто попал в нужду в результате болезни, уродства, распада семьи или временной безработицы. «В то же время, — пишут они, — в действительности в применении на прак-

³⁵ Сидорина Т. Ю. Мифологемы человеческого существования и формирование социальной политики в XIX–XX вв.: К. Поланьи и Л. фон Мизес // Материалы Интернет-конференции «60-летие выхода в свет “Великой трансформации” Карла Поланьи»: // <http://www.Ecsocman.edu.ru/db/msg/176965.html>

³⁶ Школлер Р. А. Чем закон Спинхемленда препятствовал формированию рынка труда в Англии? // Там же.

тике этого законодательства в различных графствах и приходах наблюдались значительные расхождения, т.к. последние экспериментировали с использованием различных стратегий и политик, предназначенных для того, чтобы помочь бедным, защитить их, сохранив при этом стимулы к труду». Значение «старой системы» авторам видится и в том, что «репертуар социальной помощи», который до сих пор обсуждают современные политики, «немногим отличается от перечня мер, применявшихся в Англии в XVII–XVIII вв.». Это минимальный гарантированный доход, страхование на случай сезонной безработицы (в зимние месяцы ряд графств предоставлял сельскохозяйственным рабочим еженедельные дотации в зависимости от размера семьи), общественные работы и работные дома, субсидии работодателям (в ряде приходов фермерам, нанимавшим безработных, доплачивали из фонда, собранного из налогов), стимулирование трудовой деятельности (иногда налог на бедных заменяли насильственным распределением определенного количества безработных), дотации на детей (тем сельскохозяйственным работникам, у которых было два-три несовершеннолетних ребенка и более, доплачивалась определенная сумма к жалованью)³⁷.

Историк медицины Саманта Уильямс дополняет данный список. На основе анализа приходских архивов она утверждает, что к началу XIX в. примерно в трех четвертях приходов юго-востока Англии существовал «аналог обязательного медицинского страхования»: практиковались контракты, между хирургом-фармацевтом (обычная для того времени квалификация врача) и приходом, обязывающие врача оказывать бесплатную медицинскую помощь беднякам. Эти контракты практически полностью вытеснили метод, когда врач выписывал пациенту счет за определенную услугу, а приход его оплачивал. Более того, медицинский рынок благодаря таким «страховым полисам» стал конкурентным, и врачи стремились заключить подобный контракт, чтобы вытеснить соперников³⁸.

³⁷ *Block F., Somers M.* In the Shadow of Speenhamland: Social Policy and the Old Poor Law // *Politics and Society*. 2003. Vol. 3. № 10. P. 11-12, 32.

³⁸ *Williams S.* Practitioners' Income and Provision for the Poor. Parish Doctors in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // *Social History of Medicine*. 2005. № 18 (2). P. 159-186.

Пол Слэк, бывший редактор журнала *Past and Present*, автор книг «Бедность и политика в Тюдоровской и Стюартовской Англии» и «Английское законодательство о бедных в 1531–1782 гг.»³⁹, вообще отказывается признавать термины «старое законодательство» и «старая система». Это было, как он считает, скорее «неровное и локальное» регулирование проблем с бедными, «находившее выражение в тысячах тщательно фиксируемых небольших еженедельных выплатах, которые в сумме своей выливались в достаточно обширный трансфер денежных средств от богатых к бедным, ...но которые не удалось объединить «в целиком безличную дисциплинарную машину». Слэк отмечает, с одной стороны, позитивное влияние системы на сознание тех, кто платил налог на бедных: «Для половины домовладельцев сам по себе факт уплаты налога делал их членами уважаемого сообщества и *отгораживал от нищих и нарушителей порядка*... Машина социального обеспечения давала плательщикам этого налога *чувство групповой идентичности* и осознание социального превосходства, одновременно конструируя четко очерченную категорию зависимых бедных». С другой стороны, он признает, что в XVIII в. затраты на содержание бедных действительно выросли, «как в реальных цифрах, так и в восприятии налогоплательщиков и законодателей», и система выглядела неадекватной в новых экономических условиях. Вывод Слэка в целом ближе к ревизионистской трактовке: «Английское “старое законодательство” громче лаяло, нежели кусало. Оно служило ряду целей: установлению более строгого социального контроля, облегчению участи части населения и демонстрации щедрости власти, ее милосердия». Еще один вывод затрагивает «европейский контекст» проблемы. Английская «система» была, по мнению ученого, более эффективной, чем подобные институты в других странах⁴⁰.

Следует отметить, что отдельную группу современных исследований представляют работы, анализирующие английское «старое законодательство» в европейском контексте, при изучении истории других стран. Так, Т. Смит в опубликованной недавно статье «Идеология милосердия, образ английского законодательства о бедных и

³⁹ Slack P. Poverty and Policy...; *Idem*. The English Poor Law, 1531–1782. New Studies in Economic and Social History. Cambridge, 1995.

⁴⁰ Slack P. Poverty and Policy... P. 205–208.

дебаты о праве на вспомоществование во Франции, 1830–1905 гг.» указывает на то, что во Франции дискуссии о социальной помощи долгое время определялись «заграничным примером» Англии: «Французская боязнь любого рода социальных программ имела в своей основе испорченный образ английского законодательства о бедных». Т. Смит анализирует аргументы французских политиков, которые во второй половине XIX в. выступали против социальных дотаций и бесплатной медицинской помощи беднякам, и приходит к выводу, что они «использовали негативный образ английского законодательства о бедных, организовав тщательно инструментированную и дезинформирующую пропагандистскую кампанию»⁴¹.

В русле компаративного подхода располагается и фундаментальный труд П. ЛиндERTA, изучавшего и сравнивавшего социальные затраты в европейских государствах с XVIII века по настоящее время. Согласно его выводам, объем государственных затрат на социальную помощь к концу XVIII столетия превышал 1% национального дохода только в Нидерландах, Англии и Уэльсе. К 1820-м годам Англия и Уэльс, по мнению ЛиндERTA, становятся мировыми центрами социальной помощи, как фактически (2,66 % от национального дохода), так и в публичных дебатах⁴².

Итак, обсуждение английской системы социальной помощи в том виде, в каком она существовала в Новое время, продолжается. На одном полюсе этих дебатов продолжают оставаться те ученые и политики, которые доказывают, что бедняки, пожилые, необразованные — те, кому нужна помощь, — заслуживают ее хотя бы потому, что не виноваты в своей печальной участи. На другом — те, кто считает, что любое перераспределение части налогов в пользу бедных ведет лишь к ухудшению положения последних, т.к. ставит их в ловушку зависимости от общественной щедрости. Характеризуя состояние современной научной мысли по этому вопросу, П. Линдерт совершенно справедливо называет его «вечным диалогом» по вопросу об организованной помощи бедным, который «не заканчива-

⁴¹ *Smith T.* The ideology of charity, the image of the English Poor Law and debates over the right to assistance in France, 1830–1905 // http://journals.cambridge.org/article_S0018246X97007553.

⁴² *Lindert P. H.* Growing Public. Social Spending and Economic Growth since the 18th century. Vol. I. The Story. Cambridge, 2004. P. 8.

ется», т. к. «не решен конфликт между желанием помочь другим и желанием дать им стимул к самопомощи»⁴³.

По мнению многих специалистов, исторический опыт Англии в XVII–XIX вв. до сих пор оказывает серьезное влияние на социальную политику в США, Канаде и Австралии, определяя публичную полемику о программах социальной помощи. Достаточно упомянуть, например, острейшие дебаты в 1990-х гг. в США, закончившиеся принятием в 1996 г. акта, прекращавшего дотации бедным семьям. Не нужно пояснять, что т. н. «мальтузианская сказка» очень подходила группам давления, лоббировавшим этот акт⁴⁴. Вопросы, которые ставит анализ английского опыта, а именно — какова оптимальная степень вмешательства государства в решение на центральном уровне проблем нищеты и трудоустройства населения, насколько это вмешательство должно зависеть от экономической ситуации или ценностно-культурной системы общества, как социальная политика влияет на сохранение общественного спокойствия и рост благосостояния государства, — крайне важны и для современной России. История английской социальной политики в Новое время — показательный пример достижений и неудач в области поиска необходимого баланса между сохранением мотивации активного участия граждан в экономике страны, наказанием тех, кто уклоняется от труда, не имея при этом собственных средств к существованию, и ответственностью государства и общества за собственных граждан — из милосердия или во избежание социальных потрясений.

⁴³ Ibid. P. 3-4.

⁴⁴ См.: Block F., Somers M. Op. cit. P. 40-41.

А. В. БОЧАРОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАБЛИЧНЫХ И ГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Трансляция знаний о методах научного исследования в лекционной форме, без отработки их применения на практике, малоэффективна и зачастую бесполезна. Применять методы информатики и компьютерных технологий студентов следует учить на практических занятиях. Основываясь на опыте практических занятий по основным методам исторического исследования и на разработке учебного пособия на эту тему¹, автор попытался выделить несколько главных направлений использования табличных и графических средств математической логики в репрезентации исторической информации. Важным этапом в изучении методологических основ применения информационных технологий в историческом исследовании может стать освоение теории и практики составления матрицы данных и представления информации о событиях в табличном виде.

При изучении явлений общественной жизни (как и любых сложных систем) иногда необходимо учитывать и измерять десятки, сотни и даже тысячи признаков. Для облегчения обработки, интерпретации и представления сложной системы используются матрицы данных (прямоугольные таблицы значений). В матрице данных в первых ячейках (заголовках) горизонтальных строк обычно стоят названия описываемых однородных объектов или случаев (для историка это могут индивиды, населённые пункты, организации, предметы жизнедеятельности, отдельные события или процессы). В первых

¹ Основные методы исторического исследования: Учебное пособие. Томск: ТГУ, 2006. 190 с.

ячейках вертикальных столбцов стоят названия признаков (переменных или шкал). Каждое пересечение строки и столбца (ячейка, клетка) содержит в себе только одно значение, описывающее один из объектов (случаев) по одной из шкал-признаков.

Чаще всего матрицы данных используют в изучении массовых статистических источников, хотя на самом деле матричное представление информации — это удобный способ упорядочивания и систематизации любой информации. Каждая строка или столбец (шкала) в матрице данных представляет собой ряд чисел или любых повторяющихся однообразных для данной матрицы символов, в том числе слов. В однообразии представления данных главное отличие матрицы от обыкновенной таблицы. Обычная таблица — это всего лишь способ расположения любых блоков текстов или изображений так, чтобы их имело смысл читать или воспринимать не в какой-то одной строгой последовательности (например, сверху вниз и справа налево), а в любом направлении и с любого места. В отличие от матрицы в одной ячейке данных таблица систематизации может содержать произвольное количество подчинённых ячеек, строк и столбцов. Такая свобода и разновариантность чтения даёт больше стимулов и возможностей для новых и неожиданных соотнесений и сопоставлений исторических явления и процессов.

Вместо слов «матрица данных» иногда говорят «таблица объект (в строках) — признак (в столбцах)». Описание объектов в строках, описание их признаков — в столбцах. Для историка объекты могут быть темпорально-хронологические (стадии процесса), пространственно-географические, и объекты (или системы), соответствующие разным сферам жизни (культура, хозяйство, политика и т.д.). Любые исторические «объекты» могут быть описаны по стандартизированным содержательным характеристикам посредством таблиц или разворачивающихся иерархических озаглавленных списков.

Преобразование линейного повествования в таблицу систематизации фактов помимо преимуществ эвристического чтения весьма показательно при установлении неполноты и непоследовательности в предлагаемом образе исторического прошлого. Пустые ячейки в матрицах и таблицах сразу бросаются в глаза, значительная разница в объёме информации в разных ячейках, т. е. разница в описании одного и того же события по различным признакам или в описании

ряда событий по одному и тому же признаку. Такие информационные лакуны и неравновесия легко можно сгладить в линейном повествовательном тексте с помощью разного рода неопределённых выражений или просто посредством умолчания, тогда как в таблице лишние вводные и связующие выражения отбрасываются, во-первых, из экономии пространства, во-вторых, сама структура таблицы, заголовки строк и столбцов отражают смысловые взаимосвязи в описании событий. Любой нарратив можно свернуть в разного рода таблицы, а эти таблицы затем можно развернуть в разного рода нарративы (по принципу: одна ячейка таблицы — один абзац линейного текста), причём эти вторичные нарративы могут отличаться от исходного по структуре повествования и по логическим связям.

Освоение студентами методов работы с матрицами данных и таблицами систематизации фактов на практическом занятии может быть достигнуто путем выполнения и разбора в группе следующих заданий: Какую матрицу данных можно было бы построить для Вашего предмета исследования? По каким признакам можно было бы систематизировать события или явления, относящиеся к Вашему предмету исследования?

Следующее направление — использование классической теории множеств. Одно абстрактное понятие может содержать в себе множество менее абстрактных, а те могут состоять друг с другом в различных логических отношениях, а именно: вхождение; пересечение объёмов понятий; сложение объёмов понятий; логическая разность (союз «БЕЗ»). Изучением логических отношений занимается логика предикатов (высказываний) и математическая классическая теория множеств (основоположник её Г. Кантор). Эту теорию можно использовать как в научном историческом моделировании, так и в образовательных репрезентациях образов исторического прошлого в качестве эффективного методического инструмента систематизации, формализации и алгоритмизации исторической информации.

Историк занимается выявлением и изучением множеств событий и объектов прошлого, а также отношений между этими множествами (макрособытиями) и элементами (микрособытиями), входящими в них. Конкретизации абстрактных понятий соответствует задавание состава множества. Задать множество можно двумя способами. Во-первых, с помощью определения условий и признаков

вхождения элементов во множество, т.е. вхождения конкретных исторических событий и их интерпретаций в обобщающее их абстрактное понятие. Операции задания множества особенно часто используются в методе исторической типологизации: при идеальнотипических обобщениях (по М. Веберу) или методе идеализации. Во-вторых, множество может быть задано с помощью полного или частичного перечисления его состава. Число элементов во множестве показывает мощность множества (для историка — исторический масштаб события). Для этого используются таблицы и матрицы.

Отношение между абстрактными понятиями можно описывать разными визуальными и вербальными средствами. Вот пример описания одного и того же исторического явления на естественном языке, на формализованном языке логики и с помощью диаграмм Венна.

История Франции в XVII веке связана с историей культуры Западной Европы в целом, которая в это время характеризуется специфическими чертами культуры раннего Нового времени. Одной из таких черт было становление научного мировоззрения. В ходе этого становления можно рассмотреть деятельность математиков-французов католического вероисповедания, среди которых особо выделяется Рене Декарт. Одним из переломных моментов в судьбе Декарта была ночь 10-11 ноября 1619 г. в г. Ульме, где он испытал интеллектуальное откровение об основах «всеобщей науки». Один из основных трудов Р. Декарта — книга «Рассуждение о методе», которая сохранилась до наших дней и оказала значительное влияние на западную науку и философию.

Тот же текст с использованием правил логической формализации высказываний можно представить следующей форме:

(Франция в XVII веке \cup (Культура Западной Европы \subset Культура Европы в раннее Новое время \subset Становление научного мировоззрения \subset ((Математики \cup Учёные католики \cup Учёные французы) \subset Декарт \in Декарт в ночь 10-11 ноября 1619 г. в г. Ульме испытал интеллектуальное откровение))) \cup Книга Р. Декарта «Рассуждение о методе»).

При репрезентации записи в электронном виде её отдельные высказывания могут служить гиперссылками на более подробные и конкретизированные блоки информации, а знаки логических отношений между высказываниями — гиперссылками на обобщающие содержательное раскрытие взаимодействий и соотношений между обозначенными явлениями, событиями, личностями и объектами.

На приведенном ниже рисунке — тот же текст, выраженный с

помощью диаграмм Венна. Как известно, диаграммы Венна (иногда также говорят о «кругах Эйлера») — это плоские фигуры, отношения между которыми в пространстве, а также их раскраска, соответствуют логическим отношениям между обозначаемыми этими фигурами понятиями². На диаграммах Венна с помощью площадей фигур можно также показать соотношение масштабов или объёмов понятий и обозначаемых ими явлений. На представленном рисунке это соотношение не учитывается, однако приблизительное соотношение объёмов понятий, соответствующее степени абстрагирования от исторической конкретики, указано с помощью толщины линий (чем тоньше линия, тем абстрактнее событие). Каждая фигура диаграммы также может служить гиперссылкой на другие виды репрезентации того же самого образа прошлого: на подробное линейное повествование, на табличную систематизацию, на формализованное логическое высказывание, на граф-схему взаимосвязей.

Задание для студентов с целью освоения данного метода может звучать следующим образом: попробуйте изобразить с помощью диаграмм Венна соотношения абстрактных понятий (макро- и микрособытий) в объекте своего исследования.

Преобразование диаграммы в табличный вид может дать вариант табличной структуры, где в строках — основные научные дисциплины в раннее Новое время, а в столбцах — их описание по признакам: учёные католики, учёные протестанты, происхождение ученых, переезды учёных и смена мест службы, причины такой смены, труды учёных, инновационные идеи, противостоящие им традиции. Систематизированный текст в ячейках такой таблицы представлял бы собой ещё более полное раскрытие исторического контекста, в котором разворачивалось творчество Декарта.

² В математике рисунки в виде кругов, изображающих множества, используются давно. Одним из первых воспользовался этим методом немецкий математик и философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716). Затем этот метод основательно развил швейцарский математик Леонард Эйлер (1707–1783). После него тот же метод разрабатывал чешский математик и философ Бернанд Больцано (1781–1848), только, в отличие от Эйлера, он рисовал не круговые, а прямоугольные схемы. Наивысшего расцвета графические методы достигли в сочинениях английского логика Джона Венна (1843–1923). С максимальной полнотой этот метод изложен им в книге «Символическая логика» (1881).

Ещё один полезный метод репрезентации исторической информации — использование теории графов в причинно-следственном и структурно-функциональном анализе³. Для историка классический пример использования графа — генеалогическое древо. В виде графа восстанавливается генеалогия нарративных источников, имеющих серию списков (например, списки и своды древнерусских летописей). В этом случае между вершинами графа (конкретными текстами) будут отношения «быть составленным на основе», «содержать в себе части из текста» и т.п. И генеалогия, и историческая текстология — это, по сути, изучение причинно-следственных связей. В графе причинно-следственных связей каждая стрелка может символизировать также обобщающий нормативный закон, связывающий причину и следствие, а в электронном варианте схемы — служить также гиперссылкой на описание и объяснение этой закономерности. Особенно удобными граф-схемы оказываются, когда необходимо создать целостный образ сложной системы из множества причинно-следственных связей, т.е. образ исторической ситуации.

Важно также отметить, что можно автоматизировать перевод линейного текста в граф причинно-следственных связей, где вершинами будут служить фрагменты текста, а рёбра обозначат причинно-

³ Немногие образцы использования этого метода в историческом моделировании были известны ещё в советской исторической науке. См. граф-схему развития декабристских и связанных с ними организаций: *Пушкина В. А.* Схема (и комментарий к ней) развития декабристских и связанных с ними организаций // *Общественная мысль в России XIX в.* // Труды АН СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отделение. Вып. 16. Л., 1986. Другой пример: *Луков В. Б., Сергеев В. М.* Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто Фон Бисмарк, 1866–1876 гг. // *Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и её моделирование.* М., 1983. Это исследование, предложившее способ построения модели восприятия ситуации и принятия решения историческим деятелем, к сожалению, осталось невостребованным, хотя является одним из лучших образцов использования методов математики в имитативном моделировании истории. Тематический контент-анализ мемуаров Бисмарка позволил автору выявить смысловую структуру текста. См. также: *Гусейнова А. С., Павловский Ю. Н., Устинов В. А.* Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984.; *Моисеев Н. Н.* Математика ставит эксперимент. М., 1979. С. 103-110. Одна из методик этого исследования – построение графа корреляционных зависимостей между основными экономическими показателями полиса. На этом графе знаком плюса обозначается прямая корреляция, а знаком минуса — обратная корреляция. Всего в графе более 20-ти социально-экономических показателей (вершин графа) и более 30-ти связей между ними.

следственные отношения между событиями и явлениями, описанными в этих фрагментах. Автоматизация возможна благодаря тому, что обозначение причинно-следственных связей проще всего выявлять по стандартным ключевым словам: «потому что», «так как», «вследствие того», «послужило причиной», «стало условием» и т.п. (набор таких выражений ограничен).

В графе, описывающем причинно-следственные связи, нельзя использовать двухсторонние стрелки или ненаправленные дуги. Связь всегда направлена от причины к следствию, что тождественно направлению времени из прошлого в будущее. Если следствие начинает обратное воздействие на явления, послужившие их причиной, такое взаимодействие следует рассматривать не как причинную связь между событиями, а как функциональную связь между частями системы. При этом должны использоваться методы не причинно-следственного, а системного анализа.

Призывая к использованию математической логики в историческом познании, стоит всё же отметить ограничения на этом пути. На текущем этапе развития науки сложность, уникальность и гипотетичность исторических явлений не позволят, переведя весь исторический нарратив на язык математической логики, провести его корректный и полноценный математический анализ. В социальных науках чаще всего простейшие арифметические и комбинаторные подсчёты соотношений вершин и рёбер в граф-схемах, описывающих социальные явления, служат только для наглядности, а также для удобной систематизации и структурирования событий и фактов.

В целом, для современного историка (как исследователя, так и преподавателя) важно овладение навыками взаимного перевода графической символики схем, строгой структурированности таблиц и исторического повествования на естественном литературном языке.

В современных исторических текстах (как научных, так и учебных) используются разного рода таблицы и графические схемы. Обычно правила чтения графической символической схемы считаются очевидными, а схема понимается интуитивно, но нередко наглядность и информативность схемы не реализуются именно из-за отсутствия для каждой схемы индивидуальных правил перевода символики графических элементов (размера, формы, взаимного расположения и окраски фигур, линий и стрелок) на естественный литературный язык повествования. Конечно, не всегда каждый графический элемент может и должен нести ценную смысловую нагрузку для описываемого всей схемой явления, но к этому следует стремиться. Пока же серьёзной проблемой является непроговоренность эвристических преимуществ табличного схематично-графического изложения материала, по сравнению с линейным текстом.

Е. М. МАКАРЕНКОВА

Д. П. РЯБУШИНСКИЙ: ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКИ

Франция — этот «сплав» вкуса и фантазии продолжает и сегодня оставаться страной, предпочитаемой для посещения и отдыха иностранцев, где туристам и приезжим на короткий срок всегда оказывается гостеприимство или, по крайней мере, толерантное отношение. Русские эмигранты, проложившие путь во Францию еще с конца XIX в., оставили заметный след в ее истории, культуре и науке. Неслучайно Ж. Нуарель в своей фундаментальной монографии «Французский плавильный котел. История иммиграции XIX–XX вв.» отмечает, «что современное общественное развитие страны немыслимо без русской составляющей»¹.

Очевидно, что «русский фактор» в этом регистре французской социальной истории весьма разнообразен. Среди многочисленных имен, символизирующих гордость французской культуры, — А. Труайя, И. Мечников, С. Дягилев, М. Шагал, И. Стравинский... Этот список постоянно растет и, к нашей общей радости, пополняется ранее забытыми «новыми» именами, которыми вправе гордиться зарубежная и общественная наука. Многие из них, в частности, имя Дмитрия Павловича Рябушинского, покинувшего Родину в 1919 г., органически вписываются в рамки современной науки, касающейся не только области технического знания. Так, если вспомнить недавнюю полемику в академических кругах относительно антирелигиозного характера науки и поисков абсолютной истины в вопросах, связанных с происхождением вселенной и более конкретной постановкой проблемы вероисповедания человека, то обнаруживается, что на рубеже XIX–XX столетий эта эзотерическая тема была не менее актуальной и волновала умы передовых ученых планеты.

¹ *Noiriel G.* Le creuset français. Histoire de l'immigration XIX–XX siècles. Paris, 1988. P. 7, 286.

Знакомство с философским наследием Д. П. Рябушинского, талантливого математика и крупного специалиста в области авиационного строительства не оставляет никаких сомнений относительно его представлений о возможной «координации» науки и религии. Такую позицию в той или иной степени разделяли такие видные ученые мирового уровня, как Ч. Дарвин, И. Павлов, И. Мечников, А. Эйнштейн, Л. Тихомиров. В подтверждении этой мысли полезно будет ознакомиться с публикуемыми ниже документами, обнаруженными мною во Франции в Архиве Академии Наук в 2004 г.

Но сначала несколько слов о самом Д. П. Рябушинском. Седьмой по старшинству из восьми братьев, родившихся в богатой семье промышленников-староверов, он стал известен в научном мире за пределами России еще задолго до эмиграции. По семейной традиции Дмитрий Павлович окончил в 1901 г. с золотой медалью московскую Практическую академию коммерческих наук; в том же году в течение недолгого времени он — слушатель лекций по физике, химии, философии Гейдельбергского университета. Затем под влиянием Н. Е. Жуковского, у которого он учился в Практической коммерческой академии, Д. Рябушинский всерьез заинтересовался теорией полетов на механических аппаратах, определившей его будущее. В целях исследования аэродинамических процессов в 1904 г. он создает в семейном имении Кучино под Москвой (Нижегородское направление) аэродинамический институт, ставший всемирно известным благодаря изданию «Бюллетеней» с итогами лабораторных опытов и теоретических изысканий. Шесть их выпусков с 1906 по 1919 г. были опубликованы на французском языке.

Для пополнения своего образования Дмитрий Павлович заканчивает физико-математический факультет Московского университета и остается там по инициативе Н. Е. Жуковского в качестве преподавателя по теории упругости и аэродинамики, готовясь к получению профессионального звания. В будущем член многих иностранных академий и научных обществ, Дмитрий Павлович никогда не прерывал практических опытов. В годы Первой мировой войны он в Кучино вел испытания новых видов оружия — минометов, безоткатных орудий и ракетного вооружения.

Дополнительные сведения о судьбе и характере творчества этого незаурядного ученого можно почерпнуть из ниже публикуе-

мых документов. Первый — посвящен памяти Дмитрия Павловича в связи с его кончиной в Париже в августе 1962 г. Он содержит подробный отчет о его деятельности по материалам мемориального заседания, устроенного его коллегами в Академии Наук 15 октября 1962 г. (Перевод с французского сделан автором.) Второй документ относится к периоду активной деятельности ученого в качестве члена эмигрантского «Общества Икона», созданного в 1927 г. в Париже при участии его братьев Владимира Павловича и Степана Павловича Рябушинских, известных своим подвижничеством в воссоздании в Европе элементов восточно-христианской традиционной культуры в пору иконоборчества и религиозных гонений в России 1930-х годов. Этот документ, обнаруженный в комплекте газеты «Русская мысль», представляет статью Дмитрия Павловича от 5 июля 1947 г. «Икона и образы», проливающую свет на многогранность творчества, масштаб личности и широкий диапазон интересов ученого с мировым именем, хранившего до конца жизни паспорт русского эмигранта.

Досье Рябушинского в А. S., Paris с 1821–1823, 2-ой семестр (Т. 255. № 16)

Академия Наук. Заседание 1962 г. понедельник 15 часов
Председатель Г-н Арно Данжуа.

Статьи-некрологи о действительных членах и членах-корреспондентах.

Некролог. О Дмитрие Рябушинском, члене-корреспонденте Секции Механики, составлен г-ном Анри Вилла.

22 августа текущего года Академия потеряла одного из своих старейших членов-корреспондентов по Секции Механики, г-на Дмитрия Павловича Рябушинского.

Судьба этого ученого была отягощена большими несчастьями. Он переносил их с мужеством и достоинством (коим мы обязаны воздать должное почтение), позволившими ему вопреки обстоятельствам беззаветно служить Науке.

Д. Рябушинский родился в Москве. 31 октября 1882 г. при царском режиме, принадлежал по рождению к именитой семье, проведя свои детские годы и юности счастливо и спокойно.

Его предпочтение было отдано наукам, в особенности изучению аэронавтики, под руководством профессора Жуковского, чье имя, безусловно, известно тем, кто имел какое-либо представление об аэродинамических процессах.

Небесполезно напомнить, что в начале столетия наши знания в области газодинамики были крайне ограничены. Ни одна научная лаборатория не занималась подобным предметом, ничего не было известно ни о каком-либо эффективном достижении касательно теоретической возможности движения твердого тела в космическом пространстве.

Именно Рябушинский впервые в мире основал аэродинамическую лабораторию в поселке Кучино, взяв на себя целиком расходы по строительству и оплате труда своих сотрудников. Эта благородная инициатива вскоре обеспечила достижение важнейших результатов, и ее автор надеялся на дальнейшую разработку своих проектов в благоприятной обстановке. Однако, эта надежда погибла в бурю 1917 г., имевшую международный резонанс. Ценой невероятных трудностей Д. Рябушинскому удалось в самый последний момент добраться до Франции вместе с женой и тремя дочерьми.

Благодаря конкурсу организованному учеными, среди которых первым следует назвать имя нашего известного коллеги Поля Пэнлеве², парижскому эмигранту удалось изменить положение, которое, впрочем, оставалось по-прежнему неустойчивым.

Постепенно он смог вновь взяться за работу в наших лабораториях и продолжить разработку ранее намеченных проектов. Более или менее официально он вновь был связан с научным сообществом в рамках Института Механики Парижского Университета (инициатива организации которого принадлежит, я осмелюсь напомнить, нашему коллеге Альберу Како)³, являясь также сотрудником Технической Службы Аэронавтики; перед войной с 1940 г. Рябушинский занимал должность заместителя директора Института Механики.

² Поль Пэнлеве, французский математик, государственный и политический деятель Франции в 1920-30-е годы.

³ Альбер Како, французский инженер, известный работами по аэростатике.

Стоически перенося удары судьбы, он не прекращал упорной работы над научными проблемами, которыми был постоянно увлечен.

Теперь обозначим некоторые контуры его проектов. Прежде всего — это проблемы сопротивления, испытываемого твердым телом в ходе движения внутри аэродинамической трубы. Д. Рябушинский занимался в первую очередь, что было вполне естественно, рассмотрением случая равномерного движения воздушного потока. Однако оставались неизвестными законы управления реакциями движения в связи с турбулентностью; к примеру: при посадке самолета, при виражах с бомбовым подвесом, а также в режимах высшего пилотажа. Наш коллега анализировал всю сложность этих феноменов, исследовал образование завихрений и срывов воздушного потока, объясняя тем самым особенности этого необычного процесса. Выводы Д. Рябушинского по геометрии пропеллеров, приводящих объект в движение или создающих подъемную силу, являются основополагающими. Эти базовые характеристики позволили определить ему влияние турбулентности на стабильность режима обтекания. Он анализировал такие особенности автовращения и использовал их для обозначения несущих способностей крыла. Ему принадлежит авторство в турбулентной теории винта и первое изобретение и конструирование безоткатного орудия с определением дальнейших перспектив практического его использования. Рябушинский конструировал также ракеты и ракеты-пушки, модели которых известны нам сегодня.

Следует еще упомянуть работы Д. Рябушинского, посвященные срыву потока, стимулировавшие появление важных исследований, осуществленных В. Демченко и Ф. Василенко. Он не расставался с мечтой о практической реализации своих замыслов, ради которых им была сформирована команда высокопрофессиональных специалистов. Понадобятся еще многие страницы, чтобы дать представление о многообразии проблем, задействованных Д. Рябушинским. Он занимался астрофизикой, баллистикой, в аэродинамике исследовал звуковые и сверхзвуковые скорости, известны также его философские работы. В целом, его мысль не следовала классическим канонам, но он был наделен глубоким умом и талантом изобретателя. Таковы вкратце итоги основных исследований г-на Рябушинского. Академия Наук не упустила возмож-

ность признания ценности его трудов, присудив ему на первом этапе ряд почетных премий и дипломов (премия имени Базена в 1927 г. и т.д.), а в 1935 г. он был избран членом-корреспондентом Академии по секции механики.

Если сегодня научные результаты, достигнутые г-ном Рябушинским, опережают время на пути прогресса в космической области, которого добились за 40 лет команды квалифицированных специалистов, то ни у кого нет ни малейшего сомнения в том, что Д. В. Рябушинский был их предтечей, о чем свидетельствует большинство его основных достижений. Вплоть до конца жизни Д. Рябушинский мужественно и упорно работал. В организации труда ему всегда неустанно помогала его чудесная супруга⁴, чьи преданность и самоотверженность всегда оказывали ученому неоценимую поддержку.

В семье Рябушинских было три дочери, поражавшие своей красотой и благовоспитанностью, одна из которых погибла в результате несчастного случая. Несколько позже Д. Рябушинский имел несчастье потерять жену, чем был глубоко потрясен. Пораженный мучительной болезнью, он окончил свой путь в августе этого года. Его жизнь являет нам великий пример мужества в несчастье и постоянства достижения высоких человеческих идеалов. Я считаю своим долгом выразить его родным горячее сочувствие от нашего имени и, в особенности, от коллег по Секции Механики, глубоко его уважавших.

⁴ Вера Сергеевна Рябушинская (Зыбина), представительница высшей аристократии, была племянницей известной меценатки княгини М. К. Тенишевой.

Д. П. Рябушинский

Икона и образы

Церковное искусство занимает почетное место в русском художественном творчестве и является одной из тех культурных ценностей, которые наиболее близки и дороги русским людям. Во дворцах и в хижинах икона напоминала о вечной правде евангельского учения, о святых людях благочестивой жизни, о великой тайне бытия, объяснить которую наука бессильна.

Председатель Общества «Икона» В. П. Рябушинский, в речи, произнесенной на юбилейном собрании по случаю исполнившегося 20-летия плодотворной деятельности этого Общества, коснулся вопроса о смятении в умах, вызванном пошатнувшейся верой в неизблемость основ математики, смятении, отразившемся затем и в искусстве. По поводу этого замечания мне хотелось бы высказать несколько соображений.

Для людей, прислушивающихся к интуитивным велениям своей совести, основоположения евангельской морали представляются аксиомами, на которых только и возможно обоснование человеческого общества, обеспечивающего каждому достойное, свободное и счастливое существование. Убеждение в непреложности этих моральных устоев и убеждение в непреложности аксиом геометрии сливаются в общем сознании, что человеку доступны некоторые абсолютные истины.

Пошатнувшаяся вера в абсолютную достоверность геометрических истин усиливала позицию противников христианской морали.

Можно установить некоторый параллелизм между ролью иконы в религиозном обиходе и использованием образов в математике и других науках.

Как иконы, так и использование образов в науке подвергались гонениям и запретам.

Запретить ученому исследователю, во имя строгости рассуждения, прибегать к помощи образов все равно, что отнять у слепого его палку.

В химии одно время было очень сильно течение против рассуждений о молекулах и атомах под предлогом, что их никто не

видал, но, к счастью для развития химии, эти и подобные образы удалось отстоять.

В математике дело обстояло много хуже — в этой, как и в других науках, новые факты можно объяснить исходя из разных, более или менее произвольно выбранных определений и с разных точек зрения. Одни из этих объяснений могут совпадать с геометрической интуицией, с реальными геометрическими образами, а другие являются искусственными, противоречащими интуиции. За последние 50 лет многие видные математики стали поддерживать это второе, искусственное направление.

Укажу на следующий пример. В так называемой теории множеств официальная наука учит, что в линии длиной в один метр такое же бесконечное число точек, как [и] в линии длиной в один километр.

Пишущий эти строки показал, исходя из других основных определений, что число точек в линиях в один метр и в один километр равновелико только при условии, что точки в обеих линиях не те же самые, что их происхождение отлично. Если же выбрать точки того же происхождения, то в километре их будет в тысячу раз больше, чем в метре, что, очевидно, находится в согласии с интуицией и никакого смятения в умах не производит. В основе всех нападков на геометрическую интуицию лежит все тот же неудачный выбор основных определений.

Для успешного развития науки выбор определений, настраивающих в унисон интуицию и математический анализ, является весьма желательным. Убедившись на деле, что геометрическая интуиция вернейший советчик в науке, мы будем с усиленной верой защищать интуитивную христианскую мораль, заложенную в душе каждого человека.

«Русская мысль». 5 июля 1947 г.

Г. А. ЯНКОВСКАЯ

АНТИ-ХАКСЛИ, ИЛИ МИССИЯ ВЫПОЛНИМА*

Трудно писать рецензию на книгу, ставшую событием в интеллектуальной и литературной жизни страны, книгу, собравшую коллекцию уважительных (а порой и восторженных) отзывов коллег по историческому цеху. Многие достоинства такой работы уже названы, профессиональные находки автора осмыслены. С другой стороны, нетривиальные многослойные тексты открыты интерпретациям, позволяют «просто» читателям, а также «рецензентам-экспертам» обнаруживать все новые смыслы. Именно к таким текстам относится новая книга известного историка Игоря Владимировича Нарского «Фотокарточка на память: автобио-историко-графический роман».

Книга с «дерзким», по признанию самого автора, подзаголовком, представляет собой итог третьего поворота в интеллектуальной биографии челябинского историка. Он стремительно вошел в историческую науку своими первыми монографиями и докторской диссертацией по российскому либерализму и партийности начала XX в.¹ Через 6 лет И. В. Нарский оказался среди тех историков, которые перенесли на отечественную почву полемику, давно шедшую в западной историографии, по проблемам изучения повседневности. Его монография «Жизнь в катастрофе: будни населения Урала 1917–1922 гг.»², благодаря методологической основательности и смелым

*Рец. на кн.: *Нарский И. В.* Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историко-графический роман). Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. 516 с.

¹ *Нарский И. В.* Кадеты на Урале (1905–1907). Свердловск, 1991; *Он же.* «Революционеры справа». Черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг.: (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; *Он же.* Русская провинциальная партийность: политические объединения Урала до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995.

² *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

интерпретациям ранее невостребованного фактического материала, остается одним из лучших образцов исследований российской повседневности. Уже в той книге И. В. Нарский интуитивно затронул ключевые темы своего будущего романа-исследования: проблемы социальной памяти, культурной истории фотографии и биографии семьи в пространстве «большой истории».

Новая работа оригинальна по замыслу и воплощению. Она не похожа на исторические тексты и напоминает различные жанры литературы нон-фикшн. У меня она вызывает ассоциации с тем видом художественно-исследовательской деятельности, который был придуман и с блеском реализован И. Л. Андрониковым. Как и в рассказах знаменитого литературоведа, одним из главных героев книги И. В. Нарского является исследовательский проект от его замысла до воплощения. Тот же закрученный сценарий поисков, потерь, неожиданных поворотов в ходе исторического расследования, то же описание научного поиска как чрезвычайно эмоционального занятия. Этот проект автора «воодушевляет», «преследует», «тревожит», «расстраивает», «доводит до отчаяния», «выматывает», но и дарит моменты радости и счастья. Так что не удивлюсь, если «автобио-историо-графическую» книгу когда-нибудь экранизируют.

«Фотокарточка на память» — не вполне монография, в ней нет схем, таблиц, избыточного списка литературы и прочего академического занудства. При этом техника работы с историческими свидетельствами, круг обсуждаемых проблем, основательность аргументации и колоссальная эрудиция автора не позволяют сомневаться в исследовательском характере книги. Это отчасти художественная литература, хотя здесь нет вымышленных персонажей (но есть вымышленные ситуации), нет безудержной авторской фантазии (но есть сложно организованный сюжет, затейливая композиция и безусловный талант рассказчика). Автор в послесловии потратил несколько страниц на то, чтобы убедить читателя именно в романном характере повествования. Симптоматично, что «Фотокарточка на память» вошла в шорт-лист престижной литературной премии им. Андрея Белого 2008 года. Мемуарная литература? Вряд ли, несмотря на то, что вроде бы все события этого «романа» разворачиваются вокруг воспоминаний историка, спровоцированных необычной по стилистике детской фотографией.

Конечно, у этой книги будет благодарная аудитория из представителей семьи, родственников, знакомых, детских приятелей, коллег, друзей и даже недругов И. В. Нарского, для которых он сотворил «место памяти», восстановил разорванные нити межпоколенческой коммуникации, спас от забвения домашние архивы большой разветвленной семьи и рискнул обнажить свой внутренний мир.

Думаю, что этот «роман» захватит любого человека, интересующегося историей советского общества. Во-первых, потому, что умение подстегнуть и удержать интерес читателя составляет одно из главных достоинств новой книги И. В. Нарского. Во-вторых, потому, что этот интерес базируется на эффекте пробуждения памяти, на миметическом удовольствии узнавания деталей быта, правил воспитания детей, запахов, примет, привычек и прочих фрагментов жизни, которые объединяют тебя с совершенно незнакомыми людьми. Зарубки на косяках дверей вместо детского ростомера; скрываемая многими взрослыми нелюбовь к авторитарному стилю школьной жизни; патриархальный уклад больших семей и малоэтажных дворов, голодная эйфория демократических надежд перестроечных времен — все это безвозвратно осталось в прошлом и может стать скрепами утраченной коллективной идентичности для бывшего советского человека. И еще одна причина. Несмотря на железную логику, интеллектуализм и скептический юмор, свойственные автору «автобио-историко-графического» романа, тон и аура этой книги не-исправимо ностальгичны. Известно, что ностальгия ностальгии рознь. И. В. Нарский с дотошностью архивиста знает о страшных страницах «большой» истории страны Советов, он помнит о теневой стороне хроник его семьи и готов говорить о неблагоприятных моментах собственной биографии. Но он не сводит счеты с прошлым, не относится к событиям и поступкам людей с гневом и пристрастием, демонстрируя лучшую из возможных форм ностальгирования — понимающую. Этот эмоционально нагруженный текст о безвозвратно ушедшем прошлом пробуждает у автора и читателя общее чувство утраты, которую не восполнят никакие фотографии или тексты.

Уверена, «Фотокарточка на память» будет долго востребована в профессиональной среде, поскольку этот «роман» представляет собой глубокое и новаторское как по форме, так и по содержанию исследование, затрагивающее множество спорных вопросов современ-

ного исторического знания. Главный из них — специфика этого вида представлений о реальности. Историописание субъективно, пристрастно, социально ангажировано, зависимо от личности историка и многих других факторов. Иронизируя по поводу «объективности» исторических трудов, Олдос Хаксли когда-то наставлял любителей этих текстов: «История — как мясной паштет: лучше не вглядываться, как его приготавливают». Книга И. В. Нарского опровергает логику британского интеллектуала. Ее ключевая идея заключается в том, что современный историк должен отдавать себе отчет в том, как «делается история», преодолеть «счастливое заблуждение» по поводу объективности исторических трудов, сдерживать полет профессионального воображения и тягу к построениям теоретических моделей. Он должен заниматься профессиональной «самодиагностикой»: отслеживать, что историк делает, когда «делает историю»: собирает и отбирает источники, интерпретирует их содержание, сочиняет свою версию прошлого³. Не случайно одна из сквозных линий повествования связана с исследовательским дневником, в котором зафиксированы перипетии осуществления авторского замысла.

И. В. Нарский предлагает сменить вехи, перейти на другую систему координат, другое понимание «миссии» историка. Для него она не заключается во «вскрытии» безличных причинно-следственных связей и отношении к прошлому с холодным рассудком патологоанатома (с. 271). Для приверженца культурной истории (именно это движение мировой историографии представляет И. В. Нарский) необходим взгляд и позиция «участника» исторического процесса. Занятие историей заключается в интерпретации прошлого с учетом смыслов, мотивов, эмоций, фобий, бытовых обстоятельств, намерений, представлений многих действующих лиц исторического процесса, в том числе и самих историков.

И. В. Нарский вовлекает читателя в круговорот множества проблем. Среди них: социология и герменевтика фотографических изображений; конфликты и компромиссы изобразительных и вербальных кодов коммуникации; «уликовая парадигма» К. Гинзбурга, ан-

³ На эту особенность книги обратили внимание другие рецензенты. См.: *Кужулин И.* Фотографическое печенье «Мадлен» // Новое литературное обозрение. 2008. № 4 (92). С. 211-224; *Секиринский С. С.* Западный контекст, российская почва, личность историка // Отечественная история. 2008. № 6. С. 161-163.

тисемитизм в СССР; советское детство; провинциальная повседневность 1960–1970-х гг., семейные истории (Нарских, Хазановых, Корзухиных, Рывкиных, Марталер и других семей). А также: нижегородская школа фотографии, мнимая достоверность автобиографических воспоминаний, формы семейной коммуникации, фотолюбительство в СССР, практики и стратегии выживания советского человека в век катастроф и многое другое.

Наиболее пристальное внимание автора приковано к фотографической теме. Кажущаяся простота восприятия фотографии, ее «очевидность», мнимая понятность содержания обманчива, о чем неустанно напоминает автор. Он видит в семейной, альбомной, официальной, пикториальной и прочих видах фотографии код, требующий освоения правил интерпретации. Этот визуальный код не поддается тотальной вербализации, точно так же, как и словесный текст не имеет визуальных клонов. Поэтому И. В. Нарский замыслил и создал «фототекст» — сложное комбинированное послание, сочетающее коды изобразительные и вербальные.

В книге подробно излагается и комментируется литература по проблемам визуальных исследований, большая часть цитируемых работ до сих пор не переведена на русский язык или вышла в малотиражных изданиях. Так что для приверженцев «визуального поворота» в историографии «Фотокарточка на память» может служить в качестве хрестоматии и учебного пособия. В размышлениях автора много как однозначных, так и полемичных выводов, но с чем я точно не согласна, так это с гендерной характеристикой, выданной фотографическим практикам. И. В. Нарский утверждает, что если производством фото занимаются преимущественно мужчины, то последующая обработка, упорядочение фотографий, их демонстрация окружающим (т.е. освоение постфотографической ситуации) является сугубо женским делом (с. 163). Этот тезис необходимо вписать в хронологические и контекстуальные рамки. Может быть, он и был справедлив до какого-то момента. Мне представляется, что ситуация давно и принципиально изменилась с упрощением технологического процесса фотографирования, с вторжением в повседневность цифровых технологий, с модой на семейные ценности в бизнес-культуре (семейные фотографии как неотъемлемая часть офис-интерьеров), с развитием социальных сетей и блогосферы в интернете.

Другая сквозная тема «Фотокарточки на память» — сама память как социальное и культурное явление. Как работают ее механизмы? Можно ли пробудить воспоминание посредством провокации и не является ли сам процесс припоминания провокацией? Существуют ли специфические семейные мемориальные практики? Как соотносится память о прошлом семьи с личной идентичностью? Каким образом съезживается разъединявшее людей время, когда историк с художественным воображением держит в руках даже самые скучные бюрократические документы? Таков далеко не полный перечень аспектов осмысления памяти, о которых нетривиально размышляет И. В. Нарский.

Обилие сюжетных линий, свобода и внезапность переходов от одной тематики к другой, не мелькают перед читателем в алогичном калейдоскопе, но предстают в пластичной и сложноорганизованной форме. Каждая подтема (будь то методологические трудности использования фотографии как исторического источника или психология детства) может быть рассказана линейно, с последовательным изложением событий. Однако нити повествования то обрываются на самом интересном месте, то вновь обнаруживают себя, пребывая в постоянном реверсивном движении. Эту книгу действительно можно читать не от начала до конца, но «точечно», выбирая определенные тематические страницы, следуя графическим подсказкам. Отмечу, что высоких оценок заслуживает дизайн книги в целом, что является редкостью для публикаций исторических трудов⁴.

Помимо переплетения сюжетных линий, «Фотокарточка на память» отличается концентрической композицией. Волей автора многоголосый и многоликий мир этой книги «закольцован», вписан в круговорот меняющихся мемориальных образов. Книга начинается и заканчивается одной и той же фразой: «Разрешите представиться...». В центре круга, очерченного этими строчками, разворачивается драматичный процесс собирания идентичности автора в пору первого подведения им профессиональных и житейских итогов. Эта книга также начинается и заканчивается фразой Владимира Набокова об особой миссии воспоминаний. Поставленная эпиграфом к первой главе, эта фраза задает лейтмотив книги: «Все так, как должно быть,

⁴ Художник книги — друг детства И. В. Нарского график и дизайнер А. Ю. Данилин.

ничего никогда не изменится, никто никогда не умрет» (с. 19). Пройдя долгое многолетнее путешествие по волнам памяти, объехав несколько стран и российских городов, автор, завершая книгу, эхом вторит знаменитому соотечественнику. Осуществляя свой проект, он действительно сотворил особый мир воспоминаний, в котором «нет места смерти», где живут и будут продолжать жить дорогие для автора люди, где «никто никогда не умрет» (с. 488-499). И здесь уже можно говорить об апологии профессии. Пусть крот забвения хорошо роет, историк сотворит прошлое заново.

Важное качество любой книги заключается в том послевкусии, которое остается после ее прочтения. «Фотокарточка на память», как хорошая фотография оставляет «непереводимый эстетический и эмоциональный «остаток» (с. 280), в ней есть что-то, не поддающееся рациональной интерпретации. И это еще один повод познакомиться с «автобио-историко-графическим» романом.

В. П. Корзун, Д. М. Колеватов

НА ПЕРВЫЙ-ВТОРОЙ РАССЧИТАЙСЬ: ЧЕЛОВЕК ВТОРОГО ПЛАНА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Коммуникативное поле науки неизбежно изменяется, важной содержательной характеристикой его является перераспределение пространства внимания, постоянно происходящая статусная стратификация. В отечественной гуманитаристике коммуникативные трансформации такого рода весьма интенсивно разворачиваются на рубеже XX–XXI вв., подпитываются как глубокими социальными потрясениями, так и сменой научных парадигм, сопровождаются изменениями самих форм научных коммуникаций, поиском новых площадок и институтов — «в старые мехи нельзя влить новое вино».

В исследовательской литературе уже обозначились первые подступы к исследованию трансформаций коммуникативного пространства в постсоветский период преимущественно под углом зрения становления нового профессионального канона¹. В центре внимания исследователей оказались преимущественно столичные издания, которые, вне всякого сомнения, задают интеллектуальную моду. Но

* Речь идет о серии сборников научных статей «Человек второго плана в истории» (Вып. 1-5. Ростов-н/д., 2004, 2005, 2006, 2007, 2008).

¹ Харитонович Д. Э. Десять лет странствий «Одиссея» // Средние века. Вып. 62. М., 2001; Степанов Б. Е. Тонкая красная нить: споры о личности и индивидуальности как зачин историографии 1990-х // Новое литературное обозрение. 2007. № 83; Рыженко В. Г. «Территория для диалогов» — особая миссия научного альманаха «Диалог со временем» в интеллектуальном пространстве конца XX – начала XXI вв. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып. 3. Омск. 2007; Свешников А. В., Степанов Б. Е. Коммуникативные стратегии постсоветских исторических альманахов // Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба. Вып. 4. Омск, 2008; Кикимбаева А. С. Журнал «Ab Imregio» в поле современной научной периодики // Исторический ежегодник. Вып. 2. Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования / Под ред. А. В. Якуба, В. П. Корзун. Омск, 2008. С. 92-99 и др.

современный интеллектуальный ландшафт постсоветской историографии не сводится к «столичной науке».

Изменения конфигурации научного сообщества, разрушение прежней жесткой иерархии вузовской и академической, столичной и провинциальной науки, имели следствием не только реанимацию ранее утраченных изданий — различных университетских «Известий» и «Трудов», но и рождение альманахов, серийных сборников, журналов, манифестирующих новые направления исследований, выступающих в качестве важных факторов профессиональной самоидентификации. В свою очередь эти новые площадки-институты являются одновременно инструментами изменения конфигурации как научного пространства, так и научного сообщества в целом.

В отмеченный процесс реструктурирования поля коммуникативного внимания вписывается рассматриваемая нами серия сборников научных статей Ростовского регионального отделения Общества интеллектуальной истории «Человек второго плана в истории» (отв. редактор Н. А. Мининков). Первый сборник вышел в свет в 2004 г. На данный момент выпущено уже 5 книг и можно подвести если не первые итоги, то хотя бы определить коммуникативную стратегию издания. И сделать это мы намерены, руководствуясь, разумеется, не формальными соображениями, а личной заинтересованностью: Ростовский (теперь Южный федеральный) университет — наша *alma mater* и все, что выходит из под пера бывших земляков вызывает законное любопытство, к тому же волею судьбы мы в какой то степени примерили роли, если не «первых» и «вторых», то, во всяком случае, «своих» и «чужих» в связи с перемещением из теплого Ростова-на-Дону в холодный Омск. Второй мотив связан с нашей собственной исследовательской практикой, с давним интересом к провинциальной историографии, с одной стороны, а с другой, к проблемам научных коммуникаций и их типологии, которая в последнее время разрабатывается в рамках Омского научного центра.

Авторами проекта был избран значимый ракурс антропологической проблематики, захватившей к этому времени уже многих профессионалов. Стремление к целостному пониманию (воспроизведению, конструированию) образа исчезнувшей социальной реальности свойственно исторической науке. Полнота и целостность охвата достигается не только (а, пожалуй, и не столько) простым приращением исторического знания в старых, устоявшихся методологи-

ческих и методических рамках, но и внутренней его дифференциацией, готовностью к расширению и пересмотру этих рамок. Приращение и внутренняя дифференциация составляют, если использовать известную формулу, двуединый процесс. Рассматриваемая проблема «Человек второго плана в истории» содержательно вписывается в этот процесс, ибо, с одной стороны, вычленяется определенный фрагмент социальной реальности, с другой — углубляются представления о самой этой реальности. Разумеется, эта проблема отражает современную историографическую ситуацию, характерными чертами которой являются гуманитарная окрашенность, ориентированность «на понимание самого внутреннего смысла человеческого измерения истории». В этом ключе и работает оснащенная современным исследовательским инструментарием «новая биографическая история», которая включает в свое предметное поле позиционирующегося между «человеком массы» и «титанами и героями» промежуточный, пограничный тип личности, наименее, пожалуй, типологически исследованный — «человека второго плана».

Проект был рожден в благоприятной интеллектуальной атмосфере, когда уже в основном закончился этап резкого оппозиционирования в отношении советской историографии и программные установки культурологического, антропологического, лингвистического подходов, декларируемые в 1990-е гг., обрели историографическую реальность, предстали в виде исследовательских практик и сформировали в общем плане новые представления о профессии историка. Этот «новый научный канон оказался более гибким, релятивистским и адаптированным к взаимоотношениям — как с другими дисциплинами, так и с социальной практикой модернизирующегося общества, но вместе с тем и более замкнутым на дисциплине»².

Появление данного проекта в определенной мере можно считать организационно подготовленным. Речь идет о создании Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ) и соответствующей широкой коммуникативной сети региональных отделений. Открытость к диалогу, стремление к междисциплинарному синтезу и академическая мобильность — знаковые характеристики членов этого сообщества. Так или иначе, любой интеллектуальный продукт,

² Свешников А. В., Степанов Б. Е. Коммуникативные стратегии постсоветских исторических альманахов // Мир историка... Вып. 4. С. 410.

родившийся в одном из региональных отделений «обречен» на интерес и рефлексии в сети «роишников».

Уже изначально проект был направлен на коллективное творчество — приглашение к «серьезному разговору» в форме научной конференции. Рецепция заданной проблематики со стороны научного сообщества вносила определенные коррективы в рубрикации сборников, смещая и некоторые концептуальные установки редакторов. В первом сборнике вообще отсутствуют рубрики, они обозначаются во втором выпуске и в дальнейшем либо закрепляются в виде опорных конструктов проекта («Почему не первый?», «В тени великих», «Серые кардиналы», Реальные и мнимые», «Женские судьбы в мужской истории», «Герои местного значения», «Историописатели второго плана»), либо исчезают («Из вторых в первые»), либо появляются новые, ориентирующие на раскрытие иных граней персонажей второго плана, а также на рефлексии по поводу самого концепта («Теоретические аспекты персональной истории», «Политика: между рампой и кулисами», «Чужие роли», «Обреченные на упоминание», «Человек-казус»). Эта динамика свидетельствует о расширении структуры проблемного поля и коррелирует с общим процессом неоднозначности в интерпретации антропологического поворота/подхода, характерном для современного научного сообщества.

Показателен в этом плане акцент на теоретические аспекты персональной истории (Вып. 3, 4). По мере «коллективного вхождения в тему» (если в первом сборнике представлены местные авторы, то в последующих среди авторов — и ученые академических центров Москвы, и представители разветвленной сети Общества интеллектуальной истории), реализации исследовательского проекта, неизбежно усиление теоретической его составляющей.

В первом сборнике теоретический компонент наиболее полно представлен в статьях Н. А. Мининкова и Н. А. Трапша³, хотя в силу новаторности проекта почти каждый автор пытается определить сам феномен «человека второго плана». Так, по А. В. Корневскому, это личность «незаурядная, но не претендующая на движущую роль в истории, не обгоняющая время, но тем не менее, как никто другой,

³ *Мининков Н. А.* Человек второго плана как исследовательская проблема // Человек второго плана в истории. Вып. 1. С. 4-13; *Трапш Н. А.* «Историк второго плана» в структуре персональной историографической иерархии (на примере развития дореволюционной исторической науки) // Там же. С. 13-29.

отражающая в делах и мыслях основные коллизии своей эпохи»⁴. Любопытен и продуктивен взгляд на личность второго плана, с точки зрения ее места в исторической памяти, который был высказан в статье А. Е. Иванеско⁵. Возведение в ранг героя второго плана в рассматриваемых публикациях предполагает «пульсирующую иерархичность», постоянное обнаружение второплановости в личностном ряду деятелей эпохи, соотносимость второпланового активизма с историческим, историографическим и даже мифологическим контекстами, в определенном смысле, даже апологию своего героя — второплановый, но исторически значимый, интересный для нас как недооцененный в мемуарной и исследовательской литературе, яркая индивидуальность, тип личности, выразитель определенной исторической традиции и т.д. — для героя второго плана отводится, таким образом, определенная конкретно-историческая ниша, и он конституируется как предмет исследовательского интереса.

Уже в первых программных статьях заметна внутренняя содержательная сложность проекта — он изначально распадается как бы на два блока («человек в истории» и «человек–историк»), не говоря о том, что даже одна и та же историческая личность может представлять сразу в двух этих ипостасях (Генри Лайярд — археолог и дипломат, М. М. Ковалевский — историк и публицист)⁶. Представляется, что при оценке деятелей науки авторы исходят из общего социокультурного, в большинстве случаев, социально-политического контекста, деятели науки оцениваются по степени вписываемости в этот контекст, влиянию на его развитие, яркому следу, оставленному в определенных исторических ситуациях и т.д. И очевидно не случайно практически все авторы концепт «человека второго плана» осмысливают в проблемном поле персональной истории, акцентируя познавательные возможности «новой биографической истории».

⁴ Корневский А. В. Неукротимый епископ (штрихи к портрету Н. С. Ильина) // Там же. С. 80.

⁵ Иванеско А. Е. Нартовский Сырдон — персонаж «второго плана»? // Там же. С. 30.

⁶ См. статьи: Кенкишвили С. Н. Генри Лайярд и «восточный вопрос» // Человек второго плана в истории. Вып. 3. С. 136-151; Апрыщенко В. Ю. «Надо любить Бога, свободу, равенство... и прогресс»: к портрету М. М. Ковалевского // Человек второго плана в истории. Вып. 1. С. 99-120.

Думается, что этот подход не является ни единственно возможным, ни универсальным в реализации обозначенного проекта, он нуждается в конкретизации и дополнении в зависимости от предмета исследования — идет ли речь о героях «второго плана» в собственно историческом процессе или об историке второго плана. Спрявление интеллектуального процесса и сложность выделения типологических черт «человека второго плана» (данная интеллектуальная процедура неизбежно ситуативна), приводит иногда авторов к весьма спорным построениям. Так, например, второплановыми героями на страницах сборника выступают лидер «русской исторической школы» М. М. Ковалевский⁷ и признанный авторитет в новейшей историографии Г. Иггерс⁸. Хотя отметим, что автор очерка о Г. Иггерсе В. С. Савчук в конечном итоге подводит читателя к мысли о несправедливости традиции (которая, кстати, никак не реконструируется в статье), «не позволяющей отнести этого незаурядного исследователя к ученым “первого плана”»⁹. Пытаясь постичь феномен историко-научной несправедливости, Савчук замечает, что к ученым первого плана «всегда причисляют авторов конкретно-исторических трудов, причем большей частью — создателей *национальных версий истории*. Историография, даже по мнению ученых конца XX века, остается чем-то *вторичным* (чтобы не сказать — «второсортным»)»¹⁰.

Таким образом, автор подходит к выходящей за рамки биографической истории проблеме ценностных критериев определения «классиков», «героев первого плана», продуцируемых в самом научном сообществе. Понятно, что готового классического наследия не существует. Каждая культура создает его для себя, отбирая, подгоняя, перепрочитывая, перемещая героев «из первых во вторые» и

⁷ Апрыщенко В. Ю. Указ соч.

⁸ Савчук В. С. «Гражданин мира», или Судьба Георга Иггерса // Человек второго плана в истории. Вып. 5. С. 258-293.

⁹ Там же. С. 290.

¹⁰ Автор ссылается на высказывание А. Я. Гуревича в адрес двух французских историков, авторов книг о школе «Анналов»: «...они специалисты по историографии, критики, со стороны наблюдающие за работой других и дающие им оценку. На мой взгляд, такого рода “профессиональная историография”, едва ли может быть особенно интересна: нужно, по выражению Блока, постоять у “верстака”, всерьез, с источниками в руках, заниматься “ремеслом историка”, тогда спор с “анналистами” стал бы спором на равных и, следовательно, продуктивным» // Человек второго плана в истории. Вып. 5. С. 290-291.

наоборот. Речь идет о существовании иного позиционирования — о положении ученого на сетевой карте научных коммуникаций. Эта оценка изнутри предполагает учет исследователем не только того, что было «там и тогда», но и того, «как именно в то время рассматриваемая отрасль знания выстраивала свою генеалогию, как именно тогда оценивалось то, что было сделано предшественниками, и как виделась их персональная иерархия в динамическом плане»¹¹. Такой разворот в осмыслении проблемы актуализирует наработки интеллектуальной истории. В этом ракурсе представляется значимым один из тезисов Коллинза, входящий в качестве составляющей в его глобальную теорию интеллектуального изменения: каждое научное поколение способно на усвоение лишь ограниченного числа (максимум шести) научных позиций¹², что, с нашей точки зрения, неизбежно порождает ранжирование в интеллектуальном пространстве, провоцируя напряженность и конфликты в научном сообществе, которые разрешаются отнюдь не всегда академическим способом. И здесь важно учитывать тот «социальный универсум», «поле», которое, по мысли П. Бурдьё, стоит между текстом и обществом, и о котором всегда забывают: «это универсум производителей этих произведений, универсум философов, художников, писателей. И не только писателей, а, например, литературных инструкций, журналов или университетов, где формируются писатели и т.д.»¹³. Эффект поля в данном случае проявляется в том, что мы не можем понять историческое произведение и его значение без знания истории поля, где оно произведено. Но парадокс заключается в том, что на практике интеллектуальная реконструкция такого поля разворачивается, как правило, в координатах уже отобранных научной памятью героев «первого плана». Вот почему нам представляется важным и своевременным обращение автора теоретической статьи Л. П. Репиной, помещенной в третьем сборнике, к мысли историка философии Т. Мура, который не только напоминает известную максиму о том, что философы «не просто гиганты, стоящие на плечах друг друга»,

¹¹ Репина Л. П. Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Вып. 3. С. 41.

¹² Коллинз Р. С. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 34.

¹³ Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 114.

но подчеркивает: «они реагируют на фигуры, которые выпали из поля нашего зрения», но которые, однако, «помогли сформировать целостное интеллектуальное пространство философской мысли»¹⁴.

Итак, человек второго плана составляет часть этого социального универсума, своего рода поле активного взаимодействия классических (или становящихся таковыми) текстов и значимых (или обретающих значение) исторических деяний, с одной стороны, и общей социальности — с другой. Концепт «человек второго плана» оказывается необходимым для достижения «кинематографической интимности» рассмотрения социальности. «В кинематографе зритель, — обращает внимание Ю. М. Лотман, — видит не только роль, но и актера, ...принципиальная интимность всех отношений входит в сущность восприятия»¹⁵. Кинематографическая смена ракурсов (в том числе и содержательное рассмотрение «второплановых акторов» истории) соответствует природе познания.

Далее мы покажем когнитивную значимость данного концепта на конкретных примерах. Обратимся к содержанию рубрики «Герои местного значения» и попробуем понять, какое значение имеет исследовательский подход для рассмотрения истории Места. Героями этой рубрики стали донские атаманы, губные старосты, т.е. речь идет о коллективном герое второго плана, но в основном это персоны — военный инженер и историописатель А. И. Ригельман, адвокат и общественный деятель Басият Шаханов, историк и публицист Н. Л. Янчевский и его оппонент П. П. Сахаров, политический деятель А. С. Локерман — «Донской Мартов», «выдающиеся донцы» — казак-дворянин, чиновник николаевского времени И. С. Ульянов, «легенда» белого движения К. К. Мамонтов, красный командир времен Гражданской войны Д. П. Жлоба и английский священник Генри Тилсон и др. За исключением последнего, все они являются деятелями отечественной истории, представителями Дона и Северного Кавказа в общероссийском историческом процессе, и, казалось бы, их можно и нужно изучать в рамках традиционной краеведческой модели, ориентирующей на выявление знаковых личностей в рамках региона. Как иронично сказал поэт, «в провинции любых времен есть свой уездный

¹⁴ Цит по: *Репина Л. П.* Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Вып. 3. С. 9-10.

¹⁵ *Лотман Ю. М.* Место киноискусства в механизме культуры // *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб., 1998. С. 658.

Сен-Симон». Такая модель провоцирует ограничение пространства восприятия полученного знания и соответственно местного героя.

Обращение к кинематографической метафоре «человек второго плана» позволяет «навести камеру» на очень близкое расстояние и укрупнить масштаб исследования за счет подробного анализа локального, ситуативного, индивидуального, что коррелирует не только с состоянием персональной истории, но и с наработками «новой локальной истории», в духе концепции, разрабатываемой в одноименном научном центре Ставропольского университета, согласно которой под историей места понимается не территория, а «микросообщество», совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность. Такой подход актуализирует проблему коммуникаций, и, соответственно, текучести, подвижности границ между микро- и макро-исследованием¹⁶.

С известной степенью условности выделим два подхода к рассмотрению героев «второго плана» в зависимости от ситуативной определенности времени: 1) герой местного значения в переломные эпохи и в пограничных исторических ситуациях, когда вызовы Времени требуют вписывания в новую историческую ситуацию, которая предполагает выбор и ценностей, и собственных жизненных стратегий, она драматизирует и гиперболизирует столкновение рутины и новаций. Такое время динамично перераспределяет роли — из первых во вторые и наоборот; 2) рядовой деятель в относительно спокойную эпоху, которая дает шанс историку жизненный путь своего героя «рассмотреть в длительной перспективе, конструируя сменяющиеся друг друга социальные поля, по которым он проходит»¹⁷.

¹⁶ Напомним известную цитату классика микроистории К. Гинзбурга: «Границы группы, в которую я вхожу, а также границы моего собственного “я” показались мне в ретроспективном плане подвижными и неясными. Я с удивлением обнаружил, как много значили для меня, хотя я этого не осознавал, книги, которые я никогда не читал, события и люди, о существовании которых я никогда не подозревал. Если это автопортрет, тогда его моделью являются картины Боччони, на которых улица проникает в дом, пейзаж в лицо человека, внешнее заполняет внутреннее, “я” пронизуемо». *Гинзбург К.* Микроистория: две — три вещи, которые я о ней знаю // *Современные методы преподавания новейшей истории.* М., 1996. С. 227-228.

¹⁷ *Нарский И. В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008. С. 437.

Первый из отмеченных подходов, в свою очередь, вариативен. В зависимости от времени действия и сферы приложения сил и социального позиционирования героя проживание им своей жизненной ситуации драматично в разной степени и в различных вариантах. Оказавшись в центре повествования, показанные крупным планом, «расколдовываются» знаменитые участники гражданской войны, появляется возможность уйти от оппозиции «герой/антигерой (добрый или злой волшебник) и постараться понять, «какие люди соответствовали смутной революционной эпохе, как они реализовывали свой потенциал в годы войны»¹⁸. Применительно к ситуации гражданской войны трудно переоценить роль легендарного командира — харизматического военного лидера. На страницах рецензируемых сборников такими фигурами выступают «легенда белого движения» К. К. Мамонтов¹⁹ и «легендарный командир» красных Д. П. Жлоба²⁰. Объединяет этих двух представителей враждующих лагерей то, что в годы гражданской войны им удалось «несколько раз сыграть ключевую роль в важных событиях регионального масштаба» (оставаясь за рамками высшего военно-политическому руководства — людей первого плана). Для Мамонтова — это командование в течение восьми месяцев казачьими войсками, осаждавшими Царицын (противоборство с самим Сталиным), и легендарный рейд по тылам красных в августе 1919 года. Для Жлобы — прорыв его дивизии в тыл белоказачьих войск, осаждавших Царицын в 1918 г., благодаря чему красный Царицын не был сдан, а также поход 1921 года, сохранивший Аджарию в составе советской Грузии. Авторы задаются логичным вопросом: что же делало командира легендой? Как дворянин Новгородской губернии Мамонтов достиг такого влияния, что со сдачей им командования побежали казаки целого корпуса? Или в случае Жлобы после его отстранения от командования Стальной дивизией — «после нескольких поражений солдаты ушли с фронта и отправились искать прежнего удачливого командира». Авторы выделяют умение «командиров-легенд» создавать привлекательный для их подчиненных, белых казаков и красноармей-

¹⁸ Морозова О. М. Д. П. Жлоба глазами своих бойцов: портрет легендарного командира Стальной дивизии // Человек второго плана в истории. Вып. 5. С. 206.

¹⁹ Венков А. В. К. К. Мамонтов — легенда белого движения // Человек второго плана в истории. Вып. 4. С. 328-342.

²⁰ Морозова О. М. Указ. соч. С. 206-228.

цев, образ яркого, талантливого, заботливого и, что особенно важно, удачливого руководителя. В глазах бойцов удачливый командир выступал как гарант побед и выживания, «без него солдатская масса начинала чувствовать себя не только обезглавленной в тактическом смысле, но лишенной защиты и покровительства»²¹. О. М. Морозова обращает внимание на то, что в письмах к Жлобе его бывших бойцов часто встречается обращение: «Отец родной», причем понятие «Отец» отражает не значительные возрастные различия (они попросту отсутствовали), не отношения поколений, а отношения патернализма. Автор приводит оценку одним из красноармейцев роли командира: «Он — слуга пролетарского государства, но отец солдатам, которые в его распоряжении»²². Патерналистски настроенные подчиненные воспринимали своего командира скорее как «героя первого плана», и, опираясь на такие настроения, сам он начинал чувствовать себя таковым, поднимался по ступеням военной и социальной иерархии, вел себя демонстративно независимо по отношению к вышестоящему командованию. Формулировка автора «Д. П. Жлоба более всего любил себя в революции» может быть применена и к К. К. Мамонтову (с заменой революции на контрреволюцию).

Как уже отмечалось, в роли героев второго плана могут выступать не только «делающие историю», но и «изучающие историю», в т.ч. и на региональном уровне. В роли местных героев второго плана в переломную эпоху выступают историописатели, имена которых мы не найдем в учебниках по историографии. Как указано в обстоятельной статье Н. А. Мининкова, рассмотрение этих героев крупным планом оправдано как способ исследования многослойности и многогранности историографии, изучения истории идей в единстве с историей генерировавших их людей²³. Автор задается вопросом, почему в «условиях напряженной культурно-исторической ситуации 20-50-х гг.» дискуссии донских историков по истории казачества зачастую напоминали «диалог глухих». Он напоминает, что «вне учета всей сложности и противоречивости столь творческой личности, как историк», нельзя понять специфику исторического познания

²¹ Там же. С. 212.

²² Там же. С. 213.

²³ Мининков Н. А. «Диалог глухих»: нравственно-психологический аспект дискуссии ростовских историков 20-50-х гг. // Человек второго плана в истории. Вып. 3. С. 255.

и внутринаучных коммуникаций эпохи — «движение идей и концепций в познании прошлого». В переломные периоды развития науки на этот процесс особо значимое влияние оказывают факторы вненаучного плана, в т.ч. личность историка, индивидуальные ее характеристики и особенности социального позиционирования.

Н. А. Мининков анализирует ситуацию несостоявшегося творческого общения двух крупных донских историков, «двух интересных и оригинальных исследователей и двух сильных личностей» — Н. Л. Янчевского и П. П. Сахарова. Автор напоминает, что Янчевский, репрессированный в 1937 г., так и не признал предъявленного ему абсурдного обвинения, что Сахаров сумел сохранить свой творческий потенциал в крайне неблагоприятных условиях (включая арест и ссылку). Мининков отмечает, что на концептуальном, собственно научном уровне «определенная почва для сближения была... оба были сторонниками идеи происхождения донского казачества не ранее эпохи позднего средневековья и в связи с выходом на Дон населения из русских, прежде всего окраинных, земель». Между историками наличествует определенное методологическое сходство «на почве понимания обоими историками роли источников». Причины, разделяющие Сахарова и Янчевского, полагает автор, следует искать во вненаучной сфере, их можно выявить, укрупняя план рассмотрения выдающихся донских историков. Взаимное оппозиционирование историков «возникло на почве гражданской войны, в которой они оказались по разные стороны баррикад». На стороне красных — Янчевский, участник борьбы с режимом Колчака в Иркутске, эсер, а затем большевик, писатель и публицист. П. П. Сахаров — на стороне белых, в рядах Добровольческой армии. В психологическом плане — это отношения между победителями (Янчевский) и побежденными (Сахаров). «Для Янчевского историческая наука была также фронтом, полем битвы с белогвардейщиной... он в полной мере ощущал себя победителем не только в гражданской войне, но и в решении одной из проблем научной историографии — происхождения донского казачества». Для изучения этой проблемы Янчевский имел достаточный уровень профессиональной подготовки: «выпускник университета А. Л. Шанявского, он обладал типичной для русской интеллигенции начала XX века высокой культурой, историческим мышлением и навыками исторического исследования, ... хорошо знал источники и глубоко понимал значение источниковой базы истори-

ческого труда». Вместе с тем обращение Янчевского к истории донского казачества, проблеме «глубокого уяснения корней этого исторического феномена России» основывается не столько на внутринаучной, сколько на общеполитической мотивации — понять «огромную роль» казачества в гражданской войне и возможность адаптации его к «реалиям советской действительности». Янчевский в изображении Мининкова предстает личностью выдающейся и трагической, глубоко личностно воспринявшей правила игры, присущие эпохе, и ярко отразившей ее типические черты. К таковым относятся опасное (как для предмета его рассмотрения, так и для самого Янчевского) сближение политического и научного в его концептуальных построениях. (Показательна в этом плане его рецензия на знаменитый роман М. А. Шолохова «Тихий Дон». Янчевский, отмечая его высокие художественные достоинства, содержание произведения определяет формулой «реакционная романтика»). С другой стороны, он отмечает, что и Сахаров в 1950-е гг., признавая солидную источниковую базу исследований Янчевского, к оценке концептуальной ее части подходит также «с позиций победителя» (полного отрицания доводов оппонента). Как видим, крупный план местных героев позволил автору выйти из канонов «удобной» историографической традиции, когда образ советского историка рассматривается как отшлифованный исключительно властным социальным заказом. Перед нами раскрывается драматическое напряжение в исторической науке 1920–50-х гг., связанное с блокированием научно-продуктивных путей на личностно-индивидуальном, психологическом уровне. Индивидуальные стратегии историков окрашиваются ценностями эпохи.

Не менее продуктивно обращение к героям местного значения, когда речь идет о рядовом деятеле в относительно спокойную эпоху. Безусловный интерес в этом плане представляет блистательная статья уже упоминаемого нами ранее автора, О. М. Морозовой ««Выдающийся донец»: генерал-майор И. С. Ульянов (1803–1804)», герой которой «не сыграл заметной роли не только в российской, но и в региональной донской истории»²⁴. Воссоздавая биографию Ульянова, Морозова указывает, что основной для него была административная деятельность: он «служил строевым офицером в течение пяти лет в молодости и трех — в зрелые годы, остальное время он был, по

²⁴ Морозова О. М. «Выдающийся донец»: генерал-майор И. С. Ульянов (1803–1874) // Человек второго плана в истории. Вып. 4. С. 308.

сути, чиновником», служил в аппарате управления Войска Донского и интересен тем, что представлял собой «в известной степени типичный пример казака-дворянина, представителя сразу двух сословий, вступивших в полосу кризиса и трансформаций»²⁵. Но при всей типичности он обладал такими личными качествами, которые позволяли близко знавшим людям отзываться о нем как о «выдающемся донце», заслужившем славу честного работника.

Высвечивая исследовательской камерой фигуру Ивана Самойловича Ульянова крупным планом, используя сохранившийся уникальный комплекс источников — его обширную переписку, автор пытается воссоздать внутренний мир казачьего офицера XIX века, то, что оберегалось от чужих глаз «за ставнями домов и под казенными мундирами». И надо сказать, что попытка оказалась успешной. Рассматривая своего героя в сети разнообразных коммуникационных связей (в рамках войсковой администрации, Областного дворянского собрания, хозяйственно-предпринимательской деятельности, неформального общения в среде знакомых и сослуживцев, семейных отношений, журналистско-публицистической деятельности и т.д.), О. М. Морозова реконструирует жизненный мир, ценностные установки, мотивацию поступков верного и усердного служаки, видящего свое благополучие только в связи с честным исполнением своей работы и соблюдением государственных интересов. Ключевым для мировоззрения такого служащего человека, согласно построениям автора, был принцип воздаяния, который объяснял тогдашнее видение отношений Бога и человека, слуги и государя, и согласно которому, усилия должны быть непременно вознаграждены. С точки зрения автора, благодаря наличию таких слуг Отечества, как И. С. Ульянов, мы не можем безоговорочно принять известный по русской литературе образ чиновника николаевского времени — своекорыстного, казнокрада и взяточника, духовно и умственно ограниченного. Великие реформы 60-70-х гг. XIX века, справедливо отмечает автор, осуществляли «дети таких людей как И. С. Ульянов — тех, кто рассматривал службу государю как честь и долг»²⁶.

В то же время, жизненные принципы Ивана Самойловича не помогли ему обрести прочный достаток и все чаще в его бумагах встречаются такого рода высказывания: «На свете нет благороднее,

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 326.

возвышеннее цели, как быть полезным самому себе», пишет он в назидание тем, кто «убьет жизнь в стремлении быть полезным родине»²⁷. На просьбу сына прислать ему ненужное военное платье отставной генерал-майор, прослуживший более тридцати лет ответил: «...У меня весь гардероб состоит из протертого мундира и двух чекменей, из которых один совестно бы и надевать, да нечего делать»²⁸.

Заключая данный фрагмент приведем обширную цитату из статьи О. М. Морозовой, в которой прочитывается сложный образ «героя местной истории»: «...Иван Самойлович предстает перед нами человеком противоречивым — он постоянно разрывается между долгом службы и интересами близких; между дружескими чувствами, которыми он всегда дорожил, и принципами чиновника; между преклонениями перед властью и разочарованием в ее безгрешности. Взывает к высоким чиновникам и удивляется их ограниченности. Типичный внутренний конфликт легитимиста и думающего человека. Ульянов увлекается Белинским и наказывает, хотя и не жестоко, своих немногочисленных дворовых. Он, выходец из нижних слоев донского общества, бывает шокирован бесцеремонным поведением своих родственников — отсутствием в них уважения к закону, к чужой собственности, их эгоизмом и мелким сутяжничеством. По духу он уже интеллигент, его влечет к тонкому интеллектуальному общению с чистыми от корысти намерениями»²⁹.

Как видим, автору мастерски удалось сблизить первый и второй план. Если продолжить кинематографическую метафору, то можно сказать, что Морозова, надвигая камеру на героя второго плана, укрупняя масштаб его рассмотрения, укореняет его в конкретную, региональную культурную ситуацию (по Ю. М. Лотману, «видение узора жилок и морщин на лице»³⁰) и одновременно выводит за ее пределы, придавая черты самодостаточности, самоценности человеческой личности. В таком «исполнении» пространство внимания со стороны профессионального сообщества историков к фигуре Ульянова существенно расширяется, оно уже не ограничивается локальным уровнем, а создает новый контекст для сопряжения местной (донской) и общероссийской интеллектуальной истории.

²⁷ Там же С. 314.

²⁸ Там же. С. 315.

²⁹ Там же. С. 326-327.

³⁰ Лотман Ю. М. Место киноискусства в механизме культуры. С. 658-659.

* * *

Подводя итоги, отметим значение рассматриваемого нами исследовательского проекта как поля притяжения/ ограничения/ взаимодействия различных исследовательских практик (вариантов историописания) — антропологического разворота, гендерных исследований, интеллектуальной истории, региональной историографии — продуктивный вариант историографического синтеза. В то же время перед нами вырисовывается несводимый к составляющим (целое больше суммы его частей) оригинальный исследовательский подход, с присущим ему способом обретения человека в его повседневности. Авторы сборника, по сути дела, предлагают читателям и потенциальным авторам увлекательную научно-исследовательскую игру — как использовать концепт «человек второго плана» для включения в наше понимание исторического процесса сферы бытия конкретных людей, приблизительно определяемых этим концептом? Как, погружая в исторический контекст «второплановых героев», использовать эту исследовательскую процедуру для прояснения возможностей этого контекста и самих героев — в их уникальности и типичности? Как за специфическими свидетельствами источников по политической, аграрной, церковной, научной и т.д. истории увидеть судьбу человека, шагавшего по своей жизненной тропе, образно говоря, выраставшего на глазах исследователя прямо из земли? Такая стратегия издания ориентирует историка на поиск, на исследовательский эксперимент, на преодоление старых шаблонов историописания, пронизанных «аксиоматическим единодушием», неизменной верой в наличие единственно верной интерпретации прошлого. Новая коммуникативная площадка (позволим себе так обозначить серийное издание «Человек второго плана в истории») представляет собой к настоящему времени своего рода ярмарку, выставку интересных, индивидуальных исследовательских опытов. Пожалуй, можно спрогнозировать в следующих сборниках усиление элементов рефлексивного взаимодействия между участниками проекта по поводу переопределения / развернутого описания самого концепта «Человек второго плана» и методологии исследования.

РЕЦ. НА КН.: МЕДУШЕВСКАЯ О. М. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ. М.: РГГУ, 2008. 360 С.

Новый труд безвременно ушедшей Ольги Михайловны Медушевской, выдающегося специалиста в области теории и методологии истории, охватывает целый ряд актуальных в современном научно-историческом познании проблем. Среди них: место истории и исторического знания в современной культуре, научные основы историографии наших дней, осознание сообществом историков кризиса традиционного метанарратива и поиск новых форм научной репрезентации исторического знания, методологические вопросы источниковедческого исследования и особенности исторического образования в нынешней культурно-исторической ситуации.

Вместе с тем труд такого масштаба не мог не затронуть более общих вопросов, относящихся к состоянию общественной мысли новейшего времени, к кризису европейской культуры, связанному с тенденциями дегуманизации и иррационализма, разрывом с традициями старой культуры и формированием культуры нового общества, отбросившего опыт прошлого и не отягощавшего себя грузом ответственности за прошлое. Концентрированным выражением этих тенденций стало распространение в отдельных сегментах общества негативного отношения к истории и к историческому знанию. Проявлением его являлись идеи крайнего скепсиса и даже агностицизма по вопросу о возможности познания прошлого, утверждение об исключительно субъективном характере исторического знания, имеющего мало что общего с реальностью прошлого, задачу исследования которого история всегда ставила перед собой.

Альтернативны указанным тенденциям те направления, в которых утверждались идеи гуманизма, рационализма и сциентизма. На этих идеях основывалась европейская культура нового и новейшего времени. Но европейская культура имела и более глубокую основу, восходящую к ее христианским началам. С ней было связано сильнейшее чувство истории, находившее проявление в разных феноменах духовной и материальной культуры и, не в меньшей степени, в культуре общественных и межличностных отношений.

Защита рационализма и интеллектуализма, а также истории как одной из форм существования европейской духовной культуры шла

в значительной мере со стороны таких крупнейших направлений западной историографии, возникших в эпоху накануне второй мировой войны, как школа «Анналов» во Франции и интеллектуальная история в США. Как основу европейской культуры историю удалось отстоять. Однако в условиях вызова постмодернизма в последней четверти XX века идея развенчания истории как формы духовной культуры и как науки, способной обеспечить познание прошлого человечества, получила новый мощный импульс. Поэтому задачи, поставленные основоположниками школы «Анналов», вновь приобрели актуальность. В современной российской историографии защита интеллектуальных и научных основ истории нашла выражение в идее смены моделей научного исторического исследования¹.

Монография О. М. Медушевой — явление не только научной, но и огромной культурно-исторической значимости, поскольку в ней отстаиваются основы европейской историографии и культуры с ее рационализмом, интеллектуализмом, сциентизмом и историзмом.

В центре внимания оказалась когнитивная история. Возникновение этого направления социально-гуманитарного познания явилось результатом формирования антропологически ориентированного знания, невозможного вне всестороннего учета особенностей исторического развития процесса мышления. Развитие когнитивной истории шло в одном ряду с развитием интеллектуальной истории, в рамках которой изучение феноменов интеллектуальной жизни и влияния их на общество предполагает постоянное обращение к проблемам особенностей мышления в каждую историческую эпоху.

В этой связи постановка проблемы когнитивной истории имеет исключительную важность. Объект когнитивной истории, на взгляд О. М. Медушевой, «репрезентативен самому историческому процессу, поскольку создается всегда и везде как неотъемлемая часть человеческого существования, как сама возможность выживания человечества как вида». Ее предмет составляет «само человеческое мышление как особый феномен», или «процесс, в ходе которого человеческий интеллект, функционируя, создает адекватный своему

¹ Она была выдвинута А. В. Лубским, который указал на возрождение в последнее время некоторых рациональных сторон научной традиции классической историографии. См.: *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.

уровню продукт» (с. 128, 129). Такое понимание объекта и предмета когнитивной истории соответствует представлению М. Блока, согласно которому «предметом истории является человек. Скажем точнее — люди»². В самом деле, процесс мышления, который находится в центре внимания когнитивной истории, оказывал на ход исторических событий и явлений определяющее влияние. Предмет когнитивной истории, связанный с исследованием процесса мышления, способствует утверждению в сознании современного историка одной из основополагающих теоретических идей эпохи Просвещения и классической культуры в целом — идеи исторического прогресса. Это обстоятельство позволяет играть когнитивной истории интегрирующую роль, соединяя в себе познавательные идеалы и достижения исторической мысли прошлого и настоящего.

Выдвижение О. М. Медушевской проблемы когнитивной истории не менее важно для постановки актуального вопроса о месте истории в культуре человечества. По существу, подобный вопрос ставился со времени зарождения истории в качестве одной из форм выражения духовной жизни. Актуализация его наблюдалась в условиях кризиса европейской культуры на рубеже XIX–XX вв., когда Б. Кроче заявлял, что не может быть наукой отрасль культуры, сосредоточенная на познании уникальных явлений прошлого методом их описания³. Еще острее встал вопрос о научном статусе истории в конце XX века. В рамках когнитивной истории О. М. Медушевская нашла новые аргументы в пользу признания истории в качестве науки. Определяются они тем, что, как и в науках «о природе» и «о жизни», в когнитивной истории исследуются материальные объекты, изучение которых позволяет проследить историю человеческого мышления. В качестве таких объектов выступают, как подчеркивалось О. М. Медушевской, письменные и вещественные источники, в которых находили выражение разные стороны мышления. При этом источник рассматривается по А. С. Лаппо-Данилевскому, как «реализованный продукт человеческой психики».

Правомерно подчеркивая, что в самом словосочетании «реализованный продукт» содержится указание на материальность источника как объекта исследования, О. М. Медушевская ставит вопрос о

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 17.

³ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 183.

возможности отнесения к источникам устных выражений мысли. Подобный вопрос выдвинут не случайно. В условиях, когда «устная история» вызывает все больший интерес⁴, когда заслуженно высокую оценку историков получает сосредоточенный в них познавательный потенциал, четкое понимание характера устного источника становится важной источниковедческой задачей. Автор справедливо рассматривает придание устной информации материальной формы (в виде ее письменной фиксации) как условие ее превращения в полноценный источник. В этой связи возникает вопрос о правомерности традиционной классификации источников, в которой в качестве одного из типов выделялись устные⁵. При фиксации в виде записи они теряют такое свойство устной передачи информации, как возможность ее изменения в ходе бытования в устной среде и передачи ее в устной форме из поколения в поколение. Но они и не в полной мере могут относиться к письменным нарративным источникам, поскольку происхождение их в качестве записи устной традиции очевидно.

О. М. Медушевская настойчиво проводила связь между когнитивной историей как новым направлением исторической науки и характерной для историографии новейшего времени постановкой в центр исследовательского внимания источника. Эта связь означает не только повышение значения источниковедческих исследований, но также установку на выявление внутреннего смысла источника и связанного с этим понимания его автора и культуры общества, в котором этот источник был создан.

В то же время О. М. Медушевская правомерно подчеркнула реальность объекта исторического познания, который представляет собой источник как материализованное выражение мысли. В качестве философской основы такого подхода ею выделена феноменология (с. 209). Обращение автора к феноменологическим основам исторической науки XX века отчасти восполняет недостаточность внимания к ним, имевшее место в отечественной исторической мысли. В результате, как отмечала О. М. Медушевская, философская и методологическая позиция А. С. Лаппо-Данилевского осознавалась как

⁴ См.: *Азбелев С. Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.

⁵ *Источниковедение истории СССР* / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981. С. 12.

неокантианская, что не отражало ее характера, прежде всего потому, что этот выдающийся русский историк не ограничивал историческое познание решением исключительно идиографических задач.

О. М. Медушевская поставила вопрос о значении идеи отнесения объектов исторического познания к ценностям, выдвинутой Г. Риккертом. С одной стороны, такая идея давала определенные основания для усиления внимания к человеку в истории, для превращения истории в полной мере в «науку о культуре» и «науку о духе», для осознания ее специфики по сравнению с естественнонаучным знанием. Давала она также некоторые основания для признания научного характера исторического познания, поскольку предполагала опору на характерный вообще для всякой науки сравнительный метод. Все это предопределяло появление в историографии положительного отношения к этой идее, поскольку в связи с ней Риккерт «предпринял попытку рационально объяснить своеобразие исторической науки»⁶. Вместе с тем представление об уникальности феноменов истории и культуры, которое лежит в основе идеи соотношения их с ценностями, предполагало отказ от поиска в истории причинно-следственных связей, на что справедливо обратила внимание О. М. Медушевская. Однако установление причинно-следственных связей — результат логически-смыслового анализа и один из характерных признаков научного поиска. В связи с этим сомнение О. М. Медушевской в возможности опираться на эту идею при решении вопроса о научном характере исторического познания представляется оправданным. Тем более, это связано с тем, что сам набор ценностей, предложенный в свое время Г. Риккертом, носил не только ярко выраженный консервативный, но и субъективный характер и основывался на некоторых глубоко укоренившихся традициях германской историографии с разделяемыми в ней ценностями этатизма и религии, с присущим ей духом национализма.

Для понимания характера и особенностей источника как особого явления культуры О. М. Медушевская уделила специальное внимание характеристике человека. В условиях, когда подчеркивается антропологическая направленность истории, все в большей мере

⁶ Рамазанов С. П. Категория ценности в теории исторического познания Г. Риккерта // Рамазанов С. П. Проблема ценности в истории. Историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006. С. 6.

ощущается недостаточность научной характеристики человека как особого феномена, сочетающего в себе как биологическое, так и социокультурное начало. Исследовательница обратила особое внимание на такую сторону феномена человека, как способность к информационному обмену путем создания интеллектуального продукта. Это положение имеет не только методологическое, но и философское значение и дает существенный аргумент в пользу положительного решения вопроса о возможности исторического познания, не противореча взгляду на историчность человека и его психики.

Характерный для современной историографии взгляд на историческое познание как на понимание прошлого сделало когнитивную историю исключительно актуальной дисциплиной. В этом проявляется значимость книги О. М. Медушевской. Но в ней также совершенно правомерно и своевременно обращено внимание на потребности и проблемы современного исторического образования. Это не случайно. Особое внимание к проблемам исторического образования и подготовке историков, способных вести исследовательскую работу, относится к традициям кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГГУ, сложившимся еще со времени основания Историко-архивного института, где Ольга Михайловна работала много лет. В качестве главенствующей тенденции в развитии современного исторического познания ею было указано стремление к уяснению «общих закономерностей» (с. 294), что принципиально отличает познавательную ситуацию наших дней от ситуации рубежа XIX–XX вв. С этим она связывала опору современного научного познания на междисциплинарные исследования и на установление междисциплинарного диалога. О. М. Медушевская при этом справедливо обратила внимание на такую сторону исторического познания, которая обеспечивает принципиальное сближение истории с дисциплинами естественнонаучного цикла.

И если в философии истории начала XX века господствовала мысль о невозможности для историка обеспечить наблюдение объекта своего познания, то в наше время утвердилась мысль о том, что история, по выражению О. М. Медушевской — также «наука наблюдения» (с. 296). В качестве объекта такого наблюдения выступает источник. Методом является источниковедческое исследование, а теоретической основой — положения и выводы когнитивной исто-

рии. При этом когнитивная история обеспечивает изучение закономерностей процесса мышления в его историческом развитии и дает возможность понять ход мысли автора источника и той культурной среды, в которой он был создан. В этой связи особенностью исторического образования нашего времени должна быть не просто трансляция исторического знания, характерная для традиционного исторического образования, но подготовка историка, способного воспринять комплекс знаний и исследовательских методов смежных дисциплин и способных вести историческое исследование с опорой на междисциплинарные методы.

Признание О. М. Медушевой познаваемости истории, выражения в источниках исторической реальности и невозможности сведения исторического познания к идиографическим методам соответствует такому характеру исторической науки, который был охарактеризован А. В. Лубским в качестве неоклассической модели научного исторического исследования, распространяющейся в современной историографии. В рамках этой модели к новой жизни были возрождены некоторые идеи историографической классики XIX века, которые сочетались с теоретико-методологическими достижениями исторической науки новейшего времени. Когнитивная история, по существу, представляет собой такое направление исторического познания, которое дает возможность уяснить особенности процесса мышления в отдельные культурно-исторические эпохи и тем самым обеспечить решение задач понимания человека прошлого.

В то же время, как представляется, значение когнитивной истории еще шире. Оно вполне соответствует особенностям неоклассической модели современного исторического познания, в которой возможность исторического познания не только признается в принципе, но и допускается, что она может относиться к проблематике, которую выдвигает перед историческим познанием каждая культурно-историческая эпоха и которая формулируется историком.

Выдвижение некоторых обобщающих категорий, идеальных типов М. Вебера, способствует пониманию человека и общества изучаемой исторической эпохи. О. М. Медушевская в этой связи обращала внимание на значимость двухтомного труда Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.», вышедшего в свет в 1948–51 гг., в качестве образца «историко-архивоведческого струк-

турного подхода» (с. 219). Но архивы этого времени Л. В. Черепнин характеризовал как «феодальные», рассматривая феодализм как один из идеальных типов. На метатеории феодализма основывалось другое крупнейшее исследование Л. В. Черепнина, посвященное образованию Русского централизованного государства⁷. В истории развития отечественной исторической науки советского и постсоветского времени известна ситуация смены идеальных типов, в рамках которых задавалась определенная направленность процессу познания, но при этом достигались интересные и оригинальные выводы. Так, на место распространенного в советской историографии идеального типа крестьянской войны, характеризующего крупнейшие народные движения в России XVII–XVIII вв., пришел иной — идеальный тип русского бунта как сложного и самобытного социокультурного феномена русской действительности⁸. Опора на идеальный тип крестьянской войны при характеристике народных движений той эпохи зачастую подвергается весьма обоснованной критике, однако подобный идеальный тип все чаще привлекается для уяснения характера и сущности массовых выступлений крестьянства в Советской России против большевистского режима.

Идеальные типы, выдвигаемые в ходе исторического познания, интересны как объекты не только историографического исследования, но и когнитивной истории, поскольку опираются на определенный исторический тип мышления. Учитывая связь между культурами разных исторических эпох, которая обосновывается на основе философии всеединства⁹, тот или иной идеальный тип представляет собой способ переключки этих эпох, форму понимания позднейшей культурой, к которой принадлежит историк, информации, посылае-

⁷ См.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

⁸ В качестве образца последнего подхода см.: Соловьев В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994; Мауль В. Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск, 2003.

⁹ Румянцева М. Ф. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 138.

мой ему изучаемой им культурой. И в этой связи идеальный тип, используемый историком, также может служить действенным средством познания. Но это возможно при условии, что он не оказывает такого давления на исследователя, которое заставляет его интерпретировать источник в зависимости от него.

По-видимому, в рецензируемой книге имеет место некоторая недооценка познавательного значения идеи, выдвинутой историком в качестве идеального типа. Но это вполне объясняется ситуацией в историографии недавнего прошлого, когда на основе социальной метатеории выстраивался материал исторического исследования, а нацеленность историка на формирование на основе этой теории объяснительной модели изучаемых им явлений и процессов подменяло стремление к пониманию источника, его автора и культуры, которая вызвала его к жизни. И, как представляется, требует осмысления вторая часть определения источника, предложенная А. С. Лаппо-Данилевским, согласно которой источник — это не просто «реализованный продукт человеческой психики», но и продукт, «пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹⁰. Однако судить об историческом значении того или иного факта предоставляется историку. Он же судит об этом на основе тех теоретических концептов, которые он разделяет, и которые реализуются в содержащихся в его исследовании идеальных типах.

Несомненно, новая книга О. М. Медушевской вызовет большой интерес историков и всех исследователей, работающих в сфере социально-гуманитарной проблематики. Определяется это все возрастающим значением когнитивной истории, а также четкой структурой книги, глубиной постановки проблем, обоснованностью выводов и важностью их для понимания особенностей современного исследовательского процесса в исторической науке. Все это дает основание признать выход в свет этого труда Ольги Михайловны Медушевской крупным событием в современной российской историографии и в отечественной гуманитаристике.

Н. А. Мининков

¹⁰ Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. М., 2006. С. 292.

И. В. СЕМЕНЕНКО-БАСИН

НОВОМУЧЕНИКИ РОССИЙСКИЕ: СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА*

Многотомное собрание житий, составленное по календарному принципу (жития располагаются по дням памяти), послужило развитием и продолжением предыдущих работ игумена Дамаскина в области агиографии XX века¹. Собираение сведений о жертвах революции, гражданской войны, советского государственного террора теснейшим образом связано с процессом церковной канонизации. Напомню, что в 1981 г. новомученики были прославлены собором епископов Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), а после 1991 г. канонизации новомучеников начались и в Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ-МП). Наконец, большая группа жертв коммунистического режима была прославлена собором РПЦ-МП летом 2000 г. Среди них мы найдем не только священнослужителей, но также и мирян, мужчин и женщин. После 2000 г. список святых, включённых в собор новомучеников и исповедников, пополняется решениями Синода РПЦ-МП по представлению Комиссии по канонизации святых. Крупнейшие базы данных о христианах-новомучениках сформированы Православным свято-тихоновским гуманитарным университетом и фондом «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».

Обширный материал, обработанный игуменом Дамаскиным для многотомника в соответствии с требованиями агиографического жанра, обращает наше внимание к проблемам, связанным с концептуальным полем термина *новомученик*².

* Рец. на кн.: Жития новомучеников и исповедников российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Тверь, 2005–2007. Тома «Январь», «Февраль», «Март», «Апрель», «Май» (издание продолжается).

¹ Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992–2002. Кн. 1–7; Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии / Под общ. ред. митр. Ювеналия. Тверь, 2002–2006. Т. «Январь-Май» – «Декабрь»; Том дополнительный, ч. I–IV.

² Исследования лингвистов в области религиозной лексики современного русского языка убеждают в наличии обширного поля, в котором язык религии

Своим появлением термин *новомученик* обязан не социальным катастрофам XX в., но мученичеству за Христа в греко-славянском православном мире, заключенном в границах Османской империи. В современной литературе термин *новомученик* может без пояснений относиться к реалиям церковной жизни на христианском Востоке XV–XIX вв.³ Благодаря современным исследованиям феномена христианского мученичества Нового времени стала очевидна предпосылка массового свидетельства ценой собственной жизни, а именно — своеобразная духовность мученичества, особая религиозность мучеников⁴.

Н. Е. Емельянов, много лет изучающий агиографию российских новомучеников XX века, справедливо характеризует планомерное уничтожение верующих, происходившее в СССР, как геноцид, то есть преступление, направленное на уничтожение — полностью или частично — какой-либо национальной или религиозной группы⁵. В такой ситуации духовность мученичества выражалась, в частности, и в посмертном почитании жертвы террора в общинах верующих (именно эти локальные культы и были институционализированы посредством канонизационного акта РПЦЗ в 1981 г.). В послевоенные годы в русской диаспоре было издано несколько книг о жертвах антирелигиозного террора; особую известность заслужил двухтомник, написанный священнослужителем РПЦЗ, протопресвитером Михаилом Польским, и изданный в США в 1949–1957 гг.⁶ Большое значе-

соотнесен со светским дискурсом. (См.: Булавина С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику. Автореферат дисс. ... канд. филолог. наук. Воронеж, 2003; Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка). Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2004). Более того, сегодня религиозно-церковная терминология становится фактором, влияющим в нашем обществе на восприятие прошлого.

³ *Vaporis N. M.* Witnesses for Christ: Orthodox Christian Neomartyrs of the Ottoman Period, 1437–1860. Crestwood, New York, 2000.

⁴ *Gregory B. S.* Salvation at Stake: Christian Martyrdom in Early Modern Europe. Cambridge, Mass., 1999. [Harvard Historical Studies, vol. 134]. P. 101.

⁵ *Емельянов Н. Е.* Дни особого поминовения пострадавших за Христа // XVII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2007. Т. 1. С. 312.

⁶ *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские. Jordanville, 1949–1957. Т. 1-2.

ние для агиографии имели труды другого беженца, оказавшегося за пределами СССР, профессора И. М. Андреевского, подготовившего объёмный труд о святых «катакомбной» Церкви в России⁷.

В советской России диссиденты из числа церковных людей часто обращались к теме мученичества, происходило это и до церковного прославления новомучеников в РПЦЗ. В мае 1975 г. священник Глеб Якунин, Виктор Капитанчук и Лев Регельсон направили обращение к Московскому патриарху Пимену Извекову, предстоятелям Православной церкви в Америке, РПЦЗ, Православной архиепископии русской традиции во Франции⁸. Авторы письма предложили преодолеть исторические разделения сообществ посредством совместного прославления новомучеников, изучения их подвига, распространения их церковного культа. Четыре года спустя, в сентябре 1979 г., священник Глеб Якунин, священник Василий Фонченков, Виктор Капитанчук и Лев Регельсон обратились «к русским православным христианам в отечестве и в рассеянии сущим» с посланием по поводу подготовки канонизации новомучеников в РПЦЗ⁹, поделившись с верующими своими духовными размышлениями.

Казалось бы, в начале девяностых годов Российская церковь не обладала более актуальными символами, нежели образы новых мучеников; тем не менее, в последней четверти XX в. парадоксальным обстоятельством было забвение боли минувших лет. Память о терроре, начавшемся уже в 1918 г., долгое время оставалась сокрытой и неинтегрированной частью общественного сознания. Верующим в конце XX в. еще только предстояло осмыслить феномен новомучеников, пройти своего рода «терапию памяти», разрушить те защитные механизмы, которые долгое время позволяли жить так, «как будто бы жертв не было». На практике лидерам РПЦЗ-МП пришлось начать прославления новомучеников в лике святых для того, чтобы вернуть их имена в актуальное общественное сознание. По сравнению с традиционной ситуацией зарождения культа святых, всё ока-

⁷ *Andreyev I.* Russia's Catacomb Saints. Lives of the new martyrs. Platina, CA, 1982.

⁸ Установить память российских мучеников // Вестник Русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва, 1975. № 116. С. 192-199.

⁹ К русским православным христианам в отечестве и в рассеянии сущим // Вольное слово: Самиздат. Избранное. Frankfurt/M., 1979. Вып. 35-36. С. 129-138.

залось «перевернуто». Прославлению не предшествовало продолжительное народное почитание умерших, наоборот, зачастую верующие узнавали о мученике только из акта канонизации. Поскольку образ новомученика XX века еще только предстояло открыть, вставала проблема источников.

Прояснение концептуального поля термина *новомученик* в ходе подготовки новых канонизаций породило сложнейшую, едва ли до сих пор разрешённую проблему достоверности документов, отложившихся в результате деятельности репрессивных органов СССР, слежки, доноительства, предвзятого следствия. Материалы, доступные сегодня исследователям, не всегда поддаются однозначной интерпретации: некоторые следственные дела хранят «чистосердечные раскаяния» арестованных, признания в преступлениях, кажущихся поистине фантастическими. Очевидно, что подследственные могли оговаривать себя под пытками, в некоторых случаях невозможно исключить подделку подписей под следственными протоколами. Трудность заключается также в том, что следственные дела во многих случаях являются единственным источником¹⁰. Отмечу также, что в XXI в. значительным препятствием для дальнейших канонизаций новомучеников стало ограничение доступа исследователей к следственным делам осужденных.

Проблемой для церковных писателей и иерархов стало определение границ феномена новомученичества. Известно, что после 1917 г. церковную организацию в России потрясли расколы. Согласно официальной историографии Российской церкви, как РПЦ-МП, так и РПЦЗ, единственной законной властью в 1920-х гг. была иерархия патриарха Тихона. Далее версии церковных историков разнятся; для РПЦ-МП законная преемственность власти после смерти патриарха Тихона была связана исключительно с иерархией митро-

¹⁰ Комплекс проблем, связанных со следственными делами новомучеников, обсуждается в современной научной литературе. См.: *Головкова Л.* Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // *Альфа и Омега*. 2000. № 4 (26). С. 206-215; *Романова С. Н.* «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян. 1937–1938 гг. // *Отечественные архивы*. 2001. № 4. С. 4-12; *Иноземцева З. П.* Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника? // *Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее* / Под ред. А. Б. Безбородова и др. М., 2005. С. 170-178.

полита Сергия Страгородского, заместителя патриаршего местоблюстителя, ставшего в 1943 г. патриархом. Все епископы и священники, не находившиеся в общении с патриархом Тихоном и митрополитом Сергием, долгое время считались раскольниками.

Священнослужители, находившиеся в оппозиции к РПЦ-МП, напротив, усматривали легитимных преемников патриарха Тихона в лице консервативных противников митрополита Сергия, тех, кто не принял известного *Окружного послания* митрополита Сергия Страгородского и Синода, изданного в 1927 г. Состав этих оппозиционеров «справа» был очень пёстрым. Митрополит Иосиф Петровых со своими единомышленниками в тяжелейших условиях пытался консолидировать церковную группу, получившую в историографии наименование истинно-православной Церкви. Существовали также разрозненные церковные группы, иногда не совсем корректно объединяемые под именем движения истинно-православных христиан. Члены общин, не принимавших иерархию митрополита Сергия, придерживались различных взглядов по церковно-каноническим вопросам¹¹. Кроме того, в СССР, наряду с приверженцами греко-православной церковной традиции, активно действовала церковная группа «обновленцев», начинавшая с декларации радикальных богословских и литургических реформ; поддержка этого сообщества советской властью не была секретом ни для кого.

Участники разделившихся церковных групп и движений зачастую считали друг друга раскольниками и даже еретиками. Во всех разделившихся общинах были свои мученики, так что подготовка канонизации новомучеников выявила важную проблему. Вновь и вновь звучал вопрос: можно ли сегодня канонизировать всех пострадавших священнослужителей и мирян?

При подготовке канонизаций 1981 г. официоз РПЦЗ исключил из числа кандидатов на прославление только приверженцев церковной группы «обновленцев». В числе прославленных в США новомучеников были и члены Синода при митрополите Сергии (митрополит Анатолий Грисюк, митрополит Константин Дьяков, митрополит Михаил Ермаков и др.), и их противники (митрополит Иосиф Петровых, митрополит Кирилл Смирнов, епископ Виктор Островидов,

¹¹ Мазырин А., *свящ.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006.

епископ Василий Зеленцов и др.). Позднее непримиримые оппоненты РПЦ-МП, отвергающие любые компромиссы со сторонниками Сергия, указывали на это обстоятельство с особым раздражением¹².

Выяснилось также, что проблемой могут быть личные богословские взгляды жертв репрессий. Канонизация святого предусматривает, что он исповедовал всё церковное вероучение. Консервативным иерархам второй половины XX века нелегко было *post factum* выработать взвешенное отношение к такому представителю Серебряного века русской культуры, как священник Павел Флоренский (1882–1937). Выдающийся философ и богослов находился под сильным влиянием символизма и новейших интеллектуальных движений своей эпохи. После продолжительного заключения в соловецком концлагере он был казнён. В 1981 г. в США изображение отца Павла Флоренского поместили было на иконе собора новомучеников и исповедников; вскоре после церковного собора кто-то спохватился, вспомнил в высшей степени оригинальные и новаторские идеи о. Павла... и его изображение на иконе оказалось закрашено. Факт прославления Флоренского замалчивался; вероятно, в данном случае можно говорить о деканонизации святого¹³.

В РПЦ-МП в девяностые годы проблемой отбора кандидатов для канонизации занималась Комиссия по канонизации святых. В 1995 г. Синод РПЦ-МП рассмотрел доклад Комиссии «Историко-канонические критерии в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века»¹⁴. Комиссия пришла к чрезвычайно жёсткому выводу: канонизированы могут быть погибшие до начала разделений в Российской церкви и те, кто, пострадав позднее, находился в церковной иерархии патриарха Тихона – митрополита Сергия. Авторы доклада отказали в канонизации приверженцам церковной группы «обновленцев»; этот принцип неукоснительно соблюдался в последующие годы. О старо-

¹² Русская Зарубежная Церковь на стезях отступничества. Апостасия в РПЦЗ и исповеднический путь Катакомбной Церкви. [СПб., 1998]. С. 54-56.

¹³ В пику интриганам игумен Герман Подмошенский, участвовавший в подготовке прославления мучеников в 1981 г., придал эту историю огласке, в статье о святом Павле Флоренском. *Herman, abbot. Damascene, fr. St. Paul Florensky // The Orthodox Word. 1987. Vol. 23. № 4 (135). С. 195-209, 223-231.*

¹⁴ Канонизация святых в XX веке / Изд. Комиссии Синода по канонизации святых. М., 1999. С. 170-184.

обрядцах авторы доклада не упомянули¹⁵. Сложнее оказался вопрос о консервативных противниках митрополита Сергия. Авторы доклада пришли к выводу, что «труден, но не исключает положительного решения» вопрос о канонизации тех, кто, не признавая Сергия, не создавал при этом «параллельный церковный центр», т.е. альтернативную иерархию (такой «параллельный центр» представляла собой истинно-православная Церковь). В 2000 г. на соборе РПЦ-МП в числе новомучеников были канонизированы многие оппозиционеры «справа»; впрочем, среди новопрославленных нет митрополита Иосифа Петровых, которого вполне можно считать создателем «параллельного церковного центра» (он был канонизирован РПЦЗ в 1981 г.). Таким образом, в 2000 г. идентичность Московского патриархата подверглась переформатированию, вобрав целый спектр явлений, еще сравнительно недавно казавшихся «трудными».

В именном перечне собора новомучеников, прославленных в 2000 г., напрасно искать жертв позднего периода, например, Бориса Владимировича Талантова, скончавшегося в тюремной больнице в Кирове в январе 1971 г. и канонизированного РПЦЗ в составе собора новомучеников и исповедников¹⁶. Среди канонизированных святых, с учётом всех дополнений в именном списке собора, вносившихся в течение 2000–2006 гг. решениями Синода РПЦ-МП, есть только два человека, умерших в 1970-х гг.: архимандрит Леонтий Стасевич (1884–1972), исповедник, и протоиерей Петр Чельцов (1888–1972), исповедник. Оба неоднократно арестовывались и провели долгие годы в заключении. Первый был досрочно освобождён в марте 1955 г.¹⁷, второй — в ноябре 1955 г.¹⁸, после чего оба служили на-

¹⁵ В 2001 г. собор Русской православной старообрядческой церкви (белокриницкой иерархии) прославил священников и мирян, жертв репрессивной политики советского режима; аналогичные канонизации состоялись в 2004 и в 2007 гг. в Русской древлеправославной церкви (новозыбковской иерархии). Подробнее см.: *Семенов-Басин И. В.* Канонизация святых в старообрядческих церквях России // *Религиоведение*. 2008. № 3. С. 28-38.

¹⁶ *Левитин-Краснов А. Э.* Воспоминания. Часть IV: Родной простор. Демократическое движение. Frankfurt/M., 1981. С. 292-300; *Останин Е. С.* Дело Б. В. Талантова // *Проблемы истории российских спецслужб* / Отв. ред. В. А. Бердинских. Киров-Вятка, 2004. С. 123-130.

¹⁷ Леонтий (Стасевич Лев Фомич) // Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?ans], заимствовано 12.06.2009.

стоятелями сельских приходов. Можно предположить, что церковные власти РПЦ-МП выбрали в качестве грани, отделяющей время гонений от более благополучной эпохи, смерть И. В. Сталина.

Второстепенный, казался бы, вопрос о хронологических границах феномена новомучеников в действительности имеет большое значение для прояснения концепта *новомученика*. В идее прославления новомучеников в РПЦЗ присутствовал определённый психологический заряд: священнослужителям РПЦЗ важно было заявить о непрекращающихся гонениях, о непрерывной истории мученичества в России, столь же долгой, как и владычество коммунистической партии. Прославление новомучеников и исповедников в РПЦ-МП проецирует иные смыслы, локализуя эпоху страданий примерно до половины столетия. В таком случае коммунистический режим сам по себе уже не маркируется в качестве религиозного апокалиптического события, как это представлялось церковным писателям РПЦЗ.

Состояние проблемного поля *новомучеников XX века* адекватно отражает жизненный опыт и внутренние коллизии человека постсоветской России. Мы вправе говорить не только о неудачах в артикуляции образов прошлого, но даже о простой недодуманности. Стоит ли удивляться, что на «краях» современной российской агиографии рождаются такие экзотические феномены, как стихийные культы царя Ивана Грозного или генералиссимуса И. В. Сталина¹⁹.

Для Российской церкви новомученики по-прежнему остаются наиболее актуальными фигурами. Поскольку их прославление обнаружило проблемы актуального культурного сознания, обращение к этой теме может оказаться чрезвычайно плодотворным для будущих исследователей. В XXI веке истории новомучеников, вновь рассказанные историками-исследователями и церковными агиографами, сыграют свою роль в процессе очищения национальной памяти.

¹⁸ Чельцов Петр Алексеевич // Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?ans], заимствовано 12.06.2009.

¹⁹ К вопросу о канонизации царя Ивана Грозного и Григория Распутина. Серпухов, 2006; Фирсов С. Л. Псевдоправославная мифология в России. (К постановке проблемы) // XVII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2007. Т. 1. С. 313-320.

В. Н. ЕРОХИН

**«СВОИМ ВЗГЛЯДАМ
ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЕРЕН»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С НОВОЙ КНИГОЙ¹**

Михаил Исаакович Бацер стал приобретать известность в обществе в конце 1970 — начале 1980-х гг. после публикации статей, посвящённых «спору о джентри» в англо-американской историографии 1940–60-х гг. Защитив в 1981 г. кандидатскую диссертацию «“Спор о джентри” в современной английской и американской историографии», М. И. Бацер впоследствии не терял интереса к данной проблематике и к вопросам, связанным с выявлением взаимосвязи между развитием Реформации, протестантизма и генезисом капитализма. Статьи М. И. Бацера были опубликованы в 1970–90-х гг. в разных городах, что затрудняло обращение к ним и сделало целесообразным издание рецензируемой книги, которая, к тому же, опубликована к 60-летию автора, и к поздравлениям в его адрес по этому поводу остается только присоединиться.

Книга состоит из 15 статей, очерков, рецензий². Несколько статей («Тезис Вебера-Тоуни и его критики», «Иезуитизм или протестантизм?», «Неорелигиозная интерпретация протестантизма», «Тезис Вебера-Тоуни: «за» или «против»?») посвящены широко обсуждавшемуся в историографии вопросу о том, оказало ли влияние на процесс становления и утверждения капитализма в Западной Европе идейное содержание протестантских богословских доктрин, или же можно выявить общую детерминацию этих явлений (и Реформации, и генезиса капитализма), связанную с влиянием социальной действительности XVI–XVII вв. Позиция, основанная на сформированном работами М. Вебера и Э. Трельча представлении о

¹ *Бацер М. И.* От Кальвина к Руссо. Историографические исследования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.

² Не все из них датированы по времени написания или переработки: в двух случаях даты написания указаны (С. 63, 163), в остальных же не упомянуты, так что остаётся неясным — или это издательский недосмотр, или автор вкладывал в это какой-то смысл.

связи генезиса капитализма с идейным влиянием Реформации, первоначально квалифицировалась как «тезис Вебера – Трельча», а в дальнейшем трансформировалась, под влиянием работ английского историка Р. Тоуни, популяризовавшего идеи М. Вебера в англоязычном интеллектуальном пространстве, в «тезис Вебера – Тоуни».

Разъясняя свою исходную исследовательскую программу, М. Вебер в своё время писал: «мы ни в какой мере не склонны защищать столь нелепый доктринёрский тезис, будто “капиталистический дух”... мог возникнуть в результате влияния определённых сторон Реформации, будто капитализм как хозяйственная система является продуктом Реформации... Мы стремимся установить лишь следующее: играло ли также и религиозное влияние — и в какой степени — определённую роль в качественном формировании и количественной экспансии “капиталистического духа” и какие конкретные стороны сложившейся на капиталистической основе культуры восходят к этому религиозному влиянию»... Лишь на основе этого «можно попытаться выяснить, в какой мере содержание современной культуры в его историческом развитии следует сводить к религиозным мотивам и в какой мере к мотивам другого рода»³.

Последующие интерпретаторы по-разному понимали идеи М. Вебера. В трактовке М. И. Бацера, концептуальное ядро «тезиса Вебера-Тоуни» формулируется как «мысль о существовании параллельной детерминации протестантских идеологических систем и формирующихся буржуазных общественных отношений», т.е. на богословские доктрины Реформации и процесс генезиса капитализма влияли определённые импульсы из социальной действительности. Это позволяет автору говорить о том, что «в такой постановке вопроса не содержится ничего идеалистического, поскольку речь идёт о хорошо известном феномене обратной связи надстройки и базиса, осмысленном с помощью характерной для западной историографии специальной терминологии»⁴. Для Бацера «идти от Вебера к Марксу в понимании капитализма — значит, идти вперёд»⁵.

Последние десятилетия дали отечественным историкам возможность и необходимые условия для переосмысления марксизма.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 106-107.

⁴ Бацер М. И. От Кальвина к Руссо... С. 63.

⁵ Там же. С. 33.

Стало ясно, что тезис о необходимости учёта взаимного влияния надстройки и базиса не предотвратил характерного для марксизма, несмотря на все оговорки, экономического редукционизма, не избавил это учение от недостаточной чувствительности к социокультурной проблематике, к проблемам этничности. Высказывания о том, что некоторые последователи Маркса извратили и вульгаризировали марксизм, наводят на размышления: что это за учение, столь подверженное извращениям и вульгаризации? Многие давно уже задумались: может быть, само содержание марксизма таково, что из него проистекает нигилизм в отношении самостоятельного значения духовной сферы общественной жизни? Какие проблемы XIII в. до н.э. привели к тому, что Моисей, представитель не самого развитого в то время в социально-экономическом отношении народа, получил от Яхве Десять заповедей? Сомнения в правомерности постановки вопроса о социальной детерминации религиозных идей вовсе не связаны только с тем, что задающийся таким вопросом исходит из тенденциозного изначального стремления опровергнуть марксизм.

Думается, что при обсуждении «тезиса Вебера-Тоуни» автору следовало бы уделить больше внимания изложению аргументов критиков этого тезиса, поскольку их доводы никем из отечественных историков подробно не анализировались, и далеко не всем зарубежным историкам «давали слово» на русском языке. Религиозные отклики человека на социальные явления слишком сложны и неоднозначны, на что обратили внимание критики «тезиса Вебера-Тоуни» из числа консервативных британских исследователей. М. И. Бацер упрекает Х. Тревор-Роупера, относящегося к числу противников «тезиса Вебера – Тоуни», в том, что он в изучении истории Англии XVI–XVII вв. «умело набрасывает религиозно-политический флёр на социально-экономические противоречия и конфликты»⁶. Но, может быть, в таких формулировках британский историк объясняет социально-экономические и политические конфликты эпохи на её языке в соответствии с принципом историзма?

Бацер считает, что «тезис Вебера – Тоуни» (в его интерпретации, приближенной к марксистской) «серьёзное завоевание прогрессивного направления в зарубежной исторической мысли», а позиции М. Вебера, Р. Тоуни и К. Хилла «во всех отношениях более прием-

⁶ Там же. С. 22.

лемы», чем позиции историков, критикующих тезис о социальной детерминации религиозных взглядов. Однако социальные корни религий непросто интерпретировать в марксистских категориях применительно ко всем историческим периодам, если попытаться посмотреть на марксистское объяснение существования религиозного сознания в обществе как результата страха человека перед непонятными явлениями. Подлежит переосмыслению и понятие «прогрессивная историография»: ведь давно уже проблематизировался тот идеал, к которому она звала. Кто из современных историков, остающихся в академическом поле, не переходя в плоскость социально-политических спекуляций, возьмется обосновывать, к какому социальному идеалу движется современное человечество?

Британские критики «тезиса Вебера – Тоуни» обращали внимание на то, что подход Вебера к анализу влияния протестантизма на становление капитализма был не историческим, а социологическим. В 1960–80-е гг., когда в зарубежной историографии распространился познавательный оптимизм в связи с использованием в исторических исследованиях социологических, антропологических, количественных методов, и в некоторых национальных историографиях, особенно во Франции, ориентация на междисциплинарность вошла в стандарт научности, в британской историографии ситуация отличалась, причем настороженное отношение к социологическим обобщениям проявлялось и у тех историков, которые в советской историографии проходили по категории «прогрессивных». Например, Э. П. Томпсон считал, что для исторических исследований более адекватным является не метод социологических обобщений, а метод примеров и контрпримеров, а также детальных исследований отдельных случаев (*case-studies*). Он привлек внимание к тому, что такие дисциплины, как социология, антропология, криминология, являются неисторическими, с чем и связывал противоречивую и спорную природу многих социологических концепций⁷. Э. П. Томпсон призывал также осторожно относиться к кросскультурным исследованиям, которые базируются на примерах, взятых без учёта исторического контекста.

Под влиянием неопределённости результатов, полученных клиометристами, историки с 1970-х гг. вынуждены были признать,

⁷ *Thompson E. P. Anthropology and the Discipline of Historical Context // Midland History I (1972). P. 41-55.*

что переменные, влияющие на ход исторического процесса, чрезвычайно многочисленны, и поэтому в истории возможны только обобщения среднего уровня, а не генерализации всеобщего характера. Была вновь осознана необходимость изучать понятия в их историческом контексте⁸. Но М. И. Бацер упрекает британских историков за такое осторожное отношение к социологическим обобщениям, проповедуя идею о закономерной смене общественно-экономических формаций и принцип социальной детерминации идей⁹.

В критике идей М. Вебера о взаимосвязи становления протестантизма и генезиса капитализма представляют интерес также идеи историков, воспринявших методологические подходы неопозитивизма, что Бацер оставил без внимания. Относящийся к их числу американский историк Ч. Джордж заявлял даже о «необходимости изгнания «демона Вебера» из умов учёных нашего поколения»¹⁰. Историки-неопозитивисты вели борьбу с тем, что представлялось им «некритически образованными общими понятиями», в числе которых у них оказались, в частности, понятия «протестантская этика», «дух капитализма», «пуританизм». При этом Ч. Джордж оценивает марксистскую методологию как более глубокую по сравнению с веберизмом, и даже рассматривает марксизм как «самую изощрённую, но и самую продуктивную аналитическую познавательную схему для понимания истории и социальных явлений», хотя он все же предъявил марксизму свою претензию: по его мнению, «марксисты смешали религиозные мотивы в поведении человека с другими, но не выработали адекватной методологии по истолкованию религии в социальных терминах, которые были бы релевантны»¹¹.

Ч. Джордж критикует Вебера и его методологию за то, что на её основе «изобретается или заимствуется из живой культуры вербальная конструкция (так Ч. Джордж называет веберовский «идеальный тип» — *V. E.*), которая, как предполагается, в абстрактной форме выражает реальность ушедшей в прошлое культуры, давая этим основу для дедуктивной реконструкции этой культуры». В представ-

⁸ Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past & Present. № 85. 1979. P. 13-14.

⁹ Бацер М. И. От Кальвина к Руссо... С. 51, 53.

¹⁰ George C. H. Puritanism as History and Historiography // Past & Present. № 41. 1968. P. 77.

¹¹ Ibid. P. 96, 100.

лении Ч. Джорджа, изъян в этом методе заключается в том, что «эти конструируемые абстракции превращаются в обосновывающие сами себя спиритуализированные сущности, существующие независимо от противоречивых данных исторических источников». Стоит, таким образом, как это делали М. Вебер и Э. Трельч, дать понятие «протестантской этики», и далее становится возможным подобным путём доказывать происхождение «духа капитализма» и, в конечном счёте, становление капитализма как общественной системы. По словам Ч. Джорджа, «трюк здесь заключается в том, что просто игнорируется масса исторических фактов»: ведь найти у пуритан, особенно у ранних, какие-нибудь высказывания, свидетельствующие о том, что они придерживались идей, в которых можно обнаружить «дух капитализма», крайне трудно, поскольку их экономические взгляды долгое время оставались традиционалистскими. Ошибка в веберовских рассуждениях, в трактовке Ч. Джорджа, состоит не в использовании эвристических гипотетических средств для проверки значения фактических данных или в использовании аналитических категорий как таковых — не имеющие достаточных оснований широкие обобщения происходят из-за того, что отдаётся избирательное предпочтение тем категориям, которые овеществляют (реифицируют) социальную реальность и не подвергаются далее эмпирической проверке. В результате большой массив литературы, появившийся под влиянием идей Вебера, посвящён тому, что выясняет соотношение и связи между понятиями «пуританизм», «капитализм», «индивидуализм», «демократия», в то время как эти понятия остаются неопределёнными, абстрактными, вырванными из исторического контекста, не говоря уже, по словам Ч. Джорджа, «о массе поистине ужасающе необоснованных утверждений о связях пуританизма с эстетикой, искусством и литературой». Появляется возможность, не смущаясь скудостью исторических свидетельств, утверждать, что «пуританизм» своим влиянием породил ещё две привлекательные сущности — «демократию» и «свободу»¹². Для Ч. Джорджа такой подход является «социологическим идеализмом», поскольку образуемые подобным образом понятия, по его мнению, нельзя рассматривать как единые сущности: так, пуританизм в течение столетия своего существования с середины XVI до середины XVII в. претерпевал измене-

¹² Ibid. P. 96.

ния, и «рассматривать его как единую идеологию и единое движение исторически абсурдно». Существуют большие трудности в адекватном истолковании того, к каким психологическим и социальным последствиям вели те или иные абстрактные богословские идеи. Ч. Джордж также оспаривает мнение о том, что следствием влияния кальвинизма было утверждение республиканско-демократических идей, индивидуализма, свободы и равенства, толерантности, о чём писали либеральные историки. Он считает, что, объясняя происхождение либерализма, следует обратиться к поиску его гуманистических и секулярных предпосылок, а не к выявлению религиозных корней. К становлению либерализма привёл, скорее, упадок в накале религиозных чувств: развитие ростовщичества, банковского дела, экономические действия, разоряющие конкурентов, стали более возможными тогда, когда людей уже не мучили религиозные сомнения. По мнению Ч. Джорджа, «творческий характер пуританизма в ходе Английской революции, похоже, в наибольшей степени проявился не в толерантности, а в иррациональной пропаганде ненависти к иноверцам на основе идей Ветхого Завета в издававшихся в ходе гражданской войны карманных солдатских Библиях»¹³.

Существуют также трудности в объяснении перехода от раннего пуританизма, интересовавшегося богословскими вопросами, к пуританизму предреволюционных десятилетий XVII в., который приобрёл черты революционной идеологии. Американский историк У. Ламонт, строя объяснение фактически на основе филиации идей, высказал мнение, что существовал своего рода общий знаменатель, связывавший ранний пуританизм с революционным пуританизмом 1640-х годов. Эту связь он находил в миллениаристских и хилиастических настроениях, которые усиливались с 1640 г. и привели к «революционизации пуританизма»¹⁴. Телеологически мыслящие историки, зная, что в середине XVII в. в Англии произошла революция, считают нужным искать в пуританизме революционные черты, хотя выявить эмпирическим путём эти революционные черты в пуританизме тоже непросто, поскольку он не представлял собой единой идеологии: в нём было немало и консервативных черт.

¹³ Ibid. P. 102.

¹⁴ Lamont W. Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts // Past & Present. № 44. 1969. P. 133-135, 145.

М. И. Бацер справедливо отмечает, что среди современных исследователей широко распространены представления о неклассовой природе предреволюционных и революционных конфликтов в Англии XVI–XVII вв., а также религиозных движений этого времени. Придерживающихся такого подхода историков он называет представителями «неорелигиозного направления»¹⁵, хотя стоит заметить, что в рамках британской историографии оно не такое уж «новое»: позиции историков-традиционалистов среди исследователей религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв. не поколебались сколько-нибудь заметно. В результате влияния методологических подходов социальной истории, как подчеркнул Бацер, появился не-либеральный подход к пониманию Английской революции середины XVII в., который является «социологизированным вариантом либерального осмысления английской истории, в чём и состоит его отличие от классического либерального нарративного подхода»¹⁶.

М. И. Бацер также находит преемственность между «неорелигиозным» и т.н. ревизионистским направлением, появившимся в изучении истории Реформации и Английской революции в 1970–80-е гг. Представляется, что ревизионистское направление можно точнее охарактеризовать как современную стадию развития консервативного направления в этой предметной области. По мнению Бацера, «в качестве позитивной альтернативы социологической теории, призванной находить сущностные характеристики исторического контекста», ревизионистами «выдвигаются апелляция к очевидности, методологический эмпиризм, различные варианты “филиации идей”». Для ревизионистского направления характерно «расширение привлекаемого фактического материала, культивирование изощёренной критики источников, а также постоянное акцентирование научности своих построений, доходящее до своеобразного сциентизма»¹⁷. В эту формулировку стоит внести коррективы относительно использования понятия «сциентизм»: ревизионисты, не отрицая научности своих построений, наоборот, ставят под сомнение правомерность сциентизма социологизаторского толка в исторических

¹⁵ Бацер М. И. От Кальвина к Руссо. Историографические исследования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 101–102.

¹⁷ Там же. С. 62.

исследованиях, всячески подчёркивая роль случайности в истории, пытаюсь рассматривать исторические события и процессы как уникальное стечение обстоятельств, в чём просматривается влияние идей Р. Дж. Коллингвуда и М. Оукшотта. Методологическую программу одного из основателей ревизионистского направления К. Рассела Бацер называет «жёстким религиозно-политическим детерминизмом, социальным консерватизмом и методологическим эмпиризмом»¹⁸. Представляется, что здесь всё верно, с той лишь поправкой, что эти взгляды неуместно называть детерминизмом, поскольку ревизионисты, уделяя преимущественное внимание тому, что происходит в сфере религиозно-политической истории, и, считая, что проистекающие из этой сферы импульсы имеют решающее влияние на происходящее в обществе, при этом всячески подчёркивают принципиальную непредзаданность хода истории, отмечают своеобразную «креативность» исторического процесса, преподносящего сюрпризы участникам событий. По оценке Бацера, с которой можно согласиться, ревизионисты в 1980-е гг. «потеснили социологизирующую и либеральную историографию»¹⁹, хотя следует признать, что ревизионистские подходы не стали определяющими в изучении Реформации и Английской революции середины XVII в.

В свою книгу М. И. Бацер включил также статью («Тоуни или Керридж? Две интерпретации аграрной проблемы XVI века»), посвященную спорам об аграрных проблемах Англии XVI века, которые развернулись под влиянием работы Р. Тоуни²⁰. Здесь автор подверг справедливой критике консервативных британских историков за нежелание признать, что значительную роль в процессе генезиса капитализма в сельском хозяйстве Англии сыграли экспроприация трудового крестьянства, эвикция копигольдеров, депопуляция сельской местности, развитие огораживаний. Расправу с крестьянством консервативные историки прикрывали рассуждениями о том, что копигольд как вид держания не исчез, не желая заострять внимание на том, что с копигольда были вытеснены держатели крестьянского типа, поскольку за допуск к держанию в условиях повысившихся вступительных платежей-файнов мелкие крестьяне заплатить не

¹⁸ Там же. С. 103.

¹⁹ Там же. С. 62.

²⁰ *Tawney R. H. The Agrarian Problem in the XVI Century. L., 1912.*

могли. Копигольд стал формой предпринимательского землепользования. Продуктивность сельского хозяйства, его товарность в результате повысились, что для консервативных историков было критерием оправданности происходившего процесса, несмотря на превращение бывших копигольдеров-крестьян в бесправных, лишённых своего хозяйства сельскохозяйственных наёмных рабочих: судьба экономически малоомощного индивида для тех, кто думает в категориях мышления собственников, социологически безразлична, что и подчеркнул М. И. Бацер.

Ряд статей в своей книге Бацер посвятил рассмотрению проблем, связанных с анализом интерпретации истории Английской революции середины XVII в. («От нарратива к теории. Англо-американская историография Английской революции XVII в.», «Левеллеры против Кромвеля (1647–1649 г.)», «Тезис Барга-Хилла: необходимые возражения», «Спор об индипендентах» в английской и американской историографии XX века»). Автор — глубокий знаток этих вопросов, и данные статьи, думается, способствуют переосмыслению некоторых проблем истории Английской революции в отечественной историографии.

М. И. Бацер достаточно обоснованно полемизирует с мнением М. А. Барга²¹ о том, что выступление диггеров следует считать высшей точкой Английской революции. Такой подход способствует и более адекватной оценке движения левеллеров. Рассуждения же о том, что в 1649 г. лозунги диггеров с их пропагандой обобществления земли могли приобрести более широкое влияние в обществе, и в Англии могла бы установиться некая крестьянско-плебейская власть, по словам Бацера, «следует признать утопией»²² — надо иметь в виду, что хижины диггеров на холме Св. Георга в графстве Суррей разрушил не известный военачальник Т. Ферфакс, которому приказали это сделать, а разъярённые местные жители, не воспринимавшие идею общности имущества. Бацер приходит к выводу, что «крестьянско-плебейский блок во главе с диггерами («истинными уравнилителями») — противоречивая теоретическая конструкция, которой мало что соответствовало в реальной социально-политической

²¹ *Барг М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. М., 1967. С. 98, 131.

²² *Бацер М. И.* От Кальвина к Руссо... С. 147-148.

практике»²³. Бесспорно, в советской историографии, из идеологических соображений, значение движения диггеров в контексте событий английской истории середины XVII в. было преувеличено.

Переосмысление значения движения диггеров у М. И. Бацера увязано с важной мыслью о необходимости дать более высокую оценку идеям Джона Лильберна и политической программе левеллеров, и это можно оценить как убедительный и достойный образец применения принципа историзма. Если над исследователем не довлеют идейно-политические подходы, проявившиеся в работах историков советского времени, которые вели борьбу с пресловутой «мелкобуржуазностью», то становится возможным по достоинству отметить, какое важное общедемократическое значение имели идеи левеллеров. Как показал М. И. Бацер, социально-классовая позиция левеллеров не сводилась лишь к защите частной собственности, что им вменялось в вину М. А. Баргом и другими советскими историками. Левеллеры действительно защищали трудовую частную собственность, которую отрицали и отрицают разного рода левые радикалы — в советское время это могло звучать как политический (иногда даже не только политический) приговор. Джон Лильберн и его единомышленники предлагали впечатляющую для своего времени социальную программу, отвечавшую интересам широких кругов народа: «отмену десятины, ликвидацию монополий и акцизов, реформу налогообложения и судопроизводства, обеспечение работой бедняков, пенсиями — престарелых»²⁴. Но на реализацию этих мер не могли пойти буржуазия и крупные землевладельцы, интересы которых учитывали власти во главе с Кромвелем. Поэтому политическую судьбу левеллеров следовало бы осмыслить как трагедию действительно демократических сил в революции, которая повторяется в истории. Такое бывало неоднократно: сначала влиятельные силы в обществе разогревают народные надежды на построение справедливого, отвечающего интересам большинства народа политического и экономического строя, используют как политическую массовку самые широкие демократические силы для свержения существующего строя, а затем постепенно берут ситуацию в обществе под свой контроль и лишают народ революционных завоеваний.

²³ Там же. С. 163.

²⁴ Там же. С. 130.

М. И. Бацер представил также в книге содержательный очерк о подходах к изучению индипендентов²⁵. Он показал, что «западные историки усматривают в индипендентах или сторонников консервативной политической программы (Х. Тревор-Роупер), или радикализм (Дж. Юл), политический корпоративизм (П. Загорин) или религиозный конгрегационализм (Дж. Хекстер)»²⁶.

Следует отметить, что статьи и очерки в книге Бацера, особенно из числа тех, которые посвящены истории Англии, современной английской и американской историографии, наряду с содержащимся в них серьёзным научно-теоретическим содержанием и глубоким историографическим анализом, не лишены также литературного изящества. Удачные в стилистическом отношении выражения запоминаются, в некоторых случаях дополняют теоретические по содержанию тезисы статей образной формой их подачи читателю.

В некоторых очерках, включенных в книгу («Проблема человека и уравнивательные утопии», «Исторические взгляды Ипполита Тэна», «Реформационные тенденции в русском старообрядчестве XVII–XVIII вв.», «Английская революция: классы и личности» (рецензия на книгу М. А. Барга «Великая английская революция в портретах её деятелей». М., 1991), «Питирим Сорокин о "кризисе нашего времени"»), есть ряд суждений, которые звучат уже анахронично. В частности, М. И. Бацер считает важным «аргументированно противостоять идеологическим атакам буржуазии на дело революции вообще и французской в частности», зовет всё прогрессивное человечество отмечать годовщину взятия Бастилии²⁷. Хотя во вступительном слове автор отмечает, что «последние двадцать лет истории нашей страны — сначала Советского Союза, а затем СНГ и независимой Прибалтики — прошли под знаком переоценки всех ценностей», что «касается не только общественно-политической жизни, но также всех областей культуры и гуманитарного знания»²⁸, но после прочтения книги остается впечатление, что сам М. И. Бацер все прежние ценности переоценивать всё же не стал.

²⁵ Там же. С. 164-182.

²⁶ Там же. С. 182.

²⁷ Там же. С. 206.

²⁸ Там же. С. 3.

Автор высказывает мнение, что в современной отечественной историографии «дальнейшее развитие апробированной марксистской методологии желательно вести на путях разработки субъективного фактора истории общества, фактора, далеко не всегда учитывавшегося К. Марксом и Ф. Энгельсом»²⁹. М. И. Бацер, как глубоко мыслящий историк, чувствует, как видно по этим словам, что для понимания истории общества необходимо внимание к изучению творческой (или разрушительной) роли тех или иных политических сил, личностей. История — не предопределённый только лишь действием объективных факторов процесс. Живущие ныне поколения людей неоднократно наблюдали, как ход истории той или иной страны или мировой истории разворачивался в том или ином направлении. Если, для примера, рассмотреть историю нашей страны в XX веке с точки зрения марксистской методологии исторического развития, невозможно дать внятный, без пропагандистского переде́ргивания и подмены тезисов ответ ни на вопрос о том, почему в октябре 1917 года именно в России произошла революция, называемая социалистической, ни понять то, из-за чего в 1991 г. произошло крушение появившегося в результате этой революции государства под названием СССР: каким бы несостоятельным в экономическом отношении ни рисовали советский социалистический строй его критики, они не обращают внимания на то, как же до сих пор подобный строй существует, даже без заметной внешней поддержки, на Кубе и в Северной Корее. Разве в этих странах нет общественных противоречий и конфликтов, которые мешают «развитию производительных сил», просто тормозят их? Многим из тех событий, мир переживает в настоящее время, трудно найти объяснение на основе «апробированной марксистской методологии», которая учитывала бы «субъективный фактор в развитии общества».

В целом же новая книга М. И. Бацера, думается, займет достойное место на книжной полке историков-англоведов, историографов, и будет всем им полезна в работе.

²⁹ Там же.

Ю. Линник

ОПРАВДАНИЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

Пытаясь ободрить себя в канун сталинских репрессий, Борис Пастернак ищет в 1931 г. опору у Пушкина:

Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

История повторяется. Противостоит страху, поэт пишет — как бы продолжает и развивает процитированное:

Итак, вперёд, не трепеща
И утешаясь параллелью.

У аналогий есть иногда терапевтическая сила. Тогда было жутко, теперь тоже не по себе. Всё-таки легче, что это не впервые.

В новой книге М. Бацера проведены три параллели. Разные эпохи — разные страны — разные люди, но всё-таки очевидно действие единого алгоритма революций. Все три революции беспощадно расправились с царствующими особами. Читаем в книге: «Если в приведённых случаях (в Англии и во Франции) имела место хоть видимость суда над монархами, то у нас гибель Николая II и его семьи стала следствием прямого и недальновидного произвола». Различие не так уж и существенно. Важен инвариант: лютая жестокость революции.

Основное место в книге занимает тема Реформации. Вроде как далеко от России. Но замечательная особенность: исследованную в книге проблематику постоянно соотносишь с нашими русскими вопросами — они по-новому звучат в общеевропейском контексте. М. Бацер мастерски задаёт этот контекст. Читаешь его блестящие статьи и всё время намечаешь параллели, сравнения: что-то схожее случилось и на нашей почве — всё же у истории есть некая единая логика. Отсюда повторяемость коллизий.

М. Бацер многоаспектно исследовал знаменитый «тезис Тоуни–Вебера», суть которого заключается в установлении

¹ Бацер М. И. От Кальвина к Руссо. Историографические исследования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.

корреляции между протестантизмом и капитализмом. Ростовщичество искони считалось в христианской цивилизации греховным. Реформация благословила банковское дело. Экономика стран, отпавших от католицизма, пошла в гору. Изменился сам дух общества.

Нечто подобное назревало и на Руси. Буржуазные тенденции наметились в ней синхронно с Европой, но Иван Грозный пресёк их развитие. Это было откатом в феодализм. Самодержец тормознул нашу историю. Своей Реформации мы не знали. Правда, М. Бацер видит определённую параллель к ней в нашем старообрядчестве, его мысли на этот счёт могут показаться спорными, но их эвристичность несомненна. Читая его исследования, всё время ловишь себя на мысли: наша Выгореция в каких-то весьма существенных моментах похожа на ренессансную Флоренцию — столь же интенсивны духовные искания и столь же стремителен экономический подъём. Ещё А. Щапов называл денисовцев «чистыми протестантами». Речь идёт о братьях Денисовых, основавших Выговское общежитие. Эта аналогия получила у Бацера всестороннее весьма доказательное развитие. Хотя Италия осталась католической страной, но несомненно, что в её возрожденческих устремлениях есть созвучье с идеологией, которую развивали М. Лютер и Ж. Кальвин. В одном аспекте — ревнители старины, в другом плане — дерзкие новаторы: так сегодня мы видим выговцев. В это расширенное понимание Выгореции Бацер внёс неоценимый вклад.

Проблема утопического сознания особенно важна для России. Она показала на своём трагическом примере, как светлая утопия превращается в мрачную антиутопию. Это превращение фатально?

Сегодня мы не знаем ответа на данный вопрос. Он огромен по своей значимости. М. Бацер вносит свою лепту в его раскрытие. Впечатляет статья «Проблема человека и уравнивательные утопии». Это пример глубокого синтеза исторического и философского подходов. Дж. Локк, споря с декартовым учением о врожденных идеях, утверждал: человеческое сознание поначалу *tabula rasa*, т.е. чистая доска: социум может записать на ней что угодно. Говоря современному, осуществить программирование — или даже зомбирование — человеческой личности. О чём мечтали некоторые утопические мыслители? О том, чтобы найти нечто вроде влажной

тряпки, с помощью которой можно начисто стереть впечатления человеческой индивидуальности, а потом освободившееся место заполнить тем, что угодно режиму. Страшная перспектива!

Индивидуализм Реформации — и стереотип утопии: эта полярность очень существенна для европейской культуры. В России она получила своё преломление. По сути, мы до сих пор не сделали выбора.

Кто виноват? Что делать? М. Бацер не стремится однозначно ответить на эти вечные вопросы русской интеллигенции. Но даёт сильные импульсы для попыток их оптимального решения. За его текстами видится самостоятельный мыслитель-историософ. Надо подчеркнуть: учёный не подвержен преходящим влияниям — в своей методологии он удерживает позитивы марксизма. Чувствуется в его текстах отголосок «пражской весны» — вера в то, что всё-таки можно построить социализм с человеческим лицом. Это кажется несовместимым: приверженность либеральным ценностям — и в то же время неприятие буржуазности в её худших проявлениях. Но ведь и на так называемом научном коммунизме Бацер ставит крест!

Есть ли проход между Сциллой и Харибдой? Возможен ли пресловутый «третий путь»? Сегодня эти возможности не принято обсуждать. Но думается, что ещё будут востребованы идеи А. Сахарова о конвергенции капитализма и социализма, и лично для меня порукой здесь является мышление М. Бацера: в нём реально осуществился синтез всего лучшего, что есть в двух противоборствующих моделях мира. Место, которое М. Бацер занимает в современной историографической мысли, весьма необычно. Быть может, он маргинал. Но мы знаем, что истина часто оказывается именно за маргиналами, уклонившимися от однозначных схем и стандартов. В лице М. Бацера мы имеем глубокого и самобытного историка-мыслителя.

SUMMARIES

B. G. Mogilnitsky

“Anthropological turn”

in the context of macro-and micro-historical approaches

The article analyses specific features and limitations of macro-and micro-historical approaches in relation to the anthropological turn connected with the French school of ‘Annals’. The author points out differences in concepts, sources and conclusions that exist in macro-historical approaches to Russian history, especially the history of Russian revolution (works by A. S. Akhieser, V. P. Buldakov), and in synthetic macro- and micro-historical approaches based on gender and psychological history (I. Yu. Nikolaeva). The author advocates an ideal of objective, systematic historical knowledge that could be verified. It is emphasized that the method of the history of mentalities should be used correctly otherwise the image of the past would be distorted.

V. M. Khachatryan

Civilisations in the globalised world

The article discusses the existence of local civilizations in the globalised world. Various tendencies towards homogeneity and diversification are viewed in the contexts of mondialism, ‘the ‘clash of civilizations’, ‘globalization’ and ‘global barbarization’. The author presents a typology of civilizations, which helps to understand their new role as conglomerate regional systems.

N. A. Selunskaya

Civitas vs sumptus: continuity, crisis, laws

against luxury and the traditions of Italian civic community

The author analyses various approaches to the history of laws against luxury in Italian civic communities from Antiquity to the Renaissance and deals with the problems of continuity and crisis and their reflections in tradition and rhetoric of legislation. The author concludes that the evolution of this legislation, as well as its reflection in historical memory, and the problem of re-actualization and mythologization of these ideas should be studied not so much by historians of law but rather by intellectual historians or by scholars who study social history and the history of institutions.

S. V. Zanin

‘Utopia’ or ‘social ideal’: the history of concepts

The article by S. V. Zanin present a historical analysis of the concepts of ‘utopia’ and ‘social ideal’. In order to define correlation between these two terms the author shown what meaning they had for numerous scholars. Zanin follows historical changes in the interpretation of both concepts and asks the question: which term should be used when analysing the phenomenon of utopia.

S. V. Seliverstov

The Russian emigration of the 1920s and the roots of Eurasian ideas: intellectual continuity or political context?

The author analyses numerous trends of the Russian emigres' political thought and discusses the historical and ideological context of Eurasian movement, and its links with traditions of Slavophiles and neo-Slavophiles, Pochvenniki, conservatives, narodniks, but first of all, with the ideas by N. Ya. Danilevsky and K. N. Leontiev.

S. V. Artamoshin

The Intellectual movement of 'conservative revolution' as an alternative to Weimar system in Germany

The article is dedicated to the search for a right-wing nationalist alternative to Weimar Republic and to liberalism. It was based upon the ideal of Prussian State and its military elite cleaned of all bourgeois characteristics. The author analyses the membership of the "June Club", their views and political actions as well as their concepts of 'Prussian socialism' and the 'Third Reich', and the idea of restoring the integrity of German history.

O. V. Vorobyeva

'I had always wanted to see the other side of the Moon':

A. J. Toynbee in the 1950-70s

The article analyses works by Toynbee and their reception during the last twenty years of his life. The author demonstrates the transformation and evolution religious, philosophical and anthropological views of Toynbee, his interest towards new ideas and new approaches to history as well as his reflections of world politics of the 1950–70s. The author shows correlation between changes in Toynbee's worldview and his search for new forms of historical synthesis.

L. R. Khout

Vilchek's algorithms, or a Russian intellectual of the transitional period

The article presents the author's memories of the late Russian thinker V. M. Vilchek. Starting from memoirs the author then reflects on the experiences of Russian intelligentsia during the transitional period of the 1990s. L. R. Khout analyses the concept of 'historical technologies' by Vilchek that had been set as an opposition to the Marxist theory of formations.

D. A. Chernienko

Historian and Time (academic correspondence of Professor V. E. Meyer)

The author dedicates the article to the biography of an eminent Russian scholar V. E. Meyer who specialized of Herman history and worked mostly in the Udmurtia State University. The author uses the biographical approach and the main sources are the letters by Mayer as well as memoirs of his colleagues.

A. V. Khazina

“Ratio” as the core of “religio” in teaching of a Stoic philosopher Posidonius

The article by A. V. Khazina is dedicated to the rise of various types of rationality in the Ancient philosophical discourse. The author focuses her research on philosophical concepts by Posidonius who belonged to the Middle Stoa. The analysis of translated fragments of Posidonius’ works leads author’s translation of Posidonius’ fragments leads to the conclusion that when religion turned into an object of philosophical reflection, it got additional theoretical basis of the Stoical Platonism conception. The Posidonius’ philosophy of religion focuses on the definition of the essence of Mantic, Astrology, Demonology, as well as their taxonomy and classifications. As a result a deductive type of rationalism was produced; it was quite certain types of mysticism.

M. S. Petrova

Cassiodorus and the reception of *Ars grammatica* by Donatus

The article presents detailed analysis of grammatical texts by Elius Donatus (c. 350) and Cassiodorus (480 / 490–583). The author compares the *Ars grammatica* by Donatus with so called grammatical texts by Cassiodorus — *De orthographia* and *De grammatica* from his *Institutiones* — shows to what extent Cassiodorus used the text by Donatus and point out to the latter’s influence over the medieval author. It is concluded that Cassiodorus referred to an authority — to Donatus but in fact preferred another, later text to *Ars grammatica*, although the definitions by Donatus were included in his work.

M. M. Gorelov

The image of the end of the world in the “Sermon of the Wolf to the English” by Archbishop Wulfstan of York

The author analyses a homiletical text of the early 11th c. It is shown that at the early Middle Ages the views of historical time, especially at the crucial points of political history, were colored by Christian eschatological ideas. The author demonstrates it by comparing the ‘Sermon’ with another medieval text by Gildas that had been written few centuries earlier.

A. S. Usachev

An Old Russian Scholar: an author, an editor, or a compiler? (the Book of Degrees)

The article analyses one of the most important Russian historical texts of the 16th century — the Book of Degrees — and discusses the problem of authorship in the Middle Ages. It is shown that the same Russian scholar who belonged to the circle of metropolitan Makarij could act as the author of the concept of the Book, as a leader of the team of writers, as an author of important texts, as well as editor and compiler.

A. V. Yudin

“Historiographical epochs” in Ancient Studies

The author deals with the history of Ancient Studies and offers its periodization by ‘epochs’. Each of them reflects important stages in the historiography of Antiquity. The author emphasized links between those stages and intellectual, philosophical and cultural contexts of relevant historical periods.

S. I. Murtusaliev

Bulgarian and Turkish themes in the ‘History’

by N. M. Karamzin and the historian’s ‘secrets of the trade’

The article is focused on Karamzin’s studies of the history of Slavonic nations of the Balkans. These studies were extremely important since at the early 19th century Balkan and Slavonic studies in Russia had just emerged and the knowledge of this subject was scant. Karamzin’s Slavonic studies were heavily influenced by the politics of the region: the Turkish control and Slavonic liberation movement.

A. P. Belikov, A. A. Elagina

Tacitus in Russian historiography before 1917

The article demonstrates stages in studying the works by Tacitus in Russia prior to 1917 and reviews their Russian translations. Authors analyse discussions on the Roman historian, show strong and weak points of the studies as well as the problems that attracted attention of Russian scholars.

Yu. Ya. Vin

Collective forms of devotion in Byzantine village, 13-15th centuries

The article presents a study of religion and devotional practices in late Byzantine village. The author analyses documents and narratives and demonstrates that the ideas of communal solidarity were vital for late Byzantine village. Petitions and donations by the villagers, their collective actions — although reflecting their social diversity — point out to the sense of unity preserved by the villagers. This factor helped to preserve communal principles of life until the last period of Byzantine history.

Yu. E. Barlova

The system of poor relief in England in the 17 – early 19th centuries and the construction of narratives on the ‘old poor laws’

The article is dedicated to the debates about the poor laws in England that were linked to the Poor Law Amendment Act of 1834. This Act repealed subsidies to the poor and was focused on workhouses thus changing radically British social policy. The author analyses the ‘discourse of ‘the poor’ in the 17-19th cc. texts and works by intellectuals who criticized the subsidy system and explained poverty by personal deficiencies of the poor. The article shows correlation between the ‘Whig narratives’ that had been construed before the reform of 1834 and the ‘old Poor Laws’ as political, legal and social phenomenon. The author demonstrates the traditions of Whigs and revisionist narratives on the history of poverty and unemployment in the British historiography of the 20th c.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория исторического знания

- Б. Г. Могильницкий*
«Антропологический поворот» в свете антитезы макро- и микроисторических подходов..... 5

Цивилизации в историческом контексте

- В. М. Хачатурян*
Цивилизации в мировом глобализирующемся пространстве..... 29

Из истории идей, понятий, представлений

- Н. А. Селунская*
Civitas vs sumptus: континуитет, кризисы, законы против роскоши в традиции гражданской общины Италии..... 49

- С. В. Занин*
«Утопия» или «общественный идеал» (к истории понятий)..... 69

- С. В. Селиверстов*
Истоки евразийства в представлениях российских эмигрантов 1920-х годов: интеллектуальная преемственность или ситуативная обусловленность?..... 91

- С. В. Артамошин*
Интеллектуальное течение «консервативной революции» в поисках альтернативы Веймарской системы Германии..... 103

История через личность

- О. В. Воробьева*
«Мне всегда хотелось увидеть другую сторону луны»: А. Дж. Тойнби в 1950–1970 годы..... 116

- Л. Р. Хут*
Алгоритмы Вильчека, или российский интеллектуал в эпоху перемен 148

- Д. А. Черниенко*
Историк и время (из научной переписки профессора В. Е. Майера).... 166

Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков

- А. В. Хазина*
“Ratio” как основа “religio” в философской концепции стоика Посидония..... 176

- А. В. Палицын*
О мученичестве св. Климента Римского по данным «Церковной истории» Евсевия Кесарийского..... 187

- М. С. Петрова*
Рецепция Донатовой “Ars Grammatica” Кассиодором Сенатором..... 196

- М. М. Горелов*
Представления о конце света (по «Проповеди волка англам» архиепископа Вульфстана)..... 208

- А. С. Усачев*
Древнерусский книжник: автор, редактор или составитель? (На материале Степенной книги)..... 224

История исторической науки

<i>А. В. Юдин</i> «Историографические эпохи» в истории изучения античности.....	240
<i>С. И. Муртузалиев</i> Болгаро-турецкие сюжеты в «Истории» Н. М. Карамзина и «кухня» историографа.....	263
<i>А. П. Беликов, А. А. Елагина</i> Тацит в отечественной историографии до 1917 года.....	274

В пространстве социальной истории

<i>Ю. Я. Вин</i> Благочестие в поздневизантийской деревне (XIII–XV вв.): коллективные формы.....	286
<i>Ю. Е. Барлова</i> Система социальной помощи в Англии XVII – первой половины XIX вв. и конструирование нарративов о «старом законодательстве о бедных»...	297

Проблемы преподавания

<i>А. В. Бочаров</i> Использование табличных и графических средств математической логики в репрезентации исторической информации.....	319
---	-----

Публикации

<i>Е. М. Макаренкова</i> Д. П. Рябушинский. Из истории русской зарубежной науки.....	327
---	-----

Читая книги

<i>Г. А. Янковская</i> Анти-Хаксли, или Миссия выполнима.....	335
<i>В. П. Корзун, Д. М. Колеватов</i> На первый-второй рассчитайсь: человек второго плана как исследовательский проект.....	342
Рецензия на кн.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 360 с.....	358
<i>И. В. Семеновко-Басин</i> Новомученики Российские: содержание термина.....	367
<i>В. Н. Ерохин</i> «Своим взглядам по-прежнему верен»: размышления в связи с новой книгой М. И. Бацера.....	375
<i>Ю. Линник</i> Оправданные параллели.....	388
Summaries.....	391
Содержание.....	395
Contents.....	397

CONTENTS

Theory of history

- B. G. Mogilnitsky*
“Anthropological turn” in the context
of macro- and micro-historical approaches..... 5

Civilizations in historical context

- V. M. Khachatryan*
Civilisations in the globalised world..... 29

History of ideas and concepts

- N. A. Selunskaya*
Civitas vs sumptus: continuity, crisis, laws
against luxury and the traditions of Italian civic community..... 49

- S. V. Zanin*
‘Utopia’ or ‘social ideal’: the history of concepts..... 69

- S. V. Seliverstov*
The Russian emigration of the 1920s and the roots of Eurasian ideas:
intellectual continuity or political context?..... 91

- S. V. Artamoshin*
The intellectual movement of ‘conservative revolution’
as an alternative to Weimar system in Germany..... 103

History through personality

- O. V. Vorobyeva*
‘I had always wanted to see the other side of the Moon’:
A. J. Toynbee in the 1950–70s..... 116

- L. R. Khout*
Vilchek’s algorithms, or a Russian intellectual of the transitional period..... 148

- D. A. Chernienko*
Historian and Time (academic correspondence of Professor V. E. Meyer)..... 166

Intellectual traditions of the Antiquity and the Middle Ages

- A. V. Khazina*
“Ratio” as the core of “religio” in teaching of a Stoic philosopher Posidonius.. 176

- A. V. Palitsyn*
‘Ecclesiastical History’ by Eusebius of Caesarea on the martyrdom
of St Pope Clement..... 187

- M. S. Petrova*
Cassiodorus and the reception of Ars grammatica by Donatus..... 196

- M. M. Gorelov*
The image of the end of the world in the “Sermon of the Wolf to the English”
by Archbishop Wulfstan of York..... 208

- A. S. Usachev*
An Old Russian Scholar: an author, an editor, or a compiler?
(the Book of Degrees)..... 224

History of historiography

<i>A. V. Yudin</i> “Historiographical epochs” in Ancient Studies.....	240
<i>S. I. Murtusaliev</i> Bulgarian and Turkish themes in the ‘History’ by N. M. Karamzin and the historian’s ‘secrets of the trade’.....	263
<i>A. P. Belikov, A. A. Elagina</i> Tacitus in Russian historiography before 1917.....	274

In the field of social history

<i>Yu. Ya. Vin</i> Collective forms of devotion in Byzantine village, 13-15 th centuries.....	286
<i>Yu. E. Barlova</i> The system of poor relief in England in the 17 – early 19 th centuries and the construction of narratives on the ‘old poor laws’.....	297

Teaching history

<i>A. V. Bocharov</i> The use of tables and graphs in the representation of historical information.....	319
--	-----

Publications

<i>E. M. Makarenkova</i> D. P. Ryabushinsky. The history of Russian scholarship in exile.....	327
--	-----

Reading books

<i>G. A. Yankovskaya</i> Anti Huxley, or Mission Possible	335
<i>V. P. Korzun, D. V. Kolevatov</i> A person on the background as a research project.....	342
Reviews: Medushevskaya O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008.....	358
<i>I. V. Semenenko-Basin</i> New Russian Martyrs: the meaning of a term.....	367
<i>V. N. Erokhin</i> ‘Still faithful to his beliefs’: reflections on the new book by M. I. Batser.....	375
<i>Yu. Linnik</i> Justified parallels.....	388
Summaries.....	391
Содержание.....	395
Contents.....	397